

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2024. № 6(186)

Научно-практический журнал
Выходит 6 раз в год

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.acjournal.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2024
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — доктор экономических наук, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, проректор по науке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — доктор экономических наук, профессор, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), председатель редакционного совета;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Doctor of Science (Economics), Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPА, State Councilor of the Russian Federation of the 1 class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — Candidate of Technical Sciences, Vice-Rector for Science of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Director of the North-West Institute of Management of the RANEPА (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

8 ХЛУТКОВ А. Д.

Несколько замечаний к верификации категории «комплексные, системные реформы» применительно к 2025 году

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

9 ХЛУТКОВ А. Д., МЕЖЕВИЧ Н. М.

«Новая география» российского Северо-Запада — внешние вызовы для управленческих практик

18 ЕЛСУКОВ М. Ю., КИРИЛЛОВА Н. Н.

Методическое обеспечение разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований в России

ИССЛЕДОВАНИЯ, СТРАТЕГИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

29 БОЙКО И. В.

Методологические принципы пространственного развития экономики

42 ПЕЧЕРИЦА Е. В., ОРОБЧЕНКО Д. М.

Проблемы методологии оценки теневой экономики

63 СЕРЕГИНА А. А.

Проблемы достижения и основные принципы реализации справедливого энергетического перехода в контексте обеспечения энергетической безопасности

73 РУМЯНЦЕВА С. Т.

Сфера культуры в системе стратегического планирования социально-экономического развития региона

87 ЕГОРОВА Н. Ю., МИГУНОВА А. В., РЫБКИНА А. В.

Границы семейного благополучия в фокусе практики социальной работы

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

99 БАХЛОВА О. В., МАКШАЕВА Е. Н.

Тема волонтерства в политическом дискурсе (по материалам официальных сайтов Президента России и парламентских партий)

114 НГУЕН ДЫК КЫОНГ, ТЫ ТХИ ТХОА

Реформирование политической системы как необходимое условие обеспечения политической стабильности в современном Вьетнаме

128 РАЩИКОВ А. А.

Государственные инструменты протекционизма в российской промышленной политике: теория и практика

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

- 137 ПРЯНИКОВА А. А.**
Деятельность международных институтов по обеспечению продовольственной безопасности
- 153 БОГАТЫРЕВ И. С., ЦАЦУЛИН А. Н.**
Экономический подход к анализу субстрата человеческого фактора и измерению рисков его образующих
- 176 ШУМИЛОВ М. М.**
МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски. Часть 1
- 196 ХОЛДОЕНКО А. М.**
Продовольственное обеспечение и продовольственная безопасность населения стран мира в условиях изменения миропорядка: управленческие аспекты
- 203 КОТОВ А. И., ПОЛЯНСКАЯ С. В., УЛЬЗЕТУЕВА Д. Д.**
Изменение влияния экономических факторов на образование в Российской Федерации за 2000–2022 гг.
- 219 ЗАХАРКИНА Т. Н., ЯНАК А. Л.**
Категоризация семейных услуг в российском сегменте онлайн-пространства (на примере аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте»)
- 229 ЧИСТЯКОВ А. В.**
Протурецкие исламские организации во Франции как инструмент «мягкой силы» Турецкой Республики

A LINEA

- 240 АВЕРЬЯНОВ А. О.**
Управление развитием искусственного интеллекта в России через призму теории и методологии стратегирования

ГОДОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ

- 255** Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2024 г.

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8 ANDREY D. KHLUTKOV**
A Few Comments on the Verification of the Category "Comprehensive, Systemic Reforms" in Relation to 2025

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

- 9 ANDREY D. KHLUTKOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
"New Geography" of the Russian North-West — External Challenges for Management Practices
- 18 MIKHAIL Yu. ELSUKOV, NADEZHDA N. KIRILLOVA**
Methodological Support for the Development of Strategies for the Socio-Economic Development of Municipalities in Russia

RESEARCH, STRATEGIZING AND MANAGEMENT OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SYSTEMS

- 29 IRINA V. BOIKO**
Spatial Economy and its Methodological Building Blocs
- 42 ELENA V. PECHERITSA, DANIIL M. OROBCHENKO**
Methodological Issues in Shadow Economy Estimation
- 63 ANTONINA A. SEREGINA**
Challenges and Basic Principles of Implementation of Fair Energy Transition in the Context of Energy Security
- 73 SVETLANA T. RUMYANTSEVA**
The Sphere of Culture in the System of Strategic Planning of Socio-Economic Development of the Region
- 87 NADEZHDA Yu. EGOROVA, ARINA V. MIGUNOVA, ALINA V. RYBKINA**
The Boundaries of Family Well-Being in the Focus of Social Work Practice

PUBLIC ADMINISTRATION AND POLITICAL PROCESSES

- 99 OLGA V. BAKHLOVA, EVGENIA N. MAKSHAeva**
Volunteering in the Political Discourse (Based on the Materials of Official Websites of the President of Russia and Parliamentary Parties)
- 114 NGUYEN DUC CUONG, TU THI THOA**
Reforming the Political System as a Necessary Condition for Ensuring Political Stability in Contemporary Vietnam
- 128 ANDREY A. RASHCHIKOV**
State Instruments of Protectionism in Russian Industrial Policy: Theory and Practice

SOCIAL DEVELOPMENT: HISTORICAL, NATIONAL, INTERNATIONAL AND GLOBAL ASPECTS

- 137 ALINA A. PRYANIKOVA**
International Institutions Activity in the Field of Food Security

- 153 ILYA S. BOGATYREV, ALEXANDER N. TSATSULIN**
An Economic Approach to the Analysis of the Human Factor Substrate and the Measurement of the Risks that Form it
- 176 MIKHAIL M. SHUMILOV**
INSTC: Geopolitical Challenges and Risks. Part 1
- 196 ARTUR M. HOLDOENKO**
Food Supply and Food Security of the World's Population in the Conditions of Changing World Order: Management Aspects
- 203 ALEXANDER I. KOTOV, SVETLANA V. POLYANSKAYA, DARIMA D. ULZETUEVA**
Changing the Influence of Economic Factors on Education in the Russian Federation for 2000–2022
- 219 TATYANA N. ZAHARKINA, ALINA L. YANAK**
Categorization of Family Services in the Russian Segment of Online Space (on the Example of "VKontakte" Page Accounts)
- 229 ALEXEY V. CHISTYAKOV**
Pro-Turkish Islamic Organizations in France as a Tool of the "Soft Power" of the Turkish Republic

A LINEA

- 240 ALEKSANDR O. AVERYANOV**
Managing the Development of Artificial Intelligence in Russia through the Prism of Theory and Methodology of Strategizing

ANNUAL CONTENT

- 255** Content of the Journal "Administrative Consultation" for 2024

Несколько замечаний к верификации категории «комплексные, системные реформы» применительно к 2025 году*

A Few Comments on the Verification of the Category "Comprehensive, Systemic Reforms" in Relation to 2025

Ключевая проблема российских реформ заключается в том, что их практически невозможно осуществлять одновременно по всей стране. Дело даже не в том, что получается «Россия разных скоростей». Эффективность ограничивается пространственными различиями и региональной историей. Потому что сама страна настолько разная, что одни и те же управленческие действия вызывают разные последствия. Приведем пример из прошлого, хорошо иллюстрирующий настоящее. Всем известна дата отмены крепостного права — 1861 г. Но на части территории Российской империи крепостного права не было вообще, а в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях оно было отменено в 1815–1816 гг. Историки об этом хорошо знают, но вопросы управления — это не только история, но и экономика, политология и, собственно, наука управления. Ключевое управленческое решение, успешное для Северного Кавказа, может дать вполне понятный, но отрицательный результат в других регионах, например на Дальнем Востоке. Миграционная политика дает разные результаты в зависимости от региона. Демографическая политика — сложнейшая задача. Но и здесь возникает вопрос дифференциации мер поддержки и мер защиты, исходя из конкретного региона. Вопросы региональной безопасности столь же дифференцированы. Даже Северо-Запад России — это весь спектр пространственного разнообразия, от европейского Петербурга до Северного Урала, к Европе относящегося весьма условно. Эффективность управления — это движение к общей цели, но средства ее достижения могут и должны быть различны. Это обеспечит выигрыш и в скорости, и в затраченных средствах.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, председатель редакционного совета*

* Продолжение. Начало: Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 8.

«Новая география» российского Северо-Запада — внешние вызовы для управленческих практик^{1, 2}

Хлутков А. Д.¹, Межевич Н. М.^{2, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Географические условия создают жесткие ограничители для управленческих практик. География физическая — трудно преодолимая рамка для любых управленческих решений. Однако экономическая и особенно политическая география существенно более динамична, географические условия, постоянные и переменные, требуют своего учета в управлении. Пограничное положение может быть большим благом, и три десятилетия было именно так. Сегодня пограничное или приграничное положение — серьезное обременение, военные риски и дополнительные расходы. Все это относится к категории внешних вызовов для системы национального управления.

Ключевые слова: Балтийско-Скандинавский регион, Балтика, Северо-Запад, управление, Санкт-Петербург, Ленинградская область

Для цитирования: Хлутков А. Д., Межевич Н. М. «Новая география» российского Северо-Запада — внешние вызовы для управленческих практик // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 9–17.

“New Geography” of the Russian North-West — External Challenges for Management Practices

Andrey D. Khlutkov¹, Nikolay M. Mezhevich²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Geographical conditions create hard constraints for management practices. Geography is physical — a difficult frame to overcome for any management decisions. However, economic and especially political geography is significantly more dynamic, geographical conditions, constant and variable, require their consideration in management. Borderline position can be a great boon, and three decades has been just that. Today, the border or frontier situation is a serious burden, military risks and additional costs. All this belongs to the category of external calls for the national management system.

Keywords: Baltic-Scandinavian region, Baltic, North-West, management, St. Petersburg, Leningrad region

For citing: Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. “New Geography” of the Russian North-West — External Challenges for Management Practices // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 9–17.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024–0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

² Работа выполнена в рамках плановой научной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС).

Тридцать три года — это немного для государства. Для России это практически непрерывный период реформирования, однако парадоксальным образом время системных реформ наступило только сейчас. Думается, можно было бы и еще подождать, однако СВО показала не только наши очевидные достижения, но и очевидные слабости. Сила и слабость имеют не только свою историю, но и географию. Регионы страны могут быть как донорами, так и акцепторами не только в экономике, но и в вопросах безопасности. При этом статус, возможности, потенциал регионов постепенно меняются.

Классические американские учебники по маркетингу приводят пример рекламной ошибки. Хотите продать товар — указывайте адрес вашего магазина. Ссылки на то, что он основан вашим прадедушкой и стоит на том же месте, как и 100 лет назад, не изменят то, что за 50 лет провинциальный городок превратился в город-миллионер, и лишь 10% жителей имеют здесь могилы родителей, не говоря уже о предшествовавших поколениях.

Адаптируя данный тезис к задачам статьи, отметим, что, во-первых, любые решения стоит принимать, основываясь на определенной сумме знаний, накопленном опыте, данных социологических замеров и статистических исследований. Во-вторых, саму сумму знаний следует постоянно перепроверять, ибо то, что казалось вечным, или, по крайней мере, постоянным, на самом деле таковым не является. Классический пример российско-финских отношений. Условная модель «2000–2014 гг.» казалась настолько взаимовыгодной, что предположить возможность ее изменения не представлялось возможным. Тем не менее это произошло. Причем, когда это произошло, экспертное сообщество быстро пришло к выводу о том, что на самом деле предпосылки для качественного ухудшения российско-финских отношений были.

Применительно к Ленинградской области, Санкт-Петербургу мы можем сказать, что география физическая как набор условий осталась неизменной, Финский залив и остров Гогланд находятся примерно там, где они и появились после окончания последнего периода оледенения. Экономическая география также достаточно консервативна, хотя она меняется постоянно. Наибольшие изменения происходят в географии политической и военной. Иными словами, физическое пространство относительно стабильно. Экономическое пространство изменяется в десятилетиях, политическое пространство и военно-политическое пространство могут измениться за пять минут. Это происходило в 1918, 1940, 1945, а также в 1991, и наконец, в 2022 г.

Да, экспертное сообщество предполагало вступление Финляндии в НАТО, но лишь юридическое оформление этого факта привело к изменению нашего военно-политического пространства Северо-Запада.

В свою очередь экономические процессы перестройки системы хозяйственных связей начались существенно раньше. Проекты экономического сотрудничества России и ее Северо-Запада с Прибалтикой начали свертываться примерно с 2008 г., однако с Финляндией эта тенденция проявилась существенно позже.

Санкт-Петербург и Ленинградская область имеют особое приграничное географическое положение в сочетании со столичными функциями и особым политическим и экономическим статусом. Именно это делает эти субъекты уникальными в рамках Российской Федерации и создает если не уникальные, то нетипичные вызовы для региональных и национальных систем управления.

Для этого вывода есть следующие основания.

1. Ленинградская область и Санкт-Петербург — стратегически важная территория с момента возвращения в состав России и создания новой столицы.

2. Ленинградская область и Санкт-Петербург — фактически двуединый субъект федерации, имеющий выход к Балтике, с государственными границами с двумя странами НАТО, не просто демонстрирующими открытую враждебность России, но и непосредственно угрожающими военным нападением на военные и гражданские объекты Северо-Запада.

3. Ленинградская область и Санкт-Петербург обладают мощной системой транспортных связей с остальной частью страны, в том числе уникальные внутренние водные пути.

4. Санкт-Петербург и Ленинградская область — это примерно 100 000 км², это очень мало по сравнению с большинством субъектов Российской Федерации, однако это территория Эстонии и Латвии вместе взятые. Сугубо маленькая по территории (только лишь Эстония плюс Латвия по размеру), наша область имеет границы сухопутные и морские с Эстонией и Финляндией.

5. Санкт-Петербург и Ленинградская область через систему внутренних водных путей и железных дорог обеспечивают географическую и экономическую связанность как минимум европейской России.

6. После распада СССР наш выход к Балтике сократился почти в 10 раз. После кризиса 90-х наша торговля начала стремительно расти, но кольцо новых границ отрезало страну от традиционных партнеров. Восстановление хозяйственных связей прошло успешно, активно использовалась инфраструктура Прибалтики и Финляндии. В настоящее время это невозможно как с политической, так и с экономической точки зрения. Экономическое сотрудничество с Прибалтикой и Финляндией при сохранении их политических режимов не представляется возможным. Однако сегодня вложения в «западный вектор» в торговле и соответствующую инфраструктуру бессмысленны.

7. Качественно усилился арктический вектор в развитии Северо-Запада. Уже Петру Великому было очевидно, что город его имени занимал положение, которое отнюдь нельзя считать центральным, но при этом обеспечивал выход на север, еще не именуемый Арктикой. Старинные поморские области с богатыми торговыми городами Архангельском, Вологодой, Великим Устюгом, Каргополом играли тогда в экономике России большую роль. Транспортные связи Петербурга с внутренними районами страны хорошо вписались в речную сеть, служившую в то время главным средством транспорта громоздких товаров, и постепенно совершенствовались. Конечно же, важнейший этап развития движения на Север по воде — это строительство Беломорско-Балтийского канала [4, с. 8–9].

Таким образом, Санкт-Петербург находится на пересечении нескольких экономических пространств: он встроен не только в российское экономическое пространство, но и в «малое» пространство Северо-Запада. С другой стороны, Петербург — часть экономического пространства мира и Европы, что в настоящее время трудно реализуемо. Санкт-Петербург — неотъемлемая часть экономического пространства не только региона Балтийского моря, но и европейской части российской Арктики, которая тоже может и уже является частью системы международного сотрудничества. «Санкт-Петербург нужен России как главный организующий центр обширной контактной зоны — как северо-западный „вход“ в Азиатско-Тихоокеанский регион европейско-американской хозяйственной зоны и соответствующий „выход“ из нее» [2].

Российская Арктика, особенно ее европейская часть, опиралась на Санкт-Петербург не только как столицу империи, но и на Ленинград как столицу «Главсевморпути». Особый статус Санкт-Петербурга подтверждается наличием здесь особых, специализированных судостроительных производств, специализированных НИИ и КБ.

В этих условиях стратегическое положение Ленинградской области на рубеже 2022 г. существенно изменилось. Если до 2022 г. город и область можно было

рассматривать как своеобразный аванпост, выдвинутый на Запад, то сегодня это скорее крепость, останавливающая потенциальную агрессию противника с западного и северо-западного направления.

Масштаб военно-политических вызовов 2024 г. напоминает 1939 г., что заставляет нас задуматься и о корректировке систем регионального управления.

Подчеркнем, методологическая сложность рассмотрения регионального управления, по возможности без федерального, нам понятна. Однако именно такой подход нам представляется единственно возможным, так как новая экономическая и политическая ситуация вызывает различные вызовы в различных регионах России.

Рассмотрим эти положения подробнее. Территория современных Ленинградской области и Санкт-Петербурга изначально является частью нашего цивилизационного пространства. Даже если не опираться на норманнскую теорию происхождения Руси, Ладога, Псков и Новгород старше Санкт-Петербурга на тысячу лет. Новая Россия действительно уделяла основное внимание отношениям с западными странами. Петр Великий, вернув Россию на Балтику, как известно, не ограничился устьем Невы. В результате внешняя торговля империи на Балтике закономерно сосредоточилась в новых гаванях Ревеля, Риги. «С давних пор (Новгород и Псков в древности, а ныне Петербург, Рига и Ревель) эти прибалтийские части России служили и ныне служат торговыми путями для сношений с Западною Европою, а потому здесь давно развился дух предприимчивости, который и привлек к учреждению многих фабрик и заводов» [8, с. 23].

Эта особая связь с Европой была объективно вынужденной, но выгодной. «Российский интерес к Европе в новых условиях связан с рядом причин как внутреннего, так и внешнего характера. Хотя Россия все больше сосредотачивается на самой себе, она стремится избежать международной изоляции, которую просто не может себе позволить. Более того, тесное взаимодействие с внешним миром является необходимым условием реорганизации России и ее развития. Европа не только близка, но и чрезвычайно важна с экономической точки зрения» [10, с. 279].

Еще в 2010 г. мы работали, исходя из того, что Санкт-Петербург — историческое окно России на Запад, при этом Балтийское море формирует для России ключевую площадку взаимодействия с Европой. Таким образом ставилась и, казалось, успешно решалась задача сделать Балтийское море ключевым пространством нашего взаимодействия с Европой [3, с. 101–111].

При этом с точки зрения хозяйственного освоения в ста километрах от Санкт-Петербурга на восток начинается тайга. Отметим также, что двуединый субъект не имеет конкурентов по масштабу экономического, политического, транспортного значения в рамках Северо-Западного федерального округа. Отметим, что такая ситуация относительно редка. В Уральском, Сибирском, особенно в Дальневосточном федеральном округе конкуренция различных центров присутствует и хорошо изучена.

Однако стратегии регионального развития субъектов СЗФО существенно отличаются. Только Санкт-Петербург/Ленинградская область и Калининградская область сделали еще в 90-е гг. стратегическую ставку на внешнеэкономические связи, транзит, международное разделение труда. Калининградская область — особый случай. Возможности эксклава ограничены изначально, потенциал развития этого субъекта оказался слишком зависимым от внешних условий, а территория России и Беларуси, с которой можно было бы налаживать связи, отрезана Сувалкским коридором. Рассматривать Калининградскую область в одной системе координат с Санкт-Петербургом не следует.

Что же касается Санкт-Петербурга и Ленинградской области, то после закономерного, подчеркнем, абсолютно закономерного увлечения внешними связями,

начали восстанавливаться связи с внутренними регионами и международные транспортные регионы (МТК). Авторы считают, что перспективы социально-экономического развития России достаточно зависимы от общей ситуации на Балтике и успешности выполнения Санкт-Петербургом и Северо-Западом своих транзитных и внешнеторговых функций. В текущих условиях это предполагает, что пришло время восстановления и качественного укрепления внутренних хозяйственных связей, единого экономического пространства.

Теоретические исследования показывают тесную корреляцию между транспортными связями и экономическим, особенно промышленным, развитием. Транспорт также играет ведущую роль в моделях сетевого роста, объясняющих экономическое развитие страны, и затем, при благоприятных условиях, ее вхождение в мировую экономику [12].

Транспорт, играя значимую роль в развитии экономики региона, по праву считается ключевым фактором, обеспечивающим экономическое и социальное развитие. Транспортная инфраструктура играет важнейшую роль в интеграции регионального рынка, обеспечивая физический доступ ко всем составляющим экономической системы. В этом контексте Северо-Запад требует особого внимания федеральных властей, а также соответствующих приоритетов в субъектах федерации. Укажем на то, в чем заключается вызов геополитической и геоэкономической изоляции. Для внутриконтинентальных стран (Landlocked countries) зависимость от транзита оборачивается тем, что они из-за повышенных транспортных издержек не могут использовать внешнеторговые связи для целей развития национальной экономики в той степени, в какой это могут приморские государства [5]. Однако этот тезис работает не только в масштабе страны, но и в масштабе территорий.

Изменение вектора внешних связей и переключение на приоритет внутреннего рынка уже было в истории региона. Эта ситуация уже была в истории Северо-Запада, к примеру, после 1920 г. Как отмечал профессор В. В. Покшишевский, «до революции город находился в экономически крайне слабо развитом крае, служившем лишь „транзитной средой“ для питания нашего города теми видами сырья, которые он не получал из-за границы; в советское же время Ленинград оказался расположенным в быстро развивающемся, в частности, промышленно развивающемся, крае» [9, с. 117]. Что же сделала советская власть? Была построена Волго-Балтийская водная система, был построен Беломорско-Балтийский канал, обеспечивающий прямой выход СССР с Балтики на Белое море, реконструирована, а затем и электрифицирована система железных дорог.

Во втором десятилетии XXI в. после провозглашения «поворота на восток» начали развиваться коридоры на Восток и Юг. Эти условно новые коридоры на самом деле известны с раннехристианских времен, и история их становления и временного угасания хорошо описана [1, с. 24–42]. Санкт-Петербург, таким образом, достаточно резко меняет вектор своей геополитической и геоэкономической ориентации. Итак, в настоящее время идет процесс переформатирования геоэкономического пространства, причем как территории, так и акватории [7, с. 34–41]. Впервые с 1943 г. противник угрожает нам военной, а не только экономической блокадой. Остров Гогланд вынужденно возвращает себе статус военного объекта, чего не было со времен хрущевской демилитаризации военных объектов в Финском заливе.

Теоретические основы указанных изменений достаточно ясны. В начале века было предложено понятие «сжатие пространства». Термин «сжатие социально-экономического пространства» был введен Д. Харвеем в 1990 г. [11] и отражал глобализационные эффекты в географическом и управленческом контексте. Гео-

графы, политологи достаточно быстро освоили категориальный аппарат новой концепции. Закономерно сформировался и управленческий аспект данного явления. Профессиональная каста управленцев оценила эффекты быстрой передачи информации, отметив при этом, что скорость принятия решений изменилась несущественно. Изменилась транспортная доступность территорий, качественное упрощение таможенных и пограничных процедур действительно увеличило эффективность мировой торговли. При условии хороших стартовых предпосылок «внешнеэкономическая открытость» страны и региона, безусловно, является достоинством, однако в условиях феноменальных по масштабу внешних вызовов это очевидная проблема.

Каковы же возможные варианты корректировки управленческой системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях внешних вызовов?

Первая проблема, представляющаяся наиболее очевидной и первостепенной, но не самой важной, это качественное улучшение координации деятельности органов власти и управления.

Система разделения властей по вертикали и между уровнями власти — подход абсолютно верный в стратегическом плане. Однако, чем сложнее система власти, тем больше рисков, связанных с координацией работы ее частей на единый результат. В федеративном государстве эта проблема носит как бы естественный, но при этом неопозитивный характер.

Помимо общего набора рисков, характерных для всей России, в нашем случае присутствует проблема двух самостоятельных субъектов Федерации, каждый из которых за тридцать три года накопил собственные управленческие традиции и сформировал свою систему власти. Значимый период управленческих практик Ленинградского обкома КПСС, который де-факто был основной и единой властью в городе и области, давно стал историей.

К 2022 г. российские лидеры сделали абсолютно верный вывод о том, что комплекс мировых проблем, оказывающих определяющее влияние на Россию, не только не исчезнет сам по себе, но и будет углубляться. Были приняты военные и политические решения, которые всем известны. Прошедшие три года потребовали определенной корректировки формы государства, его институтов, стратегии развития, моделей управления.

Вполне вероятно, что в условиях мирного времени этого достаточно для признания государственных институтов эффективными. «В Российской Федерации задачей является не столько мобилизация в широком плане, сколько наведение порядка и повышение эффективности экономического управления. Да, ресурсов не будет больше, но ими можно распорядиться эффективнее» [6, с. 23]. Этот тезис представляется достаточно очевидным в стандартных, благоприятных, условиях развития, которых сейчас нет. Неэффективная власть исчезает вместе с государством, причиняя обществу бесчисленные страдания. Всех сомневающихся просим еще раз осмыслить опыт 1991 г.

История российского реформирования текущего этапа началась с Указа Президента РФ от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах». Затем следует обратить внимание на Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 22 декабря 2021 г. В этом же контексте следует упомянуть Указ Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года», подписанный 7 мая 2024 г. Реализация этих целей предполагает, что военные вызовы носят временный характер, а экономические и управленческие задачи — постоянный. Повторим, особые условия государственного управления — явление, имеющее очевидную географическую логику прочтения.

Северо-Запад России становится пограничным не в контексте приграничной торговли, а в вопросах вероятности превращения в региональный театр военных действий (ТВД). Все характеристики регионального развития должны пройти переоценку с точки зрения соответствия/несоответствия военным и экономическим усилиям государства. «В Российской Федерации задачей является не столько мобилизация в широком плане, сколько наведение порядка и повышение эффективности экономического управления. Да, ресурсов не будет больше, но ими можно распорядиться эффективнее» [6, с. 23]. Какая форма подобной деятельности может быть использована? В Курской области создается, по сути, первый отряд народного ополчения «Барс-Курск», который будет действовать абсолютно на новых принципах. Во-первых, отряд создается на основе двойного подчинения — Минобороны и губернатора Курской области. То есть это не только про контроль, но и про то, что в этом подразделении могут сойтись методы гражданского управления и военного командования. Это может быть интересно.

Можно вспомнить и институт генерал-губернаторов — один из старейших политических институтов имперской России. Реализация властных полномочий сибирских генерал-губернаторов имела определенную специфику, связанную с рядом геополитических и геостратегических особенностей управляемой ими территории. К примеру, в 1905 г. успешно действовал механизм генерал-губернаторства в прибалтийских, остзейских губерниях.

Генерал-губернатору подчинялась вся власть на территории: органы самоуправления, военная, судебная. Фактически генерал-губернатор был наместником императора в пределах определенной территории.

Разумеется, исторический опыт не догма, его использование предполагает, и то в идеальном варианте, знание того, что было, но не помогает узнать то, что будет. Это задача прогностики. Задача данной статьи иная: обозначить круг значимых исторических предпосылок для нового анализа условий развития той части Балтийского региона, которая относится к России. При этом поиск исторических и историко-географических аналогий моделей управления представляется одним из возможных методов совершенствования регионального управления.

Литература

1. Вардомский Л. Б. Между геополитикой и экономикой: вопросы развития международного транзита в СССР и России // *Геоэкономика энергетики*. 2021. № 1 (13). С. 24–42.
2. Исляев Р. А. Санкт-Петербург в геоэкономическом пространстве России (возвращаясь к 300-летию юбилею великого города) // *Проблемы современной экономики*. 2003. № 2 (6) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru:8101/art.php3?artid=16536> (дата обращения: 01.11.2024).
3. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Некоторые вопросы оценки роли транспортного фактора в экономической истории Северо-Запада России конца XIX — начала XX в. // *Экономическая история*. 2020. Т. 16. № 2. С. 101–111. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002
4. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Шесть тезисов о российской Арктике с позиций современных международных отношений // *Север и Арктика в новой парадигме мирового развития*. Лузинские чтения — 2018. Материалы IX международной научно-практической конференции / под общ. ред. Р. В. Бадылева, Л. О. Залкинд. 2018. С. 8–9.
5. Лисоволик Я., Сутырин В. География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Октябрь, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/17984/> (дата обращения: 01.11.2024).
6. Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А. Эффективность управления как условие мобилизации экономики: некоторые исторические уроки // *Управленческое консультирование*. 2022. № 11. С. 23.

7. *Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д.* К вопросу о региональной экономической безопасности в современных условиях (на примере Северо-Западного федерального округа). Статья первая // *Управленческое консультирование*. 2023. № 1. С. 34–41.
8. *Менделеев Д. И.* Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России // *Фабрично-заводская промышленность и торговля России*. СПб., 1896. С. 23.
9. *Покшишевский В. В.* Некоторые вопросы экономико-географического положения Ленинграда // *Вопросы географии*. 1956. № 38. С. 117.
10. *Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / под ред. Д. Тренина // Московский центр Карнеги*. М. : S&P. Июнь 2000. С. 279.
11. *Harvey D.* 1990, *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge, MA, Blackwell. 230 p.
12. *Taaffe E. J., Gauthier H. L.* *Geography of Transportation*. Englewood Cliffs. NJ : Prince-Hall, 1973.

Об авторах:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Vardomsky L.B. Between geopolitics and economics: issues of the development of international transit in the USSR and Russia. *Geoeconomics of energy*. 2021. N 1 (13). P. 24–42. (In Russ.)
2. Islyayev R.A. St. Petersburg in the geoeconomic space of Russia (returning to the 300th anniversary of the great city) *Problems of the modern economy*. 2003. N 2 (6) [Electronic resource]. URL: <http://www.m-economy.ru:8101/art.php3?artid=16536> (accessed: 01.11.2024).
3. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Razumovsky V.M. Some questions of assessing the role of the transport factor in the economic history of the North-West of Russia of the late XIX — early XX centuries // *Economic history*. 2020. V. 16. N 2. P. 101–111. (In Russ.) DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002
4. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M. Six theses about the Russian Arctic from the standpoint of modern international relations // *North and the Arctic in the new paradigm of world development. Luzin readings — 2018. Materials of the IX international scientific-practical conference / ed. by R.V. Badylevich, L. O. Zalkind*. 2018. P. 8–9. (In Russ.)
5. Lisovolik Ya., Sutyryn V. Geography of the countries of the Eurasian Economic Union: from challenges to opportunities. Report of the Valdai International Discussion Club. October, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/17984/> (accessed: 01.11.2024).
6. Mezhevich N.M., Khlutkov A.D., Shamakhov V.A. Management efficiency as a condition for mobilizing the economy: some historical lessons // *Administrative consulting*. 2022. N 11. P. 23. (In Russ.)
7. Mezhevich N.M., Shamakhov V.A., Khlutkov A.D. On the issue of regional economic security in modern conditions (on the example of the North-West Federal District). Article One // *Administrative Consulting*. 2023. N 1. P. 34–41. (In Russ.)
8. Mendeleev D.I. Overview of the factory industry and trade of Russia // *Factory industry and trade of Russia*. Saint Petersburg, 1896. P. 23. (In Russ.)
9. Pokshishevsky V.V. Some issues of the economic and geographical position of Leningrad // *Issues of geography*. 1956. N 38. P. 117. (In Russ.)
10. *Russia and the main security institutions in Europe: entering the 21st century / ed. by D. Trenin // Carnegie Moscow Center*. Moscow : S & P. June 2000. P. 279. (In Russ.)
11. *Harvey D.* 1990, *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, Cambridge, MA, Blackwell. 230 p.
12. *Taaffe E. J., Gauthier H. L.* *Geography of Transportation*. Englewood Cliffs. NJ : Prince-Hall, 1973.

About the authors:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor; mez13@mail.ru

Методическое обеспечение разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований в России

*Елсуков М. Ю.**, *Кириллова Н. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *elsukov-my@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье представлены результаты анализа методического обеспечения подготовки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований. На начало 2024 г. методические рекомендации разработаны в 24 регионах Российской Федерации. Они сравнивались по степени согласованности со стратегическими документами федерального и регионального уровней, наличия единых принципов разработки, необходимости привлечения к процессу планирования стейкхолдеров и организации публичных слушаний. Несмотря на все разнообразие подходов к структуре, содержательному наполнению и акцентах на тех или иных организационных аспектах, можно сказать, что методическое сопровождение процесса стратегического планирования муниципалитетов, со стороны региональных уровней власти, в большей части носит формальный характер, игнорируя реальные ресурсы возможности и проблемы образующих их территорий.

Ключевые слова: институциональный критерий, методические рекомендации, методическое сопровождение, субъекты РФ, стратегии социально-экономического развития, муниципалитеты

Для цитирования: *Елсуков М. Ю., Кириллова Н. Н.* Методическое обеспечение разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований в России // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 18–28.

Methodological Support for the Development of Strategies for the Socio-Economic Development of Municipalities in Russia

*Mikhail Yu. Elsukov**, *Nadezhda N. Kirillova*

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation; *elsukov-my@ranepa.ru

ABSTRACT

The article presents the results of an analysis of methodological support for the preparation of strategies for the socio-economic development of municipalities. At the beginning of 2024, methodological recommendations have been developed in 24 regions of the Russian Federation. They were compared in terms of the degree of consistency with strategic documents at the federal and regional levels, the presence of common development principles, the need to involve stakeholders in the planning process and the organization of public hearings. Despite the variety of approaches to the structure, content, and emphasis on certain organizational aspects, it can be said that methodological support for the process of strategic planning of municipalities by regional levels of government is for the most part of a formal nature, ignoring real resource opportunities and problems their constituent territories.

Keywords: institutional criterion, methodological recommendations, methodological support, constituent entities of the Russian Federation, socio-economic development strategies, municipalities

Введение

Несмотря на большее внимание, уделяемое сфере стратегического планирования муниципального уровня в теоретических исследованиях и научной литературе, практическая реализация стратегического планирования имеет ряд недочетов, таких как несогласованность плановых и прогнозных документов с документами пространственного развития и финансовыми возможностями муниципалитета, игнорирование принципов системности и комплексности разработки стратегических документов [3, с. 94]. Федеральный закон о стратегическом планировании № 172-ФЗ¹ возложил задачи мониторинга и контроля качества муниципального стратегического планирования на региональные органы власти. Ряд регионов в связи с этим подготовили рекомендуемое методическое обеспечение по организации стратегического планирования на муниципальном уровне управления. Целью статьи является оценка качества указанных рекомендаций, полноты охвата ими целей и задач, принципов стратегического планирования.

Материалы и методы

При разработке стратегии социально-экономического развития края, области, республики, законодательство предполагает возможность использования предложений Приказа Министерства экономического развития Российской Федерации № 132 от 23.03.2017². Однако в нем упускаются вопросы муниципального стратегического планирования. Оно рассматривается в качестве механизма, способствующего совершенствованию экономики и социальной сферы региона.

На начало 2024 г. методическое сопровождение процессов муниципального стратегического планирования осуществляется в 24 регионах: в Ленинградской области³, Республике Коми⁴, Воронежской⁵, Курской⁶, Тульской областях⁷, в Став-

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон).

² Приказ Минэкономразвития России № 172-ФЗ от 23.03.2017 № 132 (ред. от 18.02.2022) «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации».

³ Распоряжение Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Администрации Ленинградской области № 60 от 10.06.2015 «Об утверждении методических рекомендаций по осуществлению стратегического планирования на уровне муниципальных образований Ленинградской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://econ.lenobl.ru/> (дата обращения: 02.01.2024).

⁴ Приказ Министерства экономики Республики Коми от 8 августа 2019 г. № 201 «Об утверждении рекомендаций по разработке, корректировке, осуществлению мониторинга и контроля реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных образований в Республике Коми» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561494643> (дата обращения: 05.01.2024).

⁵ Об утверждении методических рекомендаций по разработке стратегии социально-экономического развития муниципального района (городского округа) Воронежской области [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444891671/titles/1MF03B9>. (дата обращения: 03.01.2024).

⁶ Методические рекомендации по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Курской области и планов мероприятий по их реализации [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.kursk.ru/> (дата обращения: 03.01.2024).

⁷ Методические рекомендации по разработке документов стратегического планирования муниципальных образований Тульской области [Электронный ресурс]. URL: <https://econom.tularegion.ru/> (дата обращения: 03.01.2024).

ропольском крае¹, в Республиках Башкортостан², Мордовия, Татарстан, Удмуртской республике, Пермском крае³, Самарской и Саратовской областях, в Свердловской области⁴, в Республиках Алтай⁵ и Тыва, Алтайском крае⁶, Красноярском крае⁷, Иркутской⁸, Новосибирской⁹, Томской¹⁰ областях, Республике Саха, Хабаровском крае¹¹, Амурской области.

Методические рекомендации позволяют провести сопоставление согласно институциональному критерию [1, с. 102]. Этот критерий позволяет дать оценку стратегии на предмет адекватности по ряду параметров, в том числе:

- цельность документов стратегического планирования: наличие исчерпывающих и последовательных элементов в стратегии, таких как цели, приоритеты и задачи развития;
- принципы разработки стратегии: оценка того, насколько применяемые принципы и методы разработки соответствуют современным подходам к стратегическому планированию;
- скоординированность со стратегическими документами: анализ соответствия и согласованности стратегии муниципалитета с другими государственными

¹ Приказ Министерства экономического развития Ставропольского края № 530-од от 27.12.2019 «О методических рекомендациях по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Ставропольского края» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stavregion.ru/govdep/ministries/mertsk/> (дата обращения: 02.01.2024).

² Методические рекомендации по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных районов (городских округов) Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 06.01.2024).

³ Решение «Об утверждении Положения о стратегическом планировании в муниципальном образовании Пермского края» [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.permkrai.ru/> (дата обращения: 06.01.2024).

⁴ Постановление Правительства Свердловской области от 30.03.2017 № 208-ПП «О методических рекомендациях по разработке (актуализации) стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, расположенных на территории Свердловской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/543546931> (дата обращения: 05.01.2024).

⁵ Методические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития муниципального образования Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <https://xp--04-vlciih2j.xn--p1ai/> (дата обращения: 07.01.2024).

⁶ Приказ Министерства экономического развития Алтайского края № 14 от 30.01.2020 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке документов стратегического планирования муниципальных образований Алтайского края» [Электронный ресурс]. URL: <https://econom22.ru/> (дата обращения: 07.01.2024).

⁷ Методические рекомендации по формированию стратегий социально-экономического развития городских округов и муниципальных районов Красноярского края до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econ.krskstate.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).

⁸ Примерный макет стратегии социально-экономического развития городского округа (муниципального района) Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://irkobl.ru/documents/vedenie-registra-mnpa/> (дата обращения: 04.01.2024).

⁹ Методические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития муниципального образования Новосибирской области и плана мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]. URL: <https://econom.nso.ru/> (дата обращения: 07.01.2024).

¹⁰ Распоряжение Правительства Томской области от 04.06.2015 № 361-ра «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Томской области и планов мероприятий по их реализации» [Электронный ресурс]. URL: <https://depeconom.tomsk.gov.ru/> (дата обращения: 07.01.2024).

¹¹ Методические рекомендации по разработке органами местного самоуправления стратегий социально-экономического развития муниципальных образований Хабаровского края и планов мероприятий по их реализации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.khabkrai.ru/officially/Gosudarstvennyeprogrammy/NPA/146045region> (дата обращения: 04.01.2024).

и региональными стратегическими документами социально-экономического развития;

- взаимодействие участников процесса: оценка эффективности взаимодействия всех участников процесса разработки стратегии, включая органы местного самоуправления, экспертов, представителей общественности и других заинтересованных сторон.

Оценка институциональных аспектов поможет увидеть соответствие муниципальной стратегии современным требованиям и выявить потенциальные проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются муниципальные образования при организации стратегического планирования [5, с. 130].

Результаты исследования

Для получения более точных результатов оценки учитывалось содержание действующих методических документов, направленных на разработку стратегий социально-экономического развития муниципальных образований. Из общего объема исходной информации были исключены методические рекомендации Республики Татарстан, Республики Мордовия и Республики Саха, так как они направлены на разработку муниципальных программ в контексте уже утвержденных региональных стратегий. Так, в Удмуртской республике каждый муниципальный район в качестве стратегического документа должен разработать план инвестиционного развития, а в Республике Тыва основные акценты стратегического планирования смещены в сторону проектной деятельности.

Принципы социально-экономического развития, обозначенные в большинстве методических рекомендаций, тождественны принципам, которые определены законом 2014 года № 172-ФЗ¹: единства и целостности, разграничения полномочий, непрерывности, сбалансированности показателей, результативности, ответственности участников стратегического планирования, открытости.

Исследование проведено в отношении методических рекомендаций, с учетом соблюдения полноты цикла подготовки соответствующих документов.

Мониторинг, результаты которого представлены в таблице, позволяют сделать вывод о том, что наиболее полный охват документов, обеспечивающих согласованность работы по достижению стратегических целей регионального развития, представлен в методических рекомендациях Республики Алтай, Ленинградской области, Самарской области и Пермском крае. Отметим, что необходимость учета документов территориального планирования при решении вопросов долгосрочного пространственного развития определена в методических рекомендациях Республики Башкортостан, Тульской области, Хабаровского края.

Для каждого региона можно отметить специфическое отношение к вопросам цели реализации на муниципальном уровне того, что задумано в региональных стратегиях. Так, в Свердловской области при реализации муниципальных программ предполагается разработка типовых стратегических проектов. Результатом реализации проектов выступает благоустройство территории, техническая модернизация существующих инфраструктурных объектов или строительство новых. Проекты, направленные на улучшение качества жизни населения, относятся к уровню поселений. Следует отметить присутствие довольно специфического вида проектов — поведенческие проекты, целью которых является обеспечение лояльного поведения населения, формирование положительного имиджа территории, изменение жизненных ценностей и целевых установок.

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации (далее — Федеральный закон) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 07.01.2024).

**Цикл стратегического планирования муниципальных образований,
регламентированный методическими рекомендациями¹**

Table 1. The strategic planning cycle of municipalities, regulated
by methodological recommendations

№	Регион	Стратегия СЭР	План мероприятий	Прогноз СЭР	Бюджетный прогноз	Документы территориального планирования	Муниципальные программы	Стратегические проекты
1.	Ленинградская область	√	√	√	√	√	√	
2.	Республика Коми	√	√			√	√	
3.	Воронежская область	√		√		√	√	
4.	Курская область	√	√				√	
5.	Тульская область	√	√			√	√	
6.	Ставропольский край	√	√				√	
7.	Республика Башкортостан	√	√			√	√	
8.	Пермский край	√	√	√	√		√	
9.	Самарская область	√	√	√	√		√	
10.	Свердловская область	√					√	√
11.	Республика Алтай	√	√	√	√	√	√	
12.	Алтайский край	√	√	√			√	
13.	Иркутская область	√	√				√	
14.	Новосибирская область	√	√	√			√	
15.	Томская область	√	√				√	
16.	Хабаровский край	√	√	√		√	√	

¹ Составлено авторами.

В Методических рекомендациях Саратовской области и Красноярского края нет указаний на обязательность разработки иных муниципальных стратегических документов.

В Алтайском крае правила разработки стратегии более конкретизированы и уточняют, что муниципалитеты при целеполагании должны опираться на целевые установки, задачи и приоритеты, обозначенные вышестоящими органами управления, инвестиционные программы региона, планы инвестиционного развития крупных предприятий и субъектов среднего и малого предпринимательства, а также на ранее реализованные муниципальным образованием стратегические документы. Указывается, что горизонтом стратегического планирования для муниципальных образований должен выступать 2035 г.

В Томской области предписывается обязательность разработки стратегии для каждого муниципального образования и городского округа. Муниципальное стратегическое планирование должно учитывать ключевые положения региональной стратегии, предыдущих документов стратегического планирования. Как принцип обозначена необходимость использования результатов SWOT-анализа для определения целей, задач и приоритетов социально-экономического развития. Это контрастирует с аналогичными предписаниями Красноярского края и Иркутской области, где указанные принципы не отражены.

Корреляция стратегии муниципальных районов с иными стратегическими документами в Ленинградской области выражается в необходимости синхронизации с региональной стратегией социально-экономического развития, документами территориального планирования, проектами развития коммунальной инфраструктуры, генеральными планами городов и поселений.

В Республике Коми муниципальные стратегии должны коррелировать с положениями документов стратегического планирования федерального и регионального уровней, перспективными планами предприятий, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования, поселенческими схемами территориального планирования. В Воронежской области — должны быть согласованы с Указами Президента Российской Федерации, в части вопросов стабилизации и усовершенствования социально-экономического развития, стратегическими документами на уровне субъекта РФ, прогнозами, градостроительными планами и схемами территориального планирования области и района. В Тульской области и Ставропольском крае при целеполагании учитываются отраслевые стратегии, основные направления деятельности правительства региона.

В Республике Башкортостан целевые установки муниципальных стратегий необходимо согласовывать с целями стратегий общегосударственного характера, посланиями Президента Российской Федерации, посланиями главы Республики Башкортостан, ориентирами долгосрочных прогнозов, государственными программами и приоритетными национальными проектами, стратегиями пространственного и социально-экономического развития смежных муниципальных районов.

В Самарской области, как и в Пермском крае, муниципальные стратегические цели и приоритеты должны коррелировать с целями и приоритетами вышестоящих уровней управления. Подчеркивается необходимость внедрения в процесс муниципального стратегического планирования успешных методик, разработанных в других субъектах Российской Федерации.

В Республике Алтай при разработке стратегий муниципальных образований необходимо учитывать федеральные и республиканские законы, республиканскую стратегию социально-экономического развития, соглашения о порядке проведения комплексной оценки, мероприятий по контролю и мониторингу социально-экономического положения муниципального образования, документы территориального планирования, среднесрочный и долгосрочный бюджетный прогноз.

В Красноярском крае при определении муниципальных целевых ориентиров важно опираться на краевую стратегию, указы Президента России относительно национальных проектов, показатели статистики и ведомственной отчетности.

При выстраивании муниципального стратегического планирования в Новосибирской и Томской областях целесообразно учитывать положения федеральных стратегических документов и положения и результаты реализации стратегических документов области и муниципального образования, разрабатываемых в рамках целеполагания и прогнозирования.

Методические рекомендации большей части рассмотренных регионов определяют обязательных участников процесса стратегического планирования, к которым

относятся органы местного самоуправления с привлечением заинтересованных представителей бизнес-структур и общественных и научных организаций.

Рассмотрим отличительные особенности регионов в части указаний касательно участников процесса стратегического планирования.

В Ленинградской области рекомендуется привлекать политические, консультационные образовательные, экспертные организации, компетентных представителей населения.

В Республике Коми в качестве стейкхолдеров выступают функциональные подразделения администрации муниципального образования, муниципальные учреждения и ведущие предприятия.

В Воронежской области в процесс планирования, помимо обозначенных, общих во всех методических рекомендациях участников, вовлекаются территориальные органы местного самоуправления.

В Тульской области и Ставропольском крае привлекаются представители профсоюзов и работодателей.

В Республике Башкортостан — депутаты представительного органа муниципального района, представители администраций городских и сельских поселений в составе муниципального района, объединений профсоюзов и работодателей, представители подразделений финансовых институтов, активная молодежь в возрасте от 15 до 30 лет.

В Свердловской области формируются экспертные советы «Власть», «Наука», «Бизнес», «Общественность», «СМИ». К процессу привлекаются также разработчики документов территориального планирования и градостроительной документации Свердловской области и муниципальных районов.

В Республике Алтай в разработке муниципальных стратегий задействованы ведущие специалисты структурных подразделений органов местного самоуправления и специалисты научно-исследовательских учреждений.

В Новосибирской и Томской областях рекомендуется образование рабочих групп по подготовке и разработке стратегий, которые включают представителей администраций муниципальных образований, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, бизнес-структур, общественных организаций, активного населения. В случае необходимости к процессу стратегического планирования предполагается привлечение независимых экспертов.

В Хабаровском крае в качестве участников процесса муниципального стратегического планирования выступают представители администрации муниципального района, городских и сельских поселений, депутаты, объединения профсоюзов и работодателей, руководители наиболее значимых бизнес-структур, представители ВУЗов, НИИ, общественных, научных, образовательных и иных организаций, консалтинговых агентств, имеющих опыт разработки программно-целевых документов, финансовых институтов, молодежные советы, пенсионеры, сохранившие активную гражданскую позицию.

В Самарской области и Алтайском крае участником процесса стратегического планирования, согласно рекомендациям, является только местная администрация.

В Красноярском крае органы местного самоуправления определяют состав необходимых участников процесса стратегического планирования самостоятельно, на свое усмотрение.

В Иркутской области предоставляются максимально широкие возможности для привлечения участников к процессу разработки документов стратегического планирования.

Организация публичных обсуждений процессов разработки и реализации муниципальной стратегии социально-экономического развития, согласно всем проанализированным методическим рекомендациям, осуществляется путем размещения

проектов стратегий, отчетов и иных стратегических документов на официальном сайте муниципального образования в сети «Интернет» и средствах массовой информации. Однако следует рассмотреть и отличительные особенности касательно этого институционального показателя.

В Воронежской и Тульской областях, Ставропольском крае и Красноярском крае муниципалитет самостоятельно решает, каким образом осуществлять публичные обсуждения.

В Курской области и Пермском крае обсуждение осуществляется также через стратегические сессии и круглые столы с участием заинтересованных сторон.

В Республике Башкортостан проект стратегии должен сопровождаться презентацией, обсуждение производится в том числе через организацию заседаний Стратегического комитета, стратегические сессии.

В Хабаровском крае обсуждение процессов стратегического планирования осуществляется в рамках организации заседаний совета стратегического развития, в том числе.

В Республике Алтай рекомендована организация круглых столов, общественных слушаний.

В Новосибирской области рекомендуется разработать медиаплан по освещению процесса разработки стратегии.

В методических рекомендациях Алтайского края и Иркутской области информация по порядку проведения публичного обсуждения содержания документов стратегического планирования муниципальных образований не имеет подробной детализации.

Обсуждение результатов

Методические рекомендации, разработанные региональными органами власти по осуществлению стратегического планирования во входящих в их состав муниципалитетах, отличаются большой степенью вариативности истолкования неоднозначных положений Федерального закона. Наличие у муниципального образования стратегии социально-экономического развития рассматривается как конкурентное преимущество в повышении ресурсной обеспеченности. Законом предполагается, что сам факт присутствия стратегии предполагает предсказуемость дальнейших действий органов управления муниципальным образованием, что должно найти отражение в обеспечении его устойчивого развития, предоставлении финансовой помощи со стороны органов государственной власти, решении вопросов взаимодействия с инвесторами.

Методическое обеспечение муниципальных образований по разработке документов стратегического планирования должно отражать реальные проблемы муниципалитетов, иметь прикладной характер, представлять собой поэтапный алгоритм действий по стратегическому планированию социально-экономического развития муниципалитета. На каждом этапе важно организовать понятную систему мониторинга, отражающую реальные результаты работы [2, с. 50]. Вариативность в части структуры содержания и оценки перспектив социально-экономического развития минимизирует возможность качественного сравнительного анализа с целью выявления общей направленности и согласованности с федеральными и региональными уровнями власти.

Объектом стратегического планирования на уровне местного самоуправления, согласно большей части методических рекомендаций, выступают стратегии социально-экономического развития, план мероприятий ее реализации и муниципальные программы, в части согласованности с ними. Однако цикл стратегических документов гораздо шире и в обязательном порядке требует учета бюджетных

возможностей муниципалитета и стратегически важных ресурсов, имеющихся в распоряжении муниципальных органов власти — земельных. Согласование документов стратегического и территориального планирования позволит выявить существующие проблемы социально-экономического развития и в будущем повысить уровень и качество жизни в муниципальном образовании через подготовку инвестиционных площадок, обеспеченных инфраструктурой и коммуникациями, формирование промышленных зон, строительство дорог, улучшение общественной инфраструктуры, благоустройства жилых территорий и др.

Наличие принципов работы со стратегическими документами является важным элементом методических рекомендаций, так как отражает подход к анализу и развитию социально-экономических процессов. Однако при копировании принципов — правил работы со стратегическими документами и положений Федерального закона — упускаются из виду индивидуальные аспекты каждого муниципального образования, географические особенности, текущая экономическая и социальная ситуация, качество организации управления, актуальные задачи, требующие первоочередного решения.

Оценка с позиции сопоставления направлений социально-экономического развития региона и муниципалитета, целей и задач, охвата плановыми документами экономических отраслей и социальной политики, стратегического видения будущего местных органов самоуправления является необходимой. Однако следует избегать формального подхода к этому процессу, так как в таком случае игнорируется уникальность экономического объекта в части индивидуальных проблем и ресурсного потенциала.

В процессе проведения исследования выявлено, что к подготовке стратегии социально-экономического развития привлекаются, помимо органов местного самоуправления, представители наиболее крупных бизнес-структур, общественности, научных сообществ. Однако организация публичных слушаний только через размещение проекта стратегии в сети Интернет сводит идею всестороннего учета мнений наиболее заинтересованных лиц к формальности. Повышение качества жизни населения муниципального образования возможно через организацию диалога власти, населения и экономических и социальных институтов.

Требуют усовершенствования степень согласованности и непротиворечивости стратегических документов, качество их разработки и практической реализации [4, с. 56]. Методические рекомендации по разработке стратегий социально-экономического развития не должны быть документом «для галочки». Необходимо наличие четких качественных и количественных индикаторов результативности, прозрачной системы мониторинга и контроля.

Заключение

Многие регионы в своих методических рекомендациях используют схожие и не всегда доработанные элементы. При этом практически у всех есть индивидуальные отличия, касающиеся обеспечения эффективности разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований.

Организация процесса стратегического планирования на уровне муниципальных образований регионами РФ осуществляется с применением двух подходов: предоставлением муниципальным образованиям самостоятельности в принятии решений о необходимости осуществления стратегического планирования и через обеспечение методического сопровождения процессов стратегического планирования.

С помощью методических рекомендаций регионы стараются упорядочить процесс стратегического планирования в муниципальных образованиях, обеспечить взаимосвязь муниципальных стратегических документов, их согласованность

с федеральными и региональными приоритетами социально-экономического развития. Координация процесса стратегического планирования позволяет сделать его понятным и прозрачным, обозначить первоочередные проблемы, требующие решения, структурировать цели, задачи и приоритеты социально-экономического развития, учесть интересы всех участников стратегического планирования.

И, несмотря на отдельные преимущества и недостатки региональных методических рекомендаций, практика стратегического планирования на уровне муниципальных образований требует решения следующих вопросов: необходимости составления муниципалитетами стратегий социально-экономического развития; четкого понимания роли стратегий социально-экономического развития в структуре стратегических документов; соблюдения принципа прозрачности и привлечения к работе стейкхолдеров, в том числе и научного сообщества на этапах разработки и реализации задуманного, с выделением критериев обоснованности привлечения стейкхолдеров; отсутствия четкого распределения обязанностей между участниками на каждом этапе работы; недостаточной конкретики в определении методов контроля, мониторинга и целевых ориентиров результативности стратегических документов; нехватки наблюдаемых статистикой индикаторов оценки результативности реализации стратегии социально-экономического развития на каждом этапе работы; организации работ по повышению качества методических рекомендаций по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований.

Литература

1. *Дорошенко С.В.* Региональные подходы к разработке муниципальных стратегий // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 1. С. 96–118.
2. *Ждан Г.В., Сумская Т.В.* Направления совершенствования методических рекомендаций по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований РФ // *Вестник НГУЭУ*. 2022. № 3. С. 48–64.
3. *Лапыгин Ю.Н., Тулинова Д.В., Балахина А.А.* Вопросы разработки стратегий развития муниципальных образований // *Ученые записки: Научно-практический журнал*. 2017. № 2. С. 67–71.
4. *Мясникова Т.А.* Теоретико-методологические положения и методическое обеспечение стратегирования социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России: дис. докт. экономич. наук. Воронеж : ВГУ, 2015. 374 с.
5. Стратегии малых городов: территория творчества / Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А., Русецкая О.В., Прибышин Т.К. / под ред. Б.С. Жихаревича. СПб. : Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», 2017. 136 с.

Об авторах:

Елсуков Михаил Юрьевич, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; elsukov-my@ranepa.ru

Кириллова Надежда Николаевна, старший преподаватель кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kirillova-nn@ranepa.ru

References

1. Doroshenko S.V. Regional approaches to the development of municipal strategies // *Ars Administrandi* (Art of Management). 2019. Т. 11. № 1. С. 96–118.
2. Zhdan G.V., Sumskaia T.V. Directions for improving the methodological recommendations for the development of strategies of socio-economic development of municipalities of the Russian Federation // *Bulletin of NSUEU*. 2022. № 3. С. 48–64.

3. Lapygin Y.N., Tulinova D.V., Balakhina A.A. Issues of developing strategies for the development of municipalities // Uchenye zapiski: Nauchno-practical journal. 2017. № 2. С. 67–71.
4. Myasnikova T.A. Theoretical and methodological provisions and methodological support of strategising socio-economic development of municipalities in the regions of Russia: Ph. D. in Economics. Voronezh : All-Union State University, 2015. 374 с.
5. Strategies of small towns: the territory of creativity / Zhikharevich B.S., Lebedeva N.S., Lebedeva N.A., Rusetskaya O.V., Pribyshin T.K. / edited by B.S. Zhikharevich. SPb. : International Centre for Socio-Economic Research 'Leontief Centre', 2017. 136 с.

About the authors:

Mikhail Yu. Elsukov, Associate Professor of the Department of Economics, North-West Institute of Management RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor; elsukov-my@ranepa.ru

Nadezhda N. Kirillova, teacher of the Department of Economics, North-West Institute of Management RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); kirillova-nn@ranepa.ru

Методологические принципы пространственного развития экономики

Бойко И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; boiko-iv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Проблематика пространственного развития российской экономики приобретает новые смыслы в условиях значительных внешних угроз и начавшейся внутренней трансформации национальной экономики. Разработанная в 2019 г. стратегия пространственного развития до 2025 г. требует развития с горизонтом планирования до 2030 г., что установлено в Указе Президента РФ. В новом стратегическом курсе на достижение технологического суверенитета нашей страны важнейшее значение приобретает реализация особенных технологических траекторий развития регионов, дополняющих и усиливающих друг друга в едином экономическом и политическом пространстве. **Целью исследования** является формирование методологических принципов пространственного развития российской экономики для обеспечения целей технологического суверенитета страны. В статье дается критический анализ существующих методологических подходов и определяются основные методологические **задачи** по разработке принципов формирования пространственной экономики. **Методы исследования:** системный подход, метод логического анализа, диалектики познания от простого к сложному, индукция и дедукция. **Результатом исследования** является определение принципов пространственного развития экономики: максимальной реализации особенностей каждого конкретного российского региона, его особенных «региональных преимуществ»; конвергенции — выравнивания уровней социально-экономического развития российских регионов на условиях реализации региональной технологической политики; «единства в разнообразии» — формирования новой модели межрегионального разделения труда, создающего центростремительные, интегрирующие взаимосвязи между российскими регионами; разделения полномочий между федеральным центром и регионами (разделения труда между центром и регионами) в сфере технологического и экономического развития. Обосновывается **вывод** о том, что разнообразие технологических траекторий и, на этой основе, диверсификация российской экономики является основным условием для усиления межрегионального экономического взаимодействия и, следовательно, укрепления экономического пространства нашей страны. В заключении делается вывод о необходимости сочетания стратегии пространственного развития российской экономики со стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, что является основой для понимания необходимости технологической составляющей в экономическом развитии регионов и межрегиональном взаимодействии, с одной стороны, и территориально-пространственной составляющей в технологическом развитии нашей страны, с другой.

Ключевые слова: пространственная экономика, технологическое развитие, конвергенция, кластер, межрегиональное разделение труда

Для цитирования: Бойко И. В. Методологические принципы пространственного развития экономики // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 29–41.

Spatial Economy and its Methodological Building Blocs

Irina V. Boiko

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation; boiko-iv@ranepa.ru

ABSTRACT

To cope with growing exogenous threats to the economy and its ongoing transformation Russia needs a new understanding of its spatial economic development. In 2019 the Russian government adopted the Strategy for Spatial Economic Development until 2025, which should further be developed according to the Presidential Decree, announced in May, 2024. While refocusing the main economic goal on achieving and maintaining national technological sovereignty, Russia also needs to reconsider its spatial development strategy. This means that Russian regions must actively participate in the implementation of the main national strategic goal and develop their own technology policy, complementing each other and further strengthening the common economic and political space in Russia. The purpose of the article is to develop the basic methodological principles of Russian spatial development to achieve the main goals of national technological sovereignty. The research methodology includes: holistic, systemic approach, logistical analysis, the interaction between simple and complicated forms, deduction and induction. A critical analysis of modern methodological ideas on the issue is presented. The author proposes the following methodological principles, namely: the principle of full implementation of the peculiarities of each region, its special “regional advantage”; the principle of convergence, which means reducing gap in socio-economic development between regions, implying the implementation of regional technology policy; the principle of “common in different” — suggesting the introduction of a new model of interregional division of labor, stimulating centripetal movement between Russian regions; the principle of division of competence between central and regional government, especially in the field of technological and economic development. The author explains, that the diversity of the regional technological trajectories as the precondition for the national economic diversification represents a crucial condition for strengthening the interregional economic cooperation and strengthening of national economic system in general. The article concludes with a statement on the need to integrate the Strategy for Spatial Development and the Research&Development Strategy in the Russian Federation, which enables to understand the critical significance of the technological essence of the regional economic development from the one side and the critical significance of the spatial dimension of the national technological development from the other side.

Keywords: spatial economy, technological development, convergency, cluster, interregional division of labor

For citing: Boiko I. V. Spatial Economy and its Methodological Building Blocs // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 29–41.

Введение

В условиях трансформации российской экономики, вызванной внешними факторами, одной из наиболее важных стратегических задач становится укрепление российского экономического пространства, снижение внешнеэкономической зависимости и обеспечение национальной экономической безопасности на условиях технологического и экономического суверенитета страны. «Экономический рост России и ее регионов оказался под угрозой вследствие санкционных ограничений и ряда запретов доступа к импортным инновационным технологиям и высокотехнологичным продуктам, необходимых для развития приоритетных отраслей национальной экономики и дальнейшего производства критически значимой и конкурентоспособной продукции» [13, с. 47]. В современных условиях основным содержанием экономической политики, осуществляемой российскими регионами, должна стать технологическая перестройка, курс на производство технологически сложной, замещающей импорт продукции, имеющей высокую добавленную стоимость. Решение данных задач невозможно вне формирования новой территориально-пространственной конфигурации российской экономики, что в свою очередь требует переосмысления концептуально-теоретических основ ее пространственного развития. Задача разработки и реализации программы пространственного развития российской экономики закреплена и в Указе Президента РФ: «разрабо-

тать и утвердить стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

В последние годы проблематике пространственного развития отечественными экономистами уделяется повышенное внимание не только с точки зрения новых теоретических построений, но и принятия практических решений. Как отмечает известный российский регионовед Н. В. Зубаревич, «за последнее десятилетие предпринято три попытки сформулировать концептуальные основы развития российского пространства» [5, с. 136]. Академик П. А. Минакир утверждает, «реальная экономика, особенно экономика, функционирующая в больших и неоднородных пространствах, сочетает разнообразные типы и фазы развития. Стратегическое искусство как раз и заключается в том, чтобы максимально использовать преимущества, предоставляемые неоднородностью самого пространства и богатством форм его организации» [12, с. 17]. Другие российские ученые подчеркивают важность территории, которая является развивающейся динамической системой в хозяйственном развитии страны как основы организации государственной власти, как значимого экономического фактора и как важной базы развития социальных отношений [10, с. 97]. Важность региональной проблематики в условиях нарастания глобальной нестабильности подчеркивают и зарубежные экономисты: «региональная экономическая устойчивость, как способность региона противостоять внешним кризисам и восстанавливать экономику за счет оптимизации распределения ресурсов и модернизации экономических структур, имеет решающее значение для формирования будущей траектории регионально-экономического развития» [18, с. 48].

В 2019 г. Правительство РФ приняло «Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года», в которой определяются основные понятия, устанавливаются цели, задачи и приоритеты пространственного развития Российской Федерации, приводятся общемировые тенденции, констатируется необходимость сокращения межрегиональных социально-экономических диспропорций, ставятся задачи по инфраструктурному обеспечению процессов пространственного развития и содержатся иные установки². Несмотря на относительную новизну данной проблематики, его слабую проработанность и невозможность заимствовать зарубежный опыт ввиду его отсутствия, данный документ имеет внутреннюю логику, четкую структуру и грамотно сформулированные проблемы, а также содержит задачи пространственного развития в Российской Федерации. Но, несмотря на свои достоинства, данный документ имеет и существенные недостатки, которые отмечают российские ученые. Так, Н. В. Зубаревич указывает на то, что в этом документе недостаточно учтены разнообразие типов и специфика отдельных регионов России [5, с. 137]. П. А. Минакир отмечает, что «речь в действительности идет не о стратегии пространственного развития, которое существует само по себе, предоставляя в распоряжение проектантов новый, как им представляется, инструмент для решения проблемы ускорения национального экономического роста — городские агломерации, эффективность использования ресурсов в которых и вероятность генерации спроса существенно выше, чем в условиях разреженного рынка» [12, с. 10].

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 10.05.2024).

² «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7iRNXc.pdf> (дата обращения: 22.03.2024).

Кроме того, с момента издания данного документа произошли значительные внешние и внутренние изменения, которые требуют не столько корректировки, сколько переосмысления концептуальных основ пространственного развития российской экономики. Существенную проблему для формирования стратегии пространственного развития в нашей стране представляет также отсутствие стратегии социально-экономического развития России.

Материалы и методы

В российских теоретических построениях пространственной экономики ее содержание связывают с развитием крупных агломераций. «Важным пространственным ресурсом развития в настоящее время является урбанизация, города и городские агломерации выступают точками роста, генераторами инноваций и экономики знаний. Заметные положительные импульсы экономического развития для территории создаются большими городами» [8, с. 102]. Действительно, города выполняют важнейшую функцию по обеспечению разнообразных услуг: научных, образовательных, консалтинговых, культурных, транспортно-логистических и многих других. В меньшей степени в настоящее время города являются промышленно-производственными центрами, в отличие от предыдущих этапов социально-экономического развития страны. Но абсолютно неясна роль городских агломераций в новой, постлиберальной, парадигме экономического развития. Несомненно, однако, то, что она будет существенным образом меняться.

Другие авторы подчеркивают важную роль крупных отраслей и компаний в развитии российских регионов. Своеобразными полюсами роста считаются также и концентрированные центры развития в районах добычи и переработки минерально-сырьевых ресурсов, которые формируются в соответствии с идеологией энергопроизводственных циклов, в основе которых лежит идея не «главного города», но «главной технологии» [12, с. 17]. Как отмечает П. А. Минакир, «полюсами выступают, как правило, наиболее эффективные и быстрорастущие отрасли и производства (пропульсивные отрасли), реализующие эффекты масштаба, производительности и инноваций. Эти эффекты транслируются через экономические связи, формирующиеся в пределах определенного пространства, в направлении других отраслей и производств, генерируя у них всю совокупность или какие-то отдельные элементы этих эффектов» [12, с. 16]. Однако важно понимать, что сырьевые отрасли и отрасли низкого технологического уровня не могут являться такими, пропульсивными в новой парадигме экономического развития. Эту роль должны выполнять технологически сложные, передовые отрасли, производящие конкурентоспособную продукцию, что в большей степени соответствует стратегии, направленной на достижение технологического суверенитета страны.

Вполне обоснованно, на наш взгляд, существующую модель пространственного развития связывают с реализацией принципа «экономии на масштабах» и значимостью расширения объемов производства и сбыта продукции и услуг для повышения эффективности инвестиционной деятельности в пространственно-территориальном масштабе: «концентрация производств в отдельных узлах способствует увеличению масштабов производства в них за счет размещения вспомогательных и сопутствующих отраслей, объединения рынков сырья, рабочей силы, готовой продукции, финансовых ресурсов, совместного использования производственной инфраструктуры по сравнению с изолированным размещением промышленных предприятий» [12, с. 12]. Другие авторы указывают на значимую роль крупного бизнеса в развитии территорий: «...институциональный барьер связан со структурой собственности в российской экономике — доминированием крупного бизнеса. У него своя «вертикаль», приводящая к концентрации налога на прибыль в штаб-квартирах,

прежде всего в Москве или Санкт-Петербурге, если туда переведена штаб-квартира компании. Эта проблема долгосрочная, пока в России не улучшатся условия для развития малого и среднего бизнеса, не исчезнет сильная неравномерность налоговой базы федеральных столиц и крупных городов-региональных центров» [5, с. 142]. В новой парадигме экономического развития будет происходить постепенная трансформация стратегии «экономии на масштабах» (economy of scale) к стратегии «экономики возможностей» (economy of scope) — производства нестандартизированной продукции, в которой ключевое значение приобретает способность к созданию, внедрению и постоянному замещению одних технологий другими — более совершенными (в том числе экологически чистыми — *environmentally friendly technologies*). В этой связи на смену крупному бизнесу как лидеру в развитии глобальной экономики приходит сетевое взаимодействие региональных компаний, формирующих промышленно-технологический, инновационный кластер. «Кластер, как технологически-ориентированная сеть региональных компаний становится драйвером технологических изменений и глобального экономического роста, замещаая в этой роли крупные компании — «старые чемпионы» [15, с. 19].

В некоторых исследованиях подчеркивается проблема, связанная с усилением диспропорций между регионами и все более существенным экономическим отрывом регионов-доноров от регионов-реципиентов, хотя преодоление такого отрыва связывается с наличием денежных средств (как государственных, так и частных). Так, Н. В. Зубаревич подчеркивает важность экономического развития периферийных регионов и отсутствие на эти цели денежных средств у государства [5, с. 139]. Проблема межрегионального неравенства имеет большое значение для формирования пространственной экономики в России, «поскольку результатом преобразования общественной жизни в России должно стать укрепление единого экономического и политического пространства, то отношение к вопросу об асимметрии экономического развития регионов (или их «поляризации») представляет собой особенно важное значение. От его решения во многом зависит либо усиление дезинтеграционных процессов и, как результат, разрушение общероссийского экономического пространства, либо, напротив, формирование нового качества экономического роста и повышение на этой основе устойчивости национальной экономики» [3, с. 14]. Однако понимание причин существующих диспропорций между регионами, а также направлений их преодоления необходимо вывести за пределы монетаристской парадигмы, не связывать данный вопрос только лишь с денежным фактором, что и гносеологически и практически выводит эту проблему в разряд нерешаемых.

В прежней парадигме экономического развития, построенной на основе либерально-монетаристских идей и приоритетов косвенного денежного регулирования, у проблематики пространственного развития, как справедливо утверждает П. А. Минакир, не было «ни субъекта, ни объекта» [12, с. 13]. Но в новых условиях, когда экономика нашей страны подвержена жестким как внешним, так и внутренним вызовам, которые отмечают многие российские эксперты [14], требуется переосмысление подходов к укреплению внутреннего экономического пространства нашей страны, что невозможно без нового понимания целей, задач и механизмов пространственного развития. Поэтому вполне очевидно, что проблематика пространственного развития не только не исчерпает себя к 2025 г., но станет еще более актуальной в связи с тем отложенным негативным эффектом, который оказывает на российскую экономику санкционное давление западных стран и начавшаяся внутренняя перестройка, требующая не только высоких затрат, но и формирования новых промышленно-технологических взаимосвязей. В этой связи нам представляется, что научная дискуссия по проблематике формирования пространственной экономики в нашей стране в условиях преодоления

прежней, либерально-монетаристской парадигмы экономического развития, приобретает особенные экономические смыслы.

Результаты

К основным методологическим принципам создания пространственной экономики в России на новом этапе ее развития относятся, на наш взгляд, следующие:

- 1) принцип максимальной реализации особенностей каждого конкретного российского региона, его особенных «региональных преимуществ»;
- 2) принцип конвергенции — выравнивания уровней социально-экономического развития российских регионов на условиях реализации их региональной технологической политики;
- 3) принцип «единства в разнообразии» — формирование новой модели межрегионального разделения труда, создающего центростремительные, интегрирующие взаимосвязи между российскими регионами;
- 4) принцип разделения полномочий между федеральным центром и регионами (разделения труда между центром и регионами) в сфере технологического и экономического развития.

Рассмотрим эти принципы более подробно.

Принцип максимальной реализации особенностей каждого конкретного российского региона, его особенных «региональных преимуществ»

Базовой предпосылкой для формирования стратегии пространственного развития экономики нашей страны является признание и учет разнообразия регионов, формирующих единое внутреннее экономическое пространство, как справедливо отмечает П. А. Минакир, «теоретическим постулатом является вовсе не однородность, но, напротив, принципиальная неоднородность пространства» [12, с. 15]. Учет этой неоднородности является базовым требованием к новой модели пространственного развития нашей страны. В этой связи российские авторы отмечают: «факторы, определяющие пространственные трансформации в России, имеют рыночную, технологическую и агломерационную природу, к ним относятся емкость и доступность внешних рынков, наличие крупных городских центров, концентрирующих ресурсы развития и извлекающих выгоды масштаба производства и разнообразия товаров и услуг. Кроме рыночных факторов, на пространственную организацию деятельности влияют географические, климатические и исторические факторы. Рельеф определяет доступные площадки для населенных пунктов и производственных мощностей, реки и моря выступают естественными транспортными путями сообщения, климат и ландшафт влияют на издержки жизнеобеспечения, расширения производств и создания инфраструктуры коммуникаций. Процессы освоения и заселения территории определяют эволюцию пространственного каркаса, который часто демонстрирует высокую степень устойчивости...» [8, с. 87]. Однако следует признать, что для разработки как стратегии развития экономики каждого российского региона, так и развития экономического пространства, создаваемого в результате их взаимодействия, необходимо понимание динамизма в использовании данных от природы или накопленных в ходе предыдущей хозяйственной деятельности особенных «региональных преимуществ». В этой связи необходимо определить текущие (статические) преимущества и наметить процесс их трансформации в динамические «конкурентные преимущества».

Сущностью концепции «сравнительного преимущества» является признание того факта, что каждая нация (или регион) обладают различными комбинациями производственных факторов. Эти факторы включают землю и природные ресурсы, капитал и труд (включая технологическую экспертизу) [16]. В данном по-

нимании особенностей экономического развития регионов заложены как статические особенности (природные условия), так и динамические (накопленные капитальные и трудовые ресурсы). Мы предлагаем детализировать концепцию «региональных преимуществ» путем внесения различий между тремя ее составляющими: «региональные естественные преимущества», «региональные сравнительные преимущества» и «региональные конкурентные преимущества» (что представляется значимым в связи с тем, что зачастую к региональным конкурентным преимуществам ошибочно относят обладание запасами природного сырья).

«Региональные естественные преимущества» (*regional natural advantage*) — природно-сырьевые, климатические, географические и иные естественные условия, которыми наделен от природы конкретный регион.

«Региональные сравнительные преимущества» (*regional comparative advantage*) — возможность конкретного региона производить уже представленную на рынке продукцию, но с меньшими затратами, чем у конкурентов.

«Региональные конкурентные преимущества» (*regional competitive advantage*) — возможность конкретного региона производить уникальную продукцию на основе переработки уникального сырья, которым он наделен от природы, с применением собственных уникальных технологий» [1, с. 226–227].

Динамическое развитие экономики региона предполагает последовательную трансформацию его «региональных естественных преимуществ» в «региональные сравнительные преимущества» и, наконец, по мере накопления технологических способностей региона¹ — в «региональные конкурентные преимущества» на основе осуществления структурных изменений. Ключевым значением в этой трансформации, как подчеркивают некоторые российские ученые, является использование новых, передовых, технологий: «структурная перестройка экономики региона как фактор экономического роста в нашем понимании предполагает достижение сбалансированного во времени и пространстве развития звеньев цепочки: развитие отрасли (изменение количественного и качественного состава рабочих мест предприятий отрасли, их рациональное размещение в экономическом пространстве), внедрение инноваций, инвестиционное обеспечение, изменение обеспечивающей инфраструктуры и институтов, экспортная поддержка, подготовка кадров, социальная сфера» [9, с. 16].

Процесс технологического развития в регионах представляет собой постепенное, но непрерывное накопление «технологических способностей» для производства технологически все более сложной продукции. Структурные преобразования, инициированные регионами с учетом особенностей каждого из них, предполагают определение структурно-перспективных отраслей, развитие которых должно осуществляться за счет как дополнительных экономических ресурсов, так и в значительной мере перераспределяемых из структурно-депрессивных отраслей. Именно это способно стимулировать синергетический эффект развития инновационной деятельности в регионах: «отрасли-драйверы не только сами развиваются в инновационном плане, но и стимулируют внедрение инноваций в производственные процессы смежных производителей, инициируют привлечение частных инвестиций. Вокруг крупных компаний-инвесторов появляется множество малых высокотехнологичных фирм. На их основе могут быть созданы эффективные агломерации, которые, расширяясь естественным образом, способны образовывать современ-

¹ Технологические способности региона (*regional technological absorptive capacity*) — это накопленный технологический, научный, образовательный потенциал региона, соответствующий уровню сложности новых технологий, предполагаемых к внедрению в его экономику.

ные социально-экономические системы, приспособленные к длительному самостоятельному функционированию за счет круговорота ресурсов, продуктов и систем» [6, с. 42]. Такой процесс способен радикально изменить региональную как технологическую, так и экономическую систему.

Изменение «угла зрения» на содержание экономического развития регионов с инвестиций на инновации также характерно и для современной экономической политики, проводимой в некоторых других регионах мира, например, в ЕС. «Экономическая реструктуризация конца XX в., особенно упадок традиционных отраслей, привела к тому, что многие европейские регионы столкнулись с безработицей, потерей населения и спадом в сфере услуг. Реакцией ЕС на данную ситуацию является стремление оживить эти регионы посредством инвестиций в инфраструктуру, инновации и человеческий капитал» [17, с. 28].

Таким образом, учет регионального разнообразия при осуществлении структурных преобразований «региональных естественных преимуществ» в «региональные конкурентные преимущества» является одной из важнейших составляющих методологии пространственного развития экономики.

Принцип конвергенции — выравнивания уровней социально-экономического развития российских регионов при условии реализации их региональной технологической политики

Другим важным методологическим принципом формирования пространственной экономики в нашей стране является сглаживание диспропорций в экономическом развитии регионов, формирующих единое экономическое пространство. Сложившаяся ситуация, при которой экономическая активность, трудовые и финансовые ресурсы концентрируются в нескольких центрах, прежде всего в московской и Санкт-Петербургской агломерациях, повышает неустойчивость российской экономики в новых геоэкономических условиях. В период либеральной модели развития российской экономики доходы, формируемые в регионах вне зависимости от источника их происхождения, вывели на «экономический Олимп» сырьевые регионы, приморские регионы (обеспечивающие международные грузоперевозки), регионы, обладающие высоким потребительским потенциалом (прежде всего крупные городские агломерации).

Именно эти регионы в современных сложных экономических условиях становятся проблемными, перестройка их экономики требует значительных финансовых, интеллектуальных и временных затрат. Возможно, именно те регионы, которые «не вписались» в сырьевую специализацию, не испытали последствий «голландской болезни» и прежней высокой инвестиционной активности, связанной с пришествием иностранного капитала, станут именно той платформой, с которой начнется технологическое обновление российской экономики. Поэтому сами критерии отнесения того или иного российского региона к регионам-донорам или регионам-реципиентам могут существенно измениться под воздействием структурных изменений в экономике, снижения роли сырьевых отраслей и повышения роли отраслей, производящих высокотехнологическую, наукоемкую продукцию. В таком стратегическом развороте лидерство, скорее всего, уже не будет принадлежать тем регионам, которые эксплуатируют запасы экономически привлекательных и валютоемких природных ресурсов. Возможно, им на смену придут те регионы, которые способны создавать принципиально новые технологии, внедрять их в промышленное производство, создавать конкурентоспособную продукцию и успешно реализовывать ее на внутреннем и внешнем рынках, реализуя известную на Западе траекторию развития «прыжок лягушки» (leapfrog growth). И эти возможные тренды следует учитывать при формировании новой модели пространственного развития российской экономики.

В этой связи целевая установка на повышение темпов роста экономики российских регионов, реализуемая при условии поступательного технологического развития каждого из них, — является важнейшим условием конвергенции, укрепляющей внутреннее экономическое пространство¹. А это, в свою очередь, формирует потребность в обмене с другими российскими регионами, что укрепляет единое экономическое и политическое пространство.

Принцип «единства в разнообразии» — формирование новой модели межрегионального разделения труда, создающего центростремительные, интегрирующие взаимосвязи между российскими регионами

Существенную проблему для развития пространственной экономики в нашей стране представляют слабые связи между регионами, «у большинства соседних регионов нет между собой устойчивых социально-экономических связей — такова современная российская реальность» [5, с. 139].

Важно понимать, что практическая реализация технологически-ориентированной модели экономического развития в российских регионах, разнообразие технологических траекторий и, на этой основе, диверсификация российской экономики — это основное условие для усиления межрегионального экономического взаимодействия и, следовательно, экономического пространства нашей страны. Иными словами, укрепление внутреннего экономического пространства предполагает процесс максимальной реализации уникальных возможностей каждого российского региона и формирование условий для усиления межрегиональных центростремительных процессов на основе углубления межрегионального разделения труда. «Важно рассматривать экономики регионов как подсистемы национальной экономики, обладающие не только специфическими особенностями, но и существенными внутренними межрегиональными взаимосвязями, интегрирующими их в единое экономическое целое, в единую национальную экономическую систему» [2, с. 13]. Такое межрегиональное экономическое взаимодействие регионов является методологической основой для формирования единого экономического пространства. Как отмечает известный российский экономист А. Г. Гранберг, «переход к рыночной экономике и реальному федерализму сопровождается тем, что каждый регион — субъект Федерации — становится экономической подсистемой с сильной взаимосвязанностью своих основных элементов [4, с. 97].

Принцип разделения полномочий между федеральным центром и регионами (разделения труда между центром и регионами) в сфере технологического и экономического развития

Высшим уровнем организационной иерархии, в которой предприятия (микроуровень) формируют экономическую и технологическую конфигурацию экономики своих регионов, взаимосвязанных между собой, являются федеральные органы власти — федеральное правительство. Разработка методологических основ построения такой иерархической взаимосвязи является следующей важнейшей предпосылкой для формирования пространственной экономики. Как справедливо утверждают Климанов, Буданова и др., «инвентаризация и анализ существующих форм федеральной поддержки социально-экономического развития регионов России показали отсутствие системного подхода в формировании федеральной поддержки, отсутствие явной стратегии в отношении регионов, непоследовательность в реализации форм

¹ Конвергенция — выравнивание уровней технологического развития между странами или регионами. Предполагает «подтягивание» экономического развития отсталых стран и регионов до уровня развитых на основе «догоняющего роста» [1, с. 346].

поддержки и сложное нормативно-правовое регулирование всех форм поддержки» [7, с. 215–216]. Важность определения стратегии развития регионов и их интеграции в межрегиональные программы развития подчеркивают и другие российские ученые [10].

Пространственное развитие предполагает как укрепление горизонтальных связей между российскими регионами, так и вертикальных связей между федеральным центром и регионами. Как справедливо утверждает А.Г. Гранберг, «экономика России — не монообъект, а полифункциональный (много) региональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр — регионы) и горизонтальных (межрегиональных) взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей» [4, с. 72]. И в этой связи особенное значение приобретает разделение (разграничение) полномочий между федеральным центром и российскими регионами (общественное разделение труда между центром и регионами) уже не только в сфере распределения финансовых ресурсов, но прежде всего в сфере технологического развития страны.

В контексте данной проблемы важно определить компетенцию федерального центра в сфере разработки и использования технологических ресурсов для обеспечения решения общегосударственных задач, к которым следует отнести обеспечение национальной и экономической безопасности страны, развитие транспортной и информационной инфраструктуры, обеспечивающей поддержание единого экономического пространства страны и т. д. Реализация данной компетенции предполагает не только четкую идентификацию общегосударственных целей, но и определение ресурсов (в том числе финансовых) для обеспечения их реализации.

Технологическая компетенция регионов определяется целями регионального экономического развития, повышения уровня самообеспеченности за счет производства и реализации технологически сложной продукции, имеющей высокую добавленную стоимость и обладающей высокой конкурентоспособностью на внутреннем (стратегия импортозамещения) и внешнем (стратегия экспортоориентации) рынках. Именно в регионах формируется синергетический эффект — внедрение новых технологий продуктов или процессов приводит к последующей разработке улучшающих технологий (а иногда именно «побочные» изобретения, как показывает история, способны радикально изменить экономику), что становится двигателем рыночного саморазвития предпринимательской активности в регионах. Реализация данного направления экономического развития осуществляется как за счет собственных ресурсов региона (в том числе за счет их перераспределения из структурно-депрессивных отраслей в структурно-перспективные, а не за счет только лишь привлечения внешних инвестиций), так и за счет преимущественно нефинансовой поддержки федерального правительства (интеллектуального обеспечения технологического развития регионов, прежде всего, в результате подготовки кадров высшей квалификации и предоставления результатов передовых исследований и разработок — Research&Development — R&D, создания единого информационного ресурса поддержки инновационного развития регионов и т. д.).

Заключение

В настоящее время осуществляется проработка концептуальных основ технологической политики, направленной на укрепление технологического суверенитета России, закладываются отраслевые цели, такие как производство компонентов микроэлектроники, «умных» станков, газовых турбин и медтехники, замещение национальным производством импорта иностранной продукции, в таких отраслях, как авиационная промышленность; автомобилестроение; железнодорожное машиностроение; меди-

цинская промышленность и других. Развитие данных направлений предполагается осуществлять в результате выделения значительных государственных инвестиций. Но важно понимать, что создание российской технологической системы, включающей не только разработчиков новых технологий, но и предприятия-производители технологически новой продукции на принципах «лицом к лицу» (face to face interactions), формирование непрерывного взаимодействия между ними для постоянного технологического совершенствования продукции включает пространственно-территориальный аспект. Иными словами, технологическое развитие имеет пространственное измерение и это важно учитывать при разработке стратегии развития нашей страны не только в отдельных ее аспектах, но и во взаимосвязи между ними.

При изменении «угла зрения» в экономической теории и практике принятия решений с либерально-монетаристской на технологическую меняется и понимание проблематики пространственного развития экономики. Вместо ключевой роли денежных ресурсов в экономическом развитии важнейшее значение приобретает пространственно-территориальная организация экономической деятельности, создание и развитие региональных технологических систем, социально-экономическая конвергенция регионов и формирование на технологической основе новой модели межрегионального разделения труда. Появляются новые перспективы у экономически проблемных регионов, регионов-реципиентов и возникает потребность в новой модели разделения труда (компетенций) между федеральным правительством и региональными органами власти. В плане практических решений Стратегия пространственного развития Российской Федерации должна быть интегрирована со «Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации», принятой в 2024 г.¹ Такая постановка задачи будет способствовать пониманию необходимости технологической составляющей в экономическом развитии регионов и межрегиональном взаимодействии, с одной стороны, и территориально-пространственной составляющей в технологическом развитии нашей страны, с другой.

Литература

1. *Бойко И. В.* Экономика: фундаментальная, эмпирическая, прикладная : учебник для неэкономических вузов. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2024. 362 с.
2. *Бойко И. В., Сарышахин Э. Б.* Ресурсы и экономические возможности прибрежного региона. СПб. : Академия исследования культуры, 2015. 245 с.
3. *Бойко И. В., Черненко В. А.* Технологическая модернизация экономики российских регионов. СПб. : Изд-во СПбГУСЭ, 2010. 286 с.
4. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики : учебник для вузов. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 492 с.
5. *Зубаревич Н. В.* Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
6. *Клейнер Г. Б.* Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 40–45.
7. *Климанов В. В., Будаева К. В., Егоршева З. И., Еремина Д. А.* [и др.] Разграничение полномочий и межбюджетные отношения в системе государственного управления // Общественные финансы. 2017. № 34. С. 8–216.
8. *Коломак Е. А.* Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85–106. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
9. *Кузнецов С. В.* Об эффективности использования регионального потенциала // Региональная экономика и развитие территорий: сб. науч. ст. / под ред. Л. П. Совершаевой. 2019. № 1 (13). С. 15–22.

¹ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: Указ президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 26.03.2024).

10. Кузнецов С. В., Межевич Н. М. Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. № 2. С. 97–113.
11. Кузнецов С. В., Якишин Ю. В. Факторы роста экономики регионов России: структуралистический подход // Экономическое возрождение России. 2022. № 1. С. 93–105.
12. Минакир П. А. Стратегия пространственного развития в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020
13. Невьянцева Л. С. Оценка эффективности региональной инвестиционной политики в условиях обеспечения технологического суверенитета экономики // Статистика и экономика. 2024. Т. 21. № 1. С. 46–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2024-1-46-56>
14. Окрепилов В. В., Кузнецов С. В., Лачининский С. С. Приоритеты экономического развития регионов Северо-Запада в контексте стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2. С. 72–81.
15. Boiko I. Technological Reconstruction of the Global Economy. Globalization / IntechOpen; 2019. <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.75096> DOI: 10.5772/intechopen.75096
16. Regional Comparative advantage. FRBSF Weekly Letter. Number 93–97. October 29, 1993 [Электронный ресурс]. URL: https://fraser.stlouisfed.org/files/docs/historical/frbsf/frbsf_let/frbsf_let_19931029.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
17. Kalfas D., Kalogiannidis S., Ambas V., Chatzitheodoridis F. Contribution of the Cultural and Creative Industries to Regional Development and Revitalization: A European Perspective // Urban Sci. 2024. Т. 8. № 39. <https://doi.org/10.3390/urbansci8020039>
18. Zhang X., Tian C. Measurement and Influencing Factors of Regional Economic Resilience in China // Sustainability 2024, 16, 3338. <https://doi.org/10.3390/su16083338>

Об авторе:

Бойко Ирина Викторовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; ivboyko@mail.ru

References

1. Boiko I. V. Economics: basic, empirical and applied : textbook. Saint Petersburg : NWIM of RANEPА, 2024. 362 p. (In Russ.)
2. Boiko I. V., Sarishakhin E. B. Resources and economic capabilities of the coastal region. Saint Petersburg : The Culture Study Academy. 2015. 245 p. (In Russ.)
3. Boiko I. V., Chernenko V. A. Technological modernization of the economy of the Russian regions. Saint Petersburg : St. Petersburg State University of Service and Economy. 2010. 286 p. (In Russ.)
4. Granberg A. G. Basics of regional economics : textbook. Moscow : HSE University. 2000. 492 p. (In Russ.)
5. Zubarevich N. V. Spatial development strategy: priorities and instruments // Voprosy Ekonomiki. 2019. N 1. P. 135–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
6. Klainer G. B. Ecosystem economy: step into the future // Economic Revival of Russia. 2019. N 1. P. 40–45. (In Russ.)
7. Klimanov V. V., Budaeva K. V., Eremina D. A., Kuznetsov N. M. et al. The division of competence and interbudgetary relations in the state governing system // Public Finance. 2017. N 34. P. 8–216. (In Russ.)
8. Kolomak E. A. Spatial development of Russia in XXI century // Spatial Economis. 2019. Vol. 15. N 4. С. 85–106. (In Russ.) <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106>
9. Kuznetsov S. V. On the effectiveness of regional capabilities implementation // Regional economics and the development of terrains: collection of articles. 2019. N 1 (13). (In Russ.)
10. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M. Regional economic policy in the USSR: historic experience for the new economic conditions // Economic Revival of Russia. 2017. N 2. P. 97–113. (In Russ.)
11. Kuznetsov S. V., Yakishin Y. V. Growth factors of the economy of Russia regions: structuralist approach // Economic Revival of Russia. 2022. N 1. P. 93–105. (In Russ.)

12. Minakir P. A. Spatial development strategy: a view from the concepts of spatial organization in the economy // *Spatial Economics*. 2018. N 4. P. 8–20. (In Russ.) DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020
13. Nevyantseva L. S. Assessment of the effectiveness of regional investments policy in terms of ensuring the technological sovereignty of the economy // *Statistics and Economics*. 2024. Vol. 21. N 1. P. 46–56. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2024-1-46-56>
14. Okrepilov V. V., Kuznetsov S. V., Lachininsky S. S. Priorities of economic development of the Northwest regions in the context spatial development of Russia // *Problemy Prognozirovaniya*. 2020. N 2. P. 72–81. (In Russ.)
15. Boiko I. Technological Reconstruction of the Global Economy. *Globalization / IntechOpen*; 2019. <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.75096> DOI: 10.5772/intechopen.75096
16. Regional Comparative advantage. FRBSF Weekly Letter. Number 93–97. October 29, 1993 [Электронный ресурс]. URL: https://fraser.stlouisfed.org/files/docs/historical/frbsf/frbsf_let/frbsf_let_19931029.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
17. Kalfas D., Kalogiannidis S., Ambas V., Chatzitheodoridis F. Contribution of the Cultural and Creative Industries to Regional Development and Revitalization: A European Perspective // *Urban Sci*. 2024. T. 8. № 39. <https://doi.org/10.3390/urbansci8020039>
18. Zhang X., Tian C. Measurement and Influencing Factors of Regional Economic Resilience in China // *Sustainability* 2024, 16, 3338. <https://doi.org/10.3390/su16083338>

About the author:

Irina V. Boiko, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy); ivboiko@mail.ru

Проблемы методологии оценки теневой экономики

Печерица Е. В., Оробченко Д. М. *

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *unecon@orobchenko.ru

РЕФЕРАТ

Исследование охватывает анализ методологии и данных Росстата о «теневой экономике» России. Мы исследуем возможные недостатки в трактовке трех групп показателей: корректировок на экономические операции, не наблюдаемые прямыми методами; скрытой оплаты труда; занятости в неформальном секторе и занятости без регистрации и оформления. Ненаблюдаемая прямыми статистическими методами и нерегулируемая экономика охватывает значительную часть хозяйственной жизни страны. Официальные статистические данные американской системы национальных счетов времен Великой депрессии подчеркивают необходимость адекватных, полных и гармонизированных оценок теневой деятельности. Используя архивные данные и микроданные обследований Росстата, мы показываем, что расхождения в ревизиях (винтажах) официальных оценок могут превышать десять процентов ВВП. Корректировки валовой добавленной стоимости, используемые Росстатом, вне синхронного анализа национальных счетов, не соответствуют целям сопоставимости и гармонизации. Оценки скрытой оплаты труда крайне ограничены в части объяснительной и прогностической ценности. Оценки неформальной занятости, предложенные статистическим ведомством, фактически полностью совпадают с оценками занятости в неформальном секторе. Последние, в свою очередь, не отражают характер теневой экономики, так как опираются на производственный критерий. Мы полагаем, что менее популярные в литературе оценки занятости без оформления документов и (или) занятости без оформления самозанятости более пригодны для анализа динамики и структуры теневых практик. Однако использование подобных оценок осложняется закрытостью материалов обследований рабочей силы. Так, Росстат располагает непубличными оценками заявленной численности наемных работников, чьи работодатели уклоняются от уплаты налогов и сборов, а также данными о численности самозанятых, занимающихся предпринимательской деятельностью без регистрации, но не публикует их. Мы подчеркиваем необходимость разработки унифицированного подхода для повышения гармонизации и сопоставимости как национальной, так и международной статистики.

Ключевые слова: теневая экономика, ненаблюдаемая экономика, скрытая оплата труда, корректировки ВДС, занятость в неформальном секторе, винтажные данные Росстата

Для цитирования: Печерица Е. В., Оробченко Д. М. Проблемы методологии оценки теневой экономики // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 42–62.

Methodological Issues in Shadow Economy Estimation

Elena V. Pecheritsa, Daniil M. Orobchenko *

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; *unecon@orobchenko.ru

ABSTRACT

The study covers an analysis of Rosstat's methodology and data on Russia's "shadow economy". We explore potential shortcomings in the interpretation of three groups of indicators: adjustments for economic operations not observed by direct methods; unrecorded wage payments; employment in the informal sector and unregistered/undocumented employment. The economy unobserved by direct statistical methods and unregulated covers a significant part of the country's economic life. The official statistical calculations of the American system of national accounts during the Great Depression reflect the need for adequate, complete, and

harmonized estimates of shadow activities. Using archival data and microdata from Rosstat surveys, we show that discrepancies in revisions (vintages) of official estimates can lead to significant divergences, reaching tens of percentage points of GDP. The adjustments to gross value added used by Rosstat, without a synchronous analysis of national accounts, do not meet the goals of comparability and harmonization. Estimates of unrecorded wage payments are extremely limited in terms of explanatory and prognostic value. Finally, the estimates of informal employment proposed by the statistical agency virtually fully correspond to estimates of employment in the informal sector. The latter, in turn, do not reflect the nature of the shadow employment economy, as they rely on the production criterion. As we believe, the less popular in the literature estimates of undocumented employment and/or unregistered self-employment are more suitable for assessing the dynamics and structure of shadow practices in Russian employment. The use of such estimates is complicated by the closed nature of labor force survey materials. Thus, Rosstat holds non-public estimates of the number of employees whose employers evade taxes and contributions, as well as data on the number of self-employed individuals engaged in unregistered entrepreneurial activities, but does not publish this information. We emphasize the need to develop a unified approach to enhance the harmonization and comparability of both national and international statistics.

Keywords: shadow economy, unobserved economy, unrecorded wage, informal work, GVA adjustments, employment in the informal sector, Rosstat vintage data

For citing: Pecheritsa E. V., Orobchenko D. M. Methodological Issues in Shadow Economy Estimation // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 42–62.

Введение

Исследование теневой экономики предполагает междисциплинарный подход, включающий несколько научных областей. Каждая из этих областей применяет свои уникальные концептуальные и методологические инструменты¹. В зависимости от выбранной для анализа методологии формулируются различные оценки масштабов и природы теневой экономики. За исключением криминологических и, возможно, правовых аспектов, все остальные теоретические основы исследований предполагают использование экономической статистики или социологических данных.

Гипотеза о возможности достоверной оценки теневой экономики в рамках экономической статистики многократно пересматривалась. В ранних версиях национальных счетов, разработанных группой С. Кузнецца, учет незаконных видов деятельности в национальном доходе отвергался на основании того, что это соответствует «выражению общественного мнения, закрепленного в законодательстве страны» [31, с. 5]. Однако во второй и третьей редакциях руководства Системы национальных счетов (СНС) 1953 г. было предложено включение отдельных производственных видов деятельности, таких как черные рынки, в национальные счета. В последующей версии СНС-1968 (известной как «синяя книга») это положение было исключено. Современные исследователи отмечают, что исключение из учета незаконной продукции и незаконных условий производства оказалось непродуктивным шагом, значительно снизившим потенциал показателей СНС. Так, Р. Соловейчик отмечает, что в период действия сухого закона до 22% расходов на питание домашних хозяйств приходилось на алкогольную продукцию [32]. Расходы, равно как и производство алкоголя, были

¹ В литературе представлен широкий спектр концептуальных подходов к изучению теневой экономики. Одним из наиболее всеобъемлющих является комплексный (интегративный) подход, охватывающий исследование как криминальных, так и некриминальных сегментов этой экономики [16]. Международный опыт в области статистической оценки «ненаблюдаемой экономики» также предполагает разграничение между ее законными и незаконными аспектами [2; 9]. В этой работе теневая экономика рассматривается в рамках комплексного подхода.

целенаправленно исключены из национальных счетов. Это наблюдение позволяет сделать вывод, что реальный ВВП в период сухого закона мог быть на 3,3–3,5% выше. Следовательно, оценки роста ВВП США в 1934 г., после отмены сухого закона, могут быть существенно завышены.

С другой стороны, в 1970-е гг. экономики западных стран столкнулись с энергетическим кризисом и стагфляцией. Общество требовало ответов, и предположение П. Гутмана [30] о значительной (порядка 9,4%) нелегальной (англ. *illegal*) и неучтенной экономике широко разошлось в СМИ. Тем не менее руководство Бюро экономического анализа, ответственного за ведение национальных счетов, утверждало, что в силу инструментария корректировок более вероятно завышение ВВП США, чем недооценка [27]. Директор Бюро К. Карсон отмечала, что совокупная нерегистрируемая деятельность не может превышать 3% ВВП [28, с. 117]. Но уже в обновленной версии СНС 1993 г., подготовленной в том числе под руководством Карсон, отдельно оговаривался учет незаконных действий (параграфы 3.54–3.56), «скрытого производства» (англ. *concealed production*) и «неформального сектора». Со временем многие аспекты этих концепций были интегрированы в более широкую категорию «ненаблюдаемой экономики», которая была окончательно закреплена в «Руководстве по измерению ненаблюдаемой экономики» [10]. К моменту принятия СНС-2008¹ большинство развитых стран в той или иной форме внедрили учет ненаблюдаемой экономической активности в свои национальные счета [33; 34]. Однако даже в рамках наиболее передовых подходов «исчерпывающего охвата» Евростата оценки «ненаблюдаемой экономики» значительно варьируются² в зависимости от используемых методов (рис. 1). Как подчеркивает А. Фернандес, между оценками стран ЕС нет единства ни в подготовке первичных данных корректировок, ни в конкретных методиках и алгоритмах распределения корректировок по секторам экономики [29].

Российские исследователи последние десятилетия активно обсуждали проблемы статистической оценки теневой экономики. В их работах поднимались вопросы моделирования и уточнения границ официальной статистики [18], применения актуальных методов оценки с учетом задач государственного управления [1], анализа статистических расхождений [24], пересчета оценок на основе официальных статистических выкладок с поправкой на мнение экспертов [6], использования конъюнктурных обследований [5] и разработки собственных методик, включая региональные подходы [25; 26]. Отдельное внимание уделялось вопросам расчета скрытой занятости [4], статистической типологизации рынков аддитивных благ [21], обоснованной критики в достоверности официальной статистики [17, с. 76–81], роли социологических данных [24], использованию данных мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ как альтернативы оценкам Росстата [3] и перспективам оценок в рамках ФСГС [13], включая оценки нелегальной деятельности [2; 11].

¹ Черновой вариант СНС-2025 и седьмая редакция Руководства по платежному балансу (РПБ) вводят дополнительное понятие «неформальной производственной деятельности» (англ. «*informal productive activities*»), основанное на концепции «неформальной экономики», принятой на 21-й Международной конференции статистиков труда. В то время как Международная организация труда (МОТ) исключает нелегальную (англ. «*illegal*») и неэтичную/незаконную (англ. *illegality*) деятельность, РПБ и СНС-2025 рекомендуют включать эти виды деятельности в оценки ВВП. Предполагается, что обследования рабочей силы (ОРС) станут ключевым источником данных для оценки «неформальной экономики» в определении МОТ [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/snaupdate/2025/2025SNA_CN39_V11.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

² В частности, использование метода «суммирования доходов» (англ. *income approach*) и «производственного метода» (англ. *production approach*) в Румынии давало на 2013 г. корректировку на 33,1% ВВП, а метод «конечного использования» (англ. *expenditure approach*) давал лишь 13,2% ВВП.

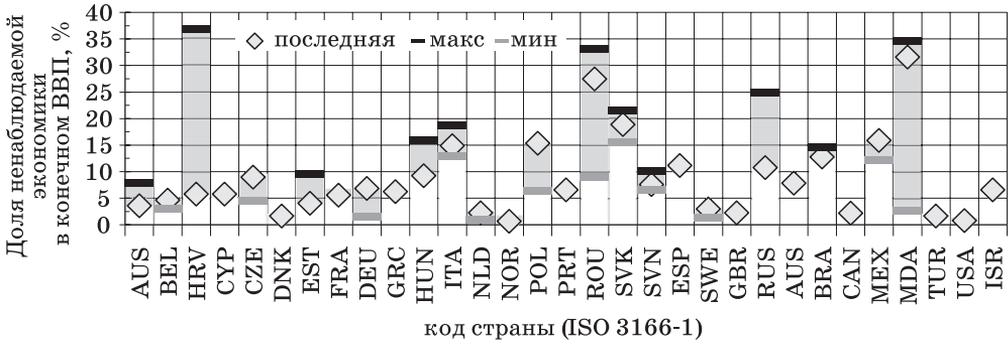

Рис. 1. Доля ненаблюдаемой экономики в конечном ВВП¹
Fig. 1. Share of the non-observed economy in GDP

¹ Рассчитано на основе данных инвентаризации ВНД, опубликованных в системе CIRCABC ([Электронный ресурс]. URL: <https://circabc.europa.eu/ui/group/7eb29b7b-33b0-4c9f-851b-e370277bb9e5>), материалах А. Фернандес [29], ОЭСР [34], ЕЭК ООН [35], данных Росстата по произведенному ВВП. Период отчетности 2007–2020 гг., исключение составляют страны: Соединенное Королевство (2005), Австралия (2001), Бразилия (1996–2003), Молдова (1998–2002), Турция (1995–2005), США (1992, 1997).

Несмотря на значительную практическую и теоретическую базу, отечественные исследователи, используя ряд официальных оценок Росстата, часто игнорируют методологическую основу этих оценок и специфику их пересмотра. В данной работе мы демонстрируем существенные аспекты трех популярных оценок «теневого экономики»¹, показываем влияние методологии и ревизии оценок на их адекватное приложение, а также предлагаем альтернативный подход к теневой занятости на основании данных Росстата.

Мы полагаем, что существующие методологические подходы, внедренные Росстатом, ведут к значительным искажениям в понимании объема и структуры «теневого экономики». Кроме того, вольное использование таких оценок исследователями может существенно ухудшить качество и достоверность их выводов для целей разработки, реализации, мониторинга и анализа макроэкономической и социальной политики.

Методы

Мы анализируем различные ревизии официальных оценок Росстата с целью определения диапазонов вариации выбранных показателей. Мы также исследуем, как разные версии этих оценок влияют на разброс выводов о «теневого экономике» на региональном уровне. Для демонстрации потенциальных методологических сложностей, снижающих адекватность сравнений как во временном аспекте, так и в международном контексте, мы анализируем официальные методологии Росстата и международные рекомендации по аналогичным показателям. Кроме того,

¹ Существуют и другие статистические показатели, которые используют российские исследователи, например: налоговые недоимки, статистика преступности, статистика «оттока/ввоза капитала частным сектором» (в современной редакции ЦБ «финансовые операции частного сектора») и т. д. Наше исследование ограничивается данными Росстата. В частности, из приказа Росстата от 07.12.2018 № 732 следует, что корректировки статистических показателей для информирования широкого круга пользователей могут трактоваться как показатель «теневого экономики».

мы сравниваем официальный показатель занятости в неформальном секторе с рядом возможных альтернативных оценок, рассчитанных по микроданным обследований рабочей силы (далее — ОРС).

Результаты и обсуждение

Федеральная служба статистики не публикует официальные оценки «теневой экономики»¹, однако Статкомитет СНГ предоставляет данные о «доле ненаблюдаемой и теневой экономики в ВВП». Этот показатель, как правило, близок к оценке «теневых операций юридических лиц», публикуемой в рамках корректировок валовой добавленной стоимости (ВДС)². Мы считаем, что корректировки ВДС на ненаблюдаемую экономику представляют собой наилучшее приближение к официальной оценке неформальной и теневой экономики. В актуальной (второй за 25 лет³) публичной редакции методологии, утвержденной приказом Росстата от 21.12.2023 № 676, определяются подходы к оценке ненаблюдаемой экономической деятельности, включающей законное, но намеренно скрываемое от государственных органов «теневое производство» (состоит из «теневых операций юридических лиц» и «скрытого производства индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица»), а также «неформальную деятельность» некорпорированных предприятий, *за исключением деятельности индивидуальных предпринимателей*⁴. Методология фиксирует, что «незаконная деятельность» не учитывается при расчетах ВВП России, хотя она включена в концептуальную базу ненаблюдаемой экономики. Следует отметить, что разделы ОКВЭД 2: «деятельность экстерриториальных организаций и органов» (раздел U) и «государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» (раздел O) исключены из

¹ Государственный комитет СССР по статистике в 1990 и 1991 гг. опубликовал официальную статистическую оценку «теневой экономики» [22, с. 127].

² Например, в статистическом бюллетене «Статистика СНГ» [23], где «теневая экономика» России оценивается в 3,6% на 2020 и 2,8% на 2021 г. Аналогичные оценки публикует и Росстат. На наш запрос Служба не смогла пояснить источник данных, тождественность концептуальных границ и методологию показателей, опубликованных Статкомитетом СНГ и Росстатом.

³ Ранее действовало Постановление Госкомстата РФ от 31.01.1998 № 7, утверждающее «Основные методологические положения по оценке скрытой (неформальной) экономики», но его подходы и связь с последующими оценками ВДС неясны. Кроме того, отметим, что во втором томе «Методологических положений по статистике» (1998 г.) Госкомстат предлагал методологию определения общего объема промышленного производства с учетом оценки скрытой и неформальной деятельности [14].

⁴ Из методологии следует, что на концептуальном уровне Росстат включает в неформальную деятельность «производственную деятельность сектора «Домашние хозяйства», за исключением деятельности индивидуальных предпринимателей». Однако в системе национальных счетов России деятельность индивидуальных предпринимателей обычно включается в деятельность сектора «Домашние хозяйства». Росстат также включает в категорию «неформальной экономической деятельности» предпринимательскую деятельность граждан без образования юридического лица или на индивидуальной основе, вне зависимости от того, имеют ли они государственную регистрацию в качестве предпринимателя. Однако существует разрыв между этой концепцией и практическими методиками. Например, методология включает в «неформальную деятельность» домашних хозяйств «производство товаров и услуг как для рыночной продажи, так и для собственного конечного использования», но на стадии подсчета учитывается только для рыночной продажи. Оценки ненаблюдаемой экономики по разделам F «Строительство» и G «Торговля оптовая и розничная» предполагают включение затрат индивидуальных предпринимателей в неформальную деятельность, но объем выпуска скрытого производства индивидуальных предпринимателей не учитывается.

оценок ненаблюдаемой деятельности¹. Для оценки экономической деятельности с учетом ее специфики используются отдельные методики.

Публикация оценок корректировок произведенного валового внутреннего продукта (т. е. валовой добавленной стоимости) осуществляется Росстатом за отчетный период с 2002² по 2016 г. в разрезе ОКВЭД 2007, а с 2017 г. — по ОКВЭД 2³. Первые оценки ВДС за предыдущий год, включая корректировки на «экономические операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами», как правило, публикуются в первой декаде февраля, вторая оценка — в первой декаде апреля, а третья — в третьей декаде декабря⁴. Анализ последних показывает, что в настоящее время подобная корректировка оценок, как правило, не превышает 1% ВВП. Однако структура ненаблюдаемых операций остается подвижной. Например, Росстат снизил оценку теневых операций юридических лиц на 2020 г. для разделов N и G на 2,1 процентных пункта.

Различия в оценках за более ранние годы могут превышать 4% ВВП (рис. 2). В частности, для 2010–2013 гг.⁵ эти расхождения варьировались от 3,3 до 4,4% ВВП. В деталях этот пересмотр предполагал перерасчет неформального сектора на дополнительные 5%, включая введение постфактум раздела Р «Деятельность домашних хозяйств»⁶. Вероятно, столь серьезные расхождения частично связаны с переходом на ОКВЭД 2, хотя это не объясняет всех аномалий. Значительные корректировки были проведены, например, для 2004 г., когда в первоначальной ревизии сборника «Национальные счета России в 2001–2008 гг.» (опубликован в 2009 г.) корректировка ненаблюдаемых операций составляла 19,3% итогового ВВП, а в сборнике 2010 г. — 17,2%. По разделу G (оптовая и розничная торговля) за 2010 г. первоначальная корректировка в 30,4% была снижена до 12,4% ВДС. В этот же год корректировка по разделу H (гостиницы и рестораны) была снижена с 46 до 25,4%⁷. По разделу K (операции с недвижимым имуществом) за 2011 г. первоначальная корректировка составляла 34% ВДС, включая 17,6% на теневые операции и 16,4% на неформальный сектор экономики, однако в последующих редакциях эти значения изменились до 10,2 и 42,5% соответственно.

¹ На 2003 г. по разделу L (государственное управление) Росстат оценил корректировку в 0,01% ВДС раздела. См. базу данных ВДС годы ОКВЭД 2007 (с 2002 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 15.11.2024).

² В материалах сотрудников Госкомстата/Росстата отмечается, что оценки ненаблюдаемой экономики для целей корректировки производились по крайней мере для 1998 г. [20], например, см. доклад главы Госкомстата В. Л. Соколин [Электронный ресурс]. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2000/19.r.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

³ На наш запрос Росстат отметил, что данные ВДС публикуются в разрезе ОКВЭД 2 с 2011 г. на официальном портале. На момент подготовки данного материала на портале Росстата доступен файл в редакции от 05.04.2024, который не содержит данных о корректировках на 2023 г. Актуальная редакция и архивные публикации Росстата не содержат оценок корректировки ВДС по ОКВЭД 2 за 2011–2016 гг. Мы демонстрируем, что затянувшийся процесс перехода на ОКВЭД 2 привел к серьезным расхождениям в оценках корректировок на период с 2010 по 2013 г.

⁴ См. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 г. № 671-р.

⁵ Портал Росстата и сб. «Национальные счета России» за периоды 2005–2012, 2006–2013, 2007–2014 гг. в сравнении со сб. «Национальные счета России в 2004–2011 гг.».

⁶ Верхняя оценка корректировки по данному разделу на 2010 г. составляла 74,6% ВДС в редакции сб. 2012 г. В последующих сборниках вклад раздела сведен к 0%.

⁷ При этом корректировка на 2011 г. по разделу, согласно сб. 2013 г., включала корректировку на теневые операции в 17,6% и неформальную экономику в 18% ВДС по разделу. В редакции сб. 2014 г. и последующих годов корректировка составляет примерно 17% на теневые операции и 1% на неформальный сектор экономики.

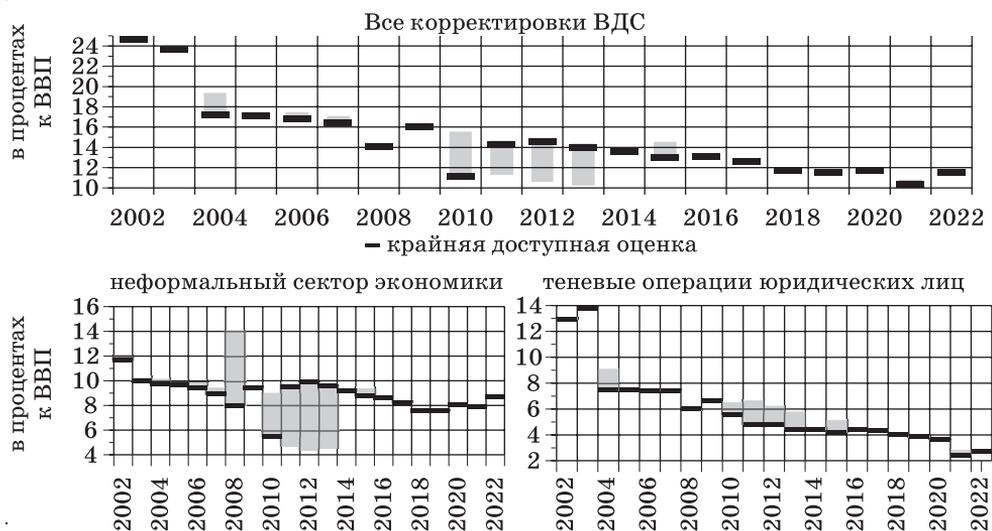

Рис. 2. Диапазон винтажных данных корректировок ВДС¹
 Fig. 2. Range of vintage data for GVA adjustments

¹ Пересмотр 2008 г., по всей видимости, связан с явной опечаткой в сб. 2011 г.

Пересмотру подверглись и «базовые» сектора экономики. Диапазоны оценок обрабатывающего производства и операций с недвижимым имуществом представлены на рис. 3. Другие разделы ОКВЭД также подверглись пересмотру более чем на 5% ВДС, включая разделы О (предоставление прочих услуг) в 2010–2013 гг., А (сельское хозяйство) за 2010–2015 гг. и F (строительство) за 2005, 2010–2013 гг.

В контексте оценки «теневой экономики» ключевую роль играют показатели «ненаблюдаемой экономики», разбитые в том числе по разделам ОКВЭД. Эти показатели, отражающиеся в относительных объемах произведенного ВВП (ВДС), концептуально наиболее близки к международному пониманию «теневой экономики» (англ. shadow economy), т. е. к законной деятельности, которая по тем или иным причинам не регулируется государством. Однако существует ряд ограничений и проблем, связанных с отсутствием единой методологии их оценки, включая разнообразие подходов и значительные пересмотры. Оценки «ненаблюдаемой экономической деятельности» в разрезе ОКВЭД за разные периоды могут быть лишь условно сопоставимыми, так как часто строятся на основе существенно отличающихся методик расчета.

Методология корректировок ВДС не позволяет изучать «теневую экономику» в региональном разрезе¹. Тем не менее некоторые авторы предпринимали попытки экстраполировать федеральные оценки ненаблюдаемой деятельности на уровень субъектов РФ. Например, прямую экстраполяцию предлагают Е. Н. Невзорова, А. П. Киреенко и И. А. Майбуров [15]. В свою очередь В. А. Самсонов и С. К. Сеитов используют комплексный подход [19]. Исследования Невзоровой и других охватывают период с 2004 по 2017 г., а Самсонова и Сеитова — с 2010 по 2016 г. Оба исследования включают 2010–2013 гг., когда расхождения между

¹ Как отмечает Ю. С. Зайцева, ненаблюдаемая экономика включается в расчеты ВРП с 1997 г. [7, с. 91]. Сотрудниками ФСГС осуществляются неофициальные оценки вклада ненаблюдаемой экономики в ВРП, например [12].

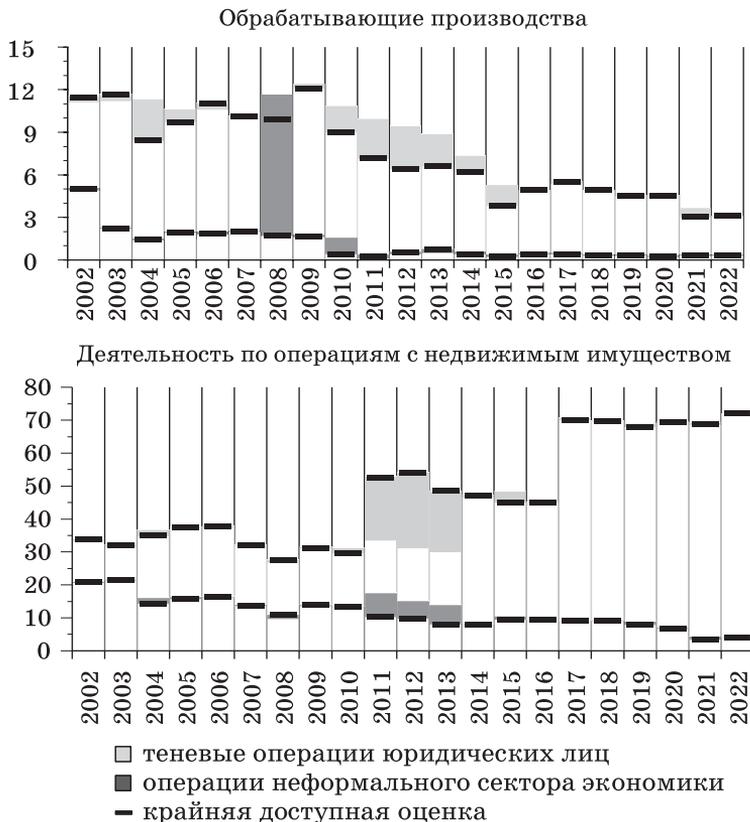

Рис. 3. Диапазон винтажных данных отдельных видов деятельности
 Fig. 3. Range of vintage data for various types of activities

ревизиями корректировок достигали 4,4% ВВП. Важно отметить, что на переосмотры оценки ненаблюдаемой экономики накладываются также переосмотры структуры экономики (в разрезе ОКВЭД), что в некоторых случаях приводит к расхождениям более 4% на федеральном уровне и до 20% валового регионального продукта (ВРП) на уровне субъектов.

Одним из ключевых индикаторов «теневой экономики» является показатель «оплата труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами». Методология, утвержденная приказом Росстата от 18.05.2023 № 233, предполагает учет ненаблюдаемых доходов, рассчитываемых «в совокупности балансовым путем как разница между суммарными расходами на все нужды домашних хозяйств, включая прирост их финансовых активов за минусом обязательств, и формально зарегистрированными доходами»¹. Этот показатель включает «ненаблюдаемую оплату труда и смешанные доходы», рассчитываемых «в совокупности балансовым путем как разница между суммарными расходами на все нужды домашних хозяйств, включая прирост их финансовых активов за минусом обязательств, и формально зарегистрированными доходами», при этом «показатель оплаты труда и смешанных доходов, ненаблюдаемых прямыми статистическими методами, включает: ненаблюдаемую оплату труда и смешанные доходы,

¹ Следует из методологических комментариев Росстата.

рассчитываемые на основе баланса; оплату труда домашних работников»¹. Показатель представлен только на федеральном уровне, без детализации по видам деятельности или регионам². Годовые оценки оплаты труда и доходов, не наблюдаемых прямыми статистическими методами, публикуются Росстатом в сборниках и консолидированных счетах в абсолютных значениях, а квартальные — в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС).

Равно как и оценки корректировок ВДС, показатель скрытой оплаты труда подвергается частым ревизиям. В ряде случаев пересмотр оценок не сопровождался синхронными изменениями во всех счетах (рис. 4). Так, пересмотр скрытой оплаты на 2006 г. не повлек изменения оценок ВВП и совокупного итога по разделу «оплата труда наемных работников», включающего скрытую оплату. В то же время пересмотр на 2008 г. предполагал минимальные изменения оценок скрытой оплаты при серьезных корректировках совокупной оценки оплаты труда. Объемные пересмотры касаются 2019 г., где актуальная оценка Росстата на 32% меньше первоначальной.

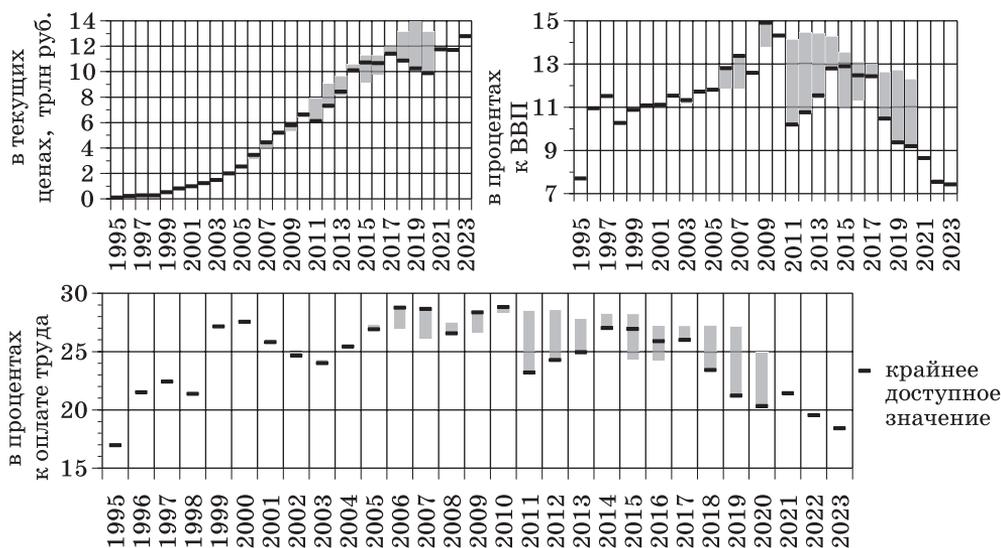

Рис. 4. Диапазон винтажей оценок скрытой оплаты труда
Fig. 4. Range of vintage data on unrecorded wage

¹ На наш запрос Росстат сообщил, что данные по показателям размещены на портале ЕМИСС: рубрика «1.2.1. Консолидированные счета за предыдущий год в текущих ценах» — показатель «оплата труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами, рассчитанные на основе баланса» (регулярность квартал); рубрика «1.2.3. Информация о формировании валового внутреннего продукта Российской Федерации по источникам доходов» — показатель «оплата труда наемных работников» раздел Т «Деятельность домашних хозяйств».

² Ряд авторов ссылаются на существование региональных оценок от Росстата. Например, Н. В. Зубаревич пишет, что «доля «других доходов» (т. е. скрытой заработной платы) различается по регионам [8, с. 75–78]. На наш запрос Росстат ответил, что «ненаблюдаемая оплата труда и смешанные доходы [в публикациях ранее 2015 г. показатель назывался «скрытая оплата труда и смешанные доходы»] в методологии Национальных счетов на региональном уровне не рассчитываются из-за отсутствия полного набора необходимой информации». Отметим, что показатель «другие [денежные] доходы»/«другие выплаты»/«прочие денежные поступления» действительно публикуется некоторыми региональными управлениями Росстата. Однако публикации по данному показателю весьма фрагментарны. Например, Управление Росстата по Татарстану публикует оценки в части статистики денежных доходов «без скрытой (официально не учтенной) заработной платы», а Петростат — «включая скрытую (официально не учтенную) заработную плату».

Наконец, Росстат публикует оценки численности занятых в неформальном секторе (англ. *employment in the informal sector*). Эта статистика официально публикуется и в разрезе ОКВЭД, и в региональном разрезе. Однако данный показатель рассчитывается Росстатом с использованием производственного подхода. В статистике труда и обследования рабочей силы (ОРС)¹ в «неформальный сектор» включаются все зарегистрированные и незарегистрированные индивидуальные предприниматели, а также наемные работники, занятые у индивидуальных предпринимателей и (или) других граждан². Однако в число лиц, занятых в неформальном секторе, не включаются работники, нанятые любыми юридическими лицами, в том числе занятые эпизодически от случая к случаю и (или) оформленные по устной договоренности, без оформления документов, и (или) получающие оплату продуктами или товарами³. Кроме того, в указанные границы не входят занятые в производстве домашних хозяйств для собственного конечного потребления, но входят занятые для целей продажи.

Хотя эти методологические подходы соответствуют международным стандартам в части занятости в неформальном секторе⁴, для идентификации неформальной занятости (англ. *informal employment*) используются другие критерии: факт выплаты работодателем взносов на социальное страхование; наличие письменного контракта; доступ к оплачиваемому отпуску и больничному. Росстат также оценивает «неформальную занятость в несельскохозяйственном секторе» в рамках Целей устойчивого развития ООН⁵. Методология этого показателя

¹ См. Приказ Росстата от 29.12.2023 № 707 «Об утверждении основных методологических и организационных положений по проведению выборочного обследования рабочей силы».

² См. Приказ Росстата от 31.12.2020 № 869 (ред. от 22.09.2023).

Микроданные ОРС свидетельствуют, что на 2023 г. из 13 444 тыс. занятых в неформальном секторе (по критериям, частично пересекающимся) примерно 34% заняты в связи со статусом самозанятого или индивидуального предпринимателя (ИП), 59% — как наемные работники ИП и физических лиц, и лишь 9% — в собственном домашнем или личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) с целью получения дохода. Из 4 087 тыс. занятых на основном месте работы индивидуальной предпринимательской деятельностью, не менее 26% указывают наличие статуса самозанятого, а не менее 44% — зарегистрированного ИП. Кроме того, из 8 018 тыс. занятых у ИП или физических лиц, не менее 68% уверены в том, что работают на основании письменного трудового договора. Таким образом, на зарегистрированных индивидуальных предпринимателей и их официально оформленных работников может приходиться более 61% занятых в неформальном секторе. Отметим, что Федеральная налоговая служба «видит» на 2023 г. больше действующих ИП (4,1 млн), но меньше их оформленных работников (3,4 млн).

³ Численность подобных неформальных занятых можно оценить используя, например, вопросы VRDG, TIP_DG (ранее ZAN_DG), ZP7, VZNOS анкеты ОРС.

⁴ По данным МОТ, существует до пяти основных критериев для идентификации неформального сектора. Принадлежность к институциональному сектору (этот критерий использует Росстат) применяют порядка 66% опрошенных МОТ стран (см. ILO. Room document: 2 Country practices for measuring informal sector and informal employment ICLS/21/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/meetingdocument/wcms_894153.pdf) (дата обращения: 15.11.2024). В отчете МОТ «Women and men in the informal economy: A statistical picture. Third edition» для России использовались данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ ВШЭ). Росстат ответил на наш запрос о причинах использования данных ВШЭ следующее: «Согласно п. 2.10.10 ФПСР в соответствии с вопросниками для Ежегодника МОТ Росстатом предоставляется статистическая информация по статистике труда, полученная по итогам ОРС. Статистическая информация в перечисленных публикациях формируется по итогам ОРС, иные базы данных для расчетов не используются».

⁵ Показатель был введен в качестве индикатора ЦУР резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/71/313 и заменен резолюцией E/CN.3/2020/2 на показатель «Доля неформальной занятости от общей занятости в разбивке по сектору и полу». Росстат не пересматривает подобную разбивку показателя в своих публикациях.

неясна¹, и, по всей видимости, данный показатель в статистике Росстата является вариацией показателя «занятости в неформальном секторе» и не может трактоваться как индикатор неформальной занятости. Последний включает в себя занятых: в домохозяйствах, производящих товары для собственного конечного потребления; иных неформальных работников вне неформального сектора, в том числе неформальных работников реального сектора. Кроме того, данный показатель рассчитывается только на федеральном уровне с разбивкой только по полу. Следует отметить, данный показатель (как и основные показатели труда) практически не пересматривается Росстатом со временем. Некоторые изменения фиксировались только до 2010 г. и на 2022 г., что было связано с проведением Всероссийской переписи населения (ВПН), рис. 5.

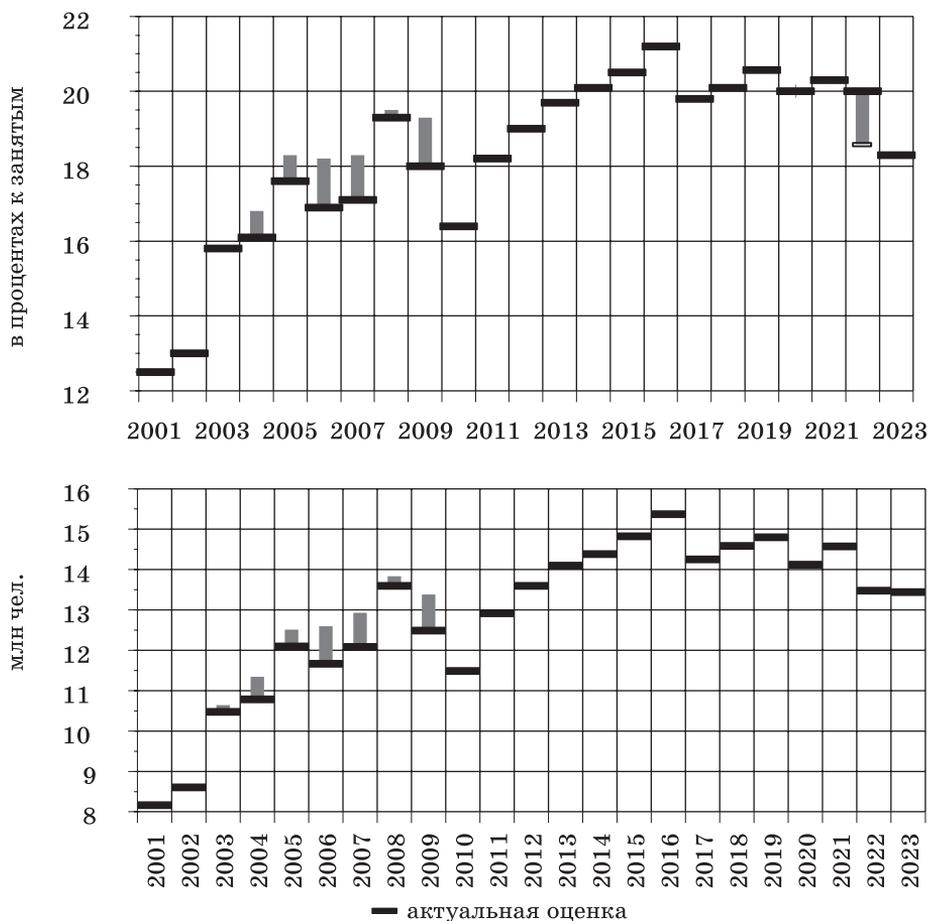

Рис. 5. Диапазон винтажных данных численности занятых в неформальном секторе
Fig. 5. Range of vintage data on employment in the informal sector

¹ Из методологических комментариев Росстата, размещенных в ЕМИСС, следует, что показатель «рассчитывается как отношение численности занятых в неформальном секторе экономики к общей численности занятого населения (во всех видах экономической деятельности, за исключением сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства рыболовства и рыбоводства)».

Таким образом, границы занятости в неформальном секторе (с учетом российской специфики) пересекаются лишь частично с общепринятыми представлениями о теневой экономике. В статистике труда Росстат включает в «неформальный сектор» зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, которые полностью соблюдают законодательство и предоставляют всю необходимую отчетность. Однако концептуальные различия между определениями неформального сектора в трудовой статистике и в статистике национальных счетов вызывают значительные расхождения. Например, из статистики доходов (при формировании ВВП по источникам доходов) и корректировок на ненаблюдаемую экономику (при формировании произведенного ВВП) из «неформального сектора» и, следовательно, сектора домашних хозяйств целенаправленно исключена деятельность индивидуальных предпринимателей, адвокатов и нотариусов, тогда как в статистике труда их деятельность учитывается. В то же время в статистике труда исключена деятельность домашних хозяйств для собственного использования. Эти расхождения порождают необходимость в методологическом обосновании, которое на данный момент не представлено.

Красочным примером является деятельность гостиниц и предприятий общественного питания¹, до 2011 г. корректировки ВДС на операции неформального сектора были более-менее сопоставимы с долей занятых в неформальном секторе. Однако после 2011 г. официально регистрируемая доля занятых в неформальном секторе значительно превышает их вклад в добавленную стоимость. На 2021 г. при 32% занятых в неформальном секторе в сфере гостиниц и общественного питания² их вклад в добавленную стоимость составил лишь 0,4% (рис. 6). Такое абсурдное положение дел объясняется тем, что в статистике труда индивидуальные предприниматели включаются в неформальный сектор, а в статистике ВДС они исключаются из него.

Ранее мы отмечали, что черновой вариант СНС-2025 и РПБ-7 предполагает введение категории «неформальной экономики» (в соответствии с определением МОТ). Подчеркивается, что новая категория отличается от категории «ненаблюдаемой экономики» в цели и задачах. Полагаем, что актуальная версия ОРС предоставляет некоторые первичные данные для оценки этой новой категории. Так, в рамках ОРС Росстат собирает и обрабатывает данные о численности занятых на основании устных договоренностей (без оформления документов), а также о численности уклоняющихся от регистрации самозанятых. Первый показатель в агрегированной форме доступен в официальных сборниках Росстата, а также в расширенном формате в материалах итогов обследования рабочей силы (рис. 7). Кроме того, современная анкета ОРС Росстата предполагает вопрос об условиях удержания налогов и сборов. В частности, вопрос «VZNOS»³ гипотетически позволяет оценить численность наемных работников, чей работодатель уклоняется от уплаты налогов. К сожалению, на наш запрос Росстат сообщил, что показатели «не публикуются и не предоставляются пользователям, а используются только для формирования агрегированных переменных ST_TVP, ST_RISK, ST_TRUD». В свою очередь, Белстат в ответ на наш запрос предоставил данные 10-процентной микровыборки: 5386 наблюдений, 3365 занятых ре-

¹ До 2016 г. включительно использовались данные в разрезе ОКВЭД 2007 по разделу «Гостиницы и рестораны», так как статистика корректировок на ненаблюдаемую экономику по ОКВЭД 2 доступна только с 2017 г.

² Показатель доли занятости в неформальном секторе относительно всех занятых по разделу рассчитан нами. На наш запрос Росстат подтвердил корректность расчетов.

³ Формулировка вопроса ОРС: «Как Вы думаете, Ваш работодатель делает налоговые отчисления со всей суммы Вашей заработной платы или только с ее части?». Среди возможных ответов: «Работодатель вообще не платит налог», «Платит только с части зарплаты».

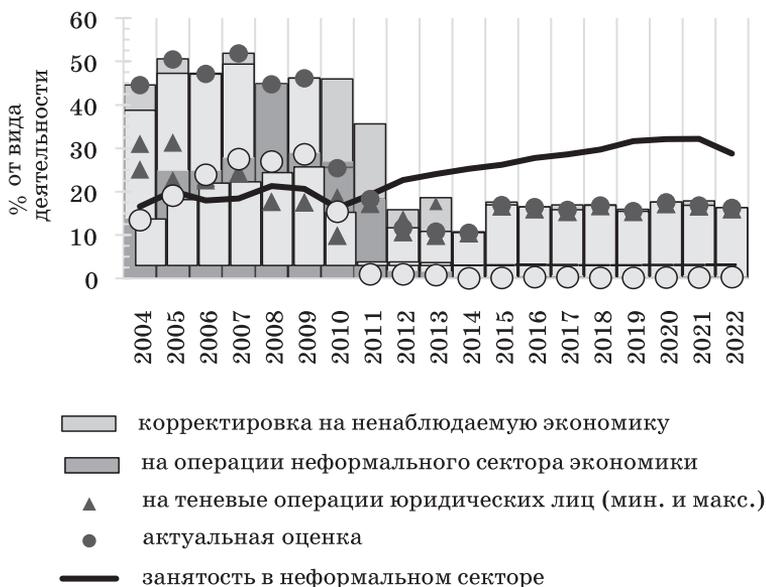

Рис. 6. Винтажные данные корректировок ВДС и занятости в неформальном секторе по разделу ОКВЭД «Гостиницы и рестораны»

Fig. 6. Vintage data on GVA adjustments and employment in the informal sector by type of activity accommodation and food service activities

спондентов (репрезентируют 481,7 тыс. чел.); без оформления документов заняты 23 респондента (взвешенные 2,9 тыс. чел.). В части уплаты налогов выборка демонстрирует: 3032 респондента (433,9 тыс. чел.) сообщили о полном удержании налога работодателем; 114 респондентов затруднились с ответом (16,7 тыс. чел.); вопрос пропущен 41 наемным работником (5,8 тыс. чел.); 3 респондента (0,5 тыс. чел.) сообщили о частичном уклонении работодателя; 1 респондент — о полном уклонении от уплаты налога. Таким образом, данные Белстата могут свидетельствовать либо о редкой занятости без оформления и редких попытках уклонения от уплаты налога в Республике Беларусь (менее 0,5% от числа занятых в выборке), либо о высокой доле ложных ответов, полученных государственными интервьюерами¹.

Кроме того, микроданные Росстата позволяют оценить численность незарегистрированных самозанятых (рис. 8) на основании специального вопроса (код «USLRAB»)². Отметим, что оценка незарегистрированной самозанятости может быть занижена, с одной стороны, из-за дизайна анкеты ОРС, которая допускает, что занятые «в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица (ИП), на предприятии индивидуального предпринимателя» могут определять собственное дело как зарегистрированное юридическое лицо (!).

¹ Отметим, что в рамках «Всемирного исследования ценностей» в Беларуси фиксируется сопоставимый с РФ уровень готовности оправдать неуплату налогов. В свою очередь в РФ (по расчетам на микроданных РМЭЗ ВШЭ) уклоняются от уплаты налогов не менее 11% занятых на предприятиях.

² На наш запрос Росстат сообщил, что «статистическая информация по переменным uslrab, uslrab_vt, vosnrб не формируется и не предоставляется». Вместе с тем материалы вопроса используются, например, для оценки объема «незарегистрированной деятельности» (см. Приказ Росстата от 20.12.2023 № 668).

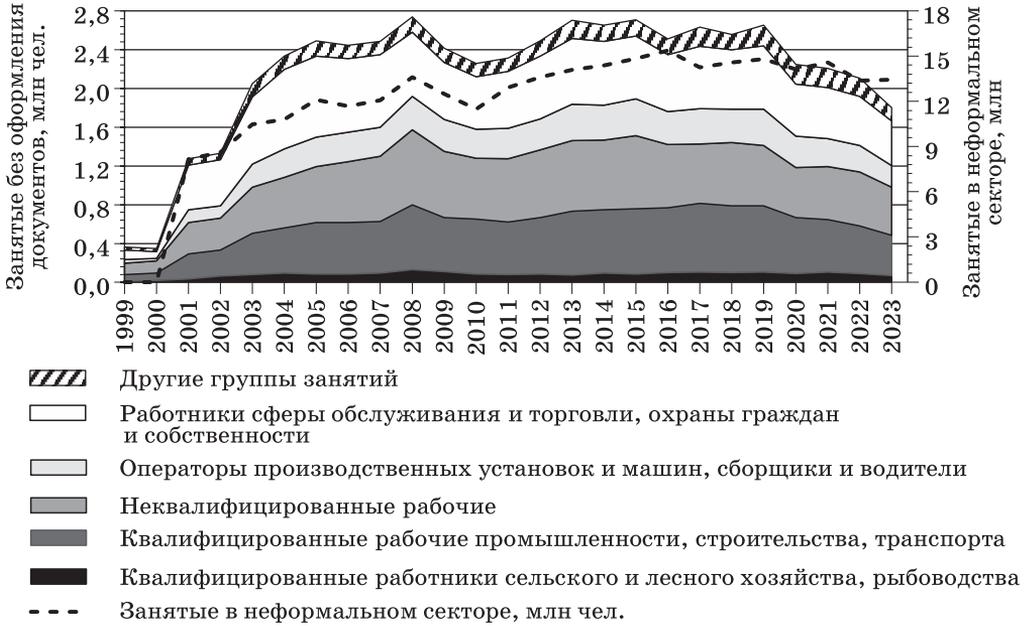

Рис. 7. Динамика численности работающих, занятых на основе устной договоренности, по основным группам занятий¹
 Fig. 7. Dynamics of the number of employees working based on verbal agreements in their main job, by major occupational groups

¹ Группы занятий по основному месту занятости. Оценки с 2010 по 2023 г. рассчитаны авторами на основании публичных микроданных ОРС (размещенных на официальном сайте Росстата <https://rosstat.gov.ru/> в рубрике: Трудовые ресурсы, занятость и безработица / Занятость и безработица / Микроданные выборочных обследований). Оценки с 1999 по 2009 г. были предоставлены Росстатом в ответ на наш запрос.

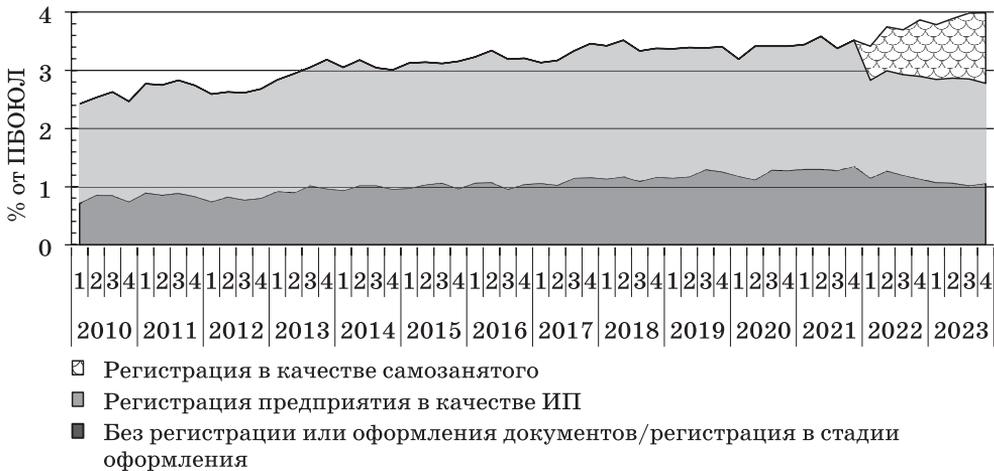

Рис. 8. Динамика незарегистрированных самозанятых и ИП
 Fig. 8. Dynamics of unregistered self-employed individuals and sole proprietors

С другой стороны, факт исключения из микроданных ОРС вопросов о «качестве» занятости респондента и о регистрации самозанятых и индивидуальных предпринимателей на втором месте занятости также может влиять на оценку.

Вопрос о занятости на основании устной договоренности (без оформления документов) задается не только в рамках ОРС, но и в ряде других обследований Росстата, в частности: Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением (ВНИСФВ). Расчетные оценки доли неоформленных работников от числа ответивших на соответствующий вопрос представлены на рис. 9.

Серьезное расхождение в оценках доли неоформленных наемных работников, вероятно, связано с доступностью респондентов. Методологически ОРС Росстата допускает, что «ответы на вопросы Анкеты могут быть получены как от самого респондента, так и со слов совместно проживающих членов домашнего хозяйства в случае отсутствия респондента в момент опроса» (см. п. 49 приказа Росстата № 707 от 29.12.2023). На наш запрос Росстат сообщил, что в 2023 г. доля ответов на вопросы анкеты ОРС, предоставленных самими респондентами, составила 70,7%, а от совместно проживающих — 29,3%. При этом статистика отказов респондентов от ответа не ведется¹. Отметим, что

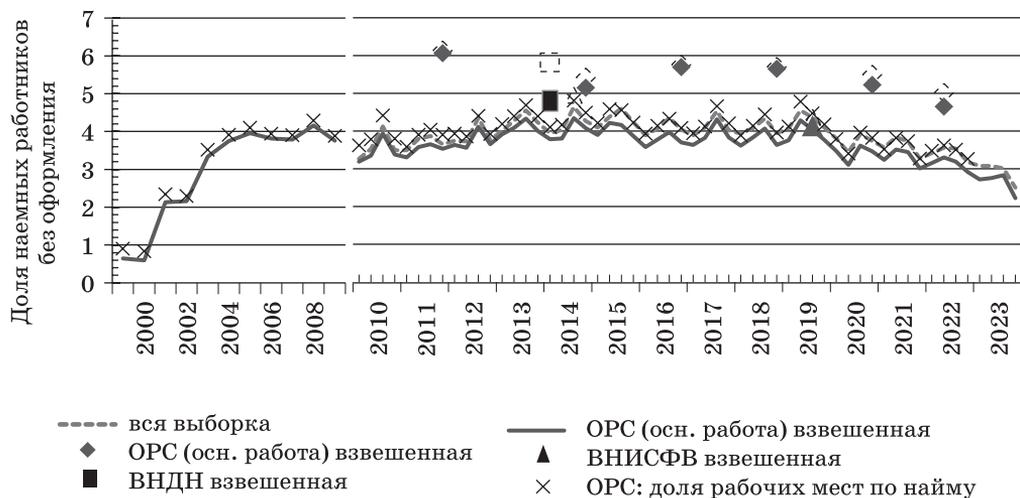

Рис. 9. Динамика доли занятых без оформления по данным обследований Росстата
 Fig. 9. The dynamics of the share of unregistered workers according to Rosstat surveys

Примечание: *Источники:* Доля наемных работников, занятых на основе устной договоренности, за 1999–2009 гг. рассчитана авторами на основе статистической информации, предоставленной Росстатом в ответ на запрос (см. репозиторий). С 2010 по 2023 г. расчеты произведены авторами на основе публичных микроданных ОРС Росстата. Результаты по ВНДН, КОУЖ, ВНИСФВ указаны по кварталу проведения обследований.

¹ Отметим, что в аналоге ОРС Бюро статистики труда США — «Current Population Survey» на 120 тыс. наблюдений приходится 12–13 тыс. отказов. Кроме того, до 18 тыс. заполненных анкет не содержат сведений об уровне образования и статусе занятости. Вероятно, российские респонденты также достаточно часто отказываются от интервью и(или) затрудняются с ответами. На наш запрос Росстат ответил, что в ряде случаев, например в ВНДН, применяется «процесс импутации частичных ответов респондентов другими значениями».

в публичных микроданных ОРС не предусмотрена идентификация «прокси»-ответов. По нашим расчетам на основании микроданных КОУЖ, доля занятых без оформления среди ответивших лично ниже во всех волнах обследования с 2011 по 2022 г. (кроме 2020 г.).

Наконец, особенностью ОРС является ориентация на законные виды деятельности и профессии, а также исключение «коллективных и институциональных заведений» и временных жителей домохозяйства. На практике это выражается в том, что ОРС «видит» в год не более 0,5 млн иностранных граждан, не имеющих гражданства России, и до 0,2 млн иностранцев, получивших гражданство России. В то же время, по данным Росстата, численность «международных трудящихся-мигрантов» на 2019 г. составляла 2,7 млн чел., в то время как, по данным ФСБ (см. ЕМИСС), границу России для целей работы в квартал пересекали не менее 0,7 млн иностранцев (за исключением 2020 г.). Так, в первом и втором кварталах 2023 г. только *прибыло* более 1,2 млн чел. В то же время в ОРС *общее число проживающих* в РФ иностранцев в этот период оценивалось в 0,5 млн чел. Отметим, что это общая особенность обследований Росстата¹. Наконец, частично ограниченное покрытие обусловлено исключением из выборки коллективных домашних хозяйств, а также прямым исключением лиц, «времено (до 1 года) находящихся на территории страны» (см. п. 11 приказа Росстата от 29.12.2023 № 707).

Кроме того, макроэкономические показатели РФ не включают нелегальные, незаконные виды деятельности, даже если они соответствуют производственным границам СНС. Например, занятые без лицензии таксисты включены в статистику труда и по возможности в статистику оказания услуг, так как незаконными являются только их условия оказания услуги, но не сама услуга и профессия. Однако услуги, незаконные по своей природе, например, коммерческие сексуальные услуги, исключаются из учета. Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ), основанный на МСКЗ², не допускает прямую классификацию незаконных видов занятий. Таким образом, единственной национальной метрикой, косвенно охватывающей не только незаконные условия хозяйственной деятельности, но и незаконные блага, является балансовая статистика ненаблюдаемых доходов.

Выводы

Таким образом, в работе рассмотрены методологические особенности расчета показателей, используемых в качестве индикаторов «неформальной» и (или) «теневой» экономики. Показатели корректировок на ненаблюдаемую экономику приближены к конвенциональному статистическому определению теневой и ненаблюдаемой экономики, однако они лишены регионального разреза, исключают незаконную деятельность, и граница между неформальными и теневыми операциями не всегда очевидна в рамках существующей методологии. Кроме того, оценки ненаблюдаемой деятельности подвергались пересмотрам, как в части структуры,

¹ Во Всероссийской переписи населения ВПН-2010 общее число иностранных граждан оценивалось в 765,6 тыс., а в ВПН-2020 с учетом двух гражданств — до 592 тыс. ВПН допускает отказ от ответа, которым воспользовались в ВПН-2010 до 4,1 млн чел., а в ВПН-2020 — до 12,8 млн чел.

² МСКЗ-08 прямо указывает, что работники, предоставляющие сексуальные услуги на коммерческой основе, как правило, а priori исключаются из статистики труда, так как по причине незаконности «отсутствует потребность в информации о лицах, оказывающих такие услуги» (п. 150 МСКЗ-08).

так и в части вклада в ВВП. Собранные винтажные данные¹ демонстрируют, что оценки ненаблюдаемой экономики могут колебаться в разных ревизиях до 4,4% ВВП. При экстраполяции федеральных корректировок на уровень субъектов такие пересмотры могут превышать 20% ВВП. Оценки «скрытой», «ненаблюдаемой прямыми статистическими методами» оплаты труда, с одной стороны, наиболее близки к «несообщенной» (англ. unreported), «неучтенной» (англ. unrecorded) экономике, так как содержат расхождения между расходами и доходами домашних хозяйств. Однако они подвержены значительным пересмотрам и не содержат разбивку по видам деятельности и регионам. Наконец, группа показателей занятости в неформальном секторе, разработанные Росстатом, имеют наибольшую детализацию, но критерии неформального сектора оказываются непригодными даже для смежной статистики национальных счетов. Кроме того, они не могут адекватно отражать «криминальную» и «реципрокную» экономику и уклонение от налогов. Концептуальные границы «неформальной занятости», предложенные Росстатом в контексте индикаторов ЦУР, противоречат сложившемуся на мировом уровне пониманию неформальности.

Парадоксально, но опубликование Росстатом в 2023 г. методологии оценки ненаблюдаемой экономики создает больше вопросов, чем ответов. Противоречия обостряются при сопоставлении российских методологий и процесса пересмотра рекомендаций на международном уровне, где новации 21-й МКСТ и предложения рабочей группы по СНС-2025 продолжают прорабатывать отличные от российских критерии неформальности в категориях «неформальной экономики» и «неформальной работы». Наконец, перспективные оценки занятости на основании устной договоренности (без оформления) и незарегистрированной предпринимательской деятельности без образования юридического лица публикуются ограниченно либо не публикуются вовсе. Эти оценки могут быть серьезно занижены не только из-за нечестности респондентов, но и из-за методологических подходов ОРС. В частности, закрытие статистических выкладок по вопросу ОРС об условиях удержания налоговых отчислений, исключение вопроса об условиях оформления (в виде трудового договора) в микроданных ВНДН ограничивает и без того скудные официальные данные о теневой занятости и теневой экономике.

Благодарности

Выражаем благодарность Федеральной службе государственной статистики за предоставленные методологические комментарии и материалы статистики. А также сотрудникам Национального статистического комитета Республики Беларусь и, в частности, Начальнику Главного управления статистики труда И. В. Бондаренко, за предоставление данных ОРС.

Литература

1. *Аброскин А. С., Аброскина Н. А.* Методология и практика измерения теневой деятельности в экономике Российской Федерации. РАНХиГС. М. : Дело, 2021. 107 с.
2. *Бурова Н. В.* Об изучении теневой и нелегальной деятельности за рубежом // Вопросы статистики. 2006. № 6. С. 14–20.
3. *Вередюк О. В.* Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. № 4. С. 33–48.

¹ Все использованные в работе винтажи, оценки численности занятых и данные микровыборки Белстата доступны по адресу: [Электронный ресурс]. URL: <https://github.com/orobchenko/vintage-data-of-Rosstat-shadow-economy-estimates> (дата обращения: 15.11.2024).

4. *Воробьева О. Д.* О подходах к определению скрытой занятости населения (на основе балансов трудовых ресурсов за 2015 год) // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 8. С. 36–42.
5. *Гимпельсон В. Е., Глиссин Ф. Ф., Жарова А. И.* Вопросы количественной оценки показателей ненаблюдаемой экономики в России. М. : ТЕИС, 2003. 175 с.
6. *Елисеева И. И., Щирина А. Н., Капралова Е. Б.* Измерение теневой экономической деятельности. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. 269 с.
7. *Зайцева Ю. С.* Валовой региональный продукт: что и как мы измеряем // ЭКО. 2012. № 4. С. 86–103.
8. *Зубаревич Н. В.* «Лукавые цифры» на карте Родины // ЭКО. 2012. № 4. С. 74–85.
9. *Иванов Ю. Н.* К вопросу о включении в ВВП оценки нелегальной деятельности // Вопросы статистики. 2014. № 3. С. 46–48.
10. Измерение ненаблюдаемой экономики: Руководство / Орг. экон. сотрудничества и развития. М. : Статистика России, 2003. 295 с.
11. *Карасева В. Л., Алексеев А. Р.* Об оценках незаконной деятельности на основе концепций системы национальных счетов // Вопросы статистики. 2006. №. 1. С. 3–18.
12. *Краснова О. М.* Валовой региональный продукт как макроэкономический измеритель региональной экономики // Экономический вестник Республики Татарстан. 2016. № 2. С. 22–29.
13. *Левит С. Р.* Ненаблюдаемая экономика: практика, проблемы и направления совершенствования ее оценок // Вопросы статистики. 2014. № 6. С. 20–23.
14. *Масакова И. Д., Ульянов И. С.* [и др.] Общий объем производства (работ, услуг) по отраслям экономики с учетом скрытой и неформальной деятельности // Методологические положения по статистике. Вып. 2. М. : Моск. изд. дом и др., 1998. 244 с.
15. *Невзорова Е. Н.* Пространственные взаимосвязи и закономерности распространения теневой экономики в России // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 464–478.
16. *Печерица Е. В.* Теоретические подходы к определению теневой экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 12 (495). С. 2325–2344.
17. Противоположение теневой экономике и определение ее масштабов: отечественный и зарубежный опыт (теория и практика) / В. Ю. Буров, Н. К. Алиев, М. С. Кязимов. Чита : Забайкальский государственный университет, 2020. 337 с.
18. *Рябушкин Б. Т.* Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М. : Финансы и статистика, 2003. 144 с.
19. *Самсонов В. А.* Оценка вклада теневой экономики в макроэкономические показатели регионов Российской Федерации // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Т. 14. № 1 (43). С. 68–85.
20. *Сквозников В. Я., Азаренкова Н. В.* Проблемы оценки теневой экономики // Вопросы статистики. 2001. № 12. С. 18–22.
21. *Скоков Р. Ю.* Развитие методологии статистического анализа рынков аддитивных благ // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 63–69.
22. Социальное развитие СССР : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1990. 398 с.
23. Статистика СНГ. Статистический бюллетень / Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (СНГ). 2023. № 1 (569).
24. *Суринов А. Е., Косарев А. Е., Глиссин Ф. Ф.* Ненаблюдаемая экономика: попытка количественных измерений. М. : Финстатинформ, 2003. 256 с.
25. *Цепелев О. А., Сериков С. Г., Колесникова О. С., Какаулина М. О.* Ненаблюдаемая экономика: региональный аспект. М. : Наука, 2021. 110 с.
26. *Черемисина Н. В.* Ненаблюдаемая экономика региона: методологические проблемы статистического измерения : монография. Самара : Самарский государственный экономический университет, 2006. 303 с.
27. *Carson C. S.* The Underground Economy: An Introduction // Survey of current business. 1984. Vol. 64. N 5. P. 21–37.
28. *Carson C. S.* The Underground Economy: An An Introduction (end) // Survey of current business. 1984. Vol. 64. N 7. P. 106–119.
29. *Fernandes A.* The non-observed economy in the national accounts // A. Fernandes. HIVA-KULeuven. 2022. 54 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://hiva.kuleuven.be/en/news/docs/working-paper-the-non-observed-economy-in-the.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

30. *Gutmann P. M.* The Subterranean Economy // *Financial Analysts Journal*. 1977. Vol. 33. N 6. P. 26–27.
31. *Kuznets S.* National Bureau of Economic Research, United States. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, and United States. Congress. Senate. National Income, 1929–1932. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1934. [Электронный ресурс]. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/971> (дата обращения: 20.01.2024).
32. *Soloveichik R.* Including illegal activity in the us national economic accounts. US Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bea.gov/index.php/system/files/papers/WP2019-4_6.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
33. Summary of the OECD survey on measuring the non-observed economy // Working Party on National Accounts. OECD, Paris. 2012. 43 p. [Электронный ресурс]. URL: [https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/WPNA\(2012\)21/En/pdf](https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/WPNA(2012)21/En/pdf) (дата обращения: 20.01.2024).
34. United Nations. UNECE. Non-observed Economy in National Accounts: Survey of National Practices. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://unece.org/DAM/stats/publications/NOE2008.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

Об авторах:

Печерица Елена Васильевна, доцент кафедры экономической безопасности факультета бизнеса, таможенного дела и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; helene8@yandex.ru

Оробченко Даниил Михайлович, аспирант кафедры экономической безопасности факультета бизнеса, таможенного дела и экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); unecon@orobchenko.ru

Acknowledgments. We express our gratitude to the Federal State Statistics Service for providing methodological comments and statistical materials, as well as to the staff of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, particularly to the Head of the Department of Labor Statistics, I. V. Bondarenko, for providing the LFS data.

References

1. *Abroskin A. S., Abroskina N. A.* Methodology and Practice of Measuring Shadow Activity in the Economy of the Russian Federation. Moscow : Delo, 2021. 107 p. (In Russ.)
2. *Burova N. V.* On Studying Shadow and Illegal Activities Abroad // *Voprosy statistiki*. 2006. N 6. P. 14–20. (In Russ.)
3. *Veredyuk O. V.* Informal employment: structure and risk determinants in Russia // *St Petersburg University Journal of Economic Studies [Vestnik of Saint Petersburg University. Economics.]* 2016. N 4. P. 33–48. (In Russ.)
4. *Vorob'eva O. D., Topilin A. V., Chukhnin V. S.* On Approaches to the Definition of Hidden Employment (Based on Labour Force Balances for 2015) // *Voprosy statistiki*. 2018. Vol. 25. N 8. P. 36–42. (In Russ.)
5. *Gimpelson V. E., Glissin F. F., Zharova A. I.* Issues of Quantitative Assessment of Indicators of Unobservable Economy in Russia. Moscow : TEIS, 2003. 175 p. (In Russ.)
6. *Eliseeva I. I., Shirina A. N., Kapralova E. B.* Measuring Shadow Economic Activities. Saint Petersburg State University of Economics and Finance. Department of Statistics and Econometrics. Saint Petersburg : Publishing House of SPbSUEF, 2003. 269 p. (In Russ.)
7. *Zaitseva Yu. S.* Gross Regional Product: What and How We Measure // *ECO*. 2012. N 4. P. 86–103. (In Russ.)
8. *Zubarevich N. V.* “Deceptive Figures” on the Map of the Homeland // *ECO*. 2012. N 4. P. 74–85. (In Russ.)
9. *Ivanov Yu.* On the issue of including the assessment of illegal activity into the GDP // *Voprosy statistiki*. 2014. N 3. P. 46–48. (In Russ.)
10. *Measuring the Non-Observed Economy: A Handbook*, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/9789264175358-en>.

11. Karaseva V. L., Alexeev A. R. On Estimates of Illegal Activities Based on the Concepts of the System of National Accounts // *Voprosy statistiki*. 2006. N 1. P. 3–18. (In Russ.)
12. Krasnova O. M. Gross Regional Product as a Macroeconomic Measure of Regional Economy // *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*. 2016. N 2. P. 22–29. (In Russ.)
13. Levit S. Non-observed economy: practice, issues and improvement directions for its measurement // *Voprosy statistiki*. 2014. N 6. P. 20–23. (In Russ.)
14. Masakova I. D., Ulyanov I. S. et al. Total Production Volume (Works, Services) by Economic Sectors Considering Hidden and Informal Activities // *Methodological Provisions on Statistics*. Is. 2. Moscow : Moscow Publishing House, et al., 1998. 244 p. (In Russ.)
15. Nevzorova E. N. Spatial Interactions and Patterns of Shadow Economy Spread in Russia // *Economy of the Region*. 2020. Vol. 16. N 2. P. 464–478. (In Russ.)
16. Pecheritsa E. V., Nadezhina O. S., Golovkina S. I. Theoretical Approaches to Defining the Shadow Economy // *Regional Economics: Theory and Practice*. 2021. Vol. 19. N 12 (495). P. 2325–2344. (In Russ.)
17. *Counteracting the Shadow Economy and Determining its Scale: Domestic and Foreign Experience (Theory and Practice)*. Chita, 2020. 337 p. (In Russ.)
18. Ryabushkin B. T. *Methods of Estimating the Shadow and Informal Sectors of the Economy*. Moscow : Finance and Statistics, 2003. 144 p. (In Russ.)
19. Samsonov V. A., Seitov S. K. Assessment of the contribution of the shadow economy to the macroeconomic indicators of the regions of the Russian Federation // *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2022. Vol. 14. N 1 (43). P. 68–85. (In Russ.)
20. Skvoznikov V. Ya., Azarenkova N. V. Problems of Assessing the Shadow Economy // *Voprosy statistiki*. 2001. N 12. P. 18–22. (In Russ.)
21. Skokov R. Yu. Development of the methodology for statistical analysis of markets for addictive goods // *Voprosy statistiki*. 2016. N 5. P. 63–69. (In Russ.)
22. *Social Development of the USSR: Stat. collection / State Committee of the USSR for Statistics, Information and Publishing Center*. Moscow : Finance and Statistics, 1990. 398 p. (In Russ.)
23. *Statistics of the CIS. Statistical Bulletin of the Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States (CIS)*. N 1 (569), 2023. (In Russ.)
24. Surinov A. E., Kosarev A. E., Glissin F. F. *Unobservable Economy: An Attempt at Quantitative Measurements*. Moscow : Finstatinform, 2003. 256 p. (In Russ.)
25. Tsepelev O. A., Serikov S. G., Kolesnikova O. S., Kakaulina M. O. *Unobservable Economy: Regional Aspect*. Moscow : Science, 2021. 110 p. (In Russ.)
26. Chereemisina N. V. *Unobservable Economy of the Region: Methodological Problems of Statistical Measurement: Monograph*. Samara : Samara State Economic University, 2006. 303 p. (In Russ.)
27. Carson C. S. *The Underground Economy: An Introduction // Survey of current business*. 1984. Vol. 64. N 5. P. 21–37.
28. Carson C. S. *The Underground Economy: An An Introduction (end) // Survey of current business*. 1984. Vol. 64. N 7. P. 106–119.
29. Fernandes A. The non-observed economy in the national accounts // A. Fernandes. *HIVA-KULeuven*. 2022. 54 p. [Electronic resource]. URL: <https://hiva.kuleuven.be/en/news/docs/working-paper-the-non-observed-economy-in-the.pdf> (accessed: 20.01.2024).
30. Gutmann P. M. *The Subterranean Economy // Financial Analysts Journal*. 1977. Vol. 33. N 6. P. 26–27.
31. Kuznets S., National Bureau of Economic Research, United States. Bureau of Foreign and Domestic Commerce, and United States. Congress. Senate. *National Income, 1929–1932*. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1934 [Electronic resource]. URL: <https://fraser.stlouisfed.org/title/971> (accessed: 20.01.2024).
32. Soloveichik R. Including illegal activity in the us national economic accounts. US Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis, 2019 [Electronic resource]. URL: https://www.bea.gov/index.php/system/files/papers/WP2019-4_6.pdf (accessed: 20.01.2024).
33. *Summary of the OECD survey on measuring the non-observed economy // Working Party on National Accounts*. OECD, Paris. 2012. 43 p. [Electronic resource]. URL: [https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/MPNA\(2012\)21/En/pdf](https://one.oecd.org/document/STD/CSTAT/MPNA(2012)21/En/pdf) (accessed: 20.01.2024).
34. United Nations. UNECE. *Non-observed Economy in National Accounts: Survey of National Practices*. 2008 [Electronic resource]. URL: <https://unece.org/DAM/stats/publications/NOE2008.pdf> (accessed: 20.01.2024).

About the authors:

Elena V. Pecheritsa, Associate Professor of the Department of Economic Security at the Faculty of Business, Customs Affairs, and Economic Security, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences, assistant professor; helene8@yandex.ru

Daniil M. Orobchenko, postgraduate student of the Department of Economic Security at the Faculty of Business, Customs Affairs, and Economic Security, Saint Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation); unecon@orobchenko.ru

Проблемы достижения и основные принципы реализации справедливого энергетического перехода в контексте обеспечения энергетической безопасности

Серегина А. А.

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация; a.seregina@dipacademy.ru

РЕФЕРАТ

В ходе исследования рассматриваются различные аспекты перехода к устойчивым и экологически чистым источникам энергии, а также вопросы реализации принципов инклюзивности и справедливости в этом процессе.

Цель. Выявить основные противоречия, возникающие между странами в процессе разработки мер по переходу к низко- и безуглеродным энергетическим системам, и определить возможности и пути реализации справедливого энергетического перехода, который учитывает интересы всех субъектов международных отношений и способствует обеспечению как глобальной энергетической безопасности, так и безопасности каждой отдельной страны.

Методы. Для решения поставленных в исследовании задач автор прибегает к использованию таких методов, как статистический анализ, системный и сравнительный анализ, научное обобщение и экспертные оценки.

Результаты. Наблюдается отсутствие единой позиции у стран-импортеров и стран-экспортеров углеводородного сырья по вопросу роли и места ископаемого топлива при реализации энергетического перехода. Страны, зависимые от поставок ресурсов, рассматривают энергопереход как способ обеспечения своей энергетической безопасности и отождествляют этот процесс с экономическим ростом и развитием. При этом экспортеры нефти, газа и угля рискуют потерять рынки сбыта и весомую часть доходов при вытеснении ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии, что ставит под угрозу как экономическое развитие государства, так и возможность выполнения им своих функций по обеспечению достойного уровня жизни населения.

Выводы. Справедливый энергетический переход должен основываться на принципе обеспечения равноправного, инклюзивного и справедливого международного сотрудничества, учета национальных особенностей стран, «технологической нейтральности», необходимо уделять повышенное внимание социальному аспекту энергоперехода.

Ключевые слова: энергетический переход, энергетическая безопасность, возобновляемые источники энергии, ЦУР ООН, COP28

Для цитирования: Серегина А. А. Проблемы достижения и основные принципы реализации справедливого энергетического перехода в контексте обеспечения энергетической безопасности // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 63–72.

Challenges and Basic Principles of Implementation of Fair Energy Transition in the Context of Energy Security

Antonina A. Seregina

Diplomatic academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation; a.seregina@dipacademy.ru

ABSTRACT

The study addresses various aspects of the transition to sustainable and environmentally sound energy sources, as well as the implementation of inclusiveness and equity in this process.

Aim. Identify the main conflicts that arise between countries in the process of designing measures for the transition to low- and carbon-free energy systems, and to identify opportunities and ways of realizing a fair energy transition, taking into account the interests of all actors in international relations and contributing to ensuring both global energy security and the security of each individual country.

Methods. To solve the problems posed in the study, the author resorts to the use of such methods as statistical analysis, system and comparative analysis, scientific generalization and expert assessments.

Results. There is a lack of a common position among the importing and exporting countries of hydrocarbons on the role and place of fossil fuels in the implementation of energy transition. Resource-dependent countries see energy transition as a way to ensure their energy security and equate it with economic growth and development. At the same time oil, gas, and coal exporters risk losing markets and a significant portion of their revenues by replacing fossil fuels with renewable energy, that poses a threat both the economic development of the state and its ability to fulfil its functions in ensuring a decent standard of living for the population.

Conclusions. A fair transition should be based on the principle of equitable, inclusive and fair international cooperation, taking into account the national characteristics of countries, “technological neutrality”, it is necessary to pay attention to the social aspect of energy transition.

Keywords: energy transition, energy security, renewable energy sources, SDGs, COP28

For citing: Seregina A. A. Challenges and Basic Principles of Implementation of Fair Energy Transition in the Context of Energy Security // Administrative consulting. 2024. N 6. С. 63–72.

Введение

В качестве одной из основополагающих структур, координирующих усилия международного сообщества в сфере охраны окружающей среды и устойчивого использования природных ресурсов, выступает программа ООН по окружающей среде (United Nations Environmental Programm — UNEP), имеющая в том числе шесть региональных отделений. Одной из 17 Целей устойчивого развития ООН, сформулированных в рамках «Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года»¹ и направленных на достижение прогресса в социальной и экономической сфере без ущерба для окружающей среды, является «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех».

В политологическом приближении важно то, насколько энергопереход увеличивает или уменьшает способность разных энергетических систем глобально влиять на результаты в четырех ключевых областях мировой политики: безопасности, экономике, экологии и глобальной справедливости. При этом обоснование энергетического перехода в настоящий момент связано главным образом с экологическим фактором, основывающимся на предпосылке об антропогенных причинах изменения климата, и как следствие, необходимости принятия мер по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу [4]. Одной из подцелей 17 ЦУР является значительное увеличение доли энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе к 2030 г., что также нашло отражение и в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. Так, в резолюции ГА ООН 78/157 от 19 декабря 2023 г. «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех»

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 29.07.2024).

подчеркивается необходимость «экологически чистого, устойчивого, недорогого, надежного, справедливого и инклюзивного энергетического перехода»¹.

При этом видение странами содержания самого процесса перехода к более чистым источникам энергии различается ввиду различной структуры энергопотребления государств, наличия или отсутствия углеводородных ресурсов и, как следствие, зависимости от импорта энергетического сырья или от доходов от его экспорта. Все это напрямую связано с энергетической безопасностью, под которой традиционно понимается состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, экономики от угроз надежному топливу и энергообеспечению, доступности бесперебойного оказания основных энергетических услуг соответствующего качества с приемлемыми экономическими затратами.

Энергопереход как способ обеспечения энергетической безопасности

Страны, не обладающие достаточными запасами нефти, газа и угля в силу природно-климатических условий, рассматривают энергетическую безопасность в контексте стабильных поставок импортных ресурсов из-за рубежа по экономически обоснованной цене, а в качестве основных угроз видят зависимость от этих поставок и волатильность цен на энергоносители [1]. Так, энергетическую политику Европейского союза можно рассматривать как стратегию безопасности обеспечения энергией, что во внешней политике проявляется в постоянном поиске поставщиков и маршрутов поставок энергоносителей. При этом декарбонизация и энергетическая безопасность рассматриваются в качестве двух из пяти основных направлений деятельности Энергетического союза ЕС, созданного в 2015 г. [3]. В Регламенте ЕС 2018/1999 Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2018 г. «Об управлении Энергетическим союзом и борьбе с изменением климата»² отмечается, что «цель устойчивого Энергетического союза, в основе которого лежит амбициозная климатическая политика, состоит в том, чтобы предоставить ... безопасную, устойчивую, конкурентоспособную и доступную энергию». «Такая трансформация качества также тесно связана с необходимостью сохранения, защиты и улучшения качества окружающей среды и содействия разумному и рациональному использованию природных ресурсов ... а также развитию новых и возобновляемых форм энергии». При этом процесс перехода к низкоуглеродным энергетическим системам, увеличение доли ВИЭ в структуре энергопроизводства и энергопотребления ЕС и снижение масштабов использования ископаемого топлива возможны только при своевременном обеспечении «доступа к критически важным сырьевым материалам» и «развитии новых технологий», подобная позиция находит отражение в отчете Комитета по Устойчивой энергетике ЕЭК ООН по итогам 32-й сессии (13–15 сентября 2023 г.)³. Эти два аспекта, являющиеся условиями обеспечения экономически эффективного перехода к низкоуглеродным источникам энергии, становятся новыми вызовами энергетической безопасности Европейского со-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 2023 года A/RES/78/157 «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/energy/> (дата обращения: 29.07.2024).

² Регламент (ЕС) 2018/1999 Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2018 г. «Об управлении Энергетическим союзом и мерах по борьбе с изменением климата» [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.328.01.0001.01.ENG (дата обращения: 29.07.2024).

³ Доклад Комитета по устойчивой энергетике о работе его тридцать второй сессии от 13–15 сентября 2023 года ECE/Energy/149 [Электронный ресурс]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2023-12/ECE_ENERGY_149_r.pdf (дата обращения: 29.07.2024).

юза, в то время как энергопереход способствует устранению проблемы ненадежности энергетических поставок и отождествляется с «обеспечением безопасного, устойчивого, равного, общего и инклюзивного роста»¹, что стимулирует дальнейшую имплементацию климатических мер. Действующая директива о продвижении использования энергии из возобновляемых источников обязывает страны-члены ЕС довести их долю в энергобалансе до 32% к 2030 г.; в связи с принятием Климатического закона Европейская комиссия (ЕК) предложила пересмотреть эту цель до 40%, таким образом удвоив текущие показатели за 10 лет [5].

Однако энергетический кризис 2021 г., ставший одним из первых масштабных препятствий на пути реализации климатического курса ЕС, продемонстрировал, что страны ЕС готовы отойти от политики углеродной нейтральности в энергетике, когда это необходимо для поддержания приемлемых условий энергоснабжения домохозяйств, предприятий, экономики в целом. В 2021–2022 г. цены на ископаемое топливо существенно выросли, причем наиболее значительный рост пришелся на природный газ. Спотовая цена газа в начале 4-го квартала 2021 г. составляла 85 евро за МВт-ч, в начале октября она выросла до 116 евро за МВт-ч, а в декабре достигла рекордного уровня в 183 евро/МВт-ч. В начале марта 2022 г. среднесуточная цена за газ превысила 200 евро за МВт-ч [9]. Рост цен на природный газ стал следствием повышения спроса на ископаемое топливо, сопровождавшего восстановление экономики Европейского союза, рост промышленного производства, а также следствием недостаточности введенных мощностей возобновляемых источников энергии для удовлетворения этого спроса. Согласно данным Европейской Комиссии, в 4 квартале 2021 г. ветровая, солнечная энергия, биомасса и гидроэнергетика вместе составляли около 35% от общего объема производства электроэнергии в ЕС в четвертом квартале 2021 г., что немного ниже 38% в четвертом квартале 2020 г. [9]. Высокие цены на газ привели к снижению рентабельности газового топлива, что привело к росту спроса на более конкурентоспособные по цене варианты. Так, производство энергии на угле в 4 квартале 2021 г. возросло на 19% в сравнении с аналогичным периодом предшествующего года [9].

Энергетическая безопасность стран-экспортеров ископаемого топлива

Вопрос о роли и месте ископаемых видов топлива в энергобалансе стран, по которому у мирового сообщества нет единой позиции, не раз поднимался на международных конференциях по климату. На 26-й Конференции ООН по вопросам изменения климата в 2021 г. (COP26) активно обсуждался вопрос отказа от использования угля в энергетике. 45 стран и Европейский союз обязались «ускорить переход от производства электроэнергии на угле» [11]. Несколько стран подписали соглашение с оговорками. Например, Индонезия подписала соглашение об отказе использования угля, хотя и воздержалась от одобрения пункта о прекращении финансовой поддержки строительства новых угольных электростанций. Из стран Юго-Восточной Азии Вьетнам и Филиппины также подписали соглашение. Однако шесть крупнейших потребителей угля в мире — Китай, Индия, Соединенные Штаты, Россия, Япония и Южная Африка — не подписали соглашение. Более того, по настоянию Индии и Китая в окончательном документе Конференции формулировка о «постепенной отмене» (phase out) была заменена на слова о «постепенном снижении» (phase down).

¹ Outcome Document and Chair's Summary. G20 Energy Ministers' Meeting. July 22, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.meti.go.jp/press/2023/07/20230723001/20230723001-a.pdf> (дата обращения: 29.07.2024).

Причиной подобных разногласий в первую очередь является вопрос закрытия уже существующих угольных электростанций. В европейских странах снижению выработки электроэнергии на угле способствовали несколько факторов: парк старых электростанций, которые используют устаревшие технологии и дороги в эксплуатации; более высокие стандарты выбросов и, в некоторых случаях, цены на углерод, которые ограничивают угольную генерацию; и растущая конкуренция со стороны других источников генерации, таких как природный газ, солнечная энергия и ветер [11]. Большую роль в данном случае играет снижение себестоимости генерации энергии на ВИЭ. По данным Агентства по возобновляемой энергетике (IRENA), в 2010 г. средневзвешенная стоимость ветровой энергии на суше в мире составляла 0,107 долл. за киловатт-час (кВт-ч), снизившись к 2022 г. до 0,033 долл. за кВт-ч, стоимость оффшорной ветроэнергетики за этот же период — с 0,197 до 0,081 долл. за кВт-ч. Такую же динамику продемонстрировали и цены на выработку энергии на солнечных батареях: наблюдалось значительное снижение с 0,445 до 0,049 долл. за кВт-ч [7].

В странах с развивающейся экономикой закрыть угольные предприятия сложнее, так как немногие страны имеют достаточные резервные мощности в своих энергосистемах, чтобы иметь возможность это сделать. Стоит добавить, что закрытие угольных станций также связано с проблемой уменьшения количества рабочих мест в горнодобывающей промышленности, транспортировке и производстве электроэнергии из угля. Согласно данным исследования «Global Perspective on Coal Jobs and Managing Labor Transition out of Coal: Key Issues and Policy Responses» Всемирного банка, общее число работников, непосредственно занятых в добыче угля и лигнита, в настоящее время составляет 4,7 млн чел. во всем мире, при этом около 3,2 млн приходится на Китай, за которым следует Индия (416 тыс. рабочих мест), Индонезия (240 тыс.), Россия (150 тыс.). За последнее десятилетие было потеряно более 2 млн рабочих мест в угольной отрасли [10]. При этом приведенные цифры отражают занятость только в секторе добычи угля, но не во всей цепочке создания стоимости в угольном секторе, а также в выработке энергии на угле.

На 28-й сессии Конференции сторон (COP28) Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК), проходившей в декабре 2023 г., также был поднят вопрос о глобальном отказе от использования угля, нефти и газа. Для достижения целей Парижского соглашения глобальные выбросы CO₂ должны быть сокращены практически вдвое к 2030 г., поэтому большинство делегаций как из развитых, так и из некоторых развивающихся стран, высказались за установление жестких обязательств — поэтапном, но полном отказе от ископаемого топлива и установлении пиковых значений для выбросов к 2025 г. Иной была позиция стран, экономическое развитие, доходы государственного бюджета которых существенно зависят от добычи и экспорта углеводородного сырья. Ни одна из формулировок, предполагающих поэтапный отказ от ископаемого топлива, не устроила Саудовскую Аравию, а также несколько других стран ОПЕК [2]. Страна-организатор COP28 Объединенные Арабские Эмираты отстаивала позицию о возможности достижения углеродной нейтральности путем использования технологии улавливания и хранения углерода, что позволит использовать в том числе и ископаемое топливо в электрогенерации.

Подобной позиции придерживаются не только страны Персидского залива, но и ряд других государств. Отсутствие необходимости ограничения энергоперехода какими-либо видами топлива подчеркивается в Йоханнесбургской декларации по итогам XV саммита стран БРИКС 2023 г.: «Мы признаем роль ископаемого топлива в обеспечении энергетической безопасности и энергетиче-

ского перехода»¹. «Важность перехода к чистой, устойчивой, справедливой, доступной и инклюзивной энергетике на основе использования всех видов топлива и всех технологий» также была отмечена в Заявлении председателя на 17-м саммите министров энергетики стран Восточной Азии². При этом стоит отметить, что страны Азиатско-Тихоокеанского региона уделяют особое внимание природному газу как топливу, содействующему переходу к энергетическим системам с пониженным уровнем выбросов, что находит отражение в докладе Комитета по энергетике ЭСКАТО 2021 г. и Декларации министров АТЭФ 2023 г.

В связи с отсутствием единой позиции стран мира по вопросу о роли и месте ископаемых видов топлива в энергобалансе стран особую роль приобретает принцип реализации энергоперехода с учетом национальных особенностей стран, который декларируется в резолюции ГА ООН 78/157 от 19 декабря 2023 г. «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех». В Климатической доктрине Российской Федерации также провозглашается принцип приоритета национальных интересов при выработке и реализации климатической политики. При планировании мер перехода к низкоуглеродной экономике в рамках каждой отдельной страны должны быть учтены приоритеты сбалансированного социально-экономического развития и экологической устойчивости, а также национальные климатические и природные особенности, структура экономики и топливно-энергетического баланса.

Справедливый энергетический переход для России

Понимание энергетического перехода как вытеснения ископаемого топлива из энергобаланса стран и замещение его возобновляемыми источниками энергии влечет за собой изменение мирового спроса на углеводородное сырье и, как следствие, сокращение традиционных для России экспортных рынков. Подобная ситуация является вызовом энергетической безопасности страны, под которой в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации 2023 г. понимается «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации»³, т.е. для России под энергетической безопасностью понимается не только безопасность энергоснабжения, но и безопасность спроса на энергию.

Россия также привержена принципу технологической нейтральности принимаемых государством мер в области изменения климата, предполагающему использование всех доступных видов топлива и технологических решений, позволяющих сократить выбросы парниковых газов, и считает необходимым добиться признания этого принципа при низкоуглеродном развитии на междуна-

¹ Йоханнесбургская декларация-II по итогам XV саммита БРИКС от 23 августа 2023 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/1s471x8ogLBhjRQx05ufVB2uzMFo1kWs.pdf> (дата обращения: 29.07.2024).

² CHAIRMAN'S STATEMENT OF THE 17TH EAST ASIA SUMMIT Phnom Penh, 13th November 2022 [Electronic resource]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2022/11/FINAL-Chairmans-Statement-of-the-17th-East-Asia-Summit_EAS.pdf (accessed: 29.07.2024).

³ Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252> (дата обращения: 29.07.2024).

родном уровне¹. В Климатической доктрине Российской Федерации под данным принципом понимается «беспристрастный подход к использованию технологий, способствующих смягчению антропогенного воздействия на климат, основанный на оценке их экономической, климатической и экологической эффективности и целесообразности»². Так, Россия является одним из мировых лидеров по разработке и применению ядерных технологий, а также имеет «опыт применения большей части существующих технологий, характеризующихся низким уровнем выбросов парниковых газов»³, что отмечается в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. Высокой экономической эффективностью и экспортным потенциалом также обладают технологии в водородной энергетике, развитие которой «позволит оказать положительный эффект на экономику Российской Федерации за счет диверсификации структуры экспорта»⁴.

«Зеленый» энергетический переход — это непрерывный процесс, требующий долгосрочных энергетических стратегий и планирования, с упором на применение соответствующих энергетических технологий. Если ранее в условиях преобладания ископаемого топлива большую роль в международных экономических отношениях играли страны-экспортеры углеводородов, которые обеспечивали поставки этого сырья, внося свой вклад в обеспечение международной энергетической безопасности, то в условиях энергетического перехода большое значение приобретает научная деятельность по разработке низкоуглеродных технологий, а конкурентные преимущества соответственно приобретают страны, где находятся мировые научно-технологические центры. В этих условиях фокус с углеводородного сырья также смещается на природные ресурсы, необходимые для энергоперехода, т. е. на критически важные полезные ископаемые, спрос на которые в последнее время значительно увеличился. С 2017 по 2022 г. спрос со стороны энергетического сектора был основным фактором утроения общего спроса на литий, скачка спроса на кобальт на 70% и роста спроса на никель на 40% [6].

Выводы и рекомендации

Энергетический переход способен создать новые стимулы для развития мировой энергетики, но и одновременно, привести к формированию угроз энергетической безопасности отдельных государств в случае отсутствия международного диалога по вопросам разработки скоординированных мер для решения проблемы изменения климата. Подтверждением этого является понимание энер-

¹ Правительство утвердило Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_utverdilo_strategiyu_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossii_s_nizkim_urovнем_vybrosov_parnikovyh_gazov_do_2050_goda.html (дата обращения: 26.07.2024).

² Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 29.07.2024).

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402894476/?ysclid=Iz7bengumb399101263> (дата обращения: 29.07.2024).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 5 августа 2021 г. № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401496102/> (дата обращения: 29.07.2024).

гетического перехода как «глобального» явления, подобная характеристика со­держится, например, в Совместном коммюнике министров энергетики и клима­та стран G20 (23.07.2021). Коммюнике Седьмой и Восьмой встречи министров энергетики стран БРИКС (22.09.2022 и 18.08.2023 соответственно) также опре­деляет энергетический переход не только как зеленый, низкоуглеродный, спра­ведливый, но и глобальный.

При этом важным является понимание того, что энергетический переход бу­дет происходить разными путями в различных частях мира: для стран, устанавли­вающих своим приоритетом достижение энергетической независимости, возоб­новляемая энергетика снижает экономические издержки, связанные с неустой­чивостью цен на ископаемое топливо, за счет сокращения потребности в его импорте. В 2022 г. использование возобновляемых источников энергии во всем мире с 2000 г. позволило сэкономить 521 млрд долл. только на топливе в элек­троэнергетическом секторе. В Европе этот показатель составил 176 млрд долл. [7]. Для стран, экономика которых в значительной степени зависит от экспорта углеродных энергоресурсов, энергетический переход приведет к потере тради­ционных рынков сбыта и доходов, что говорит о необходимости предпринимать меры по диверсификации экспортных поставок, а также развивать научно-тех­нологический потенциал ТЭК.

На основе проведенного анализа сформированы следующие рекомендации:

- на международном уровне целесообразно обеспечивать равноправное, инклю­зивное и справедливое международное сотрудничество, а также укреплять достигнутый уровень взаимопонимания в рамках договоренностей между стра­нами в рамках 17 Целей устойчивого развития ООН, Парижского соглашения по климату, Конференции сторон РКИК по вопросам борьбы с изменением климата и, в частности, обеспечения перехода к недорогим, надежным, устой­чивым и современным источникам энергии;
- при реализации энергетического перехода и выработке мер по внедрению в энергетический баланс стран возобновляемых источников энергии необхо­димо обеспечить соблюдение принципа учета национальных особенностей, а именно природно-климатических особенностей каждого отдельного госу­дарства, структуры его экономики и топливно-энергетического баланса;
- мировое сообщество также должно предпринимать усилия по недопущению дискриминации отдельных видов топлива, что в противном случае приводит к появлению угрозы энергетической безопасности для стран, добывающих и экспортирующих углеводородные ресурсы. Необходимо соблюдение прин­ципа «технологической нейтральности», обеспечивающего использование в том числе ископаемого и переходного топлива при условии одновремен­ного использования технологий, способствующих переходу к низкоуглерод­ным решениям для энергетического сектора (технологии улавливания, утили­зации и хранения углерода, технологии атомной, водородной, возобнов­ляемой энергетики и др.);
- справедливый энергетический переход должен отвечать интересам населения, именно поэтому мировому сообществу также следует уделять повышенное внимание «социальному» аспекту энергоперехода. Основная задача приори­тетного направления по данному вопросу — это обеспечение доступа и до­ступности источников энергии для всех групп населения и в особенности малообеспеченных групп населения в развивающихся странах. В связи с ри­ском сокращения количества предприятий и рабочих мест в отраслях, свя­занных с ископаемым топливом, регулятивная роль государства проявляется в сглаживании негативных социально-экономических последствий политики энергоперехода.

Литература

1. Боровский Ю. В. Проблема энергетической безопасности в контексте мирового «энергетического перехода» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 772–784.
2. В Дубае завершилась климатическая конференция ООН // ТАСС: информационное агентство. 2023. 14 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19530963?ysclid=lyvhpc3og6756849433> (дата обращения: 26.07.2024).
3. Кавешников Н. Ю. Энергетический союз ЕС — новая упаковка для старых проектов // МГИМО [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/270247/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 26.07.2024).
4. Севостьянов П. И., Матюхин А. В. «Энергетический переход» в современной международной повестке // Обозреватель-Observer. 2022. № 2. С. 15–26.
5. Шуранова А. А., Петрунин Ю. Ю. Энергетический кризис 2021–2022 гг. в отношении России и Европейского Союза // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 90. С. 74–89.
6. IEA (2023), Critical Minerals Market Review 2023, International Energy Agency [Electronic resource]. URL: <https://www.iea.org/reports/critical-minerals-market-review-2023/key-market-trends-abstract> (accessed: 26.07.2024).
7. IRENA (2023), Renewable power generation costs in 2022, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi [Electronic resource]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Aug/IRENA_Renewable_power_generation_costs_in_2022.pdf?rev=cccb713bf8294cc5bec3f870e1fa15c2 (accessed: 26.07.2024).
8. Quarterly report On European gas markets (issue 4, covering fourth quarter of 2021) [Electronic resource]. URL: https://energy.ec.europa.eu/document/download/d99eef32-84db-4eb0-99b9-a61cc0cd1419_en?filename=Quarterly%20report%20on%20European%20gas%20markets_Q4%202021.pdf (accessed: 26.07.2024).
9. Ruppert Bulmer, Elizabeth; Pela, Kevwe; Eberhard-Ruiz, Andreas; Montoya, Jimena. 2021. Global Perspective on Coal Jobs and Managing Labor Transition out of Coal: Key Issues and Policy Responses. Washington, DC: World Bank [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/10986/37118> (accessed: 26.07.2024).
10. The Battle for Coal at COP26 [Electronic Resource] // CSIS: Center for Strategic and International Studies. 2021. November 15 [Electronic resource]. URL: <https://www.csis.org/analysis/battle-coal-cop26> (accessed: 26.07.2024).

Об авторе:

Серегина Антонина Александровна, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; a.seregina@dipacademy.ru

References

1. Borovsky Y.U. Problem of energy security in the context of world «energy transition» // Bulletin of RUDN University. Series: International relations [Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Ser.: Mezhdunarodny`e otnosheniya]. 2021. Vol. 21. № 4. P. 772–784. (In Russ.)
2. The UN climate conference [E-resource] // TASS: Information Agency ended in Dubai. 2023. 14 December [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19530963?ysclid=lyvhpc3og6756849433> (accessed: 26.07.2024). (In Russ.)
3. Kaverishnikov N.Y. EU Energy Union — new packaging for old projects [Electronic resource] // MGIMO [Electronic resource]. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/270247/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (accessed: 26.07.2024). (In Russ.)
4. Sevastyanov P.I., Matyukhin A.V. «Energy transition» in the modern international agenda // Observer. 2022. 2. P. 15–26. (In Russ.)
5. Shuranova A. A., Petrunin U.Y. Energy crisis 2021–2022 year in the relations of Russia and the European Union // State administration. Electronic Bulletin [Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronny`j vestnik]. 2022. N 90. P. 74–89. (In Russ.)

6. IEA (2023), Critical Minerals Market Review 2023, International Energy Agency [Electronic resource]. URL: <https://www.iea.org/reports/critical-minerals-market-review-2023/key-market-trendsabstract> (accessed: 26.07.2024).
7. IRENA (2023), Renewable power generation costs in 2022, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi [Electronic resource]. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Aug/IRENA_Renewable_power_generation_costs_in_2022.pdf?rev=cccb713bf8294cc5bec3f870e1fa15c2 (accessed: 26.07.2024).
8. Quarterly report On European gas markets (issue 4, covering fourth quarter of 2021) [Electronic resource]. URL: https://energy.ec.europa.eu/document/download/d99eef32-84db-4eb0-99b9-a61cc0cd1419_en?filename=Quarterly%20report%20on%20European%20gas%20markets_Q4%202021.pdf (accessed: 26.07.2024).
9. Ruppert Bulmer, Elizabeth; Pela, Kevwe; Eberhard-Ruiz, Andreas; Montoya, Jimena. 2021. Global Perspective on Coal Jobs and Managing Labor Transition out of Coal: Key Issues and Policy Responses. Washington, DC: World Bank [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/10986/37118> (accessed: 26.07.2024).
10. The Battle for Coal at COP26 [Electronic Resource]// CSIS: Center for Strategic and International Studies. 2021. November 15 [Electronic resource]. URL: <https://www.csis.org/analysis/battle-coal-cop26> (accessed: 26.07.2024).

About the author:

Antonina A. Seregina, Associate Professor of World Economy at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation), Candidate of Scienca (Political sciences), Associate Professor; a.seregina@dipacademy.ru

Сфера культуры в системе стратегического планирования социально-экономического развития региона

Румянцева С. Т.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; rumyantseva-st@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Сфера культуры тесно связана с происходящими в обществе преобразованиями, она является не только их следствием, но и побуждающей причиной. На сегодня как никогда является актуальным учет этой особенности при разработке и реализации государственной политики. Государственное управление и регулирование экономики должно опираться на ценностные ориентиры, которые задаются культурной средой. Это должно находить отражение в комплексе мероприятий, предусмотренных системой стратегического планирования социально-экономического развития как на общегосударственном, так и региональном уровнях управления. Вопросы развития сферы культуры требуют отражения в основном документе стратегического планирования региона — стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Структура региональных стратегий жестко не регламентирована. Формирование этого документа осуществляется с учетом местной специфики и отражает существующие проблемы развития экономики и социальной сферы. При разработке региональных стратегий является актуальным включение раздела, посвященного развитию культурной сферы и как фактора, оказывающего влияние на развитие других составляющих региональной экономики.

Ключевые слова: культура, стратегия, планирование, программирование, общественно значимые мероприятия, национальные проекты, финансирование

Для цитирования: Румянцева С. Т. Сфера культуры в системе стратегического планирования социально-экономического развития региона // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 73–86.

The Sphere of Culture in the System of Strategic Planning of Socio-Economic Development of the Region

Svetlana T. Rumyantseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; rumyantseva-st@ranepa.ru

ABSTRACT

The cultural sphere is closely connected with the transformations taking place in the society; it is not only their consequence, but also the motivating cause. Today, more than ever, it is important to take this feature into account when developing and implementing state policy. State management and regulation of the economy should be based on value guidelines set by the cultural environment. This should be reflected in a set of measures envisaged by the system of strategic planning of socio-economic development at both the national and regional levels of government. Issues of cultural development require reflection in the main document of strategic planning of the region — the strategy of socio-economic development of the constituent entity of the Russian Federation. The structure of regional strategies is not strictly regulated. This document is formed taking into account local specifics and reflects the existing problems of economic and social development. When developing regional strategies, it is important to

include a section devoted to the development of the cultural sphere as a factor influencing the development of other components of the regional economy.

Keywords: culture, strategy, planning, programming, socially significant events, national projects, financing

For citing: Rumyantseva S. T. The Sphere of Culture in the System of Strategic Planning of Socio-Economic Development of the Region // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 73–86.

Введение

События последних лет требуют совершенствования документов стратегического планирования. Целенаправленная антироссийская политика стран так называемого «коллективного Запада» потребовала ответных действий, связанных с обеспечением суверенитета нашей страны. В комплексе проводимых мероприятий особое место занимают решения, касающиеся сферы культуры и защиты традиционных ценностей. Культура — это неотъемлемая часть жизни людей и в своем обыденном существовании не требует к себе особого внимания. Однако, как показывает исторический опыт, если ее развитие происходит без участия органов власти, то она рискует оказаться под влиянием недружественных сил. Это грозит опасностью подмены ценностей, образующих фундамент общественных отношений. Тогда развитие общества может приобрести неуправляемый и непредсказуемый характер. Результаты государственной политики в отношении сферы культуры в наибольшей степени проявляются на местах, поэтому в настоящее время наиболее важным является проведение работ по совершенствованию документов стратегического планирования регионального уровня управления.

Сфера культуры как составная часть социально-экономической структуры регионов рассматривалась во многих работах отечественных и зарубежных авторов. Исследователи различным образом определяют ее место как общественного института и составляющей процессов социально-экономического развития. Чаще всего в работах, посвященных проблемам развития сферы культуры, уделяется внимание формированию регионального культурного пространства, возникновению в пределах определенных территорий сообществ, располагающих особыми компетенциями, навыками и способностями к участию в производственных процессах.

В зарубежных исследованиях представления о роли фактора культуры населения в региональном развитии получили развитие в работах К. Арроу, Д. Джейкобс, П. Ромера [19; 20; 21] и других последователей неоклассической школы и идей А. Маршалла [7]. В нашей стране этой теме посвящены работы Т. В. Абанкиной, отмечавшей рост роли культуры на постиндустриальном этапе развития общества и роль городов, как центров сосредоточения интеллектуальных сил общественно-го развития и инноваций [1]. Инновационный характер развития экономики как результат развертывания «культурной индустрии» отмечался в работах В. В. Новосельской [8]. Особое место занимают исследования Л. Ю. Вострякова, С. А. Копецкой, А. С. Тургаева, посвященные разработке региональной культурной политики, а также изучению особенностей ее влияния на динамику социально-экономического развития регионов [6; 14]. Вопросы воздействия сферы культуры на региональное развитие часто поднимаются в исследованиях, посвященных оценке конкурентоспособности регионов [2]. Пользуются популярностью вопросы коммерциализации этого вида деятельности [15]. В указанном контексте рассматриваются проблемы развития отдельных ее отраслей, характера их влияния на состояние экономики регионов [3; 9].

Сфера культуры тесно связана с происходящими в обществе преобразованиями, она является не только их следствием, но и побуждающей причиной. На сегодня как никогда является актуальным учет этой особенности при разработке и реализации государственной политики. Государственное управление и регулирование экономики должны опираться на ценностные ориентиры, которые задаются культурной средой. Это должно находить отражение в комплексе мероприятий, предусмотренных системой стратегического планирования социально-экономического развития как на общегосударственном, так и региональном уровнях управления.

Материалы и методы исследования

Реализация государственной политики в сфере культуры предполагает разработку стратегических целей, которые закреплены в основополагающих документах государственного управления. В первую очередь следует упомянуть Конституцию Российской Федерации, где зафиксированы основные права человека и гражданина в социально-культурном развитии. Конституция устанавливает соответствующие обязанности по исполнению этих прав перед органами власти. Активная государственная политика осуществляется в процессе реализации целого ряда документов стратегического планирования [4, с. 54]. Среди национальных проектов и государственных программ, с точки зрения развития культуры, особое место занимают проекты «Культура», «Образование» и «Демография», а также государственная программа «Развитие культуры».

На региональном уровне методы изучения сферы культуры и регулирования процессов ее развития проходят детализацию. Это обусловлено разнообразием целей и задач, которые требуют решения в работе региональных органов государственной власти и местного самоуправления, а также различным отношением местных властей к пониманию места сферы культуры в экономике регионов. После вступления в силу в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ разработка соответствующих документов касательно развития сферы культуры велась в регионах России с различной глубиной конкретизации.

При всем разнообразии и специфике культуры регионов России является методически правильным определить основные составляющие этой сферы, которые представлены во всех регионах нашей страны. Определение составляющих сферы культуры — это один из наиболее дискуссионных вопросов. Чаще всего эта сфера рассматривается в контексте перечислений объектов инфраструктуры культурной деятельности. Этот подход недопустимо узок, так как сферу культуры региона формируют результаты работы более широкого круга учреждений и организаций. В диссертационном исследовании автора данной публикации С. Т. Румянцевой «Оценка и механизмы воздействия сферы культуры на социально-экономическое развитие региона» [11] дано обоснование обособления следующих составных структурных элементов сферы культуры в составе экономики региона.

1. Объекты отрасли «Культура». В их число входят организации и учреждения, чья деятельность находится под непосредственным контролем подразделений региональных администраций, ответственных за деятельность сферы культуры. Непосредственными участниками культурной деятельности являются библиотеки, дома культуры, музеи, театры и пр.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

2. Особое место в сфере культуры региона занимают объекты культурного наследия. Располагая особым статусом, памятники истории и культуры, места, связанные с жизнью выдающихся деятелей, исторические поселения требуют применения особых подходов к организации финансового обеспечения, управления и регулирования.

3. Учреждения системы образования. В том числе это организации дошкольного, среднего общего и профессионального образования, высшего образования, включая иные организации, осуществляющие образовательную деятельность. От результатов деятельности этих учреждений зависят итоги реализации государственной культурной политики.

4. Особую группу формируют объекты, обеспечивающие здоровье и здоровый образ жизни, спорт и развитие физической культуры. Деятельность этих учреждений обеспечивает сохранение и развитие ценностей здоровьесберегающей культуры.

5. Развитие сферы культуры и сохранение традиционных ценностей обеспечивают учреждения и организации, чья деятельность связана с народной художественной культурой, сохранением истории родного края. В их числе самодеятельные коллективы и театры, организации народных художественных промыслов, исторические клубы.

6. Нельзя не выделить в отдельную группу организации, обеспечивающие проведение досуга населения. Это различные развлекательные учреждения, кафе и рестораны, т. е. места, обеспечивающие условия для культурного общения, отдыха и проведения свободного времени.

7. Все большую роль в развитии сферы культуры выполняют участники индустрии эстетики и дизайна. Это учреждения, продвигающие ценности культуры внешнего вида: салоны красоты, ателье и магазины модной одежды, центры эстетической медицины, спа-салоны и пр.

Одной из важнейших проблем управления развитием сферы культуры является организация статистического наблюдения и мониторинга. Ниже приведены показатели, которые можно найти в различных сборниках и аналитических материалах Росстата¹, в которых представлены данные о развитии инфраструктуры культуры и показатели деятельности организаций сферы культуры. Приведены показатели за период 2000–2020 гг., т. е. время, предшествующее наступлению кризисных событий, вызванных пандемией COVID-19 и проведением специальной военной операции. Динамика показателей позволяет дать оценку тем тенденциям, которые сложились в течение предшествующих десятилетий (табл. 1).

В целом можно констатировать, что за прошедшие два десятилетия увеличилось количество объектов спорта — залов и плавательных бассейнов, возросло число театров и самодеятельных коллективов, а также учреждений среднего профессионального образования.

Вместе с тем сократилось количество образовательных организаций, в том числе детского дошкольного образования, общеобразовательных организаций, а также организаций высшего образования. Уменьшилось количество организаций культурно-досугового типа. Существенно сократилось число больничных организаций и детских загородных оздоровительных лагерей.

Следует отметить, что динамика каждого из названных показателей зачастую отражает специфику преобразований в соответствующей отрасли. Так, сокращение количества учреждений высшего образования связано с реформами,

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 // Стат. сб. М. : Росстат, 2023. 1126 с.; Российский статистический ежегодник. 2023 // Стат. сб. М. : Росстат, 2023. 701 с. и др.

Развитие инфраструктуры культуры в Российской Федерации
 Table 1. Development of cultural infrastructure in the Russian Federation

Показатель	2000	2010	2020
Число профессиональных театров	547	604	669
Число музеев	2047	2578	2917
Число организаций культурно-досугового типа (дома культуры, клубы и пр.), тыс.	54,8	46,6	42,4
Число общедоступных библиотек, тыс.	51,2	46,1	41,6
Число дошкольных образовательных учреждений, тыс.	51,3	45,1	35,3
Число общеобразовательных организаций, тыс.	67,1	49,5	40,3
Число организаций среднего профессионального образования	2589	2850	3273
Число образовательных организаций высшего образования	965	1115	710
Число больничных организаций, тыс.	10,7	6,3	5,1
Число амбулаторно-поликлинических организаций, тыс.	21,3	15,7	22,9
Детские загородные оздоровительные лагеря, тыс.	3,3	2,2	1,8
Стадионы	2108	1903	1770
Спортивные залы, тыс.	54,9	72,4	75,3
Плавательные бассейны	2512	4237	6229
Народные художественные театры	300	400	500
Самодельные творческие коллективы	700	900	1200

Примечание: составлено авторами по материалам официальной статистики.

которые проводились в этой сфере, повышением требований к качеству предоставляемых услуг, а также растущим дефицитом в регионах России квалифицированных преподавателей высшей школы. Сокращение количества дошкольных учреждений и организаций общего образования вызвано политикой укрупнения соответствующих учреждений в регионах, испытывающих отток населения.

Трансформации отдельных составных частей инфраструктуры культуры происходили путем «оптимизации» расходов на содержание соответствующих учреждений. Эта политика привела к тому, что и без того испытывающие сложности регионы от снижения уровня социально-экономического развития от органов государственной власти получили импульс к дальнейшему усугублению сложившейся ситуации. Так, закрытие общеобразовательной школы в сельской местности означает по факту последующий отток людей в те населенные пункты, в которых эти учреждения после проведения «оптимизации» сохранились. В некоторых случаях этот путь приводил к необходимости срочного вмешательства и выравнивания ситуации в муниципальных образованиях, лишившихся минимального набора жизненно необходимых услуг. Так, количество амбулаторно-поликлинических организаций сократилось с 2000 г. к 2010 г. с 21,3 до 15,7 тыс. и только срочными мерами поддержки удалось их восстановить до 22,9 тыс. к 2020 г.

Для рассмотрения динамики показателей деятельности организаций сферы культуры приведены данные за 2019 г., так как события пандемии COVID-19 слишком сильно отразились на результатах работы учреждений сферы культуры по итогам 2020 г. (табл. 2).

**Основные показатели деятельности организаций сферы культуры
в Российской Федерации**

Table 2. The main performance indicators of cultural organizations
in the Russian Federation

Показатель	2000	2010	2019	2020
Число зрителей театров на 1000 чел. населения	212	217	280	110
Число посещений музеев на 1000 чел. населения	505	567	877	403
Численность пользователей общедоступных библиотек, млн	59,6	56,0	50,4	44,0
Доля расходов домашних хозяйств на отдых и культурные мероприятия, %	4,2	6,8	8,4	5,8
Число турпакетов, реализованных населению, тыс.	3900	4358	5337	3125
Число лиц, занимавшихся физкультурой и спортом (на 1000 чел. населения)	420	440	446	494
Валовой коэффициент охвата средним профессиональным и высшим образованием (отношение числа обучающихся к численности населения в возрасте 15–34 года)	20,5	23,8	19,9	21,3
Доля лиц с высшим и неполным высшим образованием в составе занятых, %	26,3	28,9	34,2	35,4
Доля лиц со средним профессиональным образованием, в составе занятых, %	28,6	27,1	25,6	25,6
Заболееваемость на 1000 чел. населения	731	780	780	760

Примечание: составлено авторами по материалам официальной статистики.

До наступления ограничений, наложенных пандемией, наблюдается рост посещения музеев, театров, увеличивается количество туристических поездок и, что важно, растут расходы на отдых и культурные мероприятия. На этом фоне снижается интерес у населения к посещению библиотек, что свидетельствует о постепенном вытеснении этой услуги на фоне развития Интернета и альтернативных источников получения информации.

В составе занятых наблюдается заметное увеличение количества лиц с высшим и неполным высшим образованием с ощутимым снижением контингентов со средним профессиональным образованием.

Вызывают сомнение данные о занятых физкультурой и спортом. Цифры явно преувеличены и прослеживается ведомственный подход к отчетности, когда один и тот же человек, занимающийся несколькими видами спорта, рассматривается как несколько отдельных человек. Только так можно объяснить практически пятидесятипроцентную вовлеченность населения.

В упомянутом диссертационном исследовании был назван ряд задач развития сферы культуры, в той или иной степени актуальных для всех регионов России. Решение этих задач требует разработки и применения специальных методов управления и регулирования.

Во-первых, это задачи мониторинга состояния социально-культурного комплекса региона, а также уровня удовлетворенности населения объемом и качеством предоставляемых услуг, учитывая результаты работы в этом направлении не только органов власти, но и общественных организаций, а также бизнес-сообщества.

Во-вторых, задачи вовлечения населения в общественную жизнь, в социально и культурно значимые процессы, а также анализ результатов реализации политики органов государственной власти и местного самоуправления в решении вопросов участия местных сообществ в социальном и культурном развитии.

В-третьих, задачи обеспечения доступности населения объектов предоставления услуг сферы культуры, эффективной территориальной организации соответствующих учреждений, включая возможности мобильных форм социально-культурного обслуживания, состояния соответствующей инфраструктуры и уровня развития транспортной и информационной коммуникации.

В-четвертых, задачи ресурсного обеспечения сферы культуры, включая оценку достаточности финансирования социально-культурной сферы, использования возможностей государственно-частного партнерства и привлечения внебюджетных источников, эффективного и рационального использования имеющихся средств, равномерного территориального распределения финансовых ресурсов.

В-пятых, задачи создания условий развития потенциала национальной культуры, укрепления основ традиционных ценностей народов России, формирование на этой основе адекватных представлений об истории государства и регионов, продвижение патриотических ценностей, поддержки общественных организаций, деятельность которых связана с социально-культурной сферой.

В-шестых, задачи пропорционального развития всех направлений деятельности, относящихся к сфере культуры, включая народное творчество и промыслы, народную художественную культуру в целом, а также ее адаптацию и обеспечение сосуществования с современными течениями искусства и творчества.

Состояние сферы культуры находится в зависимости от уровня экономического развития регионов. При этом зависимость эта взаимная. Так, в регионах с высоко развитой экономикой менее сложными являются проблемы финансирования сферы культуры, чем в менее обеспеченных регионах. В стратегиях богатых регионов наблюдается смещение основного внимания на другие составляющие региональной экономики. В то же время сфера культуры является сама по себе объектом инвестирования, способным приносить доход, и в менее обеспеченных регионах можно наблюдать повышенное внимание к ее развитию. В стратегиях регионов с невысоким уровнем развития экономики часто проявляется повышенное внимание к проведению культурно-массовых мероприятий, которые нацелены на привлечение внешних инвесторов, развитие туризма и рекреации. В результате чего в менее экономически обеспеченных регионах можно наблюдать более качественное состояние сферы культуры за счет внебюджетных источников и развития государственно-частного партнерства.

Актуальным является установление баланса между потребностями населения в получении услуг сферы культуры и тому вниманию, которое уделяется ей в стратегиях социально-экономического развития регионов. При оценке документов стратегического планирования, и прежде всего программ и проектов, необходимо учитывать не только бюджетно-финансовые, социально-экономические эффекты, но и социально-культурный эффект, который должен предполагать возможности дополнительного развития инфраструктуры сферы культуры региона [13].

Результаты исследования и их обсуждение

Практика управления процессами социально-экономического развития регионов свидетельствует о том, что при формировании документов стратегического планирования на уровне субъектов Российской Федерации следует уделять внимание

ряду направлений деятельности органов власти, от которых зависит развитие сферы культуры.

1. Работа органов власти по сохранению и восстановлению объектов культурного наследия. Внимание к решению вопросов состояния, своевременной реставрации и бережного отношения к культурно-историческим памятникам нацелено на общее развитие уровня культуры населения, его уважительное отношение к историческому наследию. В то же время объекты культурного наследия выступают в качестве объектов внимания для туристов и рекреантов, что формирует дополнительные направления социально-экономического развития территории [16, с. 62].

2. Обеспечение стабильного финансирования организаций и учреждений, чья деятельность связана со сферой культуры. Абсолютная зависимость от бюджетного финансирования не позволяет должным образом реализовать социально-культурный потенциал региона. Развитие сферы культуры происходит более динамично с опорой на внебюджетные источники и государственно-частное партнерство. Кроме того, необходимо обеспечить общий достойный уровень заработной платы сотрудников этих организаций. Занятость в учреждениях сферы культуры должна быть привлекательна на рынке труда, должна создавать условия для привлечения населения, желающего реализовать свой творческий потенциал. Особое внимание следует уделить вопросам повышения квалификации сотрудников учреждений сферы культуры, развитию научной и исследовательской деятельности.

3. Развитие сферы культуры в тесной связи с малым предпринимательством. Накоплен богатый опыт сотрудничества социально-культурных организаций и малых предприятий, специализирующихся на обслуживании туристов и рекреантов, создающих благоприятную среду для повышения внимания к сфере культуры у населения. Со стороны органов власти необходимо создание условий для того, чтобы предпринимательская инициатива находила возможности для реализации в контексте интересов развития сферы культуры, не нанося ущерба объектам культурного наследия.

4. Создание комфортной инфраструктуры для функционирования социально-культурной сферы. Деятельность в этом направлении связана с поддержанием в нормативном состоянии прилегающих территорий к объектам социально-культурного значения, обеспечением доступности для населения к услугам учреждений культуры, созданием комфортных условий для доступа к объектам, которые представляют интерес у туристов и рекреантов. Решения задач данного направления не могут ограничиваться дорожным строительством, они должны предусматривать согласованную работу городского и пригородного транспорта, организацию пешеходных маршрутов и переходов, удобного движения как личного, так и общественного транспорта.

5. Комплексное развитие территории с учетом особых условий функционирования объектов социально-культурного назначения и решением вопросов доступности для населения услуг сферы культуры. Реализация этого направления предполагает проведение системной работы и согласованности реализации всех документов стратегического планирования. Подготовка стратегий и прогнозов, программ и схем территориального планирования должна учитывать и проходить согласование по вопросам функционирования сферы культуры, включая проблематику туризма и рекреации, сезонного характера занятости населения, привлеченного к работе учреждений культуры и сопутствующей сферы обслуживания [18, с. 9].

Вопросы, сгруппированные по указанным направлениям деятельности, находят отражение в предусмотренных законодательством документах стратегического планирования [17, с. 581].

1. При подготовке прогнозов социально-экономического развития региона осуществляется разработка различных вариантов развития сферы культуры. Это необходимо для оценки исходного ее состояния и формирования репрезентативных представлений о существующих проблемах ее функционирования. Результатом работы в рамках прогнозирования является подготовка различных сценариев. Перспективы сферы культуры могут определяться в вариантах консервативного развития с решением задач неухудшения сложившейся ситуации, умеренного роста и поддержки сложившихся тенденций и целевого сценария, который предполагает опережающие темпы развития.

2. В стратегии социально-экономического развития дается обоснование выбора одного из возможных сценариев работы органов власти в отношении будущего состояния сферы культуры. Выбор консервативного, базового или целевого сценария обусловлен многими факторами. В первую очередь важно исходное состояние экономики региона и его социально-культурной сферы. Если в предшествующий период развития были достигнуты высокие результаты и население удовлетворяет сложившееся положение дел, то выбор консервативного или базового сценария может быть оправдан. Но для регионов, не имеющих такой основы, выбор целевого сценария оказывается единственно верным решением.

3. Как уже было отмечено ранее, для сферы культуры крайне важными являются вопросы территориальной организации. Они должны быть учтены в схемах территориального планирования. С учетом выбранного сценария происходит зонирование территории, определяются пространства, освоение которых не должно противоречить запланированным целям и задачам преобразований в сфере культуры, осуществлению тех проектов, которые предполагаются к осуществлению в сроки реализации стратегии [12, с. 163].

4. Особое место в системе документов стратегического планирования принадлежит региональной государственной программе «Развитие культуры». Ее место в системе стратегического планирования обусловлено необходимостью реализации мероприятий, имеющих системный характер, ориентированных на долгосрочную перспективу и обеспечивающих функционирование базовых механизмов сферы культуры региона.

5. В Российской Федерации последние годы большое внимание уделяется проектным формам управления. Для реализации стратегии регионов и развития сферы культуры крайне важным выступает реализуемый Национальный проект «Культура»¹. Проектный метод управления позволяет в рамках общей государственной политики сосредоточить внимание на решении наиболее актуальных проблем, создать условия в регионах для запуска механизмов государственного регулирования в том случае если в предшествующий период не было для этого создано необходимых предпосылок, а также поддержать те инициативы, которые имеют перспективный инновационный характер. Мероприятия, предусмотренные проектами, имеют большое значение для разрешения наиболее злободневных вопросов региональной экономики, создают условия для достижения целей прочих его составляющих. Так, для развития сферы культуры ощутимые положительные последствия возникают от реализации мероприятий проектов «Демография», «Здравоохранение», «Туризм и индустрия гостеприимства», «Образование», «Малое и среднее предпринимательство», «Жилье и городская среда», «Безопасные качественные дороги», «Экология», «Наука и университеты», «Цифровая экономика». На региональном уровне управления также могут соз-

¹ Культура. Национальные проекты России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/kultura> (дата обращения: 02.03.2024).

даваться Региональные проекты, ориентированные на решение местных задач, в том числе связанные со сферой культуры.

В настоящее время далеко не все проблемы, связанные с развитием сферы культуры, находят отражение в документах стратегического планирования. Во многом это связано с тем, что в процессе их подготовки на местах наблюдалось разнообразие понимания как роли и места социально-культурных процессов в общей конструкции социально-экономического развития территорий, так и последствия недостаточного методического обеспечения решения вопросов подготовки и реализации документов стратегического планирования. Назовем группы наиболее актуальных проблем развития сферы культуры регионов.

1. В России пока не преодолены тенденции перераспределения населения по территории страны из малых в более крупные поселения. Эти процессы неизбежны, так как вместе с ростом производительности труда сельского хозяйства происходит высвобождение работников, которые ищут места приложения труда в городах, на предприятиях промышленности и сферы услуг. Но в нашей стране в основе этих процессов заложены другие причины. А именно: неудовлетворительные условия проживания и более низкое качество жизни на селе в сопоставлении с городом. Эти процессы резко усилились в 90-е гг., сохранились в 2000-е гг. и к настоящему времени пока еще не нашли полноценных решений. Особенно болезненно они сказываются в регионах Нечерноземья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В этих регионах наблюдается ликвидация в малых поселениях объектов социальной инфраструктуры, в том числе в сфере культуры, которые перемещаются в административные центры поселений. И в дальнейшем уже не перспективы утраты работы, а именно неудовлетворенность уровнем социально-культурных услуг побуждает людей к переезду в более крупные поселения. Новая территориальная организация сферы культуры должна выстраиваться из этих реалий, предусматривать возможность получения доступа к услугам учреждений социально-культурного профиля, в том числе за счет развития транспортной сети и доступности, а также мобильных форм обслуживания.

2. В настоящее время учреждения культуры в силу оттока населения из малых поселений в более крупные перемещаются в административные центры. Особенно это проявляется в сельской местности, когда эти учреждения практически в полном составе размещаются в административных центрах муниципальных районов. В результате резко увеличивается расстояние этих учреждений от места непосредственного проживания жителей сельских поселений, т. е. практически делает их для этих жителей недоступными. Учреждения сферы культуры должны выполнять функции сплочения местных сообществ. Имеется положительный опыт создания на базе административных центров местных поселений социально-культурных досуговых центров комплексного типа. Деятельность этих учреждений направлена на предоставление услуг для всех категорий населения. Они представляют собой комплексы, в пределах которых организуется досуг, размещается библиотека, создаются тематические кружки для детей, спортивные секции, проводятся мероприятия для населения всех возрастов и т. д. Располагаясь в пешеходной доступности, они становятся центром притяжения населения.

3. Качество предоставления услуг учреждениями социально-культурного обслуживания определяется их соответствием потребностям населения. В реальности наблюдается существенное разнообразие социальной структуры поселений, различие их специализации и ожиданий людей в получении услуг. Так, существуют различия наиболее востребованных услуг у жителей: городских и поселений; сельских поселений, специализирующихся сугубо на сельскохозяйственном про-

изводстве, и поселений, принимающих в период отпусков прибывающих на отдых горожан и т. д. Применение унифицированного подхода к организации работы учреждений сферы культуры не только не позволит добиться желаемого, но и приведет к неэффективному использованию бюджетных средств. Более правильным будет подойти к решению вопросов территориальной организации сферы культурного обслуживания, используя механизм инициативного бюджетирования. Этот механизм предусматривает решение вопросов выделения бюджетных средств на решение проблем социально-культурного обслуживания после проведения опросов населения и установления наиболее востребованных населением услуг.

4. Проведение мониторинга наиболее востребованных услуг и предоставление их населению позволит снять в обществе напряженность, однако это не отменяет необходимости реализации системных решений. Здесь наибольшую эффективность демонстрирует разработка территориальных программ в сфере культуры, которые взаимосвязаны с программами социально-экономического развития регионов. Но применение программных методов управления вскрывает существующие проблемы формирования адекватных показателей оценки достижения целей, ради которых эти программы разрабатываются [5, с. 32]. Сфера культуры ориентирует на достижение не количественных, а качественных результатов, которые измерить крайне сложно. Является актуальной проблема методического обеспечения разработки систем оценки уровня развития туристско-рекреационной сферы, а также сферы культуры и искусства [10, с. 181].

5. Наибольшее количество вопросов возникает на тему финансирования деятельности учреждений культуры. Выделяемых бюджетных средств на эти цели не может быть достаточным для обеспечения всего перечня услуг, которые возникают у населения. Бюджетные средства должны направляться и обеспечивать необходимые и достаточные потребности по созданию инфраструктуры сферы культурного обслуживания. На основе этой инфраструктуры должны реализовываться проекты, к финансированию которых необходимо привлекать коммерческие организации и частных инвесторов, общественные организации и меценатов. В этом должны содействовать органы государственной власти регионального уровня.

Заключение

Происходящие события свидетельствуют о том, что в России происходит постепенный отказ от чисто механического понимания процессов социально-экономического развития, который ориентирует рассмотрение результатов стратегического управления на достижение главным образом количественных целевых ориентиров государственной политики. Приходит понимание важности учета качественных преобразований, что неизбежно происходит в обществе вместе с изменениями экономики. Эти изменения требуют рассмотрения сферы культуры в качестве активного инструмента публичного управления, что предполагает определение соответствующих стратегических целей, использования необходимых инструментов государственного регулирования, разработки и реализации соответствующих программ и проектов.

Тема развития сферы культуры требует отражения в документах стратегического планирования. На федеральном уровне устанавливаются общие принципы, ценности и приоритеты реализации государственной политики в сфере культуры. Но наибольшую детализацию эта тема приобретает при подготовке и реализации документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации.

Литература

1. *Абанкина Т. В.* Культура постиндустриального общества: Тенденции и модели использования культурных ресурсов для устойчивого регионального развития // Справочник руководителя учреждения культуры. 2007. № 8. С. 47–53.
2. *Булочников П. А.* Стратегическое управление развитием регионов: монография / Министерство культуры Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения». СПб. : СПбГИКИТ, 2021. 188 с.
3. *Диская Н. И.* Библиотека как центр культурного разнообразия: проблемы, перспективы развития в региональном пространстве // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Челябинск, 2016. № 1 (45). С. 50–58.
4. *Елсуков М. Ю.* О развитии стратегического планирования на муниципальном уровне управления // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. Материалы X Международной научно-практической конференции. Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ. 2018. С. 52–58.
5. *Климанов В. В.* Государственные программы и их место в системе госуправления // Бюджет. 2019. № 10 (202). С. 31–33.
6. *Копацкая С. А.* Регионализация культурной политики в России и Франции. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2007. 159 с.
7. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М. : Прогресс, 1993. 415 с.
8. *Новосельская В. В.* Влияние постиндустриальной экономики на региональный культурный ландшафт // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 2 (46). С. 69–78.
9. *Песоцкая К. И.* О проблемах развития культуры регионов / К. И. Песоцкая // Наука. Искусство. Культура. 2021. Вып. 3 (31). С. 162–166.
10. *Румянцева С. Т.* Анализ условий и факторов социально-экономического развития поселения, имеющего культурно-историческое значение // Материалы VIII международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». Т. 2. СПб., 20–22 апреля 2016 г. С. 176–182.
11. *Румянцева С. Т.* Оценка и механизмы воздействия сферы культуры на социально-экономическое развитие региона : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2022. 118 с.
12. *Румянцева С. Т.* Учет особенностей территорий при проведении региональной политики в сфере социально-экономического развития, культуры и туризма // Управленческое консультирование. 2018. № 9 (117). С. 158–167.
13. *Скульмовская Л. Г.* Методы программно-целевого планирования и управления в сфере культуры региона в новых геополитических условиях (на примере Тюменской области) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук / отв. ред. В. И. Герасимов. 2018. С. 562–567.
14. *Тургаев А. С., Востряков Л. Ю.* Основы государственной культурной политики Российской Федерации. СПб. : СПбГИК, 2017. 3336 с.
15. *Федотова Н. Г.* Векторы региональной культурной политики в сфере капитализации культуры // Труды СПб ГУК. 2013. Т. 199. С. 17–32.
16. *Ходачек В. М., Елсуков М. Ю.* Стратегическое планирование социально-экономического развития в регионах туристско-рекреационной специализации // Управленческое консультирование. 2017. № 8 (104). С. 55–70.
17. *Чистобаев А. И.* Территориальная организация местного самоуправления в России. The territorial organization of local government in Russia // География в школе, 2014.
18. *Чистобаев А. И.* О сочетании функций стратегического и территориального планирования в регионах России // Проблемы государственной политики регионального развития России: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 4 апреля 2008 г.) / [ред.-издат. группа: С. С. Сулакшин (рук.) и др.]. М. : Научный эксперт, 2008. С. 577–586.
19. *Arrow K. J.* The economic implications of learning by doing // The Review of Economic Studies. 1962. N 29 (3). P. 155–173.
20. *Jacobs J.* The economies of cities. New York : RandomHouse, 1969.
21. *Romer P. M.* Increasing returns and long-run growth // The Journal of Political Economy. 1986. N 94 (5). P. 1002–1037.

Об авторе:

Румянцева Светлана Тимуровна, доцент кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; rumyantseva-st@ranepa.ru

References

1. Abankina T.V. Culture of post-industrial society: Trends and models of the use of cultural resources for sustainable regional development // Handbook of the head of the cultural institution. 2007. N 8. P. 47–53. (In Russ.)
2. Bulochnikov P.A. Strategic management of regional development: monograph. Ministry of Culture of the Russian Federation, Saint Petersburg State Film and Television Institute. Saint Petersburg : Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, 2021. 188 p. (In Russ.)
3. Diskaya N. I. Library as a center of cultural diversity: problems, prospects of development in the regional space // Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. Chelyabinsk, 2016. No 1 (45). P. 50–58. (In Russ.)
4. Yelsukov M. Yu. On the development of strategic planning at the municipal management level // Government and business. Modern problems of the economy. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. The Northwestern Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation. 2018. P. 52–58. (In Russ.)
5. Klimanov V.V. State programs and their place in the system of public administration // Journal Budget. Limited Liability Company Publishing House “Budget”. 2019. N 10 (202). P. 31–33. (In Russ.)
6. Kopatskaya S. A. Regionalization of cultural policy in Russia and France. Saint Petersburg : Publishing house of SPbGUEF, 2007. 159 p. (In Russ.)
7. Marshall A. Principles of economic science. Moscow : Progress, 1993. 415 p. (In Russ.)
8. Novoselskaya V.V. The influence of the post-industrial economy on the regional cultural landscape // Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2016. N 2 (46). P. 69–78. (In Russ.)
9. Pesotskaya K. I. On the problems of regional culture development // Science. Art. Culture. Is. 2021. N 3 (31). P. 162–166. (In Russ.)
10. Rumyantseva S. T. Analysis of conditions and factors of socio-economic development of a settlement of cultural and historical significance // Materials of the VIII International scientific and practical conference “Government and Business. Modern problems of economics”. Vol. 2. Saint Petersburg. April 20–22, 2016. P. 176–182. (In Russ.)
11. Rumyantseva S. T. Assessment and mechanisms of the impact of the sphere of culture on the socio-economic development of the region. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences. Saint Petersburg, 2022. 118 p. (In Russ.)
12. Rumyantseva S. T. Taking into account the peculiarities of territories when conducting regional policy in the field of socio-economic development, culture and tourism // Administrative consulting. 2018. N 9 (117). P. 158–167. (In Russ.)
13. Skulmovskaya L. G. Methods of program-target planning and management in the field of culture of the region in new geopolitical conditions (on the example of the Tyumen region) // Russia: trends and prospects of development. The yearbook. Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences / resp. ed. by V. I. Gerasimov. 2018. P. 562–567. (In Russ.)
14. Turgaev A. S., Vostryakov L. Yu. Fundamentals of the state cultural policy of the Russian Federation. Saint Petersburg : SPbGiK, 2017. 3336 p. (In Russ.)
15. Fedotova N. G. Vectors of regional cultural policy in the field of cultural capitalization // Works of the St. Petersburg State University of Culture. Vol. 199. 2013. P. 17–32. (In Russ.)
16. Khodachek V. M., Yelsukov M. Yu. Strategic planning of socio-economic development in the regions of tourist and recreational specialization // Managerial consulting. 2017. N 8 (104). P. 55–70. (In Russ.)
17. Chistobaev A. I. The territorial organization of local government in Russia // Geography at school. 2014. (In Russ.)
18. Chistobaev A. I. On the combination of the functions of strategic and territorial planning in the regions of Russia // Problems of state policy of regional development of Russia: Materials

of the All-Russian Scientific Conference (Moscow, April 4, 2008) / [ed.-publ. group: S. S. Sulakshin at al.]. Moscow : Scientific expert, 2008. P. 577–586. (In Russ.)

19. Arrow K.J. The economic implications of learning by doing // The Review of Economic Studies. 1962. N 29 (3). P. 155–173.
20. Jacobs J. The economies of cities. New York : RandomHouse, 1969.
21. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // The Journal of Political Economy. 1986. N 94 (5). P. 1002–1037.

About the author:

Svetlana T. Rumyantseva, Associate Professor of the Department of Economics of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences; rumyantseva-st@ranepa.ru

Границы семейного благополучия в фокусе практики социальной работы

Егорова Н. Ю.¹, Мигунова А. В.¹, Рыбкина А. В.^{2, *}

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

²МБДОУ «Детский сад» № 126 (Дзержинск, Российская Федерация); *alina.geyer20@mail.ru

РЕФЕРАТ

Благополучие, в том числе семейное, важная категория и с точки зрения целей социальной политики, и с позиции практики социальной работы. В условиях серьезных трансформаций в сфере брака и семьи и нарастания социальных проблем, связанных с функционированием этого социального института, многообразия семейных ситуаций и усложнения отношений между семьей и государством, актуализируются вопросы, касающиеся помощи семье и ребенку, а значит, и вопросы концептуализации понятий «благополучная семья», «семейное неблагополучие», критериев их определения, инструментов выявления как в рамках правового поля, так и практики работы с семьей и детьми.

Цель и методы. В статье на основании анализа нормативных документов федерального и регионального уровней ($n = 14$) и материалов авторского исследования методом полуструктурированного интервью со специалистами системы помощи семье в Нижегородской области ($n = 7$) определяются понятия «семейное благополучия» и «семейное неблагополучия».

Результаты и выводы. Подчеркивается неопределенность ситуации, в которой работают специалисты. Понятие «благополучие» в концептуальном пространстве правового поля понимается как единство функциональных и структурных критериев, что с учетом изменений института семьи встречается все реже. С другой стороны, термин «неблагополучная» семья раскрывается через призму ряда понятий, выделенных на основании либо объективных критериев, либо через ситуации, пока плохо поддающиеся четкому описанию. В этих условиях специалисты действуют интуитивно, опираясь на свой опыт и восприятие ситуации. «Неблагополучие» сводится к крайним и явным формам, а фокус работы смещается в учреждения соцзащиты, когда выбор семьи и специалистов уже ограничен. В то же время информантами подчеркивается значимость не столько структурных и объективных критериев, сколько характера отношений в семье, для определения которых в практике социальной работы пока не выработано четких критериев, что ограничивает возможности первичной/вторичной профилактики.

Ключевые слова: благополучная семья, неблагополучие семьи, критерии неблагополучия, инструменты и методы выявления неблагополучия

Для цитирования: Егорова Н. Ю., Мигунова А. В., Рыбкина А. В. Границы семейного благополучия в фокусе практики социальной работы // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 87–98.

The Boundaries of Family Well-Being in the Focus of Social Work Practice

Nadezhda Yu. Egorova¹, Arina V. Migunova¹, Alina V. Rybkina^{2, *}

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation); nadegorova@yandex.ru

²МБДОУ «Kindergarten N 126», (Dzerzhinsk, Russian Federation); *alina.geyer20@mail.ru

ABSTRACT

Well-being, including family well-being, is an important category both from the point of view of social policy goals and from the position of social work practice. In the conditions of serious transformations in the sphere of marriage and family and increasing social problems related to

the functioning of this social institution, diversity of family situations and complication of relations between the family and the state, the issues related to family and child assistance are actualized, and, therefore, the issues of conceptualization of the notions of “well-being family”, “family disadvantage”, criteria for their definition, tools for identification both within the legal field and the practice of work with families and children.

Purpose and methods. In the article on the basis of the analysis of normative documents of federal and regional levels ($n = 14$) and materials of the author’s research by the method of semi-formalized interview with specialists of the family assistance system in Nizhny Novgorod region ($n = 7$) the concepts of family well-being and dysfunction are defined.

Results and conclusions. The uncertainty of the situation in which specialists work is emphasized. The concept of “well-being” in the conceptual space of the legal field is understood as a unity of functional and structural criteria, which, given the changes in the institution of the family, is increasingly rare. On the other hand, the term “dysfunctional” family is disclosed through the prism of a number of concepts identified on the basis of either objective criteria or situations that are not yet clearly describable. In these circumstances, professionals act intuitively, based on their experience and perception of the situation. “Disadvantage” is reduced to extreme and obvious forms, and the focus of work shifts to social protection institutions, when the choice of family and specialists is already limited. At the same time, informants emphasize the importance of not so much structural and objective criteria as the nature of relationships in the family, for the definition of which the practice of social work has not yet developed clear criteria, which limits the possibilities of primary/secondary prevention.

Keywords: well-off family, family dysfunction, criteria of dysfunction, tools and methods of dysfunction detection

For citing: Egorova N. Yu., Migunova A.V., Rybkina A.V. The Boundaries of Family Well-Being in the Focus of Social Work Practice // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 87–98.

Введение

Семья — сложное, многофункциональное и значимое формирование. Ее современное состояние небезосновательно вызывает опасение как политических и общественных деятелей, так и специалистов-исследователей в области семьи и брака, практиков социальной работы. С одной стороны, накапливаются явления, бросающие тень на способность семьи успешно выполнять одну из своих базовых социальных функций — социализацию подрастающего поколения. Насилие в школьной среде, распространение и вовлеченность детей/подростков в деструктивные интернет-сообщества, масштабность иных форм асоциального поведения все чаще связываются исследователями со снижением родительского контроля, низким уровнем их компетентности, в целом с проблемами выстраивания родительско-детских отношений [7; 11]. С другой стороны, сам институт семьи и брака в течение ряда последних десятилетий меняется столь интенсивно, что это не может не быть источником новых проблемных ситуаций [3], несмотря на общую тенденцию и стремление к равенству и партнерству в супружеских, родительских, межпоколенных отношениях [5, с. 20–114]. Желание быть счастливым, услышанным и понятым, уважать свободу и желания/потребности друг друга, свои, ребенка зачастую приводят к негативным явлениям в брачно-семейной жизни: разводам, повторным бракам, нерезидентному родительству, излишнему либерализму по отношению к детям. Два этих, скорее всего, не параллельных явления создают общий неблагоприятный контекст функционирования семьи, увеличивая и усложняя понимание семейного благополучия и неблагополучия в текущих условиях.

Как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях выделяются различные критерии оценки ситуации в семье, а вопрос об успешности семьи, соот-

ответственно, по-прежнему остается дискуссионным. Семейное неблагополучие в начале 90-х гг. прошлого столетия в России часто связывалось с материальным положением семьи [9], в советский период важным был и критерий характера отношений в семье, внутрисемейный климат [13], семьи с асоциальным поведением всегда оказывались в числе проблемных [3]. Сегодня число признаков, на основании которых, по мнению исследователей, семья оказывается в сложной ситуации, увеличивается, становятся разнообразными и термины, определяющие выход семейной группы за границы благополучия. Это может быть «дисфункциональная» семья [11, с. 105–106], «семья группы риска», «деструктивная», «негармоничная», «конфликтная», «кризисная» [8; 13]. Критерии могут быть как объективными (состав семьи, принадлежность к слабозащищенным группам, малообеспеченность, асоциальный образ жизни), так и субъективными (учитывается состояние психологического комфорта/дискомфорта ребенка и членов семьи).

В зарубежной научной литературе можно встретить не одну публикацию, содержащую обзор теоретических и эмпирических исследовательских попыток представить, что составляет семейное благополучие. Анализ имеющихся работ возможен сегодня на основе электронного поиска по ключевому словосочетанию «семейное благополучие» в специальных базах данных и Google и последующей обработки научных статей, политических документов, материалов конференций по данной проблематике. К такого рода работам можно, в частности, отнести монографию Sue L. T. McGregor «Концептуализируя семейное благополучие» [15] и литературный обзор «Может ли правительство измерить семейное благополучие?», подготовленный коллективом авторов Iv. Wollny, J. Apps, C. Henricson [16]. В них выделяются теории, используемые для концептуализации семейного неблагополучия: экологический подход (теория экологических систем), теории семейных систем, теория ресурсов. Представлены различные концептуальные модели семейного благополучия. Предложены как авторская модель [15], так и список показателей благополучия семьи, выявленных в разных источниках [16]. Обсуждаются проблемы, связанные с измерением семейного благополучия. Это обусловлено, например, вопросом соотношения и взаимосвязи благополучия семьи и благополучия отдельного члена семьи (как индивида/супруга/родителя/ребенка) и определением, что важнее; выявлением спектра параметров семейного благополучия и пониманием, имеет ли какой-либо из них большее значение. Затрагиваются темы сочетания объективного и субъективного измерений, самооценки и внешней оценки, зависимости от контекста, принятых стандартов и ценностей. Отмеченная проблема концептуализации на уровне теории и операционализации в исследованиях термина «семейное благополучие» отражается в сложностях его использования в семейной политике и практике работы социальных служб.

Учитывая расширяющееся проблемное поле, связанное с состоянием института семьи, брака, родительства, разнообразие семейных ситуаций и неоднозначности их оценки, актуализируются вопросы, связанные с оказанием помощи семье, определением критериев нуждаемости и необходимости поддержки в практике социальной работы, тем более, что профилактика и преодоление семейного неблагополучия Концепцией Государственной семейной политики заявлены как приоритетные задачи¹.

¹ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» <https://docs.cntd.ru/document/420217344>.

Что такое, с точки зрения практики и практиков социальной работы, семейное неблагополучие и где его границы? Какие семьи оказываются в поле зрения специалистов по работе с семьей и детьми? Каковы применяемые ими критерии оценки ситуации?

Материалы и методы

При описании благополучия/неблагополучия в практике социальной работы, во-первых, использовались нормативно-правовые документы федерального и регионального уровней, определяющие понятие «неблагополучие» в правовом поле, а также механизмы его выявления ($n = 14$); во-вторых, материалы исследования «Неблагополучная семья в практике социальной работы (на примере учреждений Нижегородской области)», проведенного в 2022 г. методом полуструктурированного интервью со специалистами учреждений системы образования и соцзащиты, некоммерческой организации Нижегородской области ($n = 7$, социальные педагоги, воспитатели, психолог), входящих в систему помощи семье на основании ст. 4 ФЗ от 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Результаты. Что в правовом поле и что в практике работы?

Понятия «благополучие» и «неблагополучие» семьи/ребенка не имеют какого-либо четкого юридического статуса. Категория благополучия используется, как правило, в концепциях федерального и регионального уровней, определяющих общие цели, задачи, направления семейной политики, рассматривается как некий идеальный вариант семейных отношений, к которому необходимо стремиться и раскрывается через призму функциональных или структурных (состава семьи) характеристик. «Под благополучием семьи понимается жизненная ситуация, которая включает все необходимые условия для удовлетворения потребностей семьи и выполнения семьей своих функций... рождение детей, воспитание и социализация... поддержание экономической устойчивости семьи...»¹. «Модель благополучия включает систему следующих характеристик... юридическая оформленность брачных отношений... наличие в составе семьи обоих родителей... имеет двух и более детей...»². «В качестве исходного ориентира... принят тип благополучной семьи..., которая...осуществляет свою жизнедеятельность в зарегистрированном браке, ориентирована на рождение и воспитание трех и более детей... в состоянии самостоятельно решать все свои проблемы и в полной мере выполняет социальные функции...»³. «Под благополучной семьей понимается семья, которая обладает внутренними ресурсами для осуществления своей жизнедеятельности, имеет полную структуру, юридически зарегистрированный брак, характеризуется стабильными отношениями, взаимоответственностью и заботой друг о друге, гуманистическими ценностями, ориентирована на рождение двух, трех или более детей, обладает родительской компетентностью и стремлением к ее развитию, имеет устойчивый социально-экономический статус...»⁴. Нижегородская

¹ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 10.07.2012 № 695 «О Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы». Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/822401007> (дата обращения: 24.08.2024).

² Там же.

³ Постановление Правительства Саратовской области от 02.11.2011 № 610-П «О Концепции семейной политики Саратовской области до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/933017855>. (дата обращения: 24.08.2024).

⁴ Постановление администрации Магаданской области от 31.01.2013 № 41-па «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Магаданской области на

область была одним из первых регионов, где появилась Концепция семейной политики. Центральным в ней является термин успешной семьи, «...самоценной и самодостаточной...», способной «обеспечить... положительные результаты в функционировании общества: стабильность демографической ситуации... здоровый генофонд... включенность в обеспечение экономического потенциала социума...; успешную социализацию подрастающего поколения...»¹. Семьи, не обладающие вышеописанными характеристиками, в той или иной степени оказываются неблагополучными, а неполные, однодетные, незарегистрированные — априори дисфункциональными в отличие от полных, зарегистрированных, многодетных.

С другой стороны, термин «неблагополучная семья/ребенок» в правовом поле отсутствует. Тем не менее, имеются другие понятия, через которые раскрывается суть неблагоприятной семейной обстановки: «трудная жизненная ситуация»², социально-опасное положение»³, «нуждаемость в обслуживании»⁴. Критериями здесь являются некоторые объективные обстоятельства, наличие которых становится основанием для работы с ребенком и его семьей: сироты, дети с ограниченными возможностями, дети-жертвы катастроф и вооруженных конфликтов, насилия, дети, отбывающие наказание или воспитывающиеся в спецучреждениях, проживающие в малоимущих семьях, совершающие правонарушения или антиобщественные действия, а также дети, «жизнедеятельность которых объективно нарушена в результате сложившихся обстоятельств и которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи»⁵, или которые вследствие безнадзорности и беспризорности находятся «в обстановке, представляющей опасность для жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к воспитанию или содержанию»⁶. Принадлежность ребенка к большинству из названных категорий можно определить достаточно точно, но последние две формулировки вызывают некоторые сложности, тем не менее именно они являются основой для более серьезной по своим последствиям работы с семьей: возможность отобрания, ограничения, лишения родительских прав⁷, привлечение родителей к административной⁸ или уголовной ответственности⁹. Часто на социальных

период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453373376> (дата обращения: 24.08.2024).

¹ Постановление Правительства Нижегородской области от 23.12.2003 № 371 «Об утверждении Концепции семейной политики в Нижегородской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/944919228> (дата обращения: 24.08.2024).

² ФЗ № 124-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901713538> (дата обращения: 24.08.2024).

³ ФЗ № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 24.08.2024).

⁴ ФЗ № 442-ФЗ от 28.12.2013 г. «Об основах социального обслуживания населения граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499067367> (дата обращения: 24.08.2024).

⁵ ФЗ № 124-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901713538> (дата обращения: 24.08.2024).

⁶ ФЗ № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 24.08.2024).

⁷ Семейный кодекс РФ от 1995. Ст. 77, 73, 69 [Электронный ресурс]. URL <https://docs.cntd.ru/document/9015517> (дата обращения: 24.08.2024).

⁸ Кодекс административных правонарушений РФ от 2001. Ст. 5.35 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807667> (дата обращения: 24.08.2024).

⁹ Уголовный кодекс РФ от 1996. Гл. 20 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения: 24.08.2024).

работниках, или иных вовлеченных в работу с детьми специалистов лежит моральная ответственность за принятие решений относительно развития ситуации: вовлекать ли какие-либо структуры в работу или справляться своими силами. Потому важно, как ими определяются границы между благополучием и неблагополучием ребенка и семьи в достаточно неопределенных условиях. Безусловно, есть документы, которые дают возможность сориентироваться и понять, на что необходимо обращать внимание. Но, как правило, подробно описывается что учитывать, а не как это делать¹.

Стоит отметить, что работа всех основных учреждений в системе помощи детям и семье ориентирована в первую очередь на ребенка, что понятно и оправдано, и лишь потом на родителей и семью. Это подчеркивается всеми информантами, которые говорят сначала о несовершеннолетних, необходимости предоставить им нормальные условия существования, обеспечивающие гармоничное развитие, после чего можно выяснять и решать проблемы совместно с родителями. Ребенок в этих условиях является приоритетным объектом помощи, тогда как родители будут подключены к работе, только если сами к этому готовы. Это зависит и от мотивации родителей, и от готовности специалистов настроиться взрослого на работу, так как в текущих условиях ресурсов у практиков немного: они могут только уговорить, но не заставить.

Термин «неблагополучная семья» используется в работе, прежде всего, специалистами государственных учреждений, при этом он фактически является синонимом имеющихся в законодательстве категорий. *«Если говорить о неблагополучии, то я бы наверно оттолкнулась все-таки от законов, сказала бы наверно в первую очередь, что это те семьи, которые недолжным образом исполняют родительские свои обязательства. Сюда входит и недостаточное внимание эмоциональное, и чувства какие-то, это естественно и материальное обеспечение ребенка, случаи жестокого обращения, алкоголизм родителей, наркомания, девиантное поведение, антиобщественное...»* (социальный педагог, образовательное учреждение). В то же время обращается внимание и на ситуации, которые четко не описаны в документах, но по мнению практиков влияют на их адаптивные возможности. *«Конфликтность частая, отсутствие полного взаимопонимания между членами семьи, то есть, когда мама с папой в разные стороны ведут линию воспитания, и ребенок оказывается между двумя огнями, когда уже выросший ребенок, подросток в смысле, встает на свою позицию и родители внутри семьи не могут договориться ни с ребенком, ни между собой найти контакт, то есть, острая затяжная конфликтная ситуация, которая влияет на развитие адапционных возможностей ребенка. Вот это все я бы отнесла к неблагополучию»* (социальный педагог, учреждение системы образования). Наряду с данным термином применяется и обозначение «семья группы риска», *«...То есть те, которые еще не являются неблагополучными, но есть такая возможность»* (социальный педагог, учреждение системы образования). Когда речь заходит о благополучии семьи, информанты обращают внимание не на объективные характеристики семьи или ее структуру, не на ее материальное положение, хотя важно, *«чтобы ребенок был сыт и одет»*, а на семейный микроклимат, когда есть внимание и принятие ребенка, воспитание и развитие его потенциала, уход и забота. В этом контексте «неблагополучие» оказывается на противоположном полюсе: девиантное поведение родителей, отсутствие нормальных условий проживания, постоянные

¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 10.01.2019 № 4 «О реализации отдельных вопросов осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552304917> (дата обращения: 24.08.2024).

конфликты и насилие, в результате чего взрослые не могут обеспечить физическое и психическое здоровье ребенку, его обучение и развитие.

В некоммерческом секторе понятие «неблагополучная семья» не используется, специалисты здесь опираются не столько на законодательство, сколько на свое видение и понимание семейных проблем. *«У каждой семьи есть разные периоды: есть кризисы, есть периоды стабильности. У семей стабильных, гармоничных, ресурсных все определяется количеством ресурсов. Ресурсами могут быть отношения, количество денег, количество здоровья, количество перспектив. В какие-то моменты ресурсов может быть недостаточно для каких-то решений насущных задач, а когда-то этих ресурсов вполне предостаточно»* (психолог, некоммерческая организация). Потому употребление термина неуместно, да и клиенты в таких организациях другие — как правило, добровольные, а значит, с большей осознанностью и ответственностью относящиеся к сложившейся ситуации.

Таким образом, нормативных терминов явно не хватает для охвата, описания и анализа всех «трудных», «проблемных», «неблагополучных» и «не очень благополучных» семейных ситуаций с разной степенью серьезности и опасности для ребенка, возможно, только находящихся в зоне риска.

В зависимости от типа учреждения, практики по-разному определяют необходимость начала работы с ребенком. Воспитатели и социальные педагоги образовательных учреждений не имеют четких критериев для выявления неблагополучия, но *«все видно по ребенку»*: как выглядит и как себя ведет, в каком состоянии его личные вещи, как справляется с учебной деятельностью, что рассказывает, хочет ли возвращаться домой. По поведению ребенка, по мнению экспертов, можно определить наличие конфликтов в семье, даже если это скрывается взрослыми. С другой стороны, в решение семейных проблем такие учреждения сильно не углубляются: *«...мы же не копаем глубоко... ставим семьи на внутренний контроль иногда»* (воспитатель, учреждение системы образования). Если проблема оказывается затяжной и серьезной, о ней сигнализируют в другой структуры.

В учреждениях соцзащиты ситуация иная. С ребенком работают психолог, медик, социальный работник, которые каждый со своей стороны выясняют жизненную ситуацию на данный момент, получая комплексную картину состояния семьи и ребенка. Но и здесь в условиях отсутствия четких критериев практики пытаются выстроить свою систему оценки. *«Ребенок должен расти в безопасной среде, где ему ничего не угрожает, где он должен быть сыт и одет. Вот здесь мы выходим на кого? На семью, которая эти условия для ребенка, например, в определенный момент жизни не может создать. Есть «не может», а есть «не хочет». «Не может» — это трудная жизненная ситуация. Например, остались без работы родители, средств к существованию нет. Пока они решают эту проблему, они могут временно поместить ребенка в наше учреждение по своему собственному заявлению. А есть те, которые сначала не могли, а потом не хотят. Это те, кто пьет, не работает, но в то же время имеет детей»* (социальный педагог, учреждение соцзащиты).

В некоммерческом секторе говорят о семейных кризисах и, соответственно, о некотором перечне ситуаций, которые стоит держать на контроле, так как они потенциально могут стать источником проблемы, с которой семья будет не в состоянии справиться самостоятельно. *«Случаются плановые кризисы и внеплановые кризисы, будь то рождение или смерть ребенка, ну рождение ребенка с особенностями. Рождение ребенка — плановый кризис, а рождение ребенка с особенностями — внеплановый. Смерть ребенка — это тоже внеплановый кризис, развод — внеплановый кризис, переезд — внеплановый кризис, ну и так далее»* (психолог, некоммерческая организация).

Малообеспеченность является одним из основных критериев, по которым законодательно проводится водораздел между благополучием и неблагополучием. Такая семья получает материальную поддержку от государства, имеет льготы и право на бесплатное социальное обслуживание. Тем не менее, восприятие данного критерия не так однозначно в среде экспертов, скорее, малообеспеченные не значит неблагополучные, но в подавляющем большинстве неблагополучные являются малообеспеченными. *«...семья малообеспеченная, но все необходимое есть... тетрадка, одна игрушка, одна ручка... дома чистенько, все аккуратненько, мама водит в школу, сама не пьет, все нормально, ведёт нормальный, здоровый образ жизни... это же не означает, что они неблагополучные»* (социальный педагог, учреждение соцзащиты). Но в то же время *«малообеспеченность, она может быть... отправной точкой»* (социальный педагог, учреждение соцзащиты), *«это не сто процентов, конечно, что... малообеспеченная значит неблагополучная, нет. Но риск возрастает, мне кажется»* (социальный педагог, учреждение системы образования).

То же касается структурных критериев, или критериев, определяющих состав семьи. Многодетность, неполнота родительского ядра семьи, повторные браки родителей и неродные дети не являются однозначным показателем неблагополучия, но среди неблагополучных семей встречаются часто.

Несовершеннолетние по-разному попадают в поле зрения специалистов. Значительная ответственность в выявлении проблем ребенка в учреждениях системы образования лежит на классных руководителях, учителях. Именно они, ежедневно наблюдая за ребенком, могут зафиксировать какие-либо негативные изменения в поведении, учебе, внешнем виде. Другое дело, достаточно ли у них инструментов для оценки ситуации, ресурсов для ее решения? Развитие ситуации будет определяться многими факторами, в том числе простым восприятием педагога, так как, с одной стороны, алгоритм действий вроде бы есть: педагог → социально-психологическая служба школы → администрация школы → внешкольные структуры (полиция, органы опеки и попечительства), но четких критериев, определяющих переход с этапа на этап, кроме субъективной оценки «справлюсь»/ «не справлюсь», нет. В условиях нехватки и загруженности учителей можно просто не заметить проблему, обратив на нее внимание тогда, когда возможен будет переход только на последнее звено цепи. В то же время все *«... часто решается на уровне школы. Небольшой процент детей и семей ставятся на учет в организациях вне школы. Чаще всего все проблемы решаются на уровне образовательной организации. Все стараемся на корню пресекать. Я считаю, что школа — это очень важный инструмент для работы с асоциальными семьями, потому что в школу ребенок ходит каждый день, и мы имеем возможность отслеживать его состояние»* (социальный педагог, учреждение системы образования). Фактически школа признается центром профилактической работы с ребенком и его семьей, что, с нашей точки зрения, абсолютно оправдано, но пока фокус смещается на учреждения соцзащиты, куда попадают семьи с уже запущенными проблемами, и исход не оптимистичен — лишение родительских прав. *«Как правило, дают шанс родителям, возвращают, но потом через какой-то период, месяц-два, а то и несколько дней, дети возвращаются обратно, потому что эти родители неисправимы, как правило. Они не кодируются. Из 100 дай Бог случаев 5, наверно, кто исправится, что действительно перестают пить, сделают ремонт, детям предоставят все условия, которые нужны для воспитания и нормального полноценного развития ребенка»* (воспитатель, учреждение соцзащиты). Некоммерческий же сектор, еще раз повторимся, чаще работает с добровольными клиентами, хотя возможны и другие варианты. *«Органы опеки в ситуации развала семьи, в ситуации, когда есть угроза отдать ребенка опекунам, например, или*

в детский дом. Перед судом регулярная история — звонок из какой-нибудь опеки «Поговорите, может, есть надежда» (психолог, некоммерческая организация).

В результате мы имеем достаточно четко определяемую ситуацию крайнего неблагополучия, которую разделяют все информанты, и именно с нее начинается конкретная работа, и очень размытое представление о неблагополучии вообще, которое должно начинаться с границ благополучия. Последнее, во-первых, не является хорошо очерченным, а, во-вторых, определяется по-разному в правовом поле и практике работы с семьей и детьми.

Обсуждение и выводы

Проблема определения благополучия и неблагополучия семьи и ребенка столь же сложная, сколько и актуальная в текущих условиях трансформации брачно-семейных институтов, многообразия семейных ситуаций, общем сложном контексте функционирования современной российской семьи, нарастании негативных явлений, связанных с проблемами взросления и социализации несовершеннолетних в условиях максимальной открытости внешним влияниям, снижающимся авторитетом и контролем родителя, семьи. Все это обуславливает необходимость рассмотрения проблемы неблагополучия гораздо шире, начиная с границ благополучия, с учетом возможности раннего выявления трудностей, действительной профилактики (первичной) пока еще не ставших сложными и, зачастую, необратимыми семейных проблем.

Вопрос эффективно выстроенной работы, безусловно, начинается с концептуализации и теоретизации основных понятий, и уже затем формирования инструментов и механизмов выявления проблем семьи и ребенка.

Несмотря на множество определений как семейного благополучия, так и неблагополучия говорить о единстве формулировок, восприятия пока рано. С одной стороны, крайние/очевидные формы как первого, так и второго не вызывают, как правило, сомнений ни у экспертов, ни у обывателя. Благополучные — семьи, успешно справляющиеся с предписанными обществом функциями и имеющие классическую структуру — родители и дети. Неблагополучные — с асоциальным поведением, полным игнорированием нужд ребенка, применением жестких форм насилия к несовершеннолетним, серьезными материальными проблемами. Это фиксируется как концептуальными нормативными документами и мнениями опрошенных экспертов, так и опросами россиян [1; 2; 10]. С другой стороны, каждый из этих признаков может существовать по отдельности и возникает вопрос, к какой категории тогда причислять семью? И однозначного ответа здесь нет.

Критерии определения границ благополучия могут быть как объективными, так и субъективными. Нормативные документы больше ориентированы на объективные критерии, с помощью которых семью можно легко причислить к той или иной категории. Наши информанты не так категоричны. Они, конечно, опираются на документы, но подчеркивают, что, например, критерии малообеспеченности, состава семьи важны, но далеко не все семьи здесь можно считать неблагополучными. Гораздо важнее отношения между членами семьи, психологический климат, ориентация на ребенка, готовность заботиться о нем. И здесь, к сожалению, нет инструментов для четкого определения ситуации ребенка. Как результат, основанием для работы часто становится субъективное восприятие ситуации специалистом. Особенно ярко это проявляется в учреждениях системы образования, когда наличие проблемы, необходимость работы оцениваются фактически «на глазок». Субъективность определения благополучия/неблагополучия в практике социальной работы подчеркивается и другими исследованиями [6]. И здесь сложно винить специалистов, они работают в предложенных условиях неопределенности.

Стоит отметить, что попытки создания инструментов оценки предпринимаются как на региональном, так и межрегиональном уровнях, на базе и государственных, и некоммерческих организаций. Обратить внимание можно на опыт г. Москва¹ и г. Санкт-Петербург², на исследования Фонда Тимченко³. В первом случае речь идет об альтернативных/дополнительных инструментах, в том числе на основе зарубежного опыта, оценки опасности ситуации для ребенка, во втором — о создании единого индекса благополучия на основе как статистических критериев, так и субъективных, определяемых на основании ощущений ребенка и родителя. Но пока это локальный опыт, требующий обсуждения.

Отсутствие определенности в этом вопросе снижает эффективность работы, повышает вероятность не заметить и пропустить сложную ситуацию на этапе ее формирования, смещает фокус работы на учреждения соцзащиты, где исход работы, как правило, — разрыв семейных связей.

Таким образом, очевидна необходимость совершенствования понятийного аппарата, связанного с описанием различных вариантов и степени семейного неблагополучия с учетом ситуаций, которые стоит держать на контроле, разработки более четких инструментов выявления проблемных ситуаций, включая субъективные критерии, совершенствование методов выявления проблем — не только наблюдение, но, возможно, и мониторинг ситуации с акцентом на образовательные учреждения. Главное здесь, конечно, соблюдение меры, применения «мягких» практик работы, чтобы семья, ребенок не оказались под «тотальным контролем» социальных служб.

Литература

1. *ВЦИОМ. Неблагополучные семьи: кто виноват и что делать?* 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neblagopoluchnye-semi-kto-vinovat-i-chto-delat> (дата обращения: 12.09.2024).
2. *ВЦИОМ. Россияне о семейном благополучии.* 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-semeinom-blagopoluchii>. (дата обращения: 28.09.2024).
3. *Гурко Т. А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки.* 2021. № 1 (61). С. 45–53.
4. *Дементьева И. Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели.* М. : Генезис, 2004. 232 с.
5. *Жизненные миры современной российской семьи: монография / З. Х. Саралиева, В. А. Блонин, Н. Ю. Егорова [и др.].* Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

¹ Приказ Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы от 19.07.2021 № 730 «Об утверждении Порядка организации работы по выявлению и учету случаев социального неблагополучия детей». URL <https://base.garant.ru/407039580>; Форма «Оценка безопасности нахождения ребенка в семье и оценка риска жестокого обращения с ребенком» и Форма Акта обследования условий жизни несовершеннолетнего гражданина и его семьи утверждена приказом ДТСЗН г. Москвы «О внесении изменений в приказ ДТСЗН г. Москвы от 16.07.2019 № 666 «О порядке ведения личного дела несовершеннолетнего...» [Электронный ресурс]. URL: <https://dszn.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-1641-src-1645531642.5469.pdf>. (дата обращения: 10.09.2024).

² Автономная некоммерческая организация «Центр развития инновационных социальных услуг «Партнерство каждому ребенку», г. Санкт-Петербург. Руководство по оценке и междисциплинарному ведению случая для оказания помощи семье и детям, оказавшимся в социально опасном положении (единая форма оценки ребенка и семьи разработана на основании «треугольника оценки / потребностей») (Framework for assessment of children in need and their families, Великобритания) [Электронный ресурс]. URL: https://p4ec.ru/wp-content/uploads/2020/01/rukov-vo-po-osenke_2008.pdf. (дата обращения: 10.09.2024).

³ Индекс детского благополучия [Электронный ресурс]. URL: <https://cwb-index.fond-timchenko.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

6. Захарова Ю. П., Любимова А. И. Благополучие и неблагополучие семьи и ребенка в нарративах специалистов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 280–294 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.14> (дата обращения: 12.09.2024).
7. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Воронка вовлеченности в деструктивные интернет-сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2024. № 2 (74). С. 85–91.
8. Котенева А. В., Кушникова Е. Ю. Семейное неблагополучие: проблемы, критерии и методики диагностики // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях. Коллективная монография. Под общей редакцией А. В. Кокурина, В. И. Екимовой, Е. А. Орловой. Пермь, 2018. 215 с.
9. Мацковский М. С. Российская семья в изменяющемся мире // Семья в России. 1995. № 3–4. С. 25–35.
10. Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Князькова Е. А. Образ благополучной семьи глазами жителей российских регионов: социологический анализ // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47088316> (дата обращения: 12.09.2024).
11. Саралиева З. Х. Семья — клиент социальной работы. Нижний Новгород, 2003. 287 с.
12. Сизова И. Л., Егорова Н. Ю. Насилие в школе и проблемы семьи // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 128–131.
13. Сорокина Е. Г. Работа с кризисной и конфликтной семьей // Отечественный журнал социальной работы. 2019. № 2. С. 105–109.
14. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М. : Финансы и статистика, 1983.
15. McGregor S. L. T. Conceptualizing family well-being [McGregor Monograph Series 202001]. Seabright, NS: McGregor Consulting Group, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://consultmcmgregor.com/documents/publications/conceptualizing_family_wellbeing.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
16. Ivonne Wollny, Joanna Apps, Clem Henricson. Can government measure family wellbeing? A literature review. Family and Parenting Institute, London, 2010. ISBN: 978-1-903615-81-2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.familyandchildcaretrust.org/sites/default/files/Resource%20Library/Can%20Government%20measure%20Family%20Wellbeing%20%282010%29.pdf> (дата обращения: 12.09.2024).

Об авторах:

Егорова Надежда Юрьевна, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), доктор социологических наук, доцент; nadegorova@yandex.ru; ORCID 0000-0002-5914-8021

Мигунова Арина Владимировна, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; migunova_arina@mail.ru

Рыбкина Алина Викторовна, МБДОУ «Детский сад» № 126, воспитатель (Дзержинск, Российская Федерация), бакалавр социальной работы, alina.geyer20@mail.ru

References

1. VCIOM. Dysfunctional families: who is to blame and what to do? 2018 [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neblagopoluchnye-semi-ktovinovat-i-chto-delat> (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
2. VCIOM. Russians about family well-being. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-semeinom-blagopoluchii>. (accessed: 28.09.2024). (In Russ.)
3. Gurko T. A. Children's well-being in various family structures: a review of foreign research results // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya: Social'nye nauki]. 2021. N 1 (61). P. 45–53. (In Russ.)

4. Dementieva I. F. Socialization of children in the family: theories, factors, models. M. : Genesis, 2004. 232 p. (In Russ.)
5. Life worlds of the modern Russian family: a monograph / Z. H. Saralievа, V. A. Blonin, N. Yu. Egorova [et al.]. N. Novgorod : NNGU Publishing House, 2015. 264 p. (In Russ.)
6. Zakharova Y. P., Lyubimova A. I. Family and Children Well-Being and Ill-Being in the Narratives of Experts on Prevention of Child Abandonment and Juvenile Delinquency // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. N 6. P. 280–294. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.14.10.14515/monitoring.2019.6.14>
7. Iudin A. A., Shpilev D. A. The funnel of engagement in destructive online communities // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya: Social'nye nauki]. 2024. N 2 (74). P. 85–91. (In Russ.)
8. Koteneva A. V., Kushnikova E. Yu. Family dysfunction: problems, criteria and methods of diagnostics // Models and technologies of psychological assistance to children and adolescents in extreme situations. Collective monograph. Under the general editorship of A. V. Kokurin, V. I. Ekimova, E. A. Orlova. Perm, 2018. 215 p. (In Russ.)
9. Matskovsky M. S. Russian family in a changing world // Family in Russia [Sem'ya v Rossii]. 1995. N 3–4. P. 25–35. (In Russ.)
10. Rostovskaya T. K., Zolotareva O. A., Knyaz'kova E. A. The image of a prosperous family through the eyes of residents of Russian regions: sociological analysis // Social area [Social'noe prostranstvo]. 2021. T. 7. N 4 [Electronic resource]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47088316> (accessed: 12.09.2024). (In Russ.)
11. Saralievа Z. H. Family — a client of social work. Nizhny Novgorod, 2003. 287 p.
12. Sizova I. L., Egorova N. Yu. Violence in schools in the context of family problems // Sociological Studies [Sociologicheskie issledovaniya]. 2016. N 3. P. 128–131. (In Russ.)
13. Sorokina E. G. Working with a crisis and conflict family // Domestic journal of social work [Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty]. 2019. N 2. P. 105–109. (In Russ.)
14. Sysenko V. A. Spousal conflicts. M. : Finance and Statistics, 1983. (In Russ.)
15. McGregor S. L. T. Conceptualizing family well-being [McGregor Monograph Series 202001]. Seabright, NS: McGregor Consulting Group, 2020 [Electronic resource]. URL: https://consultmcgregor.com/documents/publications/conceptualizing_family_wellbeing.pdf (accessed: 12.09.2024).
16. Ivonne Wollny, Joanna Apps, Clem Henricson. Can government measure family wellbeing? A literature review. Family and Parenting Institute, London, 2010. ISBN: 978-1-903615-81-2 [Electronic resource]. URL: <https://www.familyandchildcaretrust.org/sites/default/files/Resource%20Library/Can%20Government%20measure%20Family%20Wellbeing%20%282010%29.pdf> (accessed: 12.09.2024).

About the authors:

Nadezhda Yu. Egorova, professor of the Department of General Sociology and Social Work of the Faculty of Social Sciences National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor; nadegorova@yandex.ru; ORCID 0000-0002-5914-8021

Arina V. Migunova, associate Professor of the Department of Social Security and Humanitarian Technologies of Faculty of Social Sciences National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor; migunova_arina@mail.ru

Alina V. Rybkina, MBDOU «Kindergarten N 126», educator (Dzerzhinsk, Russian Federation), Bachelor of Social Work; alina.geyer20@mail.ru

Тема волонтерства в политическом дискурсе (по материалам официальных сайтов Президента России и парламентских партий)

Бахлова О. В. *, Макшаева Е. Н.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Российская Федерация; *olga.bahlova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Усложнение задач публичного управления в контексте взаимопереплетающихся внутренних и внешних трансформационных процессов в различных областях, нарастания глобальных проблем современности обуславливает необходимость опоры на социально-политические институты, воплощающие позитивные формы гражданской активности и солидарности. В этом качестве может пониматься волонтерство (добровольчество). Цель исследования — определить ключевые параметры интерпретации данного института в политическом дискурсе России путем обращения к дискурсу главы государства и партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Материалы и методы. Исследование опиралось на материалы официальных сайтов Президента России и парламентских партий, данные Системы обеспечения законодательной деятельности, нормативные правовые акты в обозначенной плоскости. Основными методами служили качественный анализ документов и сравнение.

Результаты. Идентифицированы общие и особенные черты в интерпретации института волонтерства главой государства и политическими партиями. Установлены устойчивые коннотации, корреспондирующие с его смысловыми характеристиками. Типично обращение к историческому опыту и культурно-цивилизационному своеобразиею России, что непременно должно учитываться в процессе принятия и реализации управленческих решений.

Обсуждение и заключение. Выявление главных линий и сюжетов репрезентации проблематики волонтерской деятельности названными политическими акторами позволило верифицировать пространство солидарности. В нем артикулированы участие молодежи и оказание помощи жителям новых регионов России, бойцам в зоне специальной военной операции. Партиями также афишируются и проводятся акции в поддержку наиболее нуждающихся и уязвимых категорий населения (лиц пожилого возраста, с ограниченными возможностями, больных детей). Институт волонтерства интерпретируется как многогранный, многозадачный. Его предназначение усматривается в том числе в улучшении управленческих и коммуникативных практик. В свою очередь, развитие волонтерства следует сопрягать с принятием дополнительных мер, призванных устранить некоторые уязвимости и недоработки в плане взаимодействия властных акторов и неправительственных институтов, нормативные пробелы и обеспечить создание эффективной интегрированной модели.

Ключевые слова: волонтерство (добровольчество), гражданская активность, гражданское общество, парламентские партии, партийный дискурс, президентский дискурс, политическое управление

Для цитирования: Бахлова О. В., Макшаева Е. Н. Тема волонтерства в политическом дискурсе (по материалам официальных сайтов Президента России и парламентских партий) // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 99–113.

Volunteering in the Political Discourse (Based on the Materials of Official Websites of the President of Russia and Parliamentary Parties)

*Olga V. Bakhlova**, *Evgenia N. Makshaeva*

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation; *olga.bahlova@mail.ru

ABSTRACT

Aims. The increasing complexity of the tasks of public administration in the context of intertwining internal and external transformational processes in various fields, the growing global problems of our time necessitates reliance on socio-political institutions embodying positive forms of civic engagement and solidarity. Volunteering can be understood in this capacity. The purpose of the study is to determine the key parameters of the interpretation of this institution in the political discourse of Russia by referring to the discourse of the head of state and the parties represented in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Materials and methods. The study was based on materials from the official websites of the President of the Russian Federation and Russian parliamentary parties, data from the Legislative Support System, and regulatory legal acts in the designated area. The main methods were qualitative analysis of documents and comparison.

Results. Common and special features have been identified in the interpretation of the institute of volunteering by the head of state and political parties. Stable connotations corresponding to its semantic parameters have been established. It is typical to refer to the historical experience and cultural and civilizational originality of Russia, which must certainly be taken into account in the process of making and implementing management decisions.

Discussion and conclusion. Identification of the main lines and plots of the representation of the problems of volunteer activity by these political actors made it possible to verify the space of solidarity. It articulates the participation of young people and assistance to residents of new regions of Russia, fighters in the zone of a special military operation. The parties also advertise and hold actions in support of the most needy and vulnerable categories of the population (the elderly, people with disabilities, sick children). The Institute of volunteering is interpreted as multifaceted, multitasking. Its purpose is seen, among other things, in improving management and communication practices. In turn, the development of volunteering should be combined with the adoption of additional measures designed to eliminate some vulnerabilities and shortcomings in terms of interaction between government actors and non-governmental institutions, regulatory gaps and ensure the creation of an effective integrated model.

Keywords: volunteering, civic engagement, civil society, parliamentary parties, party discourse, presidential discourse, political management

For citing: Bakhlova O.V., Makshaeva E.N. Volunteering in the Political Discourse (Based on the Materials of Official Websites of the President of Russia and Parliamentary Parties) // Administrative consulting. 2024. N 6. P. C. 99–113.

Введение

Социальное и политическое значение волонтерства (добровольчества), соответствующей деятельности, в современных условиях неуклонно повышается. Недавняя эпидемия коронавируса, стихийные бедствия, мегасобытия (спортивные, молодежные и пр., подобные, например, «Играм будущего» в Казани или Всемирному фестивалю молодежи в Сочи в 2024 г.) демонстрируют множество позитивных примеров гражданской активности с вовлечением разных социальных групп. Чрезвычайно важной вехой в расширении ее масштабов, обретении подлинно массового характера, закреплении наработанных ранее практик и появлении новых форм стало начало специальной военной операции (СВО) России. Изменение количественных и качественных параметров волонтерства все более сопрягается с общенациональной консолидацией, солидарной реакцией общества на усиливающиеся

вызовы и угрозы. Акцентируется роль волонтерских организаций и движений как институтов гражданского общества, действия которых существенно дополняют усилия государства, власти. Со своей стороны, органы государственной власти и общественные объединения, интегрированные в систему властных отношений (например, парламентские партии), поддержку и стимулирование волонтерства воспринимают и как возможность наращивания собственных ресурсов. В ракурсе проблематики политического управления волонтерство можно трактовать с точки зрения расширения использования субъектами политики совокупности методов, средств, технологий воздействия на разные сферы общественной жизни. Как минимум, они должны адекватно отвечать на запрос в данной области, возникающие чрезвычайные и иные ситуации, требующие комплексных мер. Усиление социального поворота в электоральных ожиданиях граждан, обновление политического ландшафта, нередко с подачи властных акторов, попытки внедрения «новой этики» стимулировали корректировку их дискурсивных стратегий и инверсию «линий напряжения» дискуссионного поля [1; 4].

Показательны результаты мониторингового опроса россиян Всероссийским центром изучения общественного мнения о волонтерстве (4 декабря 2023 г.): 81% респондентов отмечают положительную динамику волонтерской деятельности сегодня. Наиболее распространенные ассоциации — с помощью, участием и заботой (42%), с позитивным восприятием в целом (18%), со свободной и бескорыстной деятельностью, которая основана на альтруизме (11%)¹. Представляется насущным их сопоставление с оценками, свойственными политическим акторам. Цель исследования — определить ключевые параметры интерпретации института волонтерства в современном политическом дискурсе России. Обращение к дискурсу главы государства и партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания (ГД ФС) Российской Федерации (РФ) (парламентских партий), обусловлено спецификой статусно-ролевых характеристик данных акторов в системе политического управления и властных отношений. Выявление заложенных в нем смыслов и ориентаций позволяет более четко идентифицировать позиции субъектов управления, реализуемые и потенциальные направления развития и в анализируемой области.

Проблематике волонтерства (добровольчества) посвящено большое количество работ, ориентированных на изучение как более общих, так и отдельных ее аспектов. В первой группе в центре внимания авторов находятся становление и развитие волонтерства (добровольчества) в России, ее теоретико-правовые основы, классификация волонтерской деятельности [2; 12; 14; 15; 22]. Волонтерская деятельность понимается как важнейший фактор социального развития общества, воспитания активной гражданской позиции и социальной ответственности человека [13]. Вычлняются элементы и тренды ее трансформации, прежде всего, профессионализация, коммерциализация, популяризация и диджитализация, стремительное возрастание государственного влияния, изменение социальных смыслов [18; 20].

В рамках другой группы акцентируем публикации, сфокусированные на исследовании событий, актуализировавших волонтерскую деятельность как один из действенных способов решения социально значимых задач государства в период пандемии covid-19, как новый социальный институт, готовый консолидировать общество, способствовать решению глобальных проблем и отвечать вызовам современности [5–6; 11]. Примечательны выводы о происходящей структурной и функциональной трансформации российской модели государственно-гражданского диалога, о превращении оказания поддержки Вооруженным Силам РФ

¹ Волонтеры России: мониторинг [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 30.04.2024).

в зоне проведения СВО в приоритетную задачу подавляющего большинства организаций «третьего сектора» [21].

В значительном числе работ анализируемая проблематика преломляется через призму молодежной повестки [3; 7; 9]. Волонтерство трактуется как действенный инструмент по вовлечению молодых людей в систему государственной молодежной политики и решению государственно-ориентированных задач [8].

Наконец, особо выделим публикации, авторы которых концентрируются на выявлении особенностей деятельности политических партий в интересующем нас ракурсе. Предпринимается попытка идентифицировать степень инструментальности института волонтерства в партийной деятельности — в отношении продуктивности модели преобразования партийных структур в волонтерско-благотворительные, его позитивного влияния на процессы партийного строительства [16–17], обращения к повестке СВО для продвижения партийного бренда и привлечения новых сторонников [10]. Реализация партийных инициатив и проектов в данной области увязывается с политическим волонтерством [19].

Подытоживая, отметим на данный момент недостаточную выраженность исследовательского интереса к репрезентации проблематики волонтерства (добровольчества) в общественно-политическом дискурсе в целом и дискурсе власти.

Материалы и методы

Исследование опиралось на качественный анализ совокупности политических документов/текстов — материалов официального сайта Президента России и официальных сайтов парламентских партий РФ в период с 1 января 2020 г. по 30 апреля 2024 г. включительно. Хронологические рамки коррелируют с указанными выше событиями, повлиявшими на рост гражданского участия и политической заинтересованности в актуализации и привлечении потенциала рассматриваемого феномена. Также проанализированы нормативные правовые акты РФ, регламентирующие вопросы в изучаемой области. Привлекались данные Системы обеспечения законодательной деятельности.

Осуществлено сравнение содержания дискурсивных практик названных политических акторов по следующим блокам: расстановка смысловых акцентов; внимание к определенным видам и направлениям волонтерской деятельности; артикуляция политико-идеологических установок; интерпретация сущности и значения института волонтерства в контексте решения управленческих задач.

Результаты

Предваряя освещение результатов качественного анализа содержания дискурсивных практик главы государства, сошлемся на количественный параметр, свидетельствующий об артикуляции в них проблематики волонтерства в указанные хронологические рамки. Применив инструмент поискового запроса с искомым ключевым словом на официальном сайте Президента РФ с указанием соответствующего временного интервала, мы получили 56 материалов¹ — это чуть менее половины от общего количества (125 без конкретизации диапазона)². Отметим, что многие сюжеты президентского дискурса событийно перекликаются с пандемией (встречи с участниками общероссийской акции «Мы вместе», финалистами конкурса «Доброволец

¹ Волонтерство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/search?since=01.01.2020&till=30.04.2024&query=волонтерство> (дата обращения: 30.04.2024).

² Волонтерство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/search?query=волонтерство> (дата обращения: 30.04.2024).

России» и др.), СВО (заседание Государственного Совета, посвященное вопросам реализации молодежной политики в современных условиях; заседание наблюдательного совета Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» и др.).

В названных материалах были выявлены следующие характерные моменты, пришедшие интерпретации Президентом института волонтерства и волонтерской деятельности:

- увязка с историческим опытом, традициями, генетическим, культурным кодом народа России; примечательна аргументация такого свойства: «...на протяжении всей истории страны лучшие качества нашего народа обеспечивали России морально-этическое лидерство, помогали преодолевать любые испытания»¹; в этом плане особо отмечается преемственность поколений;
- трактовка волонтерской деятельности как проявления гражданского героизма, душевной щедрости, подвига, подвижничества, как примера гражданской ответственности, зрелости и солидарности, колоссальной нравственной силы; причем сделан упор на инициативу «снизу»: по словам президента, адресованным участникам акции «Мы вместе», «...объединение-то само произошло, насколько я понимаю, в основном по зову души»²;
- акцентирование таких качеств, как великодушие, смелость, самоотверженность, милосердие, соучастие, чувство сопричастности, готовность отзываться на боль, прийти на помощь, к заботе о тех, кому она нужна, отзываться на проблемы других людей, причем вне зависимости от политических и иных убеждений, взглядов;
- фокусировка на участии молодежи, причем на разных направлениях волонтерской (добровольческой) деятельности: например, говоря о значении акции «Мы вместе» (МЫВМЕСТЕ) 26 июня 2020 г., глава государства отметил, что «движущей силой многих добровольческих проектов стали совсем молодые люди, которые только начинают свой жизненный путь»³; на заседании Российского организационного комитета «Победа» 2 июля 2020 г. он констатировал: «Отрадно, что все больше неравнодушной, ответственной молодежи выбирает для себя волонтерство, в том числе активно участвует в программах, связанных с сохранением памяти о событиях Великой Отечественной войны»⁴. Осуществляется сопряжение практических молодежных инициатив с тематической специализацией. В частности, Президент РФ, положительно высказываясь об открытии новых молодежных центров в стране, подчеркнул, что один из подобных центров в Ханты-Мансийском автономном округе будет ориентирован на развитие гражданского общества и добровольчества, традиций волонтерства⁵. Поддержка добровольчества (волонтерства) мыслится в общем контексте с обеспечением функционирования системы патриотического воспитания граждан, поддержкой детских и молодежных общественных объединений⁶.

¹ Встреча с волонтерами и финалистами конкурса «Доброволец России — 2020» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64551> (дата обращения: 30.04.2024).

² Встреча с участниками акции «Мы вместе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65096> (дата обращения: 30.04.2024).

³ Встреча с участниками акции «Мы вместе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63569> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Заседание Российского организационного комитета «Победа» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63591> (дата обращения: 30.04.2024).

⁵ Открытие молодежных центров [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73793> (дата обращения: 30.04.2024).

⁶ Перечень поручений по итогам заседания Госсовета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 30.04.2024).

В целом Президент России упоминает о широком круге участников волонтерской (добровольческой, гуманитарной, благотворительной) деятельности. Так, в исследованных материалах им в этом качестве называются, помимо молодежи и ее конкретных организаций («Движения первых» и др.), социально ориентированные некоммерческие организации (НКО), Общероссийский Народный Фронт, предприниматели (деловое сообщество), деятели культуры, спортсмены, журналисты, студенты и др. — по выражению главы государства, «участие в добровольческих проектах уже стало нормой жизни для очень многих»¹. Присутствует отсылка к позитивной роли бизнеса. Например, в Послании Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. В.В. Путин отметил, что «Российский бизнес за два года направил миллиарды рублей волонтерским организациям и благотворительным фондам, которые поддерживают наших бойцов и их семьи»². Подобные ремарки наличествуют и в других материалах.

Президентом подчеркивается необходимость обеспечения проведения Всероссийского конкурса лучших региональных практик поддержки добровольчества (волонтерства) «Регион добрых дел». Особая благодарность в текущей обстановке выражается добровольцам, оказывающим «...помощь нашим бойцам, которые находятся на передней линии борьбы за нашу страну, за Россию... и им на передовой напрямую, и их семьям в тылу, их матерям, отцам, их женам и их детям»; по оценке главы государства, «очень значима для воинов и их семей, для мирных жителей и та забота, которой окружают их волонтеры»³.

Таким образом, президентский дискурс в анализируемой плоскости довольно многослоен и содержателен. В нем закрепляются смысловые характеристики, ассоциируемые с волонтерством, отчетливо прослеживается выход на практику: подводятся определенные итоги соответствующей деятельности, отражаются инициативы, задающие важнейшие векторы дальнейшего движения в данной области. Проблематика волонтерства рассматривается в сопряжении со многими актуальными задачами и потребностями страны, общества.

Все парламентские партии РФ тоже так или иначе проявляют интерес к проблематике волонтерства. В большей степени это замечание касается материалов, иллюстрирующих главные новости из их «жизни», т.е. функциональную сторону. В абсолютном большинстве программных документов эта тема не поднимается. Исключение — «Народная программа» Всероссийской политической партии «Единая Россия» (ЕР). Определенные аспекты волонтерства затрагиваются в трех ее смысловых блоках — *Культура, история, традиции* (запуск грантовых программ по поддержке местных волонтерских проектов, связанных с сохранением культурного наследия); *Гражданская солидарность и молодежная политика* (обеспечение работы волонтерских центров ЕР в каждом регионе и муниципалитете); *Развитие новых регионов* (оказание волонтерской помощи в сохранении и восстановлении водных объектов, обеспечение волонтерской врачебной помощью жителей освобожденных территорий)⁴.

Развернуто волонтерская деятельность ЕР представлена на официальном сайте партии, причем поиск необходимых материалов возможен в том числе по соот-

¹ Заседание Государственного Совета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70169> (дата обращения: 30.04.2024).

² Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 30.04.2024).

³ Вручение Международной премии МыВместе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72902> (дата обращения: 30.04.2024); Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/70565> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Народная программа Единой России. Паспорт [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/media/documents/July2023/p4hot4LxoMZv9wXsjj5.pdf> (дата обращения: 30.04.2024).

ветствующему хэштегу (волонтерство). Обобщая, выделим некоторые их типичные сюжеты и образы.

Весьма подробно освещается работа волонтерских центров ЕР. Характерно образование новых площадок, посредством которых репрезентируются ее результаты, например, Социального онлайн-форума. На сайте партии много сообщений о различных акциях и проектах («100 добрых дел», «Дни зеленых действий», «Волонтерское такси», «Мобильные бригады помощи» и др.). Заявляется о внимании к инициативам и намерениям самих волонтеров (добровольцев), отслеживании перспектив волонтерской деятельности. Показательно в данном случае проведение Центральной общественной приемной Председателя ЕР Д. А. Медведева опроса о развитии волонтерского движения в России (с 17 по 24 февраля 2021 г.)¹.

В материалах сайта ЕР также существенное внимание уделяется молодежи. Большая роль отводится «Молодой Гвардии Единой России». Значительное число сюжетов посвящены ее участию в волонтерской деятельности, признаваемой одним из главных направлений наряду с «уличной» и мобилизационной работой². С февраля 2022 г. волонтеры «Молодой Гвардии» совместно с движением «Мы вместе», «Волонтерской Ротой Боевого Братства» и рядом других организаций оказывают помощь жителям Донбасса. Отметим, что в рамках партпроекта «Мир возможностей» волонтерство предлагается трактовать в контексте работы по воспитанию и развитию молодежи³.

Другой акцент — на «серебряном волонтерстве» в рамках партпроекта «Старшее поколение». Проводится цикл онлайн-форумов «Серебряное волонтерство: мы рядом» (по федеральным округам). Например, темой Приволжского федерального форума в июле 2022 г. стали практики серебряного волонтерства в социальном обслуживании⁴. Федеральный координатор партпроекта Г. Н. Карелова подчеркивает, что серебряные волонтеры создают и реализуют проекты, охватывающие практически все социальные сферы: здравоохранение, культура, социальная поддержка граждан, помощь бездомным животным, информационная безопасность и сохранение окружающей среды⁵.

Волонтерская деятельность ЕР в целом позиционируется как обширная. В 2024 г. особо показательно артикуляция важности семейного волонтерства. Так, депутатами от партии была предложена поправка в Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» со следующей формулировкой одной из целей: «содействие в сохранении и укреплении традиционных российских

¹ Опрос «Единой России»: 82% волонтеров намерены продолжить свою деятельность и после пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/opros-edinoj-rossii-82-volonterov-namereny-prodolzhit-svoyu-deyatelnost-i-posle-pandemii> (дата обращения: 30.04.2024).

² Андрей Турчак назвал направления, на которых сосредоточится «Молодая Гвардия Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/andrej-turchak-nazval-napravleniya-na-kotoryh-sosredotochitsya-molodaya-gvardiya-edinoj-ros> (дата обращения: 30.04.2024).

³ «Единая Россия» окажет содействие в воспитании школьников в рамках партпроекта «Мир возможностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-okazhet-sodejstvie-v-vospitanii-shkolnikov-v-ramkah-partprojekta-mir-vozmozhnostej> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ «Единая Россия» организовала форум серебряных волонтеров в ПФО [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-organizovala-forum-serebryanyh-volontyrov-v-pfo> (дата обращения: 30.04.2024).

⁵ Галина Карелова: В Ярославской области динамично развивается серебряное волонтерство [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/galina-karelova-v-yaroslavskoj-oblasti-dinamichno-razvivaetsya-serebryanoje-volontyorstvo> (дата обращения: 30.04.2024).

духовно-нравственных ценностей, в том числе, ценности крепкой семьи, брака как союза мужчины и женщины, и многодетности»¹. Следует отметить, что фокусом многих материалов официального сайта выступают законодательные усилия представителей ЕР в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. В частности, говорится об инициировании ими 16 (по состоянию на конец 2023 г.) законопроектов в области волонтерства. Зампредседателя комитета Госдумы по развитию гражданского общества О. Н. Занко констатирует: первое направление работы ЕР — развитие волонтерства внутри партии (помощь участникам СВО, их семьям, инвалидам, пожилым, детям волонтерскими штабами на уровне каждого региона); второе — расширение мер поддержки, снижение бюрократической нагрузки на волонтерские объединения; третье — обеспечение широкого участия волонтеров в принятии важных государственных решений. Примечательна ее трактовка волонтерства как школы служения, патриотизма, ответственности за нашу Родину².

Партии «системной оппозиции», представленные в Госдуме, в своих материалах тоже формируют определенное видение волонтерства как социально-политического института и, подобно ЕР, — позитивные образы собственного участия в волонтерской деятельности. Одновременно каждой из них присущи соответствующие акценты. Так, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) склонна увязывать свою позицию по проблематике волонтерства с апелляцией к советскому опыту, специфической идеологической платформы. Характерно в этом смысле выступление первого заместителя Председателя ЦК КПРФ Ю. В. Афонина на парламентских слушаниях «Поддержка и развитие волонтерского движения в России» в декабре 2021 г. В качестве крупнейших добровольческих проектов КПРФ называются проект «Своих не бросаем»; Всероссийский конкурс детского и юношеского творчества «Земля талантов»; патриотический проект «Знамя Победы»; открытые уроки «Юные герои Отечества»; гуманитарные конвои на Донбасс; общественный проект «Дети России — детям Донбасса». В материалах КПРФ прослеживается критическая составляющая, адресуемая власти. Примечательно высказывание Ю. В. Афонина: «...нельзя допустить, чтобы... достижения волонтеров использовались как „топливо“ в политической машине партии власти»³. КПРФ видит своими задачами выявление основных препятствий, возникающих на пути эффективной работы волонтерских и добровольческих организаций с целью создания законодательных инициатив, регламентирующих действия волонтерского движения, а также оказание поддержки волонтерским организациям, осуществляющим деятельность, направленную на выполнение боевых задач российских военнослужащих на территории проведения СВО⁴. Освещается взаимодействие с партнерами партии, прежде всего с движением «Русский лад». Солидарность и взаимопомощь представителями КПРФ интерпретируются как традиционные для России ценности. Волонтерство — как один из наиболее эффективных и значимых способов формирования культурного кода подрастающего поколения. На современном этапе провозглашается

¹ «Единая Россия» предлагает поддержать волонтеров и НКО, пропагандирующих многодетность и семейные ценности [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-predlagaet-podderzhat-volontyrov-i-nko-propagandiruyushih-mnogodetnost-i-semejnye-tsennosti> (дата обращения: 30.04.2024).

² Ольга Занко: «Единая Россия» за два года инициировала 16 законопроектов по поддержке волонтерства [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/olga-zanko-edinaya-rossiya-za-dva-goda-iniciirovala-16-zakonoproektov-po-podderzhke-volontyorstva> (дата обращения: 30.04.2024).

³ Ю. В. Афонин в Госдуме: «Человек охотнее трудится на сплоченное и справедливое общество» [Электронный ресурс]. URL: <https://komsomolrf.ru/novosti/yu-v-afonin-v-gosdume-chelovek-oxotnee-truditsya-na-splochennoe-i-spravedlivoe-obshhestvo.html> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Фракция КПРФ в Законодательном Собрании Ростовской области обсудила актуальные проблемы волонтерского движения в регионе [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/223147.html> (дата обращения: 30.04.2024).

намерение оказывать регулярную помощь пострадавшим от наводнения регионам, как и областям Новороссии, жителям прифронтовых регионов, вынужденным переселенцам с Донбасса¹.

Тематика волонтерства относительно востребована и другой парламентской партией левого спектра — Социалистической политической партией «Справедливая Россия — Патриоты — За Правду» (СРЗП). Количество материалов, ей посвященных, на официальном сайте СРЗП уступает ЕР и КПРФ. Однако их содержание демонстрирует широкий спектр охвата сфер данной деятельности. Артикулированы оказание помощи пенсионерам в период пандемии, участие в целом в общероссийской акции взаимопомощи **МЫВМЕСТЕ**; благотворительной помощи незащищенным категориям граждан (в том числе многодетным семьям и людям с ограниченными возможностями); участие активистов партии в экологических акциях, акциях в поддержку бездомных животных. С 2022 г. преобладают сюжеты, связанные с волонтерской деятельностью на освобожденных территориях и гуманитарной помощью бойцам СВО. В материалах партии прослеживаются акценты на действиях региональных отделений, Фонда Захара Прилепина и других благотворительных и волонтерских организаций, групп. Волонтерство осуществляется под ставшим уже традиционным девизом СРЗП «Когда мы вместе — мы сильнее!».

Наконец, не обошли своим вниманием институт волонтерства и партии «либеральной» направленности. Многие материалы центристской и правопопулистской Либерально-демократической партии России (ЛДПР) снабжены хэштегом Волонтеры ЛДПР, что позволяет их более четко идентифицировать. Как и СРЗП, ЛДПР фокусируется на освещении вклада региональных отделений. Здесь также акцентированы волонтерская помощь в условиях самоизоляции граждан; гражданам, попавшим в трудную жизненную ситуацию; гражданам пожилого возраста (акция «С благодарностью и уважением к старшему поколению» и др.); беженцам с Донбасса, населению новых регионов; участникам СВО; роль Волонтерского корпуса ЛДПР. Затрагивается проблематика оказания помощи бездомным животным. Председатель ЛДПР Л. Э. Слуцкий многократно позитивно высказывался о партийных волонтерах, характеризуя их как «передовой отряд»². Показательно употребление выражения «волонтерский десант». Подчеркиваются такие качества, присущие волонтерам, как человечность, доброта, преданность делу, что невероятно важно для общества³. Упоминаются волонтерские фонды «Сердце патриотов», «Твори добро» и др. Вице-спикер Госдумы от ЛДПР Б. А. Чернышов трактует поощрение, признание и развитие добровольчества как значимую часть «создания более равного и инклюзивного будущего для сообществ и всего мира», указывая на рост волонтерского движения и активное присоединение к нему молодежи⁴. Любопытна определенная переключка дискурса ЛДПР с КПРФ в том, что касается критической составляющей в адрес «властной машины»: «...волонтеры должны лишь помогать гражданам по зову сердца, а не выполнять обязанности государственных и муни-

¹ Нижегородские коммунисты направили гуманитарную помощь жителям Оренбуржья, пострадавшим в результате наводнения [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/225662.html> (дата обращения: 30.04.2024); Волонтерство как способ формирования культурного кода подрастающего поколения [Электронный ресурс]. URL: <https://mkkprf.ru/28466-volonterstvo-kak-sposob-formirovaniya-kulturnogo-koda-podrastayuschego-pokoleniya.html> (дата обращения: 30.04.2024).

² Вместе с ЛДПР на Донбасс приходит помощь [Электронный ресурс]. URL: <https://ldpr.ru/event/236927> (дата обращения: 30.04.2024).

³ Волонтеры делают наш мир лучше! [Электронный ресурс]. URL: <https://nenetsk.ldpr.ru/event/327041> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Волонтерство — труд, который вдохновляет [Электронный ресурс]. URL: <https://ldpr.ru/event/151953> (дата обращения: 30.04.2024).

ципальных чиновников»¹. Но этот момент не столь выражен, особенно в последнее время.

Не так обширны дискурсивные практики в области волонтерства партии «Новые люди» (НЛ). Подчеркнем главное их содержательное отличие от других парламентских партий — сосредоточенность на экологической повестке и зооволонтерстве (акции по очистке Москвы-реки, «Зоосубботник», проект «Зоопатруль» и др.). Поскольку НЛ позже появились и утвердились на общероссийской политической арене, в материалах их сайта нет подробной информации о волонтерских действиях в период пандемии. Хотя единичные отсылки к ним встречаются². Подобно остальным парламентским партиям, НЛ включились в волонтерскую деятельность для жителей Донбасса и участников СВО (помощь беженцам, сбор и доставка гуманитарных грузов). В этом контексте примечательны аргументация важности проблематики соотечественников, обращение к одному из лозунгов СВО «Своих не бросаем!»³.

Обобщая, подчеркнем развернутость и насыщенность партийных материалов в анализируемой плоскости. Ими охватываются практически все основные направления волонтерства. Партиями поясняются его смыслы и назначение, причем и как субстантивного феномена общечеловеческого/цивилизационного плана, и как одной из ключевых составляющих гражданской и политической активности, детерминированной текущими условиями, способствующей повышению качества управления.

Обсуждение и заключение

В дискурсе и главы государства, и парламентских партий РФ институт волонтерства (добровольчества) репрезентируется на постоянной основе и наделяется значительным количеством позитивных характеристик. Типичны апелляции к общественным потребностям, необходимости использования гражданской активности на общее благо. В президентском дискурсе более распространены оценочные суждения, корреляции с историческими и культурно-цивилизационными особенностями России, национального самосознания и идентичности. Парламентские партии более ориентированы на продвижение прагматичных установок, связанных в том числе со спецификой их деятельности, политического статуса и роли. В то же время в их дискурсе фиксируются и аксиологические сюжеты. В интерпретации института волонтерства Президентом РФ прослеживаются более заметные акценты на стратегическом уровне соответствующих задач.

Парламентские партии, располагая представительством в ГД ФС РФ, склонны подчеркивать свой вклад в законодательное сопровождение волонтерства. Особенно это касается ЕР, способствовавшей, как упоминалось выше, внесению многих изменений в действующий Федеральный закон⁴. Примечательно, что некоторые новации последнего времени — например, расширение целей благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности за счет участия

¹ Волонтерство нужно тогда, когда местные власти не работают, убежден Антон Морозов [Электронный ресурс]. URL: <https://ldpr.ru/event/132924> (дата обращения: 30.04.2024).

² Волонтеры партии «Новые люди» начали распространять санитайзеры [Электронный ресурс]. URL: <https://newpeople.ru/News/volontery-partii-novye-lyudi-nachali-rasprostranyat-sanitajzery> (дата обращения: 30.04.2024).

³ Депутат Госдумы Амир Хамитов передал два автомобиля и генераторы для жителей ЛНР [Электронный ресурс]. URL: <https://newpeople.ru/News/deputat-gosdumy-amir-hamitov-peredal-dva-avtomobilya-i-generatory-dlya-zhitelej-lnr> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴ Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 30.04.2024).

в проведении мероприятий по увековечению памяти погибших при защите Отечества; оказания поддержки соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности¹, были инициированы группой депутатов от четырех думских фракций (кроме КПРФ; но в ней абсолютно преобладают «единоросы»; кроме того, среди субъектов права законодательной инициативы законопроекта № 390938-8² — сенатор Российской Федерации А. А. Турчак, секретарь Генерального совета ЕР). Это можно расценивать как один из маркеров идентификации пространства думского согласия. Подобные новации существенно напрямую корреспондируют не только с посылками в дискурсе власти, но и с приоритетами государственной политики, уже закрепленными в недавних концептуально-стратегических документах РФ³. Особо выделим одно из положений, акцентирующее взаимоувязку традиционных российских духовно-нравственных ценностей — патриотизма, гражданственности, служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высоких нравственных идеалов, гуманизма, милосердия, коллективизма, взаимопомощи, исторической памяти и преемственности поколений и др.⁴

Результаты исследования свидетельствуют о заметном совпадении в расстановке партиями смысловых акцентов. Прежде всего, общие сквозные темы — привлечение молодежи, оказание помощи освобожденным территориям, участникам СВО. С другой стороны, есть определенные нюансы, обусловленные различиями в идейно-политическом спектре и спецификой политического позиционирования в целом. Так, «левая» КПРФ критикует, как было показано, власти и управленцев разного уровня. Впрочем, сходные критические высказывания встречаются и у идеологических «противников» КПРФ — ЛДПР. Этот фактор нельзя признать доминантным. НЛ, заявляя о себе как о «людях дела» и опираясь на молодежь, более тяготеют к эко- и зооволонтерству, пропаганде «энвайроменталистских» ценностей. Для ЕР, как и в других областях, характерна опора на проектную деятельность. При этом ЕР, как партия «парламентского большинства», обладает большими ресурсными и иными возможностями, позволяющими ей, помимо прочего, влиять и на беспрепятственное прохождение инициированных и поддерживаемых ее членами законопроектов в Госдуме.

¹ Федеральный закон от 27.11.2023 № 558-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_462868/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/dst100016 (дата обращения: 30.04.2024).

² Законопроект № 390938-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования правового регулирования волонтерской деятельности)» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/390938-8> (дата обращения: 30.04.2024).

³ См. например: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/ (дата обращения: 11.05.2024); Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019> (дата обращения: 11.05.2024); Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=1> (дата обращения: 11.05.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/ (дата обращения: 11.05.2024).

Институт волонтерства партиями трактуется как многозначный и многозадачный (в сопряжении со сферами государственной молодежной политики, гуманитарной политики за рубежом, патриотического воспитания и др.), имеющий перспективы на будущее. Распространены коннотации с традиционными ценностями, раскрываемыми в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Волонтерство понимается как органичное явление, уходящее корнями в отечественную историю. Однако, если, например, представители ЕР оперируют в этом смысле более общими категориями и периодами, то КПРФ — фокусируются на советской эпохе.

Полагаем, что артикулированное пространство согласия субъектов политики по ряду принципиальных вопросов в части совершенствования регулирования волонтерской деятельности и более широко — самого института волонтерства — может стимулировать его дальнейшее плодотворное развитие. С другой стороны, желательны их большая сосредоточенность на достижении серьезных результатов в плоскости публичного управления, укрепление диалога с НКО, создание своего рода сетевых моделей горизонтальной самоорганизации участников волонтерской деятельности на территории РФ, дополнительная поддержка усилий организаций, работающих в новых регионах РФ, недопущение восприятия волонтерства как поощрения карьеризма. С нормативной точки зрения целесообразно разведение понятий «добровольчество» и «волонтерство».

Литература

1. Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6 (166). С. 4–27. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111. EDN: EPFRSY
2. Беляева Л. А., Зеленев И. А., Прохода В. А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 825–838. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838. EDN: WBUMHU
3. Бочанов М. А., Туркова Е. В. Нормативные и институциональные основы политики формирования духовно-нравственных ценностей молодежи современной России в контексте развития добровольчества // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 3 (29). С. 267–276. DOI: 10.21603/2500-3372-2023-8-3-267-276. EDN: YXVHRA
4. Бродовская Е. В., Заславский С. Е., Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1 (173). С. 96–120. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2254. EDN: RVEPUS
5. Горлова Н. И., Старовойтова Л. И. Уроки и основные направления деятельности российского волонтерского сообщества в период пандемии COVID-19 // ЦИТИСЭ. 2023. № 1 (35). С. 109–120. DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.09. EDN: QSVDCD
6. Дылькова Ц. Д., Мерзлякова И. С. Добровольческое движение во время пандемии и студенческое волонтерство // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 14–18. DOI: 10.18572/1813-1247-2023-1-14-18. EDN: DBCZKR
7. Кичерова М. Н., Юрина Е. А., Каравайцева Т. В. Волонтерская деятельность молодежи: репрезентация в социальных сетях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 44–65. DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-1-44-65. EDN: TONAGF
8. Лукьяненко К. Т. Волонтерство как инструмент вовлечения в систему государственной молодежной политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 3. С. 147–149. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149. EDN: XQGEVX
9. Люев А. Х., Овсий В. В. Молодежное волонтерство в современном российском обществе: вопросы формирования и основные проблемы развития // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 4. С. 55–63. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.4.2. EDN: NATPEI

10. *Малинин А. Ю.* Особенности деятельности российских политических партий в контексте специальной военной операции в 2022 году // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 8–17. DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.1. EDN: KLRKRB
11. *Носкова О. П.* Институт волонтерства как современная форма общественной солидарности на примере Всероссийской акции МыВместе // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 368–379. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-368-379. EDN: PXYVDJ
12. *Плескач Л. В.* Особенности классификации направлений добровольческой деятельности в России // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 8–15. DOI: 10.24412/2308-7196-2023-2-08-15. EDN: JWWYTP
13. *Попова И. В., Серова Е. А., Белозерцева А. И.* Добровольчество как фундаментальная основа гражданского общества // Вестник социально-политических наук. 2020. № 19. С. 20–24. EDN: KETZGN
14. *Пхитиков Р. Б.* Теоретико-правовые основы волонтерской деятельности в Российской Федерации // Закон и право. 2024. № 3. С. 88–92. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-3-88-92. EDN: RSEXJB
15. *Семичева А. С.* Теоретико-правовой аспект волонтерского движения в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2 (218). С. 64–66. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_64. EDN: RUULMM
16. *Сичак Е. Н.* О деятельности партии «Единая Россия» в период пандемии: анализ особенностей организационных практик // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 76–83. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-076-083. EDN: COSFCX
17. *Сичак Е. Н.* Технологии партийного строительства «Единой России» на территории Запорожской области в контексте политической интеграции // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4 (117). С. 72–76. DOI: 10.24158/пер.2023.4.9. EDN: UUADMO
18. *Скворцова А. А., Скворцов А. О., Воробьев В. П., Макарушина М. Д.* Трансформация российского волонтерства в условиях социальных вызовов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1 (65). С. 135–145. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-13. EDN: VVOTOR
19. *Тарасочкина Д. Д., Зряева Е. С., Нечай Е. Е.* Волонтерская деятельность в политических партиях: на примере политической партии «Новые люди» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 1 (82). С. 155–161. DOI: 10.35775/PSI.2022.82.1.017. EDN: ACSGVZ
20. *Филипова А. Г., Зубова О. Г., Ипполитова А. А.* Тренды развития волонтерства как социального института: экспертное мнение // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 4 (101). С. 191–201. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-191-201. EDN: ZBOVST
21. *Цыбаков Д. Л., Данкова Ж. Ю.* Императивы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 5. С. 80–95. DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95. EDN: PRSMME
22. *Яковлева А. В., Евстафьева Э. М.* Добровольчество (волонтерство) в современном российском обществе (правовой аспект) // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 2. С. 70–78. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-70-78. EDN: SBDOPW

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; olga.bahlova@mail.ru

Макашова Евгения Николаевна, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация), кандидат исторических наук; agata8613@rambler.ru

References

1. Akhremenko A. S., Brodovskaya E. V. Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Tension Lines» of the Discussion Field // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes [Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie

- i social'nye peremeny]. 2021. N 6 (166). P. 4–27. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2111. EDN: EPFRSY
2. Belyaeva L. A., Zelenev I. A., Prokhoda V. A. Volunteering in Russia: History and attitudes of the contemporary youth // RUDN Journal of Sociology [Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sociologija]. 2021. Vol. 21. N 4. P. 825–838. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838. EDN: WBYMHU
 3. Bochanov M. A., Turkova E. V. Legal and Institutional Framework of Youth Spiritual and Moral Upbringing in the Context of Voluntary Work Development in Modern Russia // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2023. Vol. 8. N 3. P. 267–276. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2023-8-3-267-276. EDN: YXVHRA
 4. Brodovskaya E. V., Zaslavsky S. E., Dombrovskaya A. Y., Lukushin V. A. Vectors of Transformation of the Party System and Electoral Expectations of Russians // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes [Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny]. 2023. N 1 (173). P. 96–120. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2254. EDN: RVEPUS
 5. Gorlova N. I., Starovoitova L. I. Lessons and main activities of the Russian volunteer community during the COVID-19 pandemic // CITISE [CITISJe]. 2023. N 1 (35). P. 109–120. (In Russ.) DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.09. EDN: QSVDCD
 6. Dylykova Ts. D., Merzlyakova I. S. The voluntary movement during the pandemic and student volunteering // State power and local self-government [Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie]. 2023. N 1. P. 14–18. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2023-1-14-18. EDN: DBCZKR
 7. Kicherova M. N., Yurina E. A., Karavaytseva T. V. Youth Volunteering: representation in social media // Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research [Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovanija]. 2023. Vol. 9. N 1. P. 44–65. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-7897-2023-9-1-44-65. EDN: TOHAGF
 8. Lukianenko K. T. Volunteering as a tool for involvement in the system of state youth policy // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University [Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta]. 2020. Vol. 10. N 3. P. 147–149. (In Russ.) DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-147-149. EDN: XQGEVX
 9. Lyuev A. H., Ovsii V. V. Youth volunteering in modern Russian society: factors of formation and main problems of development // Humanities of the South of Russia [Gumanitarij Juga Rossii]. 2023. Vol. 12. N 4. P. 55–63. (In Russ.) DOI: 10.18522/2227-8656.2023.4.2. EDN: HATPEI
 10. Malinin A. Yu. Peculiarities of the activities of Russian political parties in the context of the special military operation in 2022. Science. Culture. Society [Nauka. Kul'tura. Obshhestvo]. 2023. Vol. 29. N 2. P. 8–17. (In Russ.) DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.1. EDN: KLRHBB
 11. Noskova O. P. Institute of volunteering as a modern form social solidarity for example of the all-Russian project WeAreTogether // Social'nye i humanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6. N 4. P. 368–379. (In Russ.) DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-368-379. EDN: PXYDJD
 12. Pleskach L. V. Classification features of volunteering activities in Russia // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya N 3. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2020. N 2. P. 8–15. (In Russ.) DOI: 10.24412/2308-7196-2023-2-08-15. EDN: JWWYTP
 13. Popova I. V., Serova E. A., Belozertseva A. I. Volunteering as a fundamental foundation of civil society // Bulletin of Socio-political Sciences [Vestnik social'no-politicheskikh nauk]. 2020. N 19. P. 20–24. (In Russ.) EDN: KETZGN
 14. Pkhitikov R. B. Theoretical and legal foundations of volunteer activity in the Russian Federation // Law & Legislation [Zakon i pravo]. 2024. N 3. P. 88–92. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2024-3-88-92. EDN: RSEXJB
 15. Semicheva A. S. Theoretical and legal aspect of the volunteer movement in Russia // Law and state: theory and practice [Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika]. 2023. N 2. P. 64–66. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_64. EDN: RUULMM
 16. Sichak E. N. About the activities of the "United Russia" Party during the pandemic: analysis of organizational practices // The Caspian region: Politics, economics, culture [Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura]. 2021. N 1. P. 76–83. (In Russ.) DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-076-083. EDN: COSFCX
 17. Sichak E. N. United Russia's Party-Building Technologies in Zaporozhye Region in the Context of Political Integration // Society: Politics, Economics, Law [Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo]. 2023. N 4. P. 72–76. (In Russ.) DOI: 10.24158/pep.2023.4.9. EDN: UUADMO

18. Skvortsova A. A., Skvortsov A. O., Vorob'ev V. P., Makarushina M. D. Transformation of the Russian volunteer in the conditions of social challenges // University proceedings. Volga region. Social sciences [Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki]. 2023. N 1. P. 135–145. (In Russ.) DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-13. EDN: WVOTOR
19. Tarasochkina D. D., Zryaeva E. S., Nechai E. E. Volunteering in political parties: the example of the political party “New People” // Issues of National and Federative Relations [Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij]. 2022. Vol. 12. N 1. P. 155–161. (In Russ.) DOI: 10.35775/PSI.2022.82.1.017. EDN: ACSGVZ
20. Filippova A. G., Zubova O. G., Ippolitova A. A. Trends in the development of volunteering as a social institute: expert opinion // Power and Administration in the East of Russia [Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii]. 2022. N 4. P. 191–201. (In Russ.) DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-191-201. EDN: ZBOVST
21. Tsybakov D. L., Dankova Zh. Y. Imperatives of state-civil interaction in Russia during a special military operation // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk]. 2023. Vol. 18. N 5. P. 80–95. (In Russ.) DOI: 10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95. EDN: PRSMME
22. Yakovleva A. V., Evstafeva E. M. Voluntary work (volunteering) in the modern Russian society (legal aspect) // Sociopolitical Sciences [Social'no-politicheskie nauki]. 2020. Vol. 10. N 2. P. 70–78. (In Russ.) DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-2-70-78. EDN: SBDOPW

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Professor of the Department of General history, political science and area studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Doctor of Political Science, Associate Professor; olga.bahlova@mail.ru

Evgenia N. Makshaeva, Associate Professor of the Department of General history, political science and area studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Candidate of Historical Sciences; agata8613@rambler.ru

Реформирование политической системы как необходимое условие обеспечения политической стабильности в современном Вьетнаме

Нгуен Дык Кыонг¹, Ты Тхи Тхоа²

¹Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация; Академия Политики Регион II, Хошимин, Социалистическая Республика Вьетнам; ngdcuong.vn@gmail.com

²Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация; Университет физического воспитания и спортивного образования, Хошимин, Вьетнам; tuthoahvhc@gmail.com

РЕФЕРАТ

Реформирование политической системы Вьетнама является важным механизмом поддержания политической стабильности в условиях проводимых в стране социально-экономических преобразований. В данной статье подробно рассматриваются проблемные вопросы реформ политической системы во Вьетнаме, исследуется существенное влияние этих изменений на политическую стабильность страны. Программа обновления, начавшаяся в конце 1980-х гг., стала значительным поворотом к рыночной экономике. Эти реформы заложили основу для последующих политических изменений, направленных на повышение эффективности управления и административной деятельности. Корректировки, осуществляемые постепенно и осторожно, демонстрируют стратегический подход Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) к поддержанию баланса между экономической либерализацией и политической стабильностью, обеспечивая тем самым постоянное доминирование КПВ. В статье подробно рассматриваются ключевые элементы реформ, включая совершенствование администрации и управления, реструктуризацию правовой и институциональной базы, а также регулируемое расширение участия политического и гражданского общества. Показано, как эти изменения способствуют формированию модели политического управления, которая является более эффективной, открытой и отзывчивой, тем самым укрепляя легитимность государства и доверие общества.

Ключевые слова: Вьетнам, политическая реформа, политическая стабильность, политическая модернизация, политическая система

Для цитирования: Нгуен Дык Кыонг, Ты Тхи Тхоа. Реформирование политической системы как необходимое условие обеспечения политической стабильности в современном Вьетнаме // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 114–127.

Reforming the Political System as a Necessary Condition for Ensuring Political Stability in Contemporary Vietnam

Nguyen Duc Cuong¹, Tu Thi Thoa²

¹State University of Management, Moscow, Russia; Academy of Politics Region II, Ho Chi Minh City, Vietnam; ngdcuong.vn@gmail.com

²State University of Management, Moscow, Russian Federation; Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sport, Vietnam; tuthoahvhc@gmail.com

ABSTRACT

Reforming Vietnam's political system is a crucial mechanism for maintaining political stability amid the country's ongoing socio-economic transformations. This article thoroughly examines the problematic issues of political system reforms in Vietnam, exploring the significant impact of these changes on the nation's political stability. The renewal program that began in the late 1980s marked a significant shift towards a market economy. These reforms laid the foundation for subsequent political changes aimed at improving the efficiency of governance and admin-

istrative activities. The adjustments, carried out gradually and cautiously, demonstrate the strategic approach of the Communist Party of Vietnam (CPV) in maintaining a balance between economic liberalization and political stability, thus ensuring the CPV's continuous dominance. This article provides an in-depth look at the key elements of these reforms, including the enhancement of administration and governance, the restructuring of the legal and institutional framework, and the regulated expansion of political and civil society participation. It underscores how these changes collectively contribute to forming a governance model that is more efficient, transparent, and responsive, thereby strengthening state legitimacy and public trust.

Keywords: Vietnam, political reform, political stability, political modernization, political system

For citing: Nguyen Duc Cuong, Tu Thi Thoa. Reforming the Political System as a Necessary Condition for Ensuring Political Stability in Contemporary Vietnam // *Administrative consulting*. 2024. N 6. P. 114–127.

Введение

В последние десятилетия в политической среде Вьетнама произошли существенные изменения, характеризующиеся последовательными реформами, направленными на модернизацию политической структуры и обеспечение политической стабильности. Политика обновления, проведенная в конце 1980-х гг., преобразовала централизованную плановую экономику Вьетнама в рыночную и глобально интегрированную [1]. Этот переход потребовал одновременной корректировки политической системы. Политика обновления стала поворотным моментом в истории Вьетнама, обозначив переход от жестких структур к прагматичному и адаптируемому подходу к экономическому и политическому управлению. Хотя основной целью этих изменений является реструктуризация экономики, их политические последствия весьма значительны и оказывают влияние на систему управления Вьетнамом [2]. КПВ стратегически придерживается медленного и осторожного подхода к политическим изменениям, который служит важнейшим механизмом для эффективного управления сложностями модернизации при одновременном поддержании политического порядка и стабильности.

Изучению реформ политической системы в современном Вьетнаме посвящено много изданий, в которых рассматривается многогранный характер политических, административных и правовых преобразований, проводимых с конца 1980-х гг. Ученые также уделили значительное внимание влиянию однопартийной системы Вьетнама и непреходящему наследию марксистской и ленинской идеологий на его политический ландшафт [2; 34]. Еще более обогащают эту область исследований сравнительные анализы Эдмунда Малески [15], который вникает в тонкости политической системы Вьетнама, сопоставляя ее с китайской, проливая свет на роль фракций, персонализма и законодательного поведения в таких системах. Кроме того, существует значительный объем исследований, посвященных административным реформам во Вьетнаме, с особым акцентом на таких областях, как децентрализация, приватизация и правовые реформы [16].

Тем не менее возникает критический пробел, поскольку большая часть существующих исследований не позволяет четко связать реформы политической системы с первостепенной задачей обеспечения политической стабильности во Вьетнаме. Хотя некоторые исследования, такие как «политизация найма и продвижения на государственной службе во Вьетнаме» [13], затрагивают потенциальные преимущества политизации в авторитарных режимах, включая улучшения в управлении и политическом лидерстве, им не хватает комплексной основы для понимания того, как конкретные политические реформы способствуют устойчивой стабильности во времени. В исследованиях Пейнтера [21], Нгуена [20] и Трана [30] пред-

ставлен всесторонний анализ административных реформ и их влияния на эффективность работы правительства. Эти исследования, несмотря на их ценность, часто концентрируются на количественных результатах, не углубляясь в качественные аспекты политической стабильности и доверия населения к управлению. Кроме того, хотя существующий массив исследований широко освещает центральные аспекты реформ политической системы Вьетнама, ощущается заметный недостаток в изучении социально-политических аспектов этих реформ. Критические анализы ученых Чьен и Тхань [11] затрагивают такие вопросы, как политическое участие и гражданские свободы, но не дают адекватного представления о том, как реформы изменили отношения между государством и гражданским обществом. Этот пробел особенно заметен в контексте развивающихся международных отношений Вьетнама и их влияния на внутривнутриполитические реформы.

Данная работа призвана восполнить эти критические пробелы путем подробного анализа того, как реформы политической системы Вьетнама повлияли на политическую стабильность и общественное доверие, с особым акцентом на взаимодействие между правовыми, административными и институциональными изменениями и их более широкими социальными последствиями. Эти реформы повышают эффективность и открытость администрации, а также способствуют развитию более подотчетной и отзывчивой системы управления. Целью данной статьи также является практический анализ реформы политической системы как инструмента поддержания политической стабильности в современном Вьетнаме. Кроме того, в ней будут проанализированы возможные последствия этих реформ для будущего развития политической среды Вьетнама, учитывая нынешнюю необходимость корректировки и управления как внутренними, так и внешними силами.

Обзор исторического контекста реформирования политической системы во Вьетнаме

История реформирования политической системы Вьетнама неразрывно связана с более широким историческим, экономическим и социальным контекстом. С момента принятия политики обновления в 1986 г. управление и политическая стратегия Вьетнама претерпели существенные изменения, свидетельствующие о значительных трансформациях. В структуре политической системы современного вьетнамского общества можно выделить три основных типа учреждений. Во-первых, это политические организации, к которым относятся Коммунистическая партия Вьетнама и государственные органы Социалистической Республики Вьетнам. Эти учреждения играют центральную роль в управлении страной и формировании государственной политики. Во-вторых, существуют общественно-политические организации, такие как Отечественный фронт Вьетнама и входящие в его состав организации, включая Союз молодежи, Ассоциацию вьетнамских женщин, Союз ветеранов, Ассоциацию фермеров Вьетнама и профсоюзы. Эти организации способствуют мобилизации общественной поддержки и обеспечивают участие различных слоев населения в политическом процессе. В-третьих, социальные организации, к которым относятся экономические объединения, профессиональные организации, Ассоциация журналистов Вьетнама и Союз научно-технических ассоциаций Вьетнама, играют важную роль в развитии гражданского общества и обеспечении специализированной поддержки и консультаций в различных сферах общественной жизни. В целом политическая система Вьетнама действует по принципу «Партия руководит, народ главенствует, государство управляет». Организация и функционирование политической системы находятся под строгим контролем партии, аналогично советской системе.

Политика обновления стала значительным изменением по сравнению с предыдущей практикой. Шестой национальный съезд КПВ принял ее с двойной целью: омо-

ложение экономики и модернизация политической системы для эффективной адаптации к меняющемуся глобальному ландшафту [4]. Хотя основной акцент был сделан на экономических преобразованиях, таких как переход к рыночной экономике, была также признана необходимость политической реформы, чтобы поддержать новую экономическую политику и обеспечить долгосрочное процветание. В политическом плане правительство предприняло шаги по децентрализации административных полномочий, повышению прозрачности и совершенствованию правовой среды, чтобы способствовать рыночной активности и росту частного сектора. За это время были внесены изменения в законодательство, направленные на развитие системы управления, основанной на правилах, сокращение бюрократии и повышение эффективности государственных институтов [17]. Политические реформы во Вьетнаме отличаются взвешенным и тщательным подходом. КПВ сохраняет ключевую позицию в управлении страной, оберегая свое влияние от подрыва любыми изменениями в политической системе [9]. Партия стремится достичь гармоничного равновесия между расширением политической сферы и сохранением достаточной власти для обеспечения стабильности и преемственности [14].

Принятие Вьетнамом Конституции 1992 г. (с поправками и дополнениями 2001 г.) и Конституции 2013 г. стало важным достижением на пути реформы политической системы. Целью пересмотра Конституции было защитить экономические интересы Вьетнама, подтвердить приверженность правительства правам человека и верховенству закона, а также заложить основу для более современной и гибкой системы управления. В течение этого времени КПВ старалась ответить на возникающие трудности и давление, сохраняя при этом свои позиции ведущей силы в политической системе [5; 29]. Партия проводила внутренние реформы, чтобы повысить свою эффективность, восприимчивость и открытость в соответствии с более широкими целями национального развития и модернизации.

Процесс реформирования политической системы Вьетнама характеризовался постепенным и прагматичным подходом, демонстрирующим тщательный баланс между осуществлением необходимых изменений для стимулирования экономического роста и социального прогресса и обеспечением политической стабильности и контроля, которые КПВ считает важнейшими. Реформы во Вьетнаме значительно изменили методы управления страной, заложив основу для постоянных корректировок и попыток модернизации с учетом как местных, так и международных факторов.

Оценка реформ политической системы и их влияния на политическую стабильность в современном Вьетнаме

В современном Вьетнаме политическая стабильность является не только показателем, но и основой экономического процветания, а также результатом успешного внедрения политических реформ в систему управления и общества. Исследование направлено на изучение многообразной динамики этих реформ с учетом таких элементов, как административные и управленческие реформы, институционализация законодательства, участие гражданского общества и способность политического ландшафта адаптироваться к глобальному давлению.

Административная реформа и реформа управления

Важнейшим компонентом изменения политической системы Вьетнама является модернизация административных и управленческих структур. Проведение децентрализации, оптимизация государственных процедур и борьба с коррупцией повысили эффективность и адаптивность государства, способствуя тем самым политической

стабильности [27]. С конца 1980-х гг. во Вьетнаме начался процесс комплексной административной реструктуризации, направленный на повышение эффективности, прозрачности и соблюдения государственных стандартов. В условиях перехода к рыночной экономике эти реформы крайне важны [11]. Они требуют адаптируемой и эффективной административной структуры, способствующей быстрым экономическим и социальным преобразованиям.

Основная цель административной реформы во Вьетнаме — децентрализация власти, чтобы повысить близость правительства к народу и эффективно учитывать конкретные требования и обстоятельства сообществ. Процесс перехода от системы с высокой степенью централизации к более децентрализованной модели управления включает в себя делегирование полномочий и обязанностей провинциям и местным органам власти [22]. Децентрализация направлена на повышение качества предоставления государственных услуг путем предоставления местным органам власти возможности адаптировать свою политику и услуги в соответствии с особенностями и потребностями своих районов. Кроме того, она направлена на повышение ответственности и открытости местных органов власти путем установления более прямой подотчетности перед жителями.

В рамках процесса децентрализации реализуются инициативы по упорядочению административных процедур и минимизации бюрократии, что приводит к повышению эффективности государственного управления. Правительство Вьетнама реализовало множество инициатив и стратегий, направленных на упрощение административных процессов, отмену ненужных норм и снижение уровня бюрократии. Цель такого упрощения — оптимизировать деятельность компаний, стимулировать инвестиции, повысить конкурентоспособность страны, а также улучшить качество и доступность государственных услуг для всех граждан [6]. Кроме того, во Вьетнаме административная реформа была направлена на повышение институционального потенциала и создание компетентной государственной службы. Для повышения компетентности и профессионализма государственных служащих были внедрены программы обучения, эффективные системы управления, селективный набор и продвижение по службе на основе заслуг. Эти программы направлены на то, чтобы административный механизм мог эффективно проводить новую политику, адаптироваться к меняющимся условиям и удовлетворять растущие ожидания и потребности как населения, так и предприятий.

Многоаспектный характер административной реформы и реформы управления во Вьетнаме оказывает значительное влияние на политическую стабильность. Эти реформы повысили эффективность, подотчетность и оперативность правительства, что привело к улучшению результатов политики и росту удовлетворенности населения [33]. Однако проведение этих реформ наталкивается на препятствия, такие как оппозиция со стороны устоявшихся групп, ограниченность ресурсов и трудности в синхронизации политики и деятельности между различными уровнями правительства [29].

Прозрачность и подотчетность — важнейшие компоненты административных преобразований во Вьетнаме. Усилия по повышению открытости деятельности правительства, такие как внедрение законодательства о публичном распространении информации и вовлечение граждан в процессы принятия решений, имеют решающее значение для укрепления доверия общества и повышения легитимности государства [31]. Реализация мер по борьбе с коррупцией, таких как создание антикоррупционных органов и принятие всеобъемлющего антикоррупционного законодательства, необходима для устранения одного из основных препятствий на пути к эффективному управлению и политической стабильности.

Административная реформа и реформа управления во Вьетнаме играют важнейшую роль в перестройке политической системы страны и оказывают существенное

влияние на ее политическую стабильность. Хотя эти изменения привели к значительному повышению эффективности, открытости и отзывчивости правительства, они также создают препятствия, требующие постоянного внимания и адаптации [28; 32]. Эффективность этих реформ в повышении политической стабильности будет зависеть от способности правительства последовательно повышать и осуществлять административные улучшения, справляться с внутренним и международным давлением и гарантировать, что процесс реформ остается всеобъемлющим, всеохватным и адаптируемым к растущим ожиданиям и требованиям вьетнамского населения [23].

Институциональная и правовая реформа

Правовая и институциональная реформа во Вьетнаме является важнейшим аспектом более широкой реформы политической системы, от которой во многом зависит политическая стабильность страны. Переход, вызванный политикой обновления, не только стимулирует экономическую либерализацию, но и требует переоценки правовых и институциональных рамок для укрепления рыночной экономики в рамках политического контекста [24; 27]. Эти реформы направлены на создание правовой системы, основанной на правилах, повышение эффективности и подотчетности институтов, а также на обеспечение соответствия механизмов управления текущим потребностям.

В центре внимания правовой реформы во Вьетнаме находится стремление тщательно проанализировать законы и нормативные акты, чтобы создать прозрачную, предсказуемую и справедливую правовую среду. Это требует внедрения нового и изменения действующего законодательства в различных сферах, таких как бизнес, трудовые отношения, права собственности и гражданство с целью приведения их в соответствие с мировыми нормами. Создание проработанной правовой базы имеет решающее значение для обеспечения четкого руководства экономической деятельностью, защиты прав и интересов физических и юридических лиц, а также создания основ для устойчивого развития общества.

Когда речь заходит об институциональной реформе во Вьетнаме, особое внимание уделяется изменениям в законодательстве. Основная цель — реструктуризация государственных органов для улучшения управления и предоставления государственных услуг [29]. Институциональные реформы направлены на укрепление потенциала для эффективной реализации новых законов и политики, обеспечивая преобразование правовых мандатов в конкретные меры управления. Этот процесс включает в себя укрепление судебных и правоохранительных органов для обеспечения верховенства закона, модернизацию государственного управления для повышения эффективности и оптимизации бюрократического аппарата, а также укрепление регулирующих органов для контроля за рыночной деятельностью и защиты интересов потребителей и окружающей среды.

В институциональных и правовых реформах Вьетнама большое внимание уделяется прозрачности и подотчетности, что имеет решающее значение для их эффективности. Усилия, направленные на борьбу с коррупцией, совершенствование управления государственными финансами и создание механизмов общественного контроля и участия, играют важнейшую роль в укреплении доверия к политической системе и стабильности [28]. Эти меры включают в себя принятие законодательства против коррупции, создание специальных антикоррупционных агентств и пропаганду прозрачного управления с помощью таких инициатив, как обеспечение доступа общественности к информации и поощрение обратной связи с гражданами по вопросам деятельности и политики правительства. Правовые и институциональные реформы во Вьетнаме также учитывают важность социальной справедливости

и равенства, понимая, что политическая стабильность тесно связана с восприятием и реальным положением дел с равенством и справедливостью в обществе. Были усовершенствованы правовые нормы для обеспечения равных возможностей, защиты уязвимых групп населения и борьбы с экономическим и социальным неравенством. Институциональные рамки были изменены, чтобы улучшить предоставление социальных услуг, эффективно управлять программами социального обеспечения и удовлетворять потребности разнообразного и развивающегося населения.

Взаимосвязь между правовой реформой, институтами и экономической политикой играет решающую роль в поддержании политической стабильности во Вьетнаме. Гармонизируя правовые и институциональные основы, правительство стремится создать благоприятную атмосферу для устойчивого экономического роста, инвестиций и социального развития. Эта гармонизация предполагает тщательное сочетание рыночной экономической политики с правовыми и институциональными мерами. Эти меры направлены на регулирование экономической деятельности, защиту трудовых прав, содействие экологической устойчивости и повышение социального благосостояния.

Кроме того, правовые и институциональные реформы во Вьетнаме определяют растущую интеграцией страны в мировую экономику и международное сообщество. Корректировка правовых и институциональных структур необходима Вьетнаму для приведения их в соответствие с международной практикой и нормами, как того требуют его обязательства по международным договорам и соглашениям [27]. Такое глобальное участие оказывает двоякое влияние на политическую стабильность. С одной стороны, оно служит внешней движущей силой для реформ и модернизации. С другой стороны, оно создает новые проблемы и сложности, связанные с удовлетворением как внутренних, так и международных ожиданий.

Различные проблемы, возникающие при проведении правовых и институциональных реформ во Вьетнаме, весьма существенны. Они связаны с поиском баланса между скоростью реформ и способностью институтов адаптироваться к новым нормативным требованиям [22]. Важно, чтобы реформа была комплексной и отвечала потребностям всех слоев общества. Кроме того, крайне важно учитывать политические и экономические интересы, влияющие на процесс реформ. Эффективность этих реформ в укреплении политической стабильности зависит от способности правительства решить эти проблемы, обеспечить согласие и сотрудничество между различными заинтересованными сторонами, а также создать институциональную силу, необходимую для поддержания устойчивого долгосрочного развития и стабильности.

Участие в политической жизни и гражданском обществе

Политическая деятельность и участие гражданского общества во Вьетнаме претерпели существенные изменения, особенно в рамках более широких реформ политической системы в период обновления [19]. Эти изменения имеют решающее значение для формирования политической стабильности в стране, предоставляют новые возможности для участия общественности и изменяют динамику отношений между правительством и народом [28]. Политическая система Вьетнама адаптируется к текущим потребностям управления и социально-экономическому росту благодаря расширению политического участия и постепенному формированию более динамичного гражданского общества.

Процесс политического участия во Вьетнаме характеризуется медленным, но последовательным переходом к более инклюзивным и всеобъемлющим институтам управления. Мотивацией этого шага является осознание того, что достижение

устойчивого развития и политической стабильности зависит от активного вовлечения граждан в политический процесс. Соответственно, предпринимаются усилия по созданию возможностей для открытого обсуждения, консультаций и вовлечения в процесс принятия решений. Эти усилия проявляются в различных формах, например, в организации общественных форумов, поиске общественного мнения по законодательным идеям и содействии вовлечению граждан в деятельность местных органов власти.

Роль и влияние гражданского общества во Вьетнаме, которые исторически были ограничены из-за однопартийной системы, постепенно, но ощутимо расширяются. Постепенное ослабление правительственных ограничений в отношении организаций гражданского общества привело к увеличению их количества и разнообразия. Организации гражданского общества во Вьетнаме становятся все более влиятельными в решении социальных проблем и участии в политических дискуссиях. Они охватывают широкий спектр областей, включая экологическую активность, социальное обеспечение, юридическую помощь и развитие сообществ [7; 3]. Расширение сектора гражданского общества, хотя он все еще подвержен ограничениям со стороны государства, свидетельствует о переходе к более прозрачному и партисипативному политическому климату.

Динамичные отношения между государством и гражданским обществом во Вьетнаме подчеркивают сложный характер процесса реформирования политической системы [35]. С одной стороны, государство признает важность гражданского общества для повышения социального благосостояния, улучшения управления и культивирования демократических принципов. Однако существует разумная стратегия контроля за ростом гражданского общества, чтобы оно гармонизировало с официальной властью, а не представляло для нее угрозу [8]. Хрупкое равновесие, описанное здесь, отражает причины, лежащие в основе реформы политической системы во Вьетнаме. Эта реформа направлена на расширение участия граждан в управлении и обеспечение прозрачности, но в то же время ставит во главу угла необходимость политической стабильности и контроля.

Изменения оказывают комплексное воздействие на политическую стабильность во Вьетнаме. Повышение политической активности и вовлеченности гражданского общества способствуют политической стабильности, создавая возможности для публичных выступлений, социальной мобилизации и укрепляя способность правительства реагировать на требования и проблемы населения. Эти достижения могут привести к совершенствованию и повышению информированности при разработке политики, росту доверия населения к политической системе и снижению числа социальных конфликтов. Тем не менее, процесс развития гражданского общества и вовлечения в политическую жизнь сопряжен с определенными трудностями, поскольку требует от государства эффективной работы с широким спектром точек зрения и интересов, разрешения основных споров и обеспечения продуктивности и стабильности процесса участия.

Кроме того, повышенная активность политического и гражданского общества во Вьетнаме должна рассматриваться в более широких рамках глобального влияния и технологического прогресса [10]. Появление цифровых средств массовой информации и коммуникационных технологий не только произвело революцию в сфере участия политиков и гражданского общества в политических и социальных реформах, но и обеспечило более широкое распространение, мобилизацию и обмен информацией. Хотя современные технологии открывают новые возможности для участия граждан в реформах и политической коммуникации, они также создают препятствия с точки зрения управления и стабильности. Поэтому необходимо разработать гибкую политику, которая позволит эффективно использовать их возможности и в то же время смягчить опасности.

Политическая активность и участие гражданского общества в реформах играют решающую роль в изменении политической системы Вьетнама и оказывают существенное влияние на ее политическую стабильность. Стремление Вьетнама к созданию более партисипативной, отзывчивой и динамичной модели управления проявляется в постепенном расширении политического пространства и укреплении гражданского общества, особенно в контексте социальных и экономических реформ [29]. Эти изменения, хотя и обогащают политическую и социальную структуру страны, требуют тщательного управления, чтобы гарантировать, что они укрепляют, а не ослабляют политический порядок и стабильность. Участие политиков и гражданского общества в процессе реформ будет и впредь играть решающую роль в определении траектории устойчивого развития и стабильности Вьетнама по мере того, как страна будет решать задачи реформ и модернизации.

Задачи реформы политической системы, направленной на обеспечение политической стабильности в современном Вьетнаме

Попытка реформировать политическую систему современного Вьетнама с целью поддержания политической стабильности наталкивается на множество препятствий. Эти проблемы обусловлены историческими, социально-политическими, экономическими и международными факторами, что создает сложный контекст для проведения реформ.

Исторический фон Вьетнама привел к установлению иерархического стиля управления, при котором КПВ осуществляет строгую власть над политическими и административными процедурами [12]. Таким образом, сложность заключается в переходе от нынешней глубоко укоренившейся системы к более инклюзивной, характеризующейся большей вовлеченностью и адаптацией к меняющимся требованиям вьетнамского общества и глобального контекста.

Важнейшим препятствием на пути трансформации политической системы является поиск баланса между сохранением лидерства КПВ и обеспечением политической стабильности в условиях растущих требований к демократии, открытости и подотчетности [28]. Гегемония партии на политической арене, хотя и создает структуру стабильного управления, в то же время препятствует развитию плюрализма, прозрачной политической конкуренции. В ходе реформ необходимо тщательно поддерживать равновесие между сохранением центральной функции КПВ и включением элементов политической либерализации, которые могли бы повысить эффективность правительства и укрепить доверие общества.

Вьетнам сталкивается с трудностями в удовлетворении растущих потребностей своих граждан, особенно в условиях быстрого экономического развития и растущей интеграции с глобальными нормами и принципами [31]. Растущий средний класс и политически сознательное молодое поколение требуют более активного участия в управлении, открытости государственных операций и подотчетности государственных органов. Чтобы оправдать эти ожидания, необходимо провести реформы политической системы, которые позволят повысить вовлеченность общества, защитить гражданские свободы и установить систему сдержек и противовесов, сохранив при этом политическую стабильность в стране.

В целом, препятствия и возможности для реформирования политической системы во Вьетнаме с целью достижения политической стабильности сложны и разнообразны. Несмотря на трудности, связанные с историческим наследием, доминированием партий и культурными ожиданиями, существуют возможности для проведения прогрессивных реформ, которые обеспечивают баланс между традициями и модернизацией. Эффективное преодоление этих трудностей имеет реша-

ющее значение для дальнейшего прогресса и стабильности Вьетнама в меняющейся глобальной среде [25].

Переход от централизованной плановой экономики к рыночной привел к возникновению экономического неравенства и конфликтов, которые требуют решения со стороны политической системы. Задача состоит в том, чтобы гарантировать справедливое распределение экономических преимуществ либерализации и глобализации, чтобы предотвратить трансформацию социально-экономических диспропорций в недовольство и политическую нестабильность. Кроме того, правительство должно столкнуться с трудностями встраивания рыночной экономики с социалистическими принципами в глобальную рыночную систему. Для этого необходимо провести изменения, соответствующие международным экономическим нормам, при этом сохранив социалистические цели и обеспечив национальную стабильность.

Проблема заключается в изменении конфигурации бюрократического аппарата, чтобы он стал эффективным, прозрачным и ориентированным на оказание услуг с точки зрения его структуры. Устойчивое влияние бюрократии, характеризующееся неэффективностью и коррупцией, требует проведения масштабных административных реформ. Цель этих изменений — укрепить потенциал и честность государственных институтов, сформировать культуру, основанную на меритократии, и разработать надежные системы обеспечения подотчетности и контроля.

На международном уровне перед Вьетнамом стоит задача — справиться с трудностями трансформации политической системы в мире, который становится все более взаимосвязанным и нестабильным [18]. Страна должна тщательно учитывать свои стратегические интересы, эффективно справляться с международными обязательствами и противостоять внешнему давлению, чтобы проводить политические реформы и сохранять права человека, сохраняя при этом суверенитет и обеспечивая национальную стабильность. Задача усложняется геополитической динамикой, такой как взаимодействие с ведущими странами и проблемы региональной безопасности, которые влияют на скорость и ход трансформации политической системы.

Технологический прогресс и эпоха цифровизации открывают как благоприятные перспективы, так и препятствия для трансформации политической системы Вьетнама. Хотя технологии могут повысить прозрачность, участие общественности и эффективность управления, они также создают трудности, связанные с управлением информацией, кибербезопасностью и возможностью социальных волнений, возникающих на цифровых платформах. Эффективное решение проблемы влияния технологий на политическую динамику, общественное мнение и социальные движения представляет собой серьезное препятствие в процессе реформ.

Для поддержания стабильности в современном Вьетнаме задачи реформирования политической системы сложны и взаимосвязаны с историческим наследием страны, социально-политической динамикой, экономическими преобразованиями, институциональными требованиями, правовыми обязательствами, международной ответственностью и технологическим влиянием [26]. Для решения этих проблем необходимо использовать методичный, хорошо спланированный и тонкий подход, соответствующий желаниям населения Вьетнама, стабильности государственной структуры и меняющимся мировым условиям. Процесс трансформации политической системы во Вьетнаме — сложный, требующий тщательной выверенности, чтобы гарантировать, что стремление к стабильности и реформам приведет к созданию долговечной, адаптируемой и дальновидной системы управления.

Заключение

Перестройка политической системы современного Вьетнама — трудная задача, которая имеет решающее значение для поддержания политической стабильности в усло-

виях быстрых изменений в социально-экономической динамике, демографических сдвигов и развивающейся глобальной динамике. Процесс политических реформ во Вьетнаме предполагает тщательный баланс между сохранением стабильности под руководством КПВ и осуществлением необходимых изменений для улучшения управления. Однако этот путь сопряжен с многочисленными препятствиями. Эти трудности включают в себя преодоление глубоко укоренившегося бюрократического сопротивления переменам, преодоление социального и экономического неравенства, адаптацию к взаимосвязанной глобальной экономике и эффективное управление амбициями более связанного и политически сознательного общества. Эффективность изменения политической системы во Вьетнаме зависит от приверженности к постоянному обучению и адаптации, а также готовности участвовать в тщательных и продуктивных дискуссиях со всеми заинтересованными сторонами. Приняв необходимость перемен и стабильности, Вьетнам сможет создать политическую атмосферу, которая не только будет способствовать его целям развития, но и отвечать более широким требованиям открытости, ответственности и вовлеченности граждан. Процесс достижения политической стабильности в современном Вьетнаме путем изменения политической системы является трудным. Тем не менее, необходимо и возможно начать «путешествие», которое гарантирует стране процветающее и безопасное будущее, укрепляя ее региональный и глобальный авторитет.

Литература

1. *Аксенова Е. М.* Вьетнам: пути построения национальной инновационной системы // Вьетнамские исследования. 2013. № 3. С. 139–153.
2. *Власов Е. Е.* Вьетнамское государство в процессе обновления страны (тридцатилетие начала политики «Дой мой») // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 137–146.
3. *Зеленкова М. С.* Роль неправительственных организаций во внутривластной жизни Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 32. С. 134–150.
4. *Колотов В. Н.* SWOT-анализ политики обновления во Вьетнаме и проблемы российско-вьетнамских отношений // Вьетнамские исследования. 2018. № 4. С. 3–18. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10033>
5. *Локшин Г. М.* Идеологические проблемы КПВ в фокусе XIII съезда партии // Вьетнамские исследования. 2021. № 2. С. 25–44. <https://doi.org/10.24412/2618-9453-2021-2-25-44>
6. *Нгуен Куанг Тхуан.* Совершенствование государственного управления в целях ускорения экономического роста Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2018. № 2. С. 25–35. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10013>
7. *Нгуен Чонг Бинь.* Неправительственные организации Вьетнама: их роль в системе местного управления // Вьетнамские исследования. 2022. № 3 (6). С. 14–25.
8. *Тхоа Т. Т., Кыонг Н. Д.* Прямая демократия в условиях однопартийного правления в современном Вьетнаме // Via in tempore. История. Политология. 2022. № 3 (49). С. 701–710. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-3-701-710>
9. *Фан Тхи Ньуан.* Политические инновации и международная интеграция во Вьетнаме сегодня: отношения и поставленная проблема // Право и политика. 2023. № 7. С. 1–11. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.7.40529>
10. *Bui T. H.* The development of civil society and dynamics of governance in Vietnam's one party rule // Global Change, Peace & Security. 2013. № 1 (25). С. 77–93. <https://doi.org/10.1080/14781158.2013.758100>
11. *Chien N. B., Thanh N. N.* The Impact of Good Governance on the People's Satisfaction with Public Administrative Services in Vietnam // Administrative Sciences. 2022. № 1 (12). С. 35. <https://doi.org/10.3390/admsci12010035>
12. *London J. D., Morris-Jung J.* Politics in Contemporary Vietnam: Party, State and Authority Relations // Contemporary Southeast Asia. 2014. № 3 (36). С. 473–476. <https://doi.org/10.1355/cs36-3h>
13. *Duong H.* The politicization of civil service recruitment and promotion in Vietnam // Public Administration and Development. 2021. № 2 (41). С. 51–62. <https://doi.org/10.1002/pad.1910>

14. *Fforde A., Homutova L.* Political Authority in Vietnam: Is The Vietnamese Communist Party a Paper Leviathan ? // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2017. № 3 (36). С. 91–118. <https://doi.org/10.1177/186810341703600304>
15. *Malesky E. J.* Enhancing Research on Authoritarian Regimes through Detailed Comparisons of China and Vietnam // *Problems of Post-Communism*. 2021. № 3 (68). С. 163–170. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1865822>
16. *Minh Chau D.* Administrative Reform in Vietnam: Need and Strategy // *Asian Journal of Public Administration*. 1997. № 2 (19). С. 303–320. <https://doi.org/10.1080/02598272.1997.10800343>
17. *Nguyen H. H., Pham M. Q.* Democratization in Vietnam's Post-Đi M i One-Party Rule: Change from Within, Change from the Bottom to the Top, and Possibilities. London : Palgrave Macmillan UK, 2016. С. 131–155. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-57654-57>
18. *Nguyen N. A.* Understanding the Socialist-Market Economy in Vietnam // *Emerging Science Journal*. 2022. № 5 (6). С. 952–966. <https://doi.org/10.28991/ESJ-2022-06-05-03>
19. *Nguyen T. V.* [и др.]. Local governance, corruption, and public service quality: evidence from a national survey in Vietnam // *International Journal of Public Sector Management*. 2017. № 2 (30). С. 137–153. DOI: <https://doi.org/10.1108/IJPSM-08-2016-0128>
20. *Nguyen Van T., Vo Huynh V., Tran Van T.* The Impact of Social Public Opinion towards Public Administration Reform — Case study in Ninh Kien District, Can Tho City // *Journal of Science Educational Science*. 2021. № 1 (66). С. 57–66.
21. *Painter M.* Public administration reform in Vietnam: foreign transplants or local hybrids? ANU Press, 2005.
22. *Painter M.* From Command Economy to Hollow State? Decentralisation in Vietnam and China // *Australian Journal of Public Administration*. 2008. № 1 (67). С. 79–88. <https://doi.org/10.22459/ASLC.08.2005.12>
23. *Peng Y., Turley W. S., Seldon M.* Reinventing Vietnamese Socialism: Doi Moi in Comparative Perspective // *Contemporary Sociology*. 1994. № 5 (23). С. 681. <https://doi.org/10.2307/2074288>
24. *Phuong T. H., Guy Ta.* The Postwar Economic Planning and Development of Vietnam ISEAS Publishing, 1978. С. 305–311. <https://doi.org/10.1355/9789812306685-027>
25. *Sakata S.* Has Nguyen Phu Trong's Leadership Curbed Economic Reform? *Economic Reform Trends in Vietnam* // *Asian Economic Policy Review*. 2020. № 2 (15). С. 305–322. <https://doi.org/10.1111/aepr.12301>
26. *Thayer C. A.* Political Legitimacy of Vietnam's One Party State: Challenges and Responses // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2009. № 4 (28). С. 47–70. <https://doi.org/10.1177/186810340902800403>
27. *Thoa T. T.* Problems of ensuring democracy under one-party rule in modern Vietnam // *Territory Development*. 2023. № 3. С. 66–73. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-3-66-73>
28. *Thoa T. T.* Building the rule of law state as a guarantor of democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management (Russia)*. 2022. № 4 (9). С. 43–50. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-4-43-50>
29. *Thoa T. T.* Legislation on direct democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management (Russia)*. 2022. № 3 (10). С. 105–112. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-105-112>
30. *Tran T. B., La H. A.* Participation, transparency and trust in local governance in transitional countries: the case of Vietnam // *Post-Communist Economies*. 2022. № 4 (34). С. 478–498. <https://doi.org/10.1080/14631377.2021.2006493>
31. *Tri N. M.* Developing Education in Vietnam in the Context of International Integration 2021. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210226.029>
32. *Trong Binh N.* Good local governance in Vietnam — based on the Vietnam public administration performance index in recent years // *Public Administration Issues*. 2021. № 5 (0). С. 73–88. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-5-73-88>
33. *Vasavakul T.* Authoritarianism Reconfigured: Evolving Accountability Relations within Vietnam's One-Party Rule. London : Palgrave Macmillan UK, 2014. С. 42–63. https://doi.org/10.1057/9781137347534_3
34. *Vu T.* The legacies of Marx and Lenin in Vietnam: a historical and regional perspective // *Third World Quarterly*. 2021. № 3 (42). С. 618–629. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1860744>
35. *Wischermann J.* Governance and Civil Society Action in Vietnam: Changing the Rules From Within-Potentials and Limits // *Asian Politics & Policy*. 2011. № 3 (3). С. 383–411. <https://doi.org/10.1111/j.1943-0787.2011.01277.x>

Об авторах:

Нгуен Дык Кыонг, аспирант Государственного университета управления (Москва, Российская Федерация); преподаватель, Академия Политики Регион II (Хошимин, Вьетнам); ORCID ID: 0000-0002-4404-0288; ngdcuong.vn@gmail.com

Ты Тхи Тхоа, аспирант Государственного университета управления (Москва, Российская Федерация); преподаватель, заместитель декана факультета политической теории и профессиональной педагогики; Университет физического воспитания и спортивного образования города Хошимин (Хошимин, Вьетнам); ORCID ID: 0000-0002-8579-1846; tuthoahvhc@gmail.com

References

1. Aksenova E. M. Vietnam: puti postroeniya natsionalnoy innovatsionnoy sistemy [Vietnam: paths to building a national innovation system]. *V'etnamskie issledovaniya [Vietnamese Studies]*. 2013. N 3. P. 139–153. (In Russ.)
2. Vlasov E. E. V'etnamskoe gosudarstvo v protsesse obnovleniya strany (tridsatiletiyu nachala politiki "Doi moi") [The Vietnamese state in the process of national renovation (thirtieth anniversary of the "Doi Moi" policy)]. *Oikumena. Regionovedcheskiye issledovaniya [Oikumena. Regional Studies]*. 2016, N 2 (37). P. 137–146. (In Russ.)
3. Zelenkova M. S. Rol' nepravitel'stvennykh organizatsiy vo vnutropoliticheskoy zhizni V'etnama [The role of non-governmental organizations in the domestic political life of Vietnam]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya [Southeast Asia: Current Development Issues]*. 2016. N 32. P. 134–150. (In Russ.)
4. Kolotov V. N. SWOT-analiz politiki Obnovleniya vo V'etname i problemy rossiysko-v'etnamskikh otnosheniy [SWOT analysis of the Renovation policy in Vietnam and issues of Russian-Vietnamese relations]. *V'etnamskie issledovaniya [Vietnamese Studies]*. 2018. N 4. P. 3–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10033>
5. Lokshin G. M. Ideologicheskiye problemy KPv v fokuse XIII syezda partii [Ideological issues of the CPV in the focus of the XIII Party Congress]. *V'etnamskie issledovaniya [Vietnamese Studies]*. 2021. N 2. P. 25–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2618-9453-2021-2-25-44>
6. Nguyen Q. T. Sovershenstvovaniye gosudarstvennogo upravleniya v tselyakh uskorenia ekonomicheskogo rosta V'etnama [Improvement of state governance to accelerate economic growth in Vietnam]. *V'etnamskie issledovaniya [Vietnamese Studies]*. 2018. N 2. P. 25–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2018-10013>
7. Nguyen C. B. Nepravitel'stvennyye organizatsii V'etnama: ikh rol' v sisteme mestnogo upravleniya [Non-governmental organizations in Vietnam: their role in the local governance system]. *V'etnamskie issledovaniya [Vietnamese Studies]*. 2022. N 3 (6). P. 14–25. (In Russ.)
8. Thoa T. T., Cuong N. D. Pryamaya demokratiya v usloviyakh odnopartiynogo pravleniya v sovremennom V'etname [Direct democracy under one-party rule in modern Vietnam]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political Science]*. 2022. N 3 (49). P. 701–710. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-3-701-710>
9. Phan T. N. Politicheskiye innovatsii i mezhdunarodnaya integratsiya vo V'etname segodnya: otnosheniya i postavlenaya problema [Political innovations and international integration in Vietnam today: relations and the posed problem]. *Pravo i politika [Law and Politics]*. 2023 N 7. P. 1–11. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.7.40529>
10. Bui T. H. The development of civil society and dynamics of governance in Vietnam's one party rule // *Global Change, Peace & Security*. 2013. N 1 (25). P. 77–93. <https://doi.org/10.1080/14781158.2013.758100>
11. Chien N. B., Thanh N. N. The Impact of Good Governance on the People's Satisfaction with Public Administrative Services in Vietnam // *Administrative Sciences*. 2022. N 1 (12). P. 35. <https://doi.org/10.3390/admsci12010035>
12. London J. D., Morris-Jung J. Politics in Contemporary Vietnam: Party, State and Authority Relations // *Contemporary Southeast Asia*. 2014. N 3 (36). P. 473–476. <https://doi.org/10.1355/cs36-3h>
13. Duong H. The politicization of civil service recruitment and promotion in Vietnam // *Public Administration and Development*. 2021. N 2 (41). P. 51–62. <https://doi.org/10.1002/pad.1910>
14. Fforde A., Homutova L. Political Authority in Vietnam: Is The Vietnamese Communist Party a Paper Leviathan ? // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2017. N 3 (36). P. 91–118. <https://doi.org/10.1177/186810341703600304>
15. Malesky E. J. Enhancing Research on Authoritarian Regimes through Detailed Comparisons of China and Vietnam // *Problems of Post-Communism*. 2021. N 3 (68). P. 163–170. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1865822>

16. Minh Chau D. Administrative Reform in Vietnam: Need and Strategy // *Asian Journal of Public Administration*. 1997. N 2 (19). P. 303–320. <https://doi.org/10.1080/02598272.1997.10800343>
17. Nguyen H. H., Pham M. Q. Democratization in Vietnam's Post-D i m i One-Party Rule: Change from Within, Change from the Bottom to the Top, and Possibilities. London : Palgrave Macmillan UK, 2016. P. 131–155. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-57654-57>
18. Nguyen N. A. Understanding the Socialist-Market Economy in Vietnam // *Emerging Science Journal*. 2022. N 5 (6). P. 952–966. <https://doi.org/10.28991/ESJ-2022-06-05-03>
19. Nguyen T. V. [at al]. Local governance, corruption, and public service quality: evidence from a national survey in Vietnam // *International Journal of Public Sector Management*. 2017. N 2 (30). P. 137–153.
20. Nguyen Van T., Vo Huynh V., Tran Van T. The Impact of Social Public Opinion towards Public Administration Reform — Case study in Ninh Kien District, Can Tho City // *Journal of Science Educational Science*. 2021. N 1 (66). P. 57–66. <https://doi.org/10.1108/IJPSM-08-2016-0128>
21. Painter M. Public administration reform in Vietnam: foreign transplants or local hybrids? ANU Press, 2005.
22. Painter M. From Command Economy to Hollow State? Decentralisation in Vietnam and China // *Australian Journal of Public Administration*. 2008. N 1 (67). P. 79–88. <https://doi.org/10.22459/ASLC.08.2005.12>
23. Peng Y., Turley W. S., Seldon M. Reinventing Vietnamese Socialism: Doi Moi in Comparative Perspective // *Contemporary Sociology*. 1994. N 5 (23). P. 681. <https://doi.org/10.2307/2074288>
24. Phuong T. H., T. G. The Postwar Economic Planning and Development of Vietnam ISEAS Publishing, 1978. P. 305–311. <https://doi.org/10.1355/9789812306685-027>
25. Sakata S. Has Nguyen Phu Trong's Leadership Curbed Economic Reform? Economic Reform Trends in Vietnam // *Asian Economic Policy Review*. 2020. N 2 (15). P. 305–322. <https://doi.org/10.1111/aepr.12301>
26. Thayer C. A. Political Legitimacy of Vietnam's One Party State: Challenges and Responses // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2009. N 4 (28). P. 47–70. <https://doi.org/10.1177/186810340902800403>
27. Thoa T. T. Problems of ensuring democracy under one-party rule in modern Vietnam // *Territory Development*. 2023. N 3. P. 66–73. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-3-66-73>
28. Thoa T. T. Building the rule of law state as a guarantor of democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management (Russia)*. 2022. N 4 (9). P. 43–50. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-4-43-50>
29. Thoa T. T. Legislation on direct democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management (Russia)*. 2022. N 3 (10). P. 105–112. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-3-105-112>
30. Tran T. B., La H. A. Participation, transparency and trust in local governance in transitional countries: the case of Vietnam // *Post-Communist Economies*. 2022. N 4 (34). P. 478–498. <https://doi.org/10.1080/104631377.2021.2006493>
31. Tri N. M. Developing Education in Vietnam in the Context of International Integration 2021. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210226.029>
32. Trong Binh N. Good local governance in vietnam — based on the vietnam public administration performance index in recent years // *Public Administration Issues*. 2021. N 5 (0). P. 73–88. <http://doi.org/10.17323/1999-5431-2021-0-5-73-88>
33. Vasavakul T. Authoritarianism Reconfigured: Evolving Accountability Relations within Vietnam's One-Party Rule. London : Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 42–63. https://doi.org/10.1057/9781137347534_3
34. Vu T. The legacies of Marx and Lenin in Vietnam: a historical and regional perspective // *Third World Quarterly*. 2021. N 3 (42). P. 618–629. <https://doi.org/10.1080/01436597.2020.1860744>
35. Wischermann J. Governance and Civil Society Action in Vietnam: Changing the Rules From Within-Potentials and Limits // *Asian Politics & Policy*. 2011. N 3 (3). P. 383–411. <https://doi.org/10.1111/j.1943-0787.2011.01277.x>

About the authors:

Nguyen Duc Cuong, Ph.D. student of the State University of Management (Moscow, Russian Federation); Lecturer, Academy of Politics Region II (Ho Chi Minh City, Vietnam); ngdcuong.vn@gmail.com

Tu Thi Thoa, Ph.D. student of the State University of Management (Moscow, Russian Federation); Lecturer, deputy dean of the Faculty of Political Theory and Pedagogy, Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sport (Ho Chi Minh City, Vietnam); tuthoahvhc@gmail.com

Государственные инструменты протекционизма в российской промышленной политике: теория и практика

Ращиков А. А.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; dsysvoboda@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются специфика и особенности протекционизма в российском современном управлении. Особое внимание уделяется инструментам, с помощью которых органы власти управляют сложной промышленной структурой. Делается акцент на том, что промышленная политика является важнейшим направлением с точки зрения стратегических задач и в дальнейшей перспективе. В качестве теоретической основы исследования используется традиционная теория протекционизма.

В статье обозначается тот факт, что, как и в любой стране, в России жизнеспособность промышленного производственного сектора играет важнейшую роль, и его значение в росте национального производства трудно переоценить.

Рассматриваются цели протекционизма в российской промышленности, которые являются важными для защиты отечественного производства, а также роста ВВП. Кроме этого, инструменты протекционизма стимулируют способность защитить промышленную отрасль от внешних факторов воздействия, снизив тем самым последствия.

Концепция протекционизма в теоретическом дискурсе определена с разных точек зрения. Но основной мыслью соприкосновения в различных определениях является определение протекционизма как всей государственной политики, как в теории, так и на практике, которая ограничивает импорт из других стран путем применения международных санкций с помощью различных методов. К таким методам относятся ограничения на импорт, квоты и другие с основной целью защиты местной промышленности путем ограничения продажи иностранных товаров на рынке.

Целью статьи является выявление основных методов государственного регулирования в промышленной отрасли с точки зрения инструментов протекционизма.

Предметом исследования выступают теоретические и практические основы протекционистской политики в современной России.

Данная работа включает в себя теоретический обзор, а также методы анализа, дедукции и обобщения.

Результатом работы являются обобщающие выводы, описывающие наиболее эффективные пути и направления промышленной политики России в контексте протекционизма, сопоставление их теоретических основ с практическим применением.

В статье рассмотрено несколько кейсов, которые помогают определить проблемы современной политики управления промышленностью. Среди таких явных проблем стоит выделить недостаточный уровень ориентации на новые движущие силы технологических изменений, наличие высокой степени разделения политического ландшафта, низкий уровень отбора успешных практик.

Ключевые слова: протекционизм, промышленность, политика, практика, инструменты, проблемы

Для цитирования: Ращиков А. А. Государственные инструменты протекционизма в российской промышленной политике: теория и практика // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 128–136.

State Instruments of Protectionism in Russian Industrial Policy: Theory and Practice

Andrey A. Rashchikov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; dsysvoboda@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the specifics and features of protectionism in Russian modern management. Special attention is paid to the tools with which the authorities manage a complex industrial structure. The emphasis is placed on the fact that industrial policy is the most important direction in terms of strategic objectives and in the long term. The traditional theory of protectionism is used as the theoretical basis of the study.

The article highlights the fact that, as in any country, in Russia the viability of the industrial production sector plays a crucial role, and its importance in the growth of national production can hardly be overestimated.

The objectives of protectionism in Russian industry, which are important for the protection of domestic production, as well as GDP growth, are considered. In addition, the instruments of protectionism stimulate the ability to protect the industrial sector from external factors, thereby reducing the consequences.

The concept of protectionism in theoretical discourse is defined from different points of view. But the main point of contact in various definitions is the definition of protectionism as a whole state policy, both in theory and in practice, which restricts imports from other countries by applying international sanctions using various methods. Such methods include import restrictions, quotas and others with the main purpose of protecting local industry by restricting the sale of foreign goods on the market.

The purpose of the article is to identify the main methods of state regulation in the industrial sector from the point of view of protectionism tools.

The subject of the study is the theoretical and practical foundations of protectionist policy in modern Russia.

The methods that were applied in the work will include a theoretical overview, a method of analysis, deduction, generalization.

The result of the work are generalizing conclusions describing the most effective ways and directions of Russia's industrial policy in the context of protectionism, comparing their theoretical foundations with practical application.

The article considers several cases that help to identify the problems of modern industrial management policy. Among such obvious problems, it is worth highlighting the insufficient level of orientation to the new driving forces of technological change, the presence of a high degree of separation of the political landscape, and the low level of selection of successful practices.

Keywords: protectionism, industry, politics, practice, tools, problems

For citing: Raschikov A. A. State Instruments of Protectionism in Russian Industrial Policy: Theory and Practice // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 128–136.

Введение

Актуальность темы подчеркивается текущей внешнеполитической ситуацией, где промышленное производство и грамотный подход к управлению российской экономикой выходят на первый план. За последние несколько лет государственные органы власти активно инициируют новые меры поддержки промышленности и смежных с ней областей. Особенно это касается кризисных периодов, санкций и условий трансформационных процессов, происходящих в цифровом мире.

На современном этапе российская промышленная политика требует совершенно новых подходов к управлению и выполнения ряда стратегических целей. В этих условиях правительство вышло на новый путь контроля и поддержки для достижения целей прорывного производства. Гипотеза состоит в том, что для успеха про-

тектионистской политики необходимо плавно и эффективно осуществить переход от поддержки локальных достижений отдельных промышленных компаний к созданию условий для быстрого распространения новых технологий и перспективных бизнес-моделей. Такой инновационный подход потребует перехода государственного управления от культуры проектного управления к культуре качественного выполнения сложных задач [11; 15].

Теоретический аспект понимания специфики протекционизма основан на анализе мер, которые впервые представлены А. Смитом. Ученый внес большой вклад в экономическую науку, представив его как аспект меркантилистской практики. Автор выявил связь между стремлением государств к регулированию торговли в свою пользу. В своих исследованиях Смит изучал данные вопросы, считая, что протекционизм был распространен среди государств, особенно заметных на экономической арене, таких как Великобритания, Россия, Австрия и Швеция. Данное политическое направление многими учеными также рассматривалось как путь к усилению национальной экономики и защите национальных интересов на мировой арене [7; 16].

Сущность протекционизма состоит в защите процесса восстановления и поддержания экономического потенциала страны с помощью ограничительных мер на импорт иностранных товаров. Целью является стимулирование внутреннего производства. Такая политика предназначена для обеспечения благоприятных условий для развития местных производителей и, как следствие, усиления экономической безопасности [2; 10].

В базовом понимании теории протекционистской политики основу составляют работы Ф. Листа. Исследователь считал, что новые отрасли также, как и предприятия должны вводить таможенные тарифы, которые могли бы повышать конкурентоспособность внутренних и внешних рынков [6; 18].

Протекционизм в теоретической науке рассматривается как политика защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции с помощью определенных ограничений. К таким ограничениям относятся импортные и экспортные тарифы, субсидии, квоты и иные меры [1; 12].

Материалы и методы

Материалами исследования послужили научные источники, труды и монографии зарубежных ученых, а также отечественных исследователей, в которых рассматривается концепция протекционизма, ее формирование. На основе данных статистики рассмотрены динамические изменения промышленного производства.

С помощью теоретического анализа были изучены подходы авторов к пониманию специфики протекционизма. Метод дедукции и анализа использован для выявления проблем современного состояния промышленной отрасли в контексте государственного управления. С помощью метода обобщения определены основные инструменты протекционизма и определена необходимость разработки эффективных мер государственного управления промышленностью.

Результаты

В настоящее время особое стратегическое значение для экономики имеет промышленная отрасль. Экономические выгоды от реализации промышленной торговли обусловлены специализацией производства на основе сравнительных преимуществ, что приводит к эффективному распределению ограниченных ресурсов внутри страны. Кроме этого, выгоды формируются за счет обмена промышленными товарами между странами, когда каждая страна экспортирует продукцию, которую она производит относительно наиболее эффективно. Одновременно с этим импор-

тируются товары по более низким ценам, чем при внутреннем производстве [9; 20]. То есть промышленное производство и торговля потенциально могут способствовать повышению благосостояния во всем мире и в стране, в частности. Тем не менее на практике торговые посредники, которые сейчас ограничивают трансграничный поток товаров и услуг, создают основу для поиска новых решений для каждой торговой державы в мире [14; 21]. В связи с этим появляется необходимость применения протекционистских мер. На рисунке схематически представлены цели протекционизма в российской промышленности.

Различные инструменты защиты отечественной промышленности сводятся к таможенному регулированию, а также это могут быть нетарифные виды, к которым относятся лицензирование, квотирование, «добровольное» ограничение экспорта, нормы эпидемиологии, экологического контроля, технические стандарты [23].

Такой распространенный инструмент, как тарифы, является самой популярной политической мерой, с помощью которой правительство может вмешиваться в перемещение товаров между странами. Тарифы — это налоги или пошлины, взимаемые с импортируемых товаров. Тарифы делают импортные товары более доступными для потребителей. Чтобы оградить местные промышленные предприятия и производства от конкурентного воздействия глобализации, российские органы власти устанавливают тарифы [4].

Страна, вводящая тарифы, получает выгоду, так как тарифные ставки становятся дополнительным источником дохода для стран-импортеров. Например, для повышения мировых цен на нефть Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК) взимает налог с экспорта нефти. Это служит дополнительным источником дохода для ОПЕК, сокращая предложение нефти на мировом рынке [3].

Важно заметить, что в рамках экономической политики стратегия протекционизма в таможенном регулировании играет ключевую роль в укреплении национальных производственных секторов. Так как данная стратегия является инструментом для обеспечения благоприятных условий на внутреннем рынке, что в свою очередь стимулирует рост и развитие местной промышленности [25].

Основная задача протекционистского подхода заключается в ограничении проникновения иностранных товаров на национальный рынок при помощи налагаемых

Цели протекционизма в российской промышленности [5]
The goals of protectionism in Russian industry

высоких таможенных пошлин и различных нетарифных барьеров. В результате этого отечественные предприятия получают значительную поддержку в виде сниженной конкуренции со стороны иностранных производителей. Это позволяет им более активно развиваться и занимать лидирующие позиции на рынке [2; 13].

С другой стороны, политика свободной торговли нацелена на максимальное упрощение и до минимума сокращение вмешательства государственных структур в политико-экономические процессы торговых отношений. Принципы свободной торговли предусматривают низкий уровень таможенных сборов и поощрение активного ввоза товаров из-за рубежа, что делает иностранную продукцию более доступной для внутреннего потребителя. Это в свою очередь обостряет конкуренцию на рынке, стимулируя отечественные компании к повышению качества своих товаров и услуг [24].

Между этими двумя подходами существует очевидное противоречие: с одной стороны, протекционизм стремится защитить и поддержать отечественные отрасли, а с другой — стратегия свободной торговли открывает двери для зарубежных компаний, делая рынок более конкурентоспособным. Важно найти баланс между этими стратегиями, чтобы одновременно стимулировать национальное производство без излишнего ущерба для потребителей и сохранять открытость экономики для глобальных инноваций и новых технологий [2].

Политика и посреднические услуги могут повысить себестоимость продукции для отечественной промышленности. Этот фактор необходимо учитывать при оценке степени защиты, предоставляемой отечественной промышленности той или иной тарифной структурой (включая тарифы на конечные товары и промежуточные продукты). При этом эффективная ставка защиты измеряет степень этой защиты, предоставляемую отечественной промышленности от данной структуры. Она измеряет изменение добавленной стоимости в отечественной промышленности в результате тарифной защиты.

Еще один инструмент протекционизма в области развития промышленности — это импортные квоты, которые подразумевают под собой введение ограничений на количество импортируемого товара без предварительных консультаций или переговоров со странами-экспортерами. Импортная квота является односторонней. Она ограничивает количество импортируемых товаров в течение определенного периода. В международной торговле импортные квоты регулируют и ограничивают объем торговли между странами [8].

Для российской отечественной промышленности главной целью импортных квот является снижение импорта, увеличение внутреннего производства и сокращение дефицита платежного баланса.

Правительство вводит импортные квоты и из соображений качества и безопасности, а также для поддержания ограниченных валютных резервов. Однако практика показала, что этот инструмент вызывает недовольство зарубежных стран, в результате чего они могут в качестве ответных мер устанавливать высокие пошлины на экспорт. Еще одним недостатком введения импортных квот является то, что они не приносят дохода правительству, а приносят выгоду иностранным производителям.

Например, развивающаяся страна хочет увеличить внутреннее производство промышленных товаров, чтобы потребители могли приобретать их по более низкой цене. На данный момент эта страна импортирует большую часть таких товаров. Если правительство решит ввести квоты на импорт промышленного товара, то их доступность будет ограничена, а стоимость возрастет. В результате этого отечественные производители начали расширять производство [9].

Также стоит уделить внимание и такому инструменту, как субсидии. Они являются прямой или косвенной финансовой помощью, оказываемой промышленным компаниям поддержку с целью повышения их конкурентоспособности. Правительство предоставляет субсидии отечественным производителям или экспортерам для

стимулирования развития всей промышленной отрасли. Примерами субсидий являются денежные выплаты, льготный обменный курс или некоторые другие благоприятные условия.

Стоит сказать, что некоторые исследователи критикуют данный инструмент, так как, по их мнению, субсидии снижают конкуренцию, создают несправедливые рыночные условия, благоприятствующие определенным отраслям и искажают принцип свободного рынка.

Обсуждение

С точки зрения развития отечественной промышленности протекционистская политика проводится для защиты от иностранных экспортеров. И сейчас под зарождающимися отраслями промышленности стали пониматься небольшие и молодые предприятия (стартапы), которым не хватает опыта и экспертных знаний, чтобы противостоять конкуренции со стороны хорошо зарекомендовавших себя иностранных предприятий [1].

На начальных этапах своего развития такие предприятия имеют высокие эксплуатационные расходы. Им становится крайне сложно конкурировать с иностранными экспортерами, поэтому со стороны государства разрабатываются различные меры поддержки, программы для развития стартапов в долгосрочной перспективе [19].

Также протекционистская политика помогает диверсифицировать отрасли, смежные с промышленностью, увеличивая торговлю в долгосрочной перспективе. В этом аргументе делается упор на самодостаточность. Экономисты выступают за протекционизм, поскольку он помогает создавать и защищать рабочие места в текущих условиях. Отечественным предприятиям следует предоставить защиту, чтобы они могли противостоять динамике мировой экономики, такой как инфляция, поскольку местные предприятия создают больше рабочих мест, чем иностранные [17].

Добровольное ограничение экспорта как разновидность импортной квоты представляет собой квоту на торговлю, введенную со стороны страны-экспортера, а не импортера. Это добровольное ограничение количества товара, разрешенного к экспорту в другую страну. Квоты на экспорт — это экспортные квоты, о которых страна-импортер договаривается со своими торговыми партнерами. В соответствии с этим, страны-импортеры просят другие страны добровольно снизить объемы экспорта для защиты отечественного бизнеса. В рамках переговоров, страна-экспортер добровольно соглашается ограничить объем экспорта. Для страны-импортера данный способ служит защитой для отечественной промышленности, при этом не вступая в торговую войну со странами-экспортерами [3; 22].

В целом можно сказать, что в текущих условиях санкционного давления и геополитической обстановки, а также происходящих глобализационных процессов роль протекционизма в экономическом устройстве государств выходит на передний план. Протекционизм как специфика управления предполагает систему защитных мер, целью которых является поддержка и развитие внутреннего рынка с помощью инструментов защиты отечественных производителей от иностранной конкуренции. Основу здесь составляет комплекс принципов, способных сформировать особую схему экономического развития. Данные принципы включают в себя как специфические меры поддержки, так и общие стратегии взаимодействия с мировым экономическим пространством.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что в политическом контексте протекционизм предполагает со стороны государства разработку и реализацию мер по защите

отечественного производителя. Обладая ресурсами и потенциалом, Россия стремится выйти на независимый этап развития промышленности за счет различных протекционистских мер, использование которых потребует тщательного баланса между защитой интересов промышленных предприятий и сохранением открытости экономики для иностранных инвестиций и технологий.

Литература

1. *Гринберг Р. С., Комолов О. О.* Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 44–54.
2. *Дзюба А. Н., Балакай О. Б.* Политика протекционизма и механизмы ее реализации // Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ. Т. 7 / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк, 2017. С. 26–28.
3. *Загашвили В. С.* Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России [Электронный ресурс]. URL: <https://institutiones.com/general/2886-zarubezhnyi-opyt-importozamezcheniya.html> (дата: обращения: 28.07.2024).
4. *Камынин В. Д., Запарий В. В.* О «новой индустриальной истории» (к постановке вопроса) // История науки и техники. Екатеринбург, 2019. № 1. С. 96–97.
5. *Колесникова Т. В.* Направления применения протекционизма в российской экономической политике / Т. В. Колесникова, В. В. Лукашевич, П. Н. Соколова // Экономика и предпринимательство. 2022. № 10 (147). С. 250–254.
6. *Когденко В. Г.* Трансформация российской экономической модели: признаки и индикаторы // Финансы и кредит. М., 2023. Т. 22. № 3. С. 402–425.
7. *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти, 1918 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М. : Издательство политической литературы, 1974. С. 241–280.
8. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. Челябинск : Социум, 2017. 453 с.
9. *Логвиненко М. В.* Подходы к торговой политике: либерализм и протекционизм на примере деятельности ЕАЭС // Самоуправление. М., 2020. Т. 2. № 1 (118). С. 243–246.
10. *Нагиева А. Х.* Протекционизм в политике С. Ю. Витте на посту министра финансов // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». Волгоград, 2022. № 3 (44). С. 99–102.
11. *Немоляева А. А.* Сущность и основные черты политики протекционизма // Научные исследования XXI века. Люберцы, 2023. № 2 (22). С. 147–149.
12. *Политическая экономия* [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 08.07.2024).
13. *Страгис Ю. П.* Независимость стран и регионов: факторы развития // Сб. докладов молодых ученых XIV Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 2020. С. 733–734.
14. *Страгис Ю. П.* Протекционизм как фактор развития национальной экономики // Материалы XIII международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 2019. С. 343–347.
15. *Amiti M., Redding S. J., Weinstein D. E.* The Impact of the Trade war on U.S. Prices and Wealfare // NBER Working Paper N 25672. March 2019. 37 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w25672> (accessed: 28.07.2024). DOI: 10.3386/w25672
16. *Aftershock.* The Pervasive Eects of Taris Hikes // The Economist Intelligence Unit. London. 2019. 41 p.
17. *Baughman L. M., Francois J. F.* Trade and American Jobs. The Impact of Trade on U. S. and State-Level Employment. 2019 Update // Trade Partnership Worldwide. February 2019. 24 p. [Electronic resource]. URL: <https://tradepartnership.com/wp-content/uploads/2019/03/Trade-and-American-2019-FINAL.pdf> (accessed: 29.07.2024).
18. *Fajgelbaum P. D., Goldberg P. K., Kennedy P. J., Khadelwal A. K.* The Return to Protectionism // NBER Working paper N 25638. October 2019. 81 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w25638> (accessed: 20.07.2024). DOI: 10.3386/w25638
19. *Kuandykova M. B., Omarbakiyev L. A., Nizamdinova A. K.* Prices for domestic agricultural products and protectionism as an instrument of state regulation // Problems of agrimarket. 2022. N 3. P. 64–71.
20. *Grossman G. M., Helpman E.* The politics of free-trade agreements // American Economic Review. July 2022 [Electronic resource]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=226765 (accessed: 29.07.2024).

21. Protectionism: Examples and Types of Trade Protections // Investopedia. May 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/protectionism.asp> (accessed: 29.07.2024).
22. *Kopf D.* The history of US protectionism, in one 230-year chart // Quartz. March 2018 [Electronic resource]. URL: <https://qz.com/1230399/a-history-of-taris-us-protectionism-in-one-230-year-chart/> (accessed: 30.07.2024).
23. World Tariff Profiles 2018 // World Trade Organization [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wto2018_en.pdf (accessed: 29.07.2024).
24. *York E.* Tariff Tracker: Tracking the Economic Impact of the Trump-Biden Tariffs // Tax Foundation. June 2024 [Electronic resource]. URL: <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-biden-tariffs/> (accessed: 20.07.2024).

Об авторе:

Рашиков Андрей Александрович, аспирант кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; dsysvoboda@yandex.ru

References

1. Grinberg R. S., Komolov O. O. The policy of protectionism in Russia: new trends in the context of the problem of importing institutions // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15. N 2. P. 44–54. (In Russ.)
2. Dzyuba A. N., Balakai O. B. The policy of protectionism and the mechanisms of its implementation // Materials of the International Scientific Conference of Students and Young Scientists. Dedicated to the 80th anniversary of Donnu. Vol. 7 / ed. by S. V. Bepalova. 2017. P. 26–28. (In Russ.)
3. Zagashvili V. S. Foreign experience of import substitution and possible conclusions for Russia [Electronic resource]. URL: <https://institutiones.com/general/2886-zarubezhnyi-opyt-importo-zamezheniya.html> (accessed: 07.28.2024). (In Russ.)
4. Kamynin V. D., Zapariy V. V. About the “new industrial history” (to raise the question) // History of Science and Engineering. Yekaterinburg. 2019. N 1. P. 96–97. (In Russ.)
5. Kolesnikova T. V. Directions of application of protectionism in Russian economic policy / T. V. Kolesnikova, V. V. Lukashevich, P. N. Sokolova // Journal of Economy and entrepreneurship. 2022. N 10 (147). P. 250–254. (In Russ.)
6. Kogdenko V. G. Transformation of the Russian economic model: signs and indicators // Finance and Credit. Moscow, 2023. Vol. 22. N 3. P. 402–425. (In Russ.)
7. Lenin V. I. The next tasks of Soviet power, 1918 // Lenin V. I. Complete works. Vol. 36. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1974. P. 241–280. (In Russ.)
8. List F. The national system of political economy. Chelyabinsk : Socium, 2017. 453 p. (In Russ.)
9. Logvinenko M. V. Approaches to trade policy: liberalism and protectionism on the example of the EAEU activities // Samoupravlenie. Moscow, 2020. Vol. 2. N 1 (118). P. 243–246. (In Russ.)
10. Nagieva A. H. Protectionism in politics S. Y. Witte as Minister of Finance // Student electronic magazine “STRIZH”. Volgograd, 2022. N 3 (44). P. 99–102. (In Russ.)
11. Nemolyaeva A. A. The essence and main features of the protectionism policy // Scientific research of the XXI century. Lyubertsy. 2023. N 2 (22). P. 147–149. (In Russ.)
12. Political economy [Electronic resource]. URL: <http://ru.wikipedia.org/> (accessed: 08.07.2024). (In Russ.)
13. Stragis Yu. P. Underdevelopment of countries and regions: development factors // Collection of reports of young scientists of the XIV International Conference “Russian Regions in the Focus of Change”. Ekaterinburg, 2020. P. 733–734. (In Russ.)
14. Stragis Yu. P. Protectionism as a factor in the development of the national economy // Proceedings of the XIII International Conference “Russian Regions in the Focus of Change”. Yekaterinburg, 2019. P. 343–347. (In Russ.)
15. Amiti M., Redding S. J., Weinstein D. E. The Impact of the Trade war on U.S. Prices and Welfare // NBER Working Paper N 25672. March 2019. 37 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w25672> (accessed: 28.07.2024). DOI: 10.3386/w25672
16. Aftershock. The Pervasive Eects of Taris Hikes // The Economist Intelligence Unit. London. 2019. 41 p.
17. Baughman L. M., Francois J. F. Trade and American Jobs. The Impact of Trade on U. S. and State-Level Employment. 2019 Update // Trade Partnership Worldwide. February 2019. 24 p.

- [Electronic resource]. URL: <https://tradepartnership.com/wp-content/uploads/2019/03/Trade-and-American-2019-FINAL.pdf> (accessed: 29.07.2024).
18. Fajgelbaum P. D., Goldberg P. K., Kennedy P. J., Khadelwal A. K. The Return to Protectionism // NBER Working paper N 25638. October 2019. 81 p. [Electronic resource]. URL: <http://www.nber.org/papers/w25638> (accessed: 20.07.2024). DOI: 10.3386/w25638
 19. Kuandykova M. B., Omarbakiyev L. A., Nizamdinova A. K. Prices for domestic agricultural products and protectionism as an instrument of state regulation // Problems of agrimarket. 2022. N 3. P. 64–71.
 20. Grossman G. M., Helpman E. The politics of free-trade agreements // American Economic Review. July 2022 [Electronic resource]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=226765 (accessed: 29.07.2024).
 21. Protectionism: Examples and Types of Trade Protections // Investopedia. May 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/protectionism.asp> (accessed: 29.07.2024).
 22. Kopf D. The history of US protectionism, in one 230-year chart // Quartz. March 2018 [Electronic resource]. URL: <https://qz.com/1230399/a-history-of-taris-us-protectionism-in-one-230-year-chart/> (accessed: 30.07.2024).
 23. World Tariff Profiles 2018 // World Trade Organization [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wto2018_en.pdf (accessed: 29.07.2024).
 24. York E. Tariff Tracker: Tracking the Economic Impact of the Trump-Biden Tariffs // Tax Foundation. June 2024 [Electronic resource]. URL: <https://taxfoundation.org/research/all/federal/trump-tariffs-biden-tariffs/> (accessed: 20.07.2024).

About the author:

Andrey A. Rashchikov, postgraduate student of the Department of Political Analysis and Social-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; dsysvoboda@yandex.ru

Деятельность международных институтов по обеспечению продовольственной безопасности

Пряникова А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alinapryanikova06@gmail.com

РЕФЕРАТ

Процессы глобализации оказали значительное влияние на сельскохозяйственные и продовольственные системы во всем мире, результатом чего стала сильнейшая взаимосвязь международно-политических и экономических событий и продовольственной безопасности. Зависимость акторов друг от друга, трансцендентная природа продовольственных проблем делает их еще более сложными для устранения. Сама по себе категория продовольственной безопасности отражает не только обеспеченность продуктами питания отдельные домохозяйства или регионы, но и демонстрирует уровень научно-технического прогресса, социально-экономического развития, успешность мониторинга природно-климатической ситуации в государстве в целом. В настоящей статье рассматриваются основные международные организации, участвующие в решении проблемы продовольственной безопасности, а также механизмы, направленные на ее устранение.

Цель работы состоит в оценке эффективности деятельности международных организаций в области обеспечения продовольственной безопасности.

Научная новизна статьи состоит в попытке не только описания деятельности основных международных институтов в сфере продовольственной безопасности, но и оценки эффективности этой деятельности. В научной литературе подобные исследования, датированные периодом 2022–2023 гг., пока не представлены.

Ключевым методом исследования выступил анализ документов.

Эмпирической базой послужили выступления и высказывания российских и зарубежных политиков и экспертов в области продовольствия.

Автор определяет ключевые направления деятельности организаций в области продовольствия независимо друг от друга, а также во взаимодействии, и предлагает свою оценку их эффективности. В статье делается вывод о роли продовольственной проблемы для мирового сообщества в настоящее время и об уровне включенности международных организаций в устранение этой проблемы. Также предлагаются некоторые новые пути международной кооперации в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, борьба с голодом, Продовольственная и сельскохозяйственная организация, Всемирная продовольственная программа, Международный фонд сельскохозяйственного развития, продовольственный кризис

Для цитирования: Пряникова А. А. Деятельность международных институтов по обеспечению продовольственной безопасности // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 137–152.

International Institutions Activity in the Field of Food Security

Alina A. Pryanikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; alinapryanikova06@gmail.com

ABSTRACT

Globalization processes have had a significant impact on agricultural and food systems around the world, resulting in a strong correlation between international political and economic events and food security. The dependence of actors on each other, the transcendental nature of food

problems makes them even more difficult to eliminate. The category of food security itself reflects not only the food supply of individual households or regions, but also demonstrates the level of scientific and technological progress, socio-economic development, and the success of monitoring the natural and climatic situation in the state as a whole. This article examines the main international organizations involved in solving the problem of food security, as well as mechanisms aimed at eliminating it.

The aim of the article is to assess the effectiveness of international organizations in the field of food security.

The scientific novelty of the article consists in the attempt not only to describe the activities of major international institutions in the field of food security, but also to assess the effectiveness of these activities against the background of the above-mentioned factors. In the scientific literature, such studies dating from 2022–2023 have not yet been presented.

The key research method was document analysis.

The empirical basis was statistic data, the speeches and statements of Russian and foreign politicians and experts in the field of food.

The author identifies the key areas of activity of these organizations in the field of food independently of each other, as well as in interaction, and offers their assessment of their effectiveness. The article offers a conclusion about the role of the food problem for the world community at the present time and about the level of involvement of international organizations in eliminating this problem. As a result, some new ways of international cooperation in this area are proposed.

Keywords: food security, fight against hunger, Food and Agriculture Organization, World Food Programme, International Fund for Agricultural Development, food crisis

For citing: Pryanikova A. A. International Institutions Activity in the Field of Food Security // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 137–152.

Введение

Понятие «продовольственная безопасность» является относительно молодым, несмотря на то что явление, которое оно описывает, сопровождает человечество на протяжении всей истории его существования.

Проблема обеспеченности продуктами питания преследовала людей всегда. Первобытные племена для ее решения использовали охоту, собирательство, примитивное земледелие; древние цивилизации Египта, Китая, Индии и другие изобрели системы орошения для увеличения урожайности в засушливых землях; современный же человек изобретает аналоги мясу животных из сои и создает генно-модифицированные продукты, чтобы продовольствия хватило на всех.

Вряд ли из этого можно сделать вывод о том, что в Древнем Египте оперировали понятием «продовольственная безопасность». Более того, даже сегодня о продовольственной безопасности пишут немного, отдавая предпочтение исследованиям безопасности экономической и, конечно, политической. Исчерпывающие исследования и обсуждения продовольственной безопасности стали появляться только во время Второй мировой войны, а институциональный характер рассматриваемое явление приняло только с учреждением Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) в октябре 1945 г.

Определение же продовольственной безопасности, которым сегодня принято оперировать в литературе, сформировала «Римская декларация по продовольственной безопасности» 1996 г.: «Продовольственная безопасность существует, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи для удовлетворения своих пищевых потребностей и пищевых предпочтений для активной и здоровой жизни»¹. Именно его мы принимаем за основу в данном исследовании.

¹ Rome Declaration on World Food Security 1996 // FAO [Электронный ресурс]. URL: https://ecfs.msu.ru/Low_documents/International/Rome%20Declaration%20on%20World%20Food%20Security%201996.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

В последние годы на мировой арене растет влияние международных правительственных и неправительственных организаций в сфере продовольствия и устранения голода, увеличивается их роль в глобальных общественных дебатах по вопросам питания. Именно поэтому целью статьи становится определение и характеристика роли международных организаций в обеспечении продовольственной безопасности.

Продовольственная безопасность пересекается с работой многих международных организаций. Ключевой является ФАО, которая взяла на себя активы и мандат Международного института сельского хозяйства, основанного в 1905 г. Институт был, вероятно, первым международным учреждением, целью которого было достижение справедливых цен на зерно путем объединения научных знаний. Всемирная продовольственная программа (ВПП) работает вместе с ФАО, и ей поручено сельское хозяйство и доставка продуктов питания как таковых. Консорциум международных центров сельскохозяйственных исследований в партнерстве с ФАО продвигает инновации, способствующие обеспечению продовольственной безопасности [18, с. 5–6].

Выбор темы связан с ее возросшей актуальностью и обострением в 2022 г. продовольственного кризиса, катализатором которого стал ряд факторов: последствия пандемии COVID-19, глобальное изменение климата, политическая обстановка в разных частях мира. Более того, продовольственная безопасность как явление является ключевым элементом концепции устойчивого развития, набирающей обороты в последние годы. Уровень голода в мире остается слишком высоким, а прогресс в сокращении голода в значительной степени застопорился.

Ряд авторов подчеркивают эту комплексность проблемы и связывают ее обострение именно с тремя основными факторами: экономические потрясения после пандемии, вооруженные конфликты, изменение климата. Д. Чжоу, Л. М. Делмут, К. М. Адамс, Т. Несет и Н. Укскул отмечают, что в результате пандемии COVID-19 экономический односторонний подход и протекционизм только усилились, при этом торговая взаимозависимость все чаще рассматривается национальными правительствами как обязательство [22, с. 8]. Т. Брук и М. д'Эррико подчеркивают, что вооруженные конфликты влияют на продовольственную безопасность различными способами, как прямыми, так и косвенными: от физических нарушений сельскохозяйственного производства и наличия продовольствия до сбоев, которые влияют на местную торговлю, транспорт, а также физический, социальный и экономический доступ к продовольствию [24]. Изменение климата взаимодействует со всеми вышеупомянутыми явлениями — торговлей и вооруженными конфликтами — в их различных последствиях для продовольственной безопасности. При этом, по мнению С. Ван Баллена и М. Бьорка, влияние изменения климата на продовольственную безопасность не ограничивается производством и торговлей. Растущее количество литературы предполагает наличие связи между изменением климата и конфликтами, включая рост межобщинных и внутригосударственных конфликтов, хотя и только в сочетании с другими факторами риска [23].

В равной степени важно отметить, что вооруженные конфликты также представляют собой серьезные препятствия для адаптации к изменению климата, в том числе в сельскохозяйственном секторе, пишут Д. Абрамс и Е. Р. Карр [16].

Цель работы состоит в оценке эффективности деятельности международных организаций в области обеспечения продовольственной безопасности.

Научная новизна статьи состоит в попытке не только описания деятельности основных международных институтов в сфере продовольственной безопасности, но и оценки эффективности этой деятельности на фоне вышеназванных факторов. В научной литературе подобные исследования, датированные периодом 2022–2023 гг., пока не представлены.

Ключевым методом исследования выступил анализ документов. Эмпирической базой послужили выступления и высказывания российских и зарубежных политиков и экспертов в области продовольствия.

Международные организации в борьбе с голодом

Проблема продовольственной безопасности, тесно связанная с проблемой голода, является предметом активной деятельности ряда правительственных и неправительственных международных организаций.

Можно назвать ключевые глобальные правительственные институты, взаимодействующие в целях обеспечения продовольственной безопасности в мире: Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО ООН), Всемирная продовольственная программа (ВПП) и Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР). Рассмотрим их деятельность несколько подробнее.

ФАО ООН

Данная организация является специализированным учреждением ООН, возглавляющим международные усилия по борьбе с голодом. На официальном сайте указано: «В ФАО входят 194 государства-члена, два ассоциированных члена и одна организация-член — Европейский союз»¹.

Цель ФАО — «обеспечение продовольственной безопасности для всех и гарантия регулярного доступа населения к высококачественной пище»².

Организация была создана в 1945 г. и с тех пор является ведущим международным органом, занимающимся проблемами голода, сельскохозяйственного развития, продовольственной безопасности.

О том, что ФАО — это не просто один из органов под эгидой ООН, а эффективная и вовлеченная в региональные проблемы организация, говорит ее структура: помимо штаб-квартиры в Риме, отделения ФАО расположены более чем в 130 государствах мира. Сеть ФАО включает 5 региональных, 10 субрегиональных и 85 полных государственных отделений (разных типов представительства). Такая география организации позволяет проводить постоянный мониторинг на местах и незамедлительно реагировать на возникающие проблемы.

Проблему продовольственной безопасности невозможно регулировать, не имея определенных норм и стандартов, которые послужили бы основой оценки состояния самой проблемы. Именно поэтому одним из ключевых достижений ФАО стало создание совместно с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) комиссии «Кодекс Алиментариус» (от лат. «пищевой кодекс») в 1961 г. Она была сформирована для разработки продовольственных стандартов, методических указаний, правил и норм для защиты здоровья потребителей и содействия добросовестной практике торговли пищевой продукцией. Более того, кодекс обеспечивает соблюдение условий «справедливой торговли»: потребители могут быть уверены в качестве и безопасности продуктов, которые они покупают, а импортеры, в свою очередь, могут быть уверены в том, что продукты питания, заказанные ими, будут соответствовать своим спецификациям [2, с. 57].

Применение стандартов кодекса добровольно для его членов, однако довольно часто они могут послужить основой для формирования национальной продовольственной политики.

¹ Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций // ФАО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/about/ru/> (дата обращения: 15.09.2023).

² Там же.

Специальные программы ФАО оказывают содействие государствам в подготовке к потенциальному возникновению продовольственного кризиса и, в случае необходимости, предусматривают оказание помощи. В среднем ФАО одновременно осуществляет на местах около 1800 мероприятий и проектов [2, с. 56].

Одним из важных направлений деятельности организации является то, что ФАО выступает в роли посредника для установления связей между нуждающимися странами и потенциальными инвесторами. Кроме того, ФАО проводит переговоры на многосторонней основе, предполагающие участие не только государств, но и ряда иных заинтересованных акторов [8, с. 93].

ФАО ООН сотрудничает с организациями и частными компаниями, инвестирующими в технические проекты организации. Для привлечения дополнительных финансовых ресурсов в 1964 г. был создан Инвестиционный центр [9, с. 56].

По оценкам ФАО в докладе «Перспективы урожая и продовольственная ситуация», опубликованном в июле 2023 г., во всем мире 45 стран, в том числе 33 в Африке, 9 в Азии, 2 в Латинской Америке и Карибском бассейне и одна в Европе, нуждаются во внешней помощи в области продовольствия. Хотя условия засухи в Восточной Африке смягчились, перспективы производства в 2023 г. остаются неблагоприятными, а конфликты в некоторых частях африканского континента усугубляют проблемы продовольственной безопасности. На глобальном уровне течение Эль-Ниньо представляет угрозу для сельскохозяйственного производства и продовольственной безопасности в нескольких регионах, особенно в Южной Африке и Центральной Америке¹.

Открытым остается вопрос, способна ли ФАО эффективно предотвратить продовольственный кризис с учетом непредсказуемости климатических изменений и политических конфликтов. Подробные отчеты организации охватывают все макрорегионы мира, делая акцент на странах, сталкивающихся с наиболее острой формой кризиса. Однако в данных документах мы не найдем конкретных механизмов разрешения ситуации, а также данных о том, каким именно образом и в каком количестве ФАО предоставляет свою помощь.

Директор отделения ФАО ООН по связям с Россией Олег Кобяков на форуме ПМЭФ-2023 отмечал: «Естественно, как организация, которая отвечает за продовольственную безопасность, которой поручена ликвидация голода, мы заинтересованы в том, чтобы все экспортные продовольственные рынки работали бесперебойно, без нарушений, без искусственных препятствий» [1]. Но способна ли организация действительно повлиять на поставки продовольствия и обеспечить их бесперебойность? В первую очередь в этом должны быть заинтересованы страны-экспортеры продовольствия, предлагающие эффективные механизмы. Например, одним из таких механизмов можно назвать «зерновую сделку» России, Украины, Турции и ООН. В данном случае ФАО являлась лишь актором, предоставляющим статистику и экспертизу, но не органом, непосредственно отвечающим за механизмы экспорта.

На наш взгляд, целесообразнее рассматривать ФАО не как институт, напрямую решающий проблемы продовольственной безопасности, а как профессиональный экспертный орган, на основе данных и прогнозов которого государства могут грамотно выстраивать свою продовольственную политику. Организация действительно предоставляет подробные продовольственные прогнозы дважды в год, составляет индексы цен и их динамику, рассматривает кризисные ситуации в государствах, сталкивающихся с недостатком продовольствия. Таким образом, ФАО играет особую роль в вопросах ликвидации голода и устранения продовольственного кризиса.

¹ Crop Prospects and Food Situation // FAO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/3/cc6806en/cc6806en.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).

Так, 10 ноября 2023 г. был опубликован очередной «Продовольственный прогноз», согласно которому мировые затраты на импорт продуктов питания в 2023 г. достигнут 2 трлн долл. Это на 35,3 млрд долл., или на 1,8%, выше, чем аналогичные затраты в 2022 г. Кроме того, прогнозируется, что мировое производство сахара снизится в 2023–2024 г. после роста в течение двух сезонов подряд и не будет достаточным для мирового потребления. Отмечается, что объемы мировой торговли сахаром немного снизятся из-за ожидаемого сокращения его запасов в ключевых странах-экспортерах¹. Согласно прогнозу ФАО, умеренно снизится объем мировой торговли растительными маслами и животными жирами, при том, что их производство и потребление вырастут. Также в 2024 г. уменьшатся объемы торговли молочными продуктами, мясом и рыбой.

Согласно прогнозу ФАО, ожидается, что расходы на импорт продовольствия наименее развитых стран, развивающихся стран, являющихся чистыми импортерами продовольствия, и стран Африки к югу от Сахары сократятся отчасти из-за снижения объемов, что говорит о том, что дополнительные факторы — от ослабления валюты до роста задолженности и высоких транспортных издержек — ограничивают возможности доступа этих стран к международным рынкам продовольствия.

На основании подобных прогнозов организации государства (как экспортеры, так и импортеры) могут планировать и выстраивать свою продовольственную политику. Однако непредсказуемые факторы, такие как политические конфликты и резкие климатические изменения также могут вносить свои коррективы в эти сценарии.

Таким образом, можно говорить о том, что ФАО ООН в действительности является ключевым международным органом, решающим проблему продовольственной безопасности и регулирующим вопросы голода. Однако делает он это скорее путем построения прогнозов, оценки динамики цен, предложения сценариев развития, нежели внедрением конкретных механизмов на местах. ФАО зачастую выступает в роли консультативного органа при выработке таких механизмов государствами (как, например, в случае с «зерновой сделкой»), что не умаляет важности информации и данных, предоставляемых организацией. Глобальный характер деятельности ФАО отражается не только в разветвленной географической и организационной структуре, но и в том значительном объеме мероприятий, которые ежегодно проводятся ФАО, а также в подробных продовольственных отчетах организации.

ВПП ООН

Всемирная продовольственная программа ООН — одна из крупнейших в мире гуманитарных организаций, целью которой является обеспечение населения, оказавшегося в бедственном положении (в результате военно-политических конфликтов, экономических или климатических потрясений), продовольствием.

За деятельность по обеспечению питанием населения, пострадавшего от голода в конфликтных ситуациях, ВПП ООН была удостоена Нобелевской премии мира в 2020 г.²

Деятельность ВПП ООН финансируется правительствами государств, входящих в ее состав (всего более 60 правительств согласились добровольно предоставлять финансирование), корпорациями, частными лицами. Официальный сайт организации предоставляет возможность каждому направить любую сумму денег в фонд.

¹ Food Outlook. Biannual Report on Global Food Markets // FAO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/3/cc8589en/cc8589en.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).

² World Food Programme // WFP [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wfp.org/who-we-are> (дата обращения: 17.09.2023).

ВПП работает более чем в 120 странах и территориях. 77% сотрудников — представители местного населения. На сегодняшний день организация также определила перечень чрезвычайных ситуаций в ряде государств, где помощь оказывается наиболее активно: Южный Судан, Йемен, Нигерия, Украина, Касаи, Сирия [5].

Продовольственный кризис усилился в 2022 г., и это отразилось на работе ВПП. В отчете о деятельности Всемирной продовольственной программы за 2022 г. говорится, что организация «активизировала 28 общеорганизационных ответных мер, увеличив предоставление жизненно важной продовольственной помощи для борьбы с недоеданием и голодом почти 160 млн чел., что для ВПП является новым годовым рекордом». В свою очередь, «постоянные доноры ВПП, к которым присоединились международные финансовые учреждения, частные фонды и частные лица, предоставили 14,1 млрд долл. США на спасение жизней и стабилизацию средств к существованию, что почти на 50% больше, чем в 2021 г.» [5].

Можно говорить о том, что Всемирная продовольственная программа — это организация, своевременно и гибко реагирующая на возникающие вызовы и кризисные ситуации. Так, согласно Плану управления ВПП (2023–2025 гг.), «планируется наращивание финансирования, так как по оценкам, в 2022 г. в 82 странах, где работала ВПП, в условиях острого отсутствия продовольственной безопасности проживали до 345 млн чел.» [11].

Более того, в 2023 г. ВПП планирует оказать помощь 150 млн чел. в рамках 86 операций — это на 21% больше показателя предыдущего плана управления.

Однако существуют факторы, которые осложняют деятельность ВПП в уязвимых государствах. В первую очередь нехватка финансирования влияет на способность Всемирной продовольственной программы (равно как и других международных агентств по оказанию помощи) помогать тем, кто больше всего в ней нуждается. Это связано с тем, что продовольственный кризис часто усугубляет более широкие проблемы. Значительное число стран, наиболее сильно затронутых продовольственным кризисом, относятся одновременно к категории нестабильных и затронутых конфликтами государств. Для них отсутствие продовольственной безопасности, как правило, действует как мультипликатор нестабильности, усугубляя комплексные последствия других проблем, таких как изменение климата (к которому страны с низким уровнем доходов менее всего готовы) и способствуя конфликтам и насилию, которые являются основной движущей силой голода. Несмотря на некоторое сокращение гендерного разрыва в контексте отсутствия продовольственной безопасности в 2022 г., отсутствие продовольственной безопасности продолжает непропорционально сильно затрагивать женщин и население, проживающее в сельской местности.

Для того чтобы оценить степень эффективности деятельности ВПП на местах, рассмотрим основные шаги по урегулированию продовольственного кризиса в государствах, которые ВПП выделяет для себя как приоритетные (то есть такие, в которых существует чрезвычайная ситуация).

Так, в Украине 16 ноября 2023 г. ВПП ООН и представители областей Украины «подписали соглашения о поддержке ежедневного школьного питания для более чем 60 000 детей в 420 школах по всей стране». В 2022 г. цифры были ниже: «ВПП помогла обеспечить школьными обедами 12 000 детей в 58 школах Киевской области» [10]. ВПП также помогают очистить сельскохозяйственные угодья в Харьковской области от мин, чтобы помочь фермерам и производителям продуктов питания возобновить работу.

В Йемене, напротив, наблюдаются проблемы с финансированием деятельности ВПП. В августе 2023 г. отмечалось, что, если ВПП не получит дополнительных инвестиций, ее руководству придется принять решения о дальнейшем сокращении программ продовольственной помощи по всей стране в ближайшие месяцы. В ре-

зультате будут затронуты все операции ВПП, включая доставку школьного питания. В настоящее время продуктовые пайки получают более 13 млн чел. по всему Йемену. По оценкам ВПП, из-за недостатка финансирования могут пострадать до 3 млн чел. на севере страны и 1,4 млн — на юге. Организации уже пришлось сократить мероприятия по профилактике недоедания в Йемене. Из-за нехватки ресурсов ВПП может оказать помощь только 128 000 из 2,4 млн детей, беременных и кормящих грудью женщин, которые нуждаются в поддержке. ВПП также значительно сократила масштабы своей деятельности по обеспечению населения наличными средствами. На официальном сайте организации отмечается, что «в этом году ВПП пока смогла предоставить денежную помощь только 319 000 чел. из 2 млн, которым планировалось оказать поддержку изначально. Денежные выплаты были значительно задержаны на юге, некоторые группы населения получают продовольственные пайки вместо наличных» [3].

В Судане ВПП приостанавливала деятельность в апреле 2015 г. в связи с гибелью трех сотрудников организации. В мае работа была возобновлена. Глава ВПП Синди Маккейн отметила, что из-за военных действий ситуация в стране резко ухудшилась и тысячам суданцев грозит голод. В связи с этим в ВПП возобновляет распределение продовольствия в ряде регионов страны. По ее словам, «условия работы остаются крайне опасными и ВПП будет доставлять помощь только в те районы, где обеспечен гуманитарный доступ. При этом будут учитываться ситуация с безопасностью и возможности региональных представительств ВПП» [13].

Организация также заявляла о том, что Служба гуманитарных воздушных перевозок ООН начинает регулярное воздушное сообщение между Порт-Суданом и Аддис-Абебой в Эфиопии для обеспечения безопасной доставки гуманитарных грузов.

В данном случае мы можем видеть, что сильнейшее влияние на возможность активной деятельности организаций по сохранению продовольственной безопасности оказывают не только климатические факторы или нехватка финансирования, но и политические кризисы. В случае с Суданом это даже повлекло гибель сотрудников организации.

Однако и сама ВПП сталкивается с проблемой финансирования: в июле 2023 г. организация объявила, что в этом году она собрала только 5 млрд долл., что составляет менее половины ее цели, составляющей от 10 до 14 млрд долл. Карл Скау, заместитель исполнительного директора ВПП ООН, заявил, что в последние месяцы программа сократила свою продовольственную и денежную помощь по всему миру из-за того, что он называет «беспрецедентным кризисом финансирования» [19].

Таким образом, можно говорить о том, что ВПП действительно активно вовлечена в разрешение продовольственных кризисов в государствах, наиболее остро нуждающихся в поддержке. Организация определяет для себя ключевые точки на карте мира, в которых работа ведется наиболее активно и силами представителей самой ВПП. Однако не везде получается эффективно выстроить работу: в первую очередь, ключевой остается проблема финансирования.

МФСР

Международный фонд сельскохозяйственного развития — многостороннее финансовое учреждение, созданное в 1977 г. по решению Всемирной продовольственной конференции 1974 г. Решает задачи борьбы с голодом и бедностью в сельских районах развивающихся стран¹.

¹ Международный фонд сельскохозяйственного развития // UN [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/ifad/> (дата обращения: 20.09.2023).

Акцент в своей деятельности МФСР делает как раз на регионы развивающихся стран, находящиеся в наиболее отдаленных от центра или труднодоступных точках. В таких регионах, где решаются работать лишь немногие агентства в области развития или международные финансовые институты.

Перечень основных мероприятий, проводимых МФСР, выглядит следующим образом:

- 1) обучение населения методам возделывания земель и выращивания различных культур;
- 2) улучшение системы управления на местах;
- 3) строительство и ремонт дорог;
- 4) предоставление услуг по продвижению бизнеса для микропредприятий;
- 5) обучение методам регулирования сообществ¹.

Это далеко не исчерпывающий перечень мероприятий, проводимых МФСР на местах.

В 2022 г. МФСР совместно с ФАО ООН взяли на себя руководство осуществлением Комплексной программы по продовольственным системам Глобального экологического фонда (ГЭФ). В отчете ВПП за 2022 г. отмечается, что «в рамках программы предполагается направить около 230 млн долл. США (с дополнительным софинансированием) на проектные гранты. Они будут способствовать государствам в преобразовании их агропродовольственных систем для повышения их устойчивости и улучшения состояния мировой окружающей среды путем сохранения биоразнообразия, борьбы с деградацией земель, смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним, а также содействия решению проблемы национальной продовольственной безопасности» [4].

Срок реализации программы — 2022–2026 гг.

Об эффективности деятельности организации говорят следующие факты. На сегодняшний день МФСР [21]:

- 1) мобилизовал около 28 млрд долл. США в виде софинансирования и финансирования из внутренних источников для развития сельских районов; также было дополнительно внесено 20,9 млрд долл. в виде кредитов и грантов;
- 2) поддержал 1069 программ и проектов в партнерстве со 125 правительствами стран-получателей;
- 3) предоставил примерно 483 млн чел. возможность выращивать больше продуктов питания, лучше управлять своей землей и природными ресурсами, приобретать новые навыки, открывать малый бизнес, создавать сильные организации и получать право голоса при принятии решений, которые влияют на их жизнь.

Однако оценивая эффективность деятельности описанных выше организаций в целом, стоит обратиться к независимым оценкам.

Так, в октябре 2023 г. Международный валютный фонд (МВФ) опубликовал обзор состояния мирового продовольственного кризиса с оценками достижений и перспектив. В документе отмечается, что с момента достижения пика в апреле 2022 г. мировые цены на продовольствие снизились на 21% по сравнению с их состоянием на август 2023 г., что ослабило давление на большинство международных продовольственных рынков. Согласно индексу цен на продовольствие ФАО, с поправкой на инфляцию, цены на продукты питания в реальном выражении за этот период снизились на 25%. Этим изменениям способствовали высокие урожаи в крупных странах-производителях продуктов питания,

¹ МФСР: краткий обзор // IFAD [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifad.org/documents/38714170/39211820/glance_russian_web.pdf/6ca65839-074e-4966-b938-402e77548ae2 (дата обращения: 20.09.2023).

резкое снижение транспортных расходов и более доступные цены на энергоносители и удобрения [17, с. 1].

Примером служат цены на рис. В июле 2023 г. Индия, крупнейший в мире экспортер риса, ввела запрет на экспорт белого риса (не басмати), сославшись среди прочего на позднее начало сезонных муссонных дождей. Дополнительные ограничения на экспорт риса были введены в августе 2023 г. Россия также объявила о запрете экспорта риса и рисовой крупы в июле 2023 г. для поддержания стабильности цен на внутреннем рынке (IFPRI, 2023). Таиланд, второй по величине мировой экспортер риса, призвал фермеров ограничить посев только одной культурой в этом году, учитывая значительный риск засухи в начале 2024 г. [17, с. 2].

В данном случае мы видим положительную динамику, однако она связана в большей степени с климатическими факторами и ценовой политикой государств, нежели с деятельностью рассматриваемых нами учреждений.

Более того, миллионы людей по-прежнему испытывают острую нехватку продовольствия. Согласно Глобальному отчету о продовольственных кризисах (GRFC), подготовленному Информационной сетью по продовольственной безопасности, «по состоянию на середину 2023 г. 238 млн чел. в 48 странах столкнулись с высоким уровнем острого отсутствия продовольственной безопасности по сравнению с 216 миллионами в 2022 году» [15, с. 9]. Эти цифры не включают обновленную информацию еще для 10 стран, где 41 млн чел. столкнулись с острым уровнем отсутствия продовольственной безопасности в 2022 г.

Статистика показывает, что в сравнении с периодом «январь-декабрь 2022» в период с января по август 2023 число людей, сталкивающихся с острой проблемой отсутствия продовольственной безопасности, выросло на 10% (с 1 млрд до 1,16 млрд чел.) [15].

При этом МВФ тесно сотрудничает с международными партнерами, включая Всемирный банк (ВБ), Всемирную торговую организацию (ВТО), ВПП, ФАО и другие, чтобы обеспечить своевременные, адаптированные, эффективные и скоординированные меры реагирования, основанные на основном мандате каждого учреждения.

В докладе Генерального секретаря ООН о работе организации «Полны решимости», опубликованном в 2023 г., приведена статистика расходов по приоритетным направлениям в 2022 г. Так, расходы на эффективную координацию гуманитарной помощи занимают 2-е место из общего числа расходов (всего было потрачено 2,6 млрд долл. США, включая совместные фонды) [12, с. 16].

Результаты работы системы ООН в сфере продовольственной безопасности за 2022 г., отмеченные в докладе, выглядят следующим образом: «160 млн чел. получили продовольственную помощь для повышения продовольственной безопасности; 9,9 млн чел. охвачены деятельностью по обеспечению эффективности и неистощительности продовольственных систем, более 232 600 га земли рекультивировано; более 1 млн производителей охвачены мероприятиями, призванными повысить их доходы; 50 странам оказана помощь в поощрении перехода на более здоровый рацион питания и обеспечении продовольственной безопасности» [12, с. 22].

Динамика по ЦУР 2 «Ликвидация голода»: с 2000 по 2021 г. распространенность недоедания сократилась с 13 до 9,8% [12, с. 48]. Это говорит о том, что, несмотря на медленные темпы, количество недоедающих в мире сокращается. Все это становится возможным во многом благодаря координации продовольственных организаций под эгидой ООН (в первую очередь, ФАО, ВПП и МФСР).

Три рассмотренных выше организации — ФАО ООН, ВПП ООН и МФСР — представляют собой так называемую группу Расположенных в Риме учреждений

(РРУ). В 2018 г. они подписали Меморандум о взаимопонимании сроком на пять лет (до июня 2023 г.). По словам Жильбера Ф. Унгбо, бывшего президента МФСР, «максимальное использование наших коллективных преимуществ всегда лежало в основе партнерства между ФАО, МФСР и ВПП. Этот Меморандум является не только юридическим документом, но и реальным инструментом поддержки новых инновационных способов совместной работы, чтобы максимально увеличить наш совместный вклад в реализацию Повестки дня на 2030 г. и превратить сельские районы в благополучные места, где семьи могут процветать» [14]. Особенности совместной деятельности РРУ рассмотрим в следующем разделе.

Сотрудничество между Расположенными в Риме учреждениями

В 2019 г., уже через год после подписания Меморандума о взаимопонимании, РРУ опубликовали Отчет о проделанной работе по общим услугам Расположенных в Риме учреждений. В нем раскрываются технические особенности сотрудничества трех организаций (казначейские услуги, информационная безопасность, работа совместной группы по закупкам, управление экологической устойчивостью, кадровый ресурс и т. п.)¹.

Примечательно, что сотрудничество ведется не только по линии продовольственной безопасности, но и по прочим вопросам: взаимное предоставление услуг типографии и печати, распоряжение имуществом и транспортными средствами, обсуждение вопросов этики, создание общего веб-сайта <https://zerohunger.world/>².

По результатам Второй очередной сессии исполнительного совета ВПП ООН, прошедшей 15–17 ноября 2022 г., а также 171-й Сессии совета ФАО ООН (5–9 декабря 2022 г.), было опубликовано два одноименных доклада о развитии сотрудничества между Расположенными в Риме учреждениями.

В Докладе о развитии сотрудничества между Расположенными в Риме учреждениями для ВПП ООН, подчеркивается, что «мировое сообщество сейчас столкнулось с сильнейшим кризисом, катализатором которого стала пандемия COVID-19. «Мы столкнулись с новым кризисом, первым глобальным „кризисом стоимости жизни“ за несколько десятилетий, который ставит под угрозу жизни людей, источники средств к существованию и наши надежды на построение более совершенного мира к 2030 г. Конфликт на Украине усугубил серию уже существовавших и наложившихся друг на друга кризисов, связанных с продовольствием, энергоносителями и финансами, которые в корне подрывают возможности народов и стран справляться с испытаниями и вкладывать силы и средства в свое устойчивое развитие. Цены на продовольствие, энергоносители и удобрения взлетели, приводя к кризису и наличию продовольствия, и доступа к нему, вместе с ростом голода, бедности и неравенства в целом» — говорится в докладе» [6].

В целом, основываясь на данных доклада, можно говорить о достаточно тесном сотрудничестве РРУ. Организации продолжают усиливать кооперацию, совместно вырабатывая глобальные продукты, которые поддерживают устойчивые решения для преодоления продовольственных кризисов. РРУ активно участвуют в деятельности кластера продовольственной безопасности, сотрудничая на глобальном, региональном и становом уровнях.

¹ 2019 г. Отчет о проделанной работе по общим услугам Расположенных в Риме учреждений // ФАО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/3/wa4na938ru/wa4na938ru.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

² Zero Hunger // Zero Hunger [Электронный ресурс]. URL: <https://zerohunger.world/> (дата обращения: 22.09.2023).

Одним из важных достижений РРУ за последнее время стало то, что «в 2022 г. ФАО, МФСР и ВПП призвали принять срочные меры по преодолению мирового кризиса в области продовольственной безопасности на глобальных форумах высокого уровня, включая Генеральную Ассамблею ООН (ГА ООН), Глобальную группу по реагированию на кризисы в области продовольствия, энергоносителей и финансов (ГГРК), „Группу семи“ и „Группу двадцати“, и добились приоритетного положения продовольственной безопасности в мировой политической повестке. ФАО и ВПП также провели совместные брифинги по теме конфликта и продовольственной безопасности для Совета безопасности ООН и членов в Риме, выдвинув конкретные предложения по решению проблемы текущей и будущей нехватки продовольствия» [6].

В отчете также отражены последние совместные проекты РРУ: преобразование сельского хозяйства в Бангладеше, цифровое сельское хозяйство в Латинской Америке и Карибском бассейне, борьба с изменением климата (за счет увеличения портфеля проектов совместно с Зеленым климатическим фондом), программа «Ускорение прогресса на пути к расширению экономических прав и возможностей сельских женщин» (СП РЭПВСЖ), сотрудничество по линии Юг-Юг и многое другое.

РРУ также продолжают выявлять области для активизации сотрудничества в рамках плана повышения эффективности ООН, используя различные инициативы: стратегии оперативной деятельности (СОД), локальные центры совместных служб (ЛЦСС, ранее ОВС), совместное использование помещений (СИП) и глобальный центр совместных служб (ГЦСС).

В Докладе о развитии сотрудничества между Расположенными в Риме учреждениями для ФАО ООН представлен аналогичный текст [7].

Важно подчеркнуть, что оба отчета не только подробно раскрывают механизмы и направления совместной деятельности РРУ, но и очерчивают дальнейшие перспективы. РРУ подчеркивают настоятельную необходимость в обеспечении совместного финансирования их мероприятий на местах как возможности ограничить существующую конкуренцию за ресурсы и достичь большей слаженности в поддержке национальных приоритетов и потребностей.

Также отмечается, что «на региональном и страновом уровнях РРУ, демонстрируя коллективное достижение намеченных целей, в то же время признают необходимость более тесной координации и построенной на синергии работы во избежание разобщенности и/или дублирования действий» [7].

Таким образом, можно говорить о том, что международные организации, занимающиеся решением проблемы продовольственной безопасности, довольно эффективно взаимодействуют между собой в рамках группы РРУ. Объединение усилий позволяет иметь больший вес на глобальной политической арене, аккумулировать финансовые и кадровые ресурсы, более детально подходить к решению той или иной проблемы. Более того, совместные рабочие группы, механизмы и продукты являются результатом взаимодействия экспертов из ФАО, ВПП и МФСР, что дает возможность доверять результатам их труда больше, чем если бы экспертизой занимались отдельно взятые представители любого из РРУ.

Заключение

Проблемы обеспечения продовольственной безопасности и ликвидации голода являются ключевыми составляющими ЦУР 2. Международные правительственные и неправительственные организации играют наиболее активную роль в их устранении, как мы можем видеть из отчетов об их деятельности, однако до сих пор о повсеместной ликвидации голода говорить не приходится.

Продовольственный вопрос никогда не занимал такого важного места на мировом уровне. Многосторонние платформы, например, программа «Нулевой голод», становятся площадками для привлечения все более широкого внимания к проблематике питания и инвестиций в этой области. Именно поэтому представляется, что подобные нашему исследованию, во-первых, обладают растущей актуальностью и, во-вторых, могут приниматься во внимание в научном сообществе и на уровне принятия решений в сфере продовольственной безопасности.

Продовольственный кризис, вошедший в активную фазу в 2022 г., вывел на авансцену глобальную проблему обеспеченности продовольствием, устойчивости цепей поставок, развитости сельского хозяйства в разных частях мира. Однако наиболее кризисными, как стало ясно из отчетов, ставших основой данного исследования, остаются регионы Ближнего Востока, Северной, Западной, Восточной Африки.

Автор полагает, что взаимодействие таких организаций, как МФСР, ВПП и ФАО (Расположенных в Риме учреждений) представляет собой сравнительно эффективный механизм сотрудничества в сфере продовольственной безопасности. Однако трудности с финансированием, последствия экономических потрясений, непредсказуемость ряда климатических изменений, очаговый характер вооруженных конфликтов осложняют работу организаций на местах и затрудняют процесс построения прогнозов.

В качестве перспектив кооперации можно предложить такие методы, как создание совместных рабочих групп из экспертов всех трех организаций на местах; привлечение внештатных специалистов и ученых к техническим и научным разработкам; проведение совместных обучающих программ населения; финансирование и организация строительства специализированных ферм/лабораторий/заводов для производства продовольствия. Кроме того, перспективным направлением представляется подключение к подобным совместным программам таких организаций, как Всемирный банк, ЭКОСОС, ЮНЕП, Постоянный комитет ООН по проблемам питания и других.

Помимо этого, необходимо устанавливать, налаживать и поддерживать более тесную связь с неправительственными организациями (не только международными, рассмотренными в данной статье, но и локальными). Крупные международные акторы смогут в перспективе использовать их как площадку для продвижения ценностей ЦУР 2, рекламных кампаний, мастер-классов, обучающих мероприятий и т. д.

Литература

1. В продовольственной помощи нуждаются 25 голодающих стран — представитель ФАО ООН // Sputnik [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20230620/v-prodovolstvennoy-pomoshchi-nuzhdayutsya-25-golodayuschikh-stran--predstavitel-fao-oon-36180614.html> (дата обращения: 18.11.2023).
2. Воронин Б. А. ФАО как субъект международных отношений // АБУ. 2013. № 4 (110). С. 56–58.
3. ВПП: миллионы йеменцев останутся без продовольственной помощи, если не будут выделены дополнительные средства // Новости ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/08/1443912> (дата обращения: 19.11.2023).
4. Глобальный экологический фонд и МФСР возьмут на себя руководство осуществлением новой программы преобразования агропродовольственных систем с финансированием в объеме 230 млн долл. США // ФАО [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/gef-tasks-fao-and-ifad-to-lead-new-230-million-agrifood-systems-transformation-program/ru> (дата обращения: 20.09.2023).
5. Годовой отчет о деятельности за 2022 год // WFP [Электронный ресурс]. URL: https://executiveboard.wfp.org/document_download/WFP-0000149631 (дата обращения: 17.09.2023).
6. Доклад о развитии сотрудничества между Расположенными в Риме учреждениями // WFP [Электронный ресурс]. URL: https://executiveboard.wfp.org/document_download/WFP-0000144089 (дата обращения: 22.09.2023).

7. Доклад о развитии сотрудничества между Расположенными в Риме учреждениями // FAO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/3/nk546ru/nk546ru.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).
8. *Иванников Н. С.* Особенности деятельности ФАО в геополитических условиях современности // Управленческое консультирование. 2019. № 2 (122). С. 89–95.
9. *Лупашко-Стальский И. П.* Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения. Вводный ознакомительный курс. М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации. М. : Росинформагротех, 2006.
10. ООН расширяет поддержку национальной программы школьного питания в Украине // Новости ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446872> (дата обращения: 19.11.2023).
11. План управления ВПП (2023–2025 годы) // WFP [Электронный ресурс]. URL: https://executiveboard.wfp.org/document_download/WFP-0000143611 (дата обращения: 17.09.2023).
12. Полны решимости. Доклад генерального секретаря о работе Организации // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_annual_report_2023_ru.pdf (дата обращения: 21.11.2023).
13. Судан: ВПП возобновляет гуманитарные операции в стране // Новости ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440527> (дата обращения: 19.11.2023).
14. Учреждения ООН в Риме обязуются более тесно сотрудничать для достижения нулевого голода // FAO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/news/story/ru/item/1139053/icode/> (дата обращения: 22.09.2023).
15. 2023 Global Report on Food Crises // Mid-year Update [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-MYU.pdf> (дата обращения: 18.11.2023).
16. *Abrahams D., Carr E. R.* Understanding the Connections Between Climate Change and Conflict: Contributions from Geography and Political Ecology // Current Climate Change Reports. 2017. Vol. 3. No 4. С. 233–242.
17. Fall 2023 Global Food Crisis Update // Recent Developments, Outlook, and IMF Engagement. IMF, October 2023.
18. *Rovira G., Rovira M.* Food Security and International Organisations: Why Not Global? Why Not Now? // Cambridge Companion to International Organisations Law. 2020. P. 1–26.
19. Halted Ukraine grain deal, funding shortages rattle UN food aid programs // AP [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/wfp-food-ukraine-grains-syria-wheat-4adbeb67402315e7a72f4cc5d680bfbd> (дата обращения: 19.11.2023).
20. IFAD's Governing Council endorses Ukraine as its 178th Member State // IFAD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifad.org/en/web/latest/-/ifad-governing-council-endorses-ukraine-as-its-178th-member-state> (дата обращения: 20.09.2023).
21. Impact // IFAD [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifad.org/ru/impact> (дата обращения: 20.09.2023).
22. *Zhou J., Dellmuth L. M., Adams K. M., Neset T., von Uexkull N.* The Geopolitics of Food Security: Barriers to the Sustainable Development Goal of Zero Hunger // Stockholm International Peace Research Institute. 2020. N 2020/11. P. 1–16.
23. *Van Ballen S., Mobjörk M.* Climate Change and Violent Conflict in East Africa: Integrating Qualitative and Quantitative Research to Probe the Mechanisms // International Studies Review. 2017. Vol. 20. N 4. P. 1–29.
24. *Brück T., d'Errico M.* Reprint of: Food security and violent conflict: Introduction to the special issue // World Development. 2019. Vol. 117. P. 167–171.

Об авторе:

Пряникова Алина Алексеевна, аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alinapryanikova06@gmail.com

References

1. 2023 Global Report on Food Crises // Mid-year Update [Electronic resource]. URL: <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-MYU.pdf> (accessed: 18.11.2023).

2. 25 starving countries need food aid — UN FAO representative // Sputnik [Electronic resource]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20230620/v-prodovolstvennoy-pomoschi-nuzhdayutsya-25-golodayuschikh-stran--predstavitel-fao-oon-36180614.html> (accessed: 18.11.2023).
3. Abrahams D., E. R. Carr. Understanding the Connections Between Climate Change and Conflict: Contributions From Geography and Political Ecology // *Current Climate Change Reports*. 2017. Vol. 3, № 4. С. 233–242.
4. Annual activity report for 2022 // WFP. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: https://executiveboard.wfp.org/document_download/WFP-0000149631 (accessed: 17.09.2023).
5. Brück T., d'Errico M. Reprint of: Food security and violent conflict: Introduction to the special issue // *World Development*. 2019. Vol. 117. P. 167–171.
6. Fall 2023 Global Food Crisis Update — Recent Developments, Outlook, and IMF Engagement. IMF, October 2023.
7. Full of determination. Report of the Secretary General on the work of the Organization // UN. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_annual_report_2023_ru.pdf (accessed: 11.21.2023).
8. Halted Ukraine grain deal, funding shortages rattle UN food aid programs // AP [Electronic resource]. URL: <https://apnews.com/article/wfp-food-ukraine-grains-syria-wheat-4adbeb-67402315e7a72f4cc5d680bfbfd> (accessed: 19.11.2023).
9. IFAD's Governing Council endorses Ukraine as its 178th Member State // IFAD [Electronic resource]. URL: <https://www.ifad.org/en/web/latest/-/ifad-governing-council-endorses-ukraine-as-its-178th-member-state-~:text=%E2%80%9CWe%20are%20delighted%20to%20soon,Alvaro%20Lario%2C%20President%20of%20IFAD> (accessed: 20.09.2023).
10. Impact // IFAD. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://www.ifad.org/ru/impact> (accessed: 20.09.2023).
11. Ivannikov N. S. Features of FAO activity in the geopolitical conditions of modernity // *Management Consulting [Upravlencheskoe konsultirovaniye]*. 2019. № 2 (122). С. 89–95.
12. Lupashko-Stalsky I. P. Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO): basic information. Introductory familiarization course. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Federation. Moscow : Rosinformagroteh. 2006. Crop Prospects and Food Situation. FAO [Electronic resource]. URL: <https://www.fao.org/3/cc6806en/cc6806en.pdf> (accessed: 18.11.2023).
13. Report on the development of cooperation between the Rome-based institutions // FAO. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://www.fao.org/3/nk546ru/nk546ru.pdf> (accessed: 22.09.2023).
14. Report on the development of cooperation between the Rome-based institutions // WFP. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: https://executiveboard.wfp.org/document_download/WFP-0000144089 (accessed: 22.09.2023).
15. Rovira G., Rovira M. Food Security and International Organisations: Why Not Global? Why Not Now? // *Cambridge Companion to International Organisations Law*. 2020. P. 1–26.
16. Sudan: WFP resumes humanitarian operations in the country // UN News. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/05/1440527> (accessed: 19.11.2023).
17. The Global Environment Facility and IFAD will lead a new \$230 million program to transform food and agriculture systems // FAO. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://www.fao.org/newsroom/detail/gef-tasks-fao-and-ifad-to-lead-new-230-million-agrifood-systems-transformation-program/ru> (accessed: 20.09.2023).
18. The UN is expanding support for the national school feeding program in Ukraine // UN News. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446872> (accessed: 19.11.2023).
19. UN agencies in Rome pledge to work more closely together to achieve zero hunger // FAO. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://www.fao.org/news/story/ru/item/1139053/icode/> (accessed: 22.09.2023).
20. Van Ballen S., Mobjörk M. Climate Change and Violent Conflict in East Africa: Integrating Qualitative and Quantitative Research to Probe the Mechanisms // *International Studies Review*. 2017. Vol. 20. N 4. P. 1–29.
21. Voronin B. A. FAO as a subject of international relations // *AVU*. 2013. № 4 (110). С. 56–58.
22. WFP Management Plan (years 2023–2025) // WFP. [Electronic resource]. URL: https://executiveboard.wfp.org/document_download/WFP-0000143611 (accessed: 17.09.2023).
23. WFP: Millions of Yemenis will remain without food aid unless additional funds are provided // UN News. (In Russ.) [Electronic resource]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/08/1443912> (accessed: 19.11.2023).

24. Zhou J., Dellmuth L. M., Adams K. M., Neset T., von Uexkull N. The Geopolitics of Food Security: Barriers to the Sustainable Development Goal of Zero Hunger // Stockholm International Peace Research Institute. 2020. No 2020/11. С. 1–16.

About the author:

Alina A. Pryanikova, Postgraduate Student of the Department of International Politics of the School of International Relations of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); alinapryanikova06@gmail.com

Экономический подход к анализу субстрата человеческого фактора и измерению рисков его образующих

Богатырев И. С.¹, Цацулин А. Н.^{2, *}

¹ Санкт-Петербургский научно-исследовательский и проектный институт «Спецреставрация», Санкт-Петербург, Российская Федерация; ibogatyrev@yandex.ru

² Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрена проблема измерения рисков и угроз, создаваемых природой и особенностями человеческого фактора и влияющих на эффективность и безопасность деятельности на микроуровне экономики, в частности, в среде научно-проектных организаций при разработках проектов реставрации на объектах недвижимого культурного наследия, что расположены в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Проведен литературный обзор источников, освещающих изучаемую проблему. Сформулирована цель исследования, состоящая в попытках измерения влияния рисков ЧФ на эффективность научно-проектных работ, и намечены задачи, решение которых позволит достичь поставленной цели. *Объектом* предметного исследования назначена оценка комплексного ущерба и косвенных потерь, а *предметом* определены процедуры измерения эффектов указанных рисков. Определены методы и инструментарий намечаемого исследования. Получен ряд промежуточных авторских результатов, уточняющих природу человеческого фактора, понятийный аппарат тематики, классификацию рисков, угроз и опасностей, которые могут нанести заметный ущерб экономическому субъекту, вред его рыночной активности, урон его деловой репутации и стоимости бренда. Проведено обсуждение частичных результатов, сделано несколько этапных выводов. Намечены направления дальнейших совместных исследований авторов статьи, которую можно считать стартовой и началом пути в системном изучении проблемы угрозомерии со стороны человеческого фактора.

Ключевые слова: человеческий потенциал, риск, угроза, ошибка, событие, сущность, явление, инновационный стресс, недвижимое культурное наследие

Для цитирования: Богатырев И. С., Цацулин А. Н. Экономический подход к анализу субстрата человеческого фактора и измерению рисков его образующих // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 153–175.

An Economic Approach to the Analysis of the Human Factor Substrate and the Measurement of the Risks that Form it

Ilya S. Bogatyrev¹, Alexander N. Tsatsulin^{2, *}

¹Saint Petersburg Research and Design Institute “Spetsrestavratsiya”, Saint Petersburg, Russian Federation, ibogatyrev@yandex.ru

² Independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation; *vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article considers the problem of measuring risks and threats created by nature and characteristics of the human factor and affecting the efficiency and safety of activities at the micro level of the economy, in particular, in the environment of scientific and design organizations during the development of restoration projects at immovable cultural heritage sites located in St. Petersburg and the Leningrad Region. A literature review of sources covering the problem under study is conducted. The goal of the study is formulated, consisting in attempts to measure the impact of human factor risks on the efficiency of scientific and design work, and

the tasks are outlined, the solution of which will allow achieving the goal. The object of the subject study is the assessment of complex damage and indirect losses, and the subject is defined as the procedures for measuring the effects of these risks. The methods and tools of the planned study are defined. A number of intermediate author's results are obtained, clarifying the nature of the human factor, the conceptual apparatus of the topic, the classification of risks, threats and dangers that can cause significant damage to an economic entity, harm to its market activity, damage to its business reputation and brand value. Partial results were discussed, several stage conclusions were made. Directions for further joint research of the authors of the article were outlined, which can be considered the starting point and the beginning of the path in the systematic study of the problem of threat metrics from the human factor.

Keywords: treatment, error, event, entity, phenomenon, innovation stress, immovable cultural heritage

For citing: Bogatyrev I. S., Tsatsulin A. N. An Economic Approach to the Analysis of the Human Factor Substrate and the Measurement of the Risks that Form it // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 153–175.

Человек, который совершил ошибку и не исправил ее, совершил еще одну ошибку¹.

Конфуций [32]

Введение

Серьезное отношение к рискам разной эпистемологической природы и их принятие в расчет давно является неотъемлемой частью производственно-хозяйственной, финансово-экономической и иной деятельности любой организации. А принципы и формы управления некоторыми рисками даже включены в локальные документы, в том числе в стратегии развития этих организаций разных правовых форм собственности. Это связано чаще всего с известными обстоятельствами, которые следует не только упомянуть, но и выпукло раскрыть.

Во-первых, с возможностями извлекать реальные выгоды, вполне соразмерные с принятыми в расчет рисками; во-вторых, со способностью организации поглотить потенциальные ущерб, потери, убытки, проистекающие из набора всевозможных рисков и сопутствующих ее профильной деятельности; и в-третьих, с опасностью оказаться в частых в условиях турбулентной экономики ситуациях несостоятельности и банкротства. Однако крайне редко встречаются организации, детально исследовавшие и практически взявшие на вооружение рекомендации по чрезвычайно актуальной ныне категории рисков, что непосредственно связаны с влиянием так называемого человеческого фактора (ЧФ). И здесь нельзя не бросить ретроспективный взгляд на фактологическую историю этого явления.

Первые обстоятельные обзоры всех видов аварий, имевших место в различных отраслях народного хозяйства нашей страны, не включали в себя аварии по вине человека — так сказать, происшедшие рукотворного характера. Но уже в начале 30-х гг. прошлого века ошибки персонала начали выделять в качестве самостоятельной причины аварий [20]. Однако от выделения какой-либо причины инцидентов (в диапазоне от рядового пожара до масштабной техногенной катастрофы) в отдельный кадастр «человеческая ошибка» до систематического применения сколько-нибудь эффективных средств борьбы с ошибками персонала, поскольку

¹Данный афоризм Конфуция в записи на традиционном китайском языке имеет вид 一個人犯了錯誤而不改正，又犯了另一個錯誤。孔子 (Конфуций. Рассуждения в изречениях: в переводе и с комментариями Б. Виноградского. М. : Эксмо, 2024. 224 с.).

значимую проблему в тот период это все-таки не образовывало, прошло немало времени.

Тем не менее это время было с пользой потрачено на накопление достоверной статистики происшествий по отраслям, секторам народного хозяйства и на предварительный — по существу, кабинетный — анализ силами междисциплинарных специалистов. Так, по свидетельству анналов отечественной статистики, около 70,0% несчастных случаев/аварий происходят по вине ЧФ, а 45,0% из них случаются из-за особенностей поведения установленного/виновного индивидуума в критических ситуациях. Оставшиеся 30,0% происшествий могут иметь место совершенно независимо от качества производственного менеджмента, практикуемого и/или принятого на вооружение в организации¹.

В тех отраслях, где системно ведется постоянное статистическое наблюдение по видам происшествий с пострадавшими и поставлен надлежащий учет причин несчастных случаев, аварий и инцидентов, обнаруживается благоприятная динамика и того и другого. Примером успешной деятельности организации в этом аспекте служат результаты технического анализа происшествий по группе «Газпром межрегионгаз» за 2019–2023 гг. (рис. 1, 2, табл. 1), демонстрирующие убедительное снижение тревожных индикаторов безопасности, беспокойства и благополучия экономического субъекта за пять лет: по числу аварий — на 81,35%, а по инцидентам — на 46,79%.

Однако следует отметить, что при резком уменьшении общего числа несчастных случаев с 2020 г. (рис. 1) количество пострадавших, в том числе с летальным исходом, растет. Это свидетельствует о повышении масштабности неблагоприятных событий. Другими словами, от уровня в 1,82% погибших к числу пострадавших в 2019 г. наблюдается рост показателя отношения структуры до 12,69% в период 2020–2023 гг., т. е. возрастание событийной тяжести оценивается примерно в 7 раз.

Переход на принципиально новый качественный уровень решения ключевых социально-экономических проблем, возникших перед Российским государством в третьем десятилетии XXI в., потребовал обращения к иной аналитике и к современному инструментарию социально-экономических измерений. Основная цель таких измерений заключается в постепенном переходе от фактологической регистрации по завершению значимого события ко всестороннему измерению социально-общественного

Рис. 1. Сведения о количестве несчастных случаев и пострадавших за 2019–2023 гг.

Fig. 1. Information on the number of accidents and victims for 2019–2023.

Источник: Группа ПАО «Газпром», Межрегионгаз.

¹[Электронный ресурс]. URL: <https://srg-eco.ru/article/bezopasnost-rabotnika-na-predpriyatii-chelovecheskij-faktor/> (дата обращения: 05.06.2024).

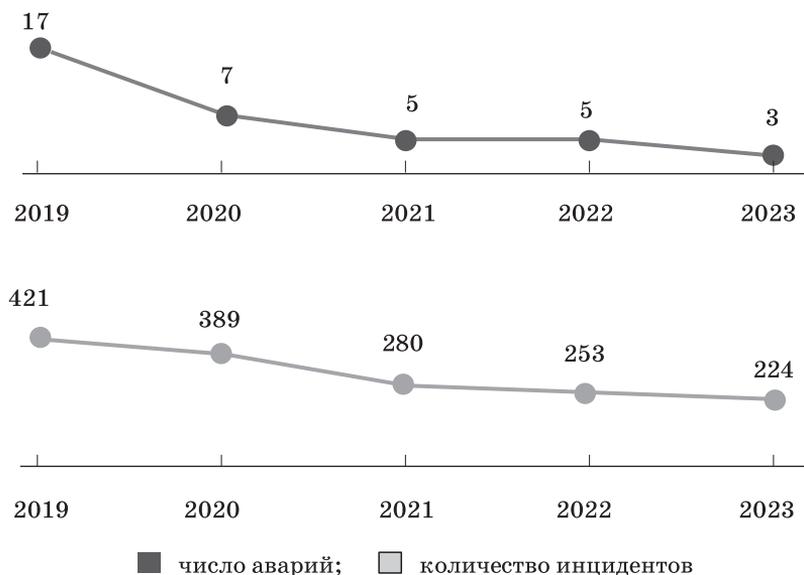

Рис. 2. Статистика аварий и инцидентов, произошедших на опасных производственных объектах газораспределительных организаций за период с 2019 по 2023 г.
 Fig. 2. Statistics of accidents and incidents that occurred at hazardous production facilities of gas distribution organizations for the period from 2019 to 2023

Источник сведений: Группа «Газпром», Межрегионгаз.

Таблица 1

Анализ несчастных случаев в Группе «Газпром», Межрегионгаз за 2019–2023 гг.

Table 1. Analysis of accidents in the Gazprom Group, Mezhregiongaz for 2019–2023

Основные виды происшествий с пострадавшими сотрудниками	Основные причины несчастных случаев
Дорожно-транспортные происшествия	Непринятие мер личной безопасности
Повреждения при падении работников	Нарушение ПДД третьими лицами
Повреждения при контактах с растениями, животными, электрическими системами	Противоправные действия третьих и неустановленных лиц
Повреждения в результате противоправных действий третьих лиц	Нападения собак и диких животных в местах размещения газоперекачивающих и газораспределительных станций
Повреждения при выполнении работ повышенной опасности	Неудовлетворительная организация производства работ
Повреждения при столкновении с предметами / деталями / механизмами	Нарушение трудовой, производственной дисциплины, требований нормативных документов и локальных актов
Нештатный выход из строя технологического оборудования и передаточных устройств	Нарушения ПДД работниками

Источник сведений: Авторская интерпретация данных Группы «Газпром», Межрегионгаз
 Source of information: Gazprom Group, Mezhregiongaz.

ственных и других рисков, связанных с воздействием ЧФ на значимое событие, к прогнозированию поведения рисков на установленном горизонте и к своевременному их упреждению, не доводя как их заданность/предустановленность, так и реальную, высоко вероятностную активность до действительного наступления/свершения неблагоприятного события.

Наилучшим вариантом подобного упреждения видится поиск возможностей крайне осторожного и деликатного управления этими рисками, поскольку подавляющее большинство организаций в своей текущей профессиональной деятельности сталкивается с рисками, продуцируемыми фактором именно человеческой природы. Более того, по причине органической ненадежности отдельных собственных сотрудников компании, привлечение последних несут потери гораздо большие, нежели по возникающим время от времени причинам политико-экономического характера, как правило, внешнего происхождения и по обстоятельствам так называемой форс-мажорной ситуации или обстоятельствам непреодолимой силы. Правда, с точки зрения толкования действующего законодательства РФ, корректней вместо термина *форс-мажор* следует использовать термины *непреодолимая сила*, или *обстоятельства непреодолимой силы*¹.

Авторам статьи представляется, что риски, явные/неявные² по своему характеру и определяемые воздействием ЧФ, выступают в качестве наиболее существенных угроз, с которыми сталкиваются хозяйствующие/экономические субъекты (ЭС), использующие в своей титульной деятельности живой труд, т. е. обладающие целенаправленно подобранным временным творческим коллективом (ВТК) и/или постоянным штатом промышленно-производственного персонала необходимых исполнителей с включением в его состав инженерно-технических и научных работников.

Тем временем безостановочное и динамичное развитие экономики знаний предполагает, что над подлинно инновационными организациями нависает важнейшая, но не простая задача найма для выполнения работ аналитического, логического, интеллектуального, проектно-творческого, экспертного и т. п. характера соответствующих квалифицированных, желательнее не только штатных, но и как-то иначе набранных «правильных» сотрудников. И здесь значимость присутствия риска ЧФ в нормальном протекании интеллектуальных процессов начинает заметно превышать роль рисков, связанных непосредственно с процессами физического труда в условиях автоматизации, роботизации, и вообще в самом широком смысле, производственных процессов в условиях использования безлюдных технологий достигаемо высокого уровня и даже с привлечением возможностей искусственного интеллекта.

Роль живого труда в развитых рыночных экономиках относительно сократилась, а совокупная трудоемкость производства экономического субъекта с ростом производительности труда уменьшилась [9, с. 265]. Соответственно, экономическая значимость банально редуцированного и предельно неквалифицированного труда упала, но одновременно с этим обстоятельством, по мере серьезного усложнения и впечатляющего разнообразия доступных технологий производства, возросли роль высококвалифицированного труда и качественное воспроизводство рабочей силы, отвечающей современным требованиям рынка труда. Именно перечисленное, собственно, и обеспечивает инновационно-поступательное развитие любой экономики, а для российской экономической системы его наличие означает безболезненный переход к постиндустриальному обществу.

¹ ГК РФ, ст. 401. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

²Различие рисков по обозначенному характеру зависит от поступающей в распоряжение аналитика релевантной информации, как жестко определенной, так и слабо сигнализирующей о надвигающейся опасности. Решатель же специальных задач по устойчивости системы подбирает соответствующие расчетные техники, исходя из установленного класса рисков.

Такие процессы и феномены, как трансформация науки и инновационной экономики в главную производительную силу общества, возрастание роли НИиОКР, повсеместное и масштабное внедрение новейших базовых и продвинутых технологий в связке с масштабной цифровизацией основных народнохозяйственных процессов означают и статистически свидетельствуют о повышении доли сугубо творческой деятельности в создании конечного наукоемкого продукта и, соответственно, уровня добавленной стоимости.

Вследствие этого, возрастает спрос на специалистов с высоким и высочайшим уровнем персональной подготовки и квалификации, что, естественно, требует привлечения весьма заметных целевых затрат, которые могут быть компенсированы якорному инвестору в дальнейшем как непосредственно повышенной отдачей бизнесу от приложения результатов их труда в секторе реальной экономики [5], так и вкладом по другим многообразным аспектам в режиме экономического мультипликатора. Именно такое явление в задаваемой последовательности шагов, алгоритмов и операций нашло свое отражение в разработке концепции формирования *человеческого потенциала*, который в перечне категорий инновационного производства реинкарнировался в *человеческий капитал*.

Уточнение проблемы и цель исследования

В данной статье рассматриваются понятия *риск* и *неопределенность*, их дефиниции, уточненные классификации человеческого риска, проблемы сопоставления рисков, способы информационного описания возможных шкал и метрик угроз, прогнозирования исходов в статике и в динамике и, наконец, намечаются приемлемые подходы к разработке системы измерения непосредственно риска ЧФ.

Одновременно авторами статьи предполагается в дальнейшем разработать методику минимизации риска ЧФ посредством подбора инструментария на основе вероятностных оценок применительно к условиям тех угроз, что создают опасность для гармонического соотношения сил и действий, обычно включаемых в содержательный комплекс *человеческого поведения*. То или иное наполнение комплекса фигурирует и принимается в расчет при обосновании и принятии окончательного управленческого решения в неясных ситуациях, складывающихся в условиях неопределенности окружающей среды. В самом общем виде неопределенность понимается как неполное знание действительного состояния изучаемого, например, социально-экономического процесса, поскольку аналитики никогда не имеют доступа ко всем необходимым сведениям о среде возникновения явления и/или протекания процесса.

По сложившемуся в статистическом сообществе мнению, наиболее последовательным подходом к проблеме учета неопределенности при решении оптимизационных задач является подход *вероятностный* на базе частотной концепции существующей объективной вероятности. Понятие объективной математической вероятности, в аксиоматике академика А. Н. Колмогорова, как неотрицательной, σ -аддитивной, нормированной меры широко используется при построении учитывающих неопределенность оптимизационных моделей в отношении преобладающего числа случаев из класса массовых процессов. Но вероятностные характеристики моделей успешно могут определяться и в немассовых случаях, для чего используются методы либо экспертных оценок, либо рекомендации некоторых индуктивных правил, оперирующих принципами как максимум энтропии, так и принципом инвариантности.

А сама уже оцененная неопределенность среды подлежит соразмерному ее снижению путем сведения к первородным условиям возникновения и существования рисков, в частности из группы ЧФ [23, с. 127]. Ведь если анализировать фак-

торы окружающей среды, как внешней, так и внутрипроизводственной, то достаточно быстро обнаружится, что поведение конкретного человека объясняется состоянием окружающей среды и/или правовым полем, нормами и нормативами, некими правилами, что полностью или фрагментарно подчас невозможно донести информационно до этого человека [22]. Отсюда возникает потребность и важность создания универсальных и специализированных информационных баз и банков данных, что, в частности, позволит осуществить так называемую *информационную диверсификацию* [10] фактологических и отдельно факторологических массивов.

Выяснение подобных условий среды существования рисков ЧФ и попытки создавать методики оценивания эффектов их воздействия на деятельность той или иной организации образовывали самостоятельные направления во многих исследованиях. Отдельные достижения позволяли так или иначе совершенствовать систему управления личностными характеристиками, т. е. собственно ЧФ в отдельных отраслях народного хозяйства, на конкретных предприятиях. Так, российская консалтинговая ГК SRG-ECO предприняла попытку разработать оригинальную методику измерения ЧФ *Human Aspect in Labor Protection (HALP)*, которая в русскоязычном варианте известна как *диагностико-превентивная система оценки ЧФ*¹. Методика успела пройти экспертную апробацию на отечественных предприятиях и имеет благожелательные отклики в социальных сетях и в профессиональном сообществе.

Однако в сравнительно узкой, ограниченной и крайне специфической сфере проектирования восстановительно-реставрационных работ на объектах недвижимого культурного наследия (ОНКН) следов подобных специальных исследований авторами статьи не обнаружено. Тем не менее стандарты поведения в организации, культурологические и профессиональные аспекты ее профильной деятельности, безусловно, воздействуют на активность ЧФ при производстве научно-проектных работ, что и определило *цель* настоящего исследования, которая сводится к измерению влияния рисков ЧФ на эффективность деятельности анализируемого вида.

Здесь авторы, во-первых, понимают категорию ЧФ, с позиций формальной логики, как структурную компоненту агрегированного антропогенного фактора, влияющего не только на изменение окружающей среды, но и среды обитания самого человека. А во-вторых, авторы рассматривают риски ЧФ как *субстрат*, т. е. основу существования первичных и вторичных признаков материальных объектов как индивидуальных носителей специфических качеств, что содержательно близко к философской трактовке термина в учении Г. В. Лейбница и мировоззренческих принципов неопозитивистов.

Объектом же предметного исследования служит оценка комплексного ущерба и косвенных потерь, включая снижение рыночной активности, утрату деловой репутации специализированной проектной организации, в связи с негативным воздействием ЧФ по всему спектру элементов его составляющих на результаты профессиональной, главным образом, творческой деятельности. *Предметом* исследования оказываются существующие процедуры и инструментарий измерения эффектов этих рисков при многофакторном статистическом анализе и моделировании хозяйственных процессов на базе добротной исходной информации.

Хотя соответствующие специалисты (статистики, экономисты, социологи, риск-менеджеры) признают полезность упомянутой информационной диверсификации в исследованиях, а по существу кроссинга различных признаков-факторов в их наборах, в литературных обзорах нет ясных указаний на те требования и условия применения, при которых выбранные инструменты понижают риски/угрозы, а сле-

¹[Электронный ресурс]. URL: <https://srgroup.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).

довательно и понесенный ущерб. Но имеются интересные ведомственные сенсационные разработки. Так, аналитики Администрации Санкт-Петербурга подсчитали, что ежегодные потери города от реализации климатических рисков составляют почти 786 млрд руб., а самих самостоятельных рисков глобального изменения климата по видам развернутой классификации оказалось ни много ни мало 17¹.

Отсутствуют и какие-либо универсальные, достаточно надежные и убедительные методики измерения эффектов с помощью предписанного или рекомендованного инструментария на понижение вероятностей неблагоприятных исходов по результатам научно-проектной деятельности организации и/или аналитического постижения глубины рискованной ситуации, анализа чувствительности/эластичности рисков и глобального анализа риска ЧФ при окончательном принятии непосредственным заказчиком готового проекта восстановления и реставрации ОНKH.

Состояние научной проработанности проблемы исследования

Для достижения цели исследования и связанных с этим задач необходимо выявить сущность, обнаружить источники, элементы, свойства, составляющие основы таких понятий как риск и неопределенность, поскольку как имеющиеся в изобилии научные разработки и материалы, так и в завидном достатке учебно-методическая литература по риск-менеджменту содержат трактовки этих терминов и понятий, характеризующие своей досадной неоднозначностью. Современные исследователи достаточно давно поднятой темы полагают несколько пространно, что риском считается обратная сторона свободы выбора, а отсутствие выбираемой альтернативы, по сути, означает и отсутствие какого-либо существенного или даже заметного риска/угрозы наступления неблагоприятного события в невыясненных до конца условиях неопределенности среды [17].

При этом для формирования стратегии того или иного выбора в спорных условиях неопределенности и в качестве основания для принятия управленческого решения исследовательская литература советует традиционно использовать вероятностные критерии А. Вальда (A. Wald, 1955), Л. Сэвиджа (L. J. Savage, 1965) [30], А. Гурвица (Ad. Hurwitz, 1895) и др.² Однако в отношении неопределенности, связанной с ЧФ и предсказуемым поведением человека в конкретной производственной ситуации, следует понимать, что самая продвинутая, принятая на вооружение организацией корпоративная культура, основанная на правильно понятых принципах свободы и ответственности, мало чего стоит, если за свободу, у которой имеется определенная цена, сотрудники за свои ошибочные действия не платят какой-либо персональной регламентированной ответственностью [28]. Именно здесь, по

¹[Электронный ресурс]. URL: <https://78.ru/news/2024-05-28/usherb-peterburgu-ot-izmeneniya-klimata-ocenivayut-v-780-mlrd-rublei-v-god> (дата обращения: 31.05.2024).

²Критерием Вальда (так называемым максимальным, наиболее осторожным) руководствуется ЛПУР, выбирающий вариант крайне пессимистичного решения, не обращая внимание на риски, и за оптимальную принимается стратегия, которая в наихудших условиях обеспечивает максимальный выигрыш, что ориентирует статистику на самые неблагоприятные условия. ЛПУР, применяющее критерий Сэвиджа, так или иначе считается с наличием вполне понятного риска, ориентируется на более благоприятное развитие ситуации по сравнению с первоначально наихудшим ее состоянием, а выбирается та стратегия, что предусматривает недопущение чрезмерно высоких потерь, к которым она может привести. Критерий Гурвица берется ЛПУР за основу выбора при варианте существования всех учтенных в предварительном анализе рисков в максимально неопределенной среде, для чего строится линейная функция пессимистического и оптимистического исхода изучаемого стационарного динамического события. В любом случае рекомендуется ЛПУР действовать с использованием нескольких критериев, в том числе так называемых объединенных (комбинированных) критериев Байеса-Лапласа, Ходжа-Лемана и т. д. [4].

мнению авторов статьи, могут быть заложены методические истоки управления рисками ЧФ, в частности в рамках типовой научно-проектной и проектно-исследовательской организации.

Понятие риска напрямую связывают с измеримой неопределенностью и потенциальными потерями в случае того или иного экономического, правового, социального и прочих неблагоприятных исходов события. И если под категорией *событие* понимается счетный результат и чувственно воспринимаемое свидетельство конкретного испытания, то как философский контент событие отражает категорию *сущность* объекта/предмета научного исследования через внешние формы их существования. А вот под количественным результатом испытаний вообще в разное время и в разных пространствах общей совокупности событий (точнее исчерпывающего их множества) диалектическая логика и марксистская диалектика воспринимают и просматривают каноническое единство категории сущность с другим философским контентом, который называется *явлением* [13, с. 384], что полностью соответствует понятийному аппарату гносеологии [12, с. 227] и не противоречит философскому подходу к пониманию источников и постулатов теории познания эпохи постмодернизма [27].

Обычно результатом реализации рисков по какому-либо явлению становятся увеличение или уменьшение некоего, но всегда конкретного благосостояния, безопасности и удовлетворенности собственников или прочих экономических агентов, принимающих на себя эти риски [1, с. 127]. Таким образом, несмотря на то что риск является достаточно многогранной сущностью и, безусловно, многомерным понятием, нечто общее, связывающее его различными авторскими дефинициями, состоит в неопределенности по отношению к тому или иному виду зарегистрированной надлежащим образом собственности с точки зрения юридико-технического оформления этого факта [3, с. 146].

Следовательно, в смысле многогранности и многомерности риска ЧФ его конечная реализация сводится к нанесенному собственнику ущербу, масштаб которого покрывает сферы деятельности по производству блага, оказанию услуг, консультациям, выполнению социально-экономических и научно-технических разработок и проектов, проектно-конструкторских, прогнозных, экспертных работ, по финансово-посредническим и товарно-денежным операциям [2]. Принимая на себя риски, собственник или наемный менеджер (в любом случае лицо, принимающее управленческое решение — далее ЛПУР), все-таки рассчитывает на извлечение достаточной массы прибыли, получение предполагаемого выигрыша. Вкладывая средства в какой-нибудь проект, ЛПУР стремится обладать той выгодой, которая перекрывает понесенные/инвестированные непосредственно в проект затраты [23, с. 135].

В поисках средств безопасной деятельности организаций был даже сформулирован так называемый принцип *ALAPA* (*As Low As Practicably Achievable*), согласно которому необходимо стремиться к максимально теоретически возможной безопасности, не считаясь с затратами. Однако выяснилось, что такой подход при всей своей привлекательности его очевидной простотой научным не является, поскольку последовательная его реализация ведет напрямую к возрастанию угроз/опасности/риска при абсолютно неэффективном расходовании целевых средств [19, с. 17].

Дело в том, что, помимо прямого риска, на понижение которого направлены сами меры, существует еще группа косвенных рисков, которые обусловлены особенностями проведения реставрационно-строительных работ и самого ОНКН, а также имеющегося в распоряжении исполнителя и заказчика оборудования и материалов, эксплуатационными их характеристиками, технологиями и пр. Таким образом, признание невозможности в ряде случаев или даже нецелесообразности достижения «нулевой опасности» (по принципу *ALAPA*) поставило проблему опре-

деления приемлемого уровня риска, или, другими словами, установление некоей меры в обеспечении безопасности в осуществлении научно-проектных и проектно-изыскательских работ.

И здесь имелся целый ряд предложений, часть из которых основывалась на сравнении заданных рисков внедрения инновационных технологий и существующих рисков тех технологий, что уже актуализированы на момент внедрения. Риск считается приемлемым, если инноватика ведет к снижению полного риска. Другие предложения сводились к процедуре оптимизации расходов на безопасность, в которой критерием оптимума служит минимум полного риска. Такой принцип обеспечения безопасности деятельности носит наименование *ALARA (As Low As Reasonably Achievable)*, т. е. установление уровня безопасности функционирования организации настолько низким, насколько это можно разумно достичь.

В последние годы возникло новое направление *управления риском (Risk Management)*, под которым понимается совокупность мероприятий, направленных на снижение уровня полного составного риска, уменьшение потенциальных, всегда присутствующих материальных потерь и иных негативных последствий инцидента в широком его смысле. Центральным понятием в методологии управления риском является происшествие/авария, ошибка, которые признаются неизбежными и которые требуют разработки систем безопасности и защиты, уменьшающих возможность их возникновения.

Соответственно, предметом риска оказываются потери разнообразных ресурсов — главным образом, финансовые, трудовые, материальные, информационные, а также потеря деловой репутации, угроза имиджу ЭС в виде репутационного риска, стоимости его брэнда и снижение его рыночной активности. Таким образом, величина совокупных потерь может быть тем или иным образом соотнесена с мерой риска и что, следовательно, способствует установлению размера последнего [7, с. 184].

Именно в подобной статье на заданную тему, по мнению авторов, следует своевременно определить и уточнить инструментарий, позволяющий соразмерно понижать выявленные риски, а основным инструментальным средством для расчета меры рисков видятся разделы теории вероятностей и математической статистики. Сами вероятности, по мнению известных специалистов в области искусственного интеллекта, «...представляют способ суммарного учета неопределенности, возникающей по причине экономии усилий и отсутствия знаний» [15, с. 624]. В этом случае излагать правдоподобные суждения о наступлении того или иного события можно будет с установленной степенью уверенности/надежности и приемлемой достоверностью высказываний.

Новая институциональная экономическая теория использует термин «субъективный риск», наиболее приближающийся по смыслу к термину «человеческий риск», как склонность индивидов к оппортунистическому поведению в теории моделирования механизма коммерческого контракта. И под *субъективным риском* понимается возможность того, что застрахованные от него лица не предпримут адекватных действий для уменьшения вероятности наступления предусматриваемого контрактом страхового случая в пределах срока действия договора/контракта и не пожелают искренне и честно принимать на себя ответственность за возможные и многообразные негативные последствия совершенных ошибок [8].

Здесь немедленно стоит удержаться от ложного пути поиска причин возникновения недуга безответственности исключительно в характерологических изъянах сотрудников организации, хотя сам термин *ответственность* содержит в себе понятную коннотацию ответственного поведения. Отсюда возникает осознание того, что любая ответственность представляется определенным психотипом поведения в форме таких конкретных действий, которые можно отслеживать и контролировать. Внешний контроль чувствования, мыслей, лояльности сотрудника к организации

и пр. пока принципиально невозможен и этически нежелателен. Но если руководитель организации желает на деле сформировать надлежащую ответственность у своего персонала, ему необходимо сформулировать необходимые и четкие требования к их должному поведению [18].

Методы и информационная база исследования

Для формирования теоретической и методической базы исследования были привлечены труды российских и зарубежных ученых, специалистов, посвященные вопросам проектирования ремонтно-строительных и реставрационных работ на площадках ОНКН и сопутствующих рисков, связанных с ЧФ. В целях получения информации о параметрах/показателях систем учета рисков в российских проектно-изыскательских организациях были использованы информационные банки и базы интересующих данных, отчетность специализированных родственных организаций, занимающихся проектированием соответствующих работ.

Для решения поставленных в данном исследовании задач применяются приемы материалистической диалектики, методы индуктивной (вероятностной) логики, расчетные техники экономической статистики, сплошного и выборочного наблюдения, методы сценарного подхода, принятия решений, экспертных оценок, методы финансово-экономического анализа и многофакторного статистического моделирования.

Полученные результаты

Особый смысл рискованного поведения сотрудника-специалиста проектной организации в той или иной ситуации, и отдельно в нашем случае, приобретает исполнение контракта, заключенного в результате тендерных торгов, на выполнение проектно-изыскательских и реставрационных работ строительно-восстановительного характера, включая составление технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта, руководство проектом, инжиниринговые услуги и пр. Потребность в использовании методики и инструментария, позволяющих учесть сопутствующие решениям риски и измерить неопределенность, сама по себе значительная в большинстве случаев [6], особенно возрастает в крупных организациях, где масштабно применяется принцип разделения трудовых функций творческого характера (не путать с банальной редукцией труда в массовом, серийном производстве) и разделения креативных операций в процессах принятия обоснованных управленческих решений.

Принятие решений в среде творческого созидания, каким является любая научно-проектная работа в организации с присутствующим всегда так называемым проектным риском, в общем виде представляется целостным процессом, начинающимся с фазы фиксации исходного состояния анализируемой ситуации. Эту ситуацию ЛПУР должно всегда воспринимать как значимое отклонение от желаемого целевого состояния среды поиска, где решение и должно быть актуализировано в соответствии со сформулированным целеполаганием. Например, при проведении научно-проектных работ для реставрации и приспособления к современному использованию недвижимых памятников истории и культуры разного уровня значимости и статусности на территории, скажем, Санкт-Петербурга, Ленинградской области и в целом Северо-Западного региона России. Именно в этом регионе в последние годы резко обострилась по разным причинам ситуация с соблюдением государственной политики по сохранению и с фактической сохранностью ОНКН [2].

Очерченную ситуацию ЛПУР должно всегда воспринимать как значимое отклонение от желаемого целевого состояния среды поиска, где решение и должно быть актуализировано в соответствии со сформулированным целеполаганием, например

в проведении научно-проектных работ для реставрации и приспособления к современному использованию недвижимых памятников истории и культуры разного уровня значимости на территории, скажем, Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Специфика рисков, связанных с проявлением ЧФ, т. е. с привычным поведением человека и необычными поступками конкретных людей, действующих как самостоятельное биологическое существо, наделенное волей и сознанием¹, характеризуется чрезвычайной многогранностью, естественной сложностью. Специфика же включает в себя, в первую очередь, биологические особенности человеческого организма, а именно: подверженность болезням, травмы, возрастные изменения когнитивных способностей, физического состояния и старость, инвалидизация, зависимость от помощи со стороны, другие ограничительные возможности индивидуума. Такие риски ЧФ возникают при прохождении того или иного индивидуума по стадиям собственного жизненного цикла, так сказать, скоротечной земной юдóлы, и теоретически в них могут быть включены самые разнообразные явления, связанные с человеческой жизнью.

Так, поступки индивида могут трактоваться, с позиций социального инжиниринга, достаточно широко и включают не только осмысленные действия, но и физические реакции, свойства организма, произвольные действия и т. п. Ошибки работников, обусловленные в немалой степени психофизиологическими ограничениями, такими как ослабленные возможности восприятия и переработки информации, ошибки в принятии управленческих решений, подверженность стрессам, утомлению, принадлежность сотрудника к группе риска, включая игровую аддикцию (*gambling*), приобретающую в последнее время угрожающие размеры, эмерджентные эффекты действия² и т. д.

Неопределенность, лежащая в основе рисков ЧФ, связана с неконтролируемым, а иногда и девиантным, поведением в той или иной, подчас критической, ситуации конкретного индивидуума, в которой одновременно присутствует и проявляется как физическая, так и психическая составляющие поведения. В свою очередь, в психической составляющей, так называемой духовной, обычно протекают осознанные и неосознанные процессы. В зависимости от того, к какой из указанных составляющих относятся причины неопределенности среды, где исследуются риски ЧФ, последние могут быть классифицированы следующим образом: физиологические, поведенческие, социально-общественные.

Физиологические риски ЧФ порождаются причинами, реализация которых обуславливает физиологические реакции и свойства организма конкретного индивидуума. К ним относятся такие причины наступления опасных событий, как плохое зрение, т. е. неспособность глаза приспособиться к инстинктивному физиологическому акту видения³, миопатия и миастения (мышечная слабость), различные заболевания и расстройства здоровья, и наконец, сюда же можно отнести прекращение всех физиологических процессов в организме, другими словами — уход из жизни, завершение жизненного цикла индивида.

Поведенческие риски ЧФ, в свою очередь, оказываются причинами воплощения решений и поступков конкретных сотрудников, действующих в качестве само-

¹[Электронный ресурс]. URL: <https://allinsurance.kz/training-center/2012-06-28-04-04-26/upravlenie-riskom-risk-menedzh-ment/risk-menedzh-ment/1773-232-riski-svyazannye-s-chelovecheskim-faktorom> (дата обращения: 06.05.2024).

²Выявленные последствия события, к которым вовлеченные лица осознанно не стремились в своих действиях.

³Если нормальное зрение называют соразмерным, или эмметропическим, то основными видами нарушения зрения человека являются дальтонизм, близорукость (миопия), дальновзоркость (гиперметропия), астигматизм и некоторые др.

стоятельного ЛПУР. В зависимости же от присутствия в поступках сотрудников воли и осознания последствий в подгруппе поведенческих рисков выделяются решения и поступки как мотивированные, что может быть установлено в ходе проведения юридико-технических процедур, так и немотивированные, когда ЛПУР совершает действия, которые имеют нежелательные последствия, в том числе для самого лица. В этих ситуациях принято считать, что происходящее носит случайный характер, они обладают некими стохастическими распределениями, а типичными представителями конкретной группы/категории причин (учтенных признаков-факторов, выступающих в качестве независимой переменной) могут служить рассеянность, всевозможные просчеты, ошибки, огрехи и упущения разного вида в работе.

Помимо биологических особенностей поведения того или иного ЛПУР, отдельно следует назвать группу так называемых *социально-общественных рисков*, которые непосредственно оказываются сопряженными с ЧФ и куда входят условия функционирования экономической среды в рассматриваемый период, а именно: общий уровень доходов семьи, размер заработной платы и бремя налогообложения, состояние рынка труда, качество системы здравоохранения и социальной защиты, ограничения в доступности к социальным стандартам, принятым в обществе и даже принадлежность к той или иной возрастной группе населения согласно теории поколений У. Штрауса — Н. Хау (Howe Neil; Strauss William) [29], признанной/принятой и для российских реалий¹.

Чаще всего категорию риска определяют как потенциально возможную опасность или угрозу. Однако состав риска ЧФ по существу — социально-психологического характера, включает в себя несколько его аспектов. С одной стороны, это риск потерь, сопровождающих наступление неблагоприятных событий в жизни человека, а в нашем случае ЛПУР, в качестве первой составляющей. При этом сложившиеся потери лично у ЛПУР и в его организации, где лицо сотрудничает, не всегда могут быть компенсированы его доходами и, более того, могут рассматриваться как упущенные возможности для всестороннего развития личности ЛПУР. С другой стороны, возможность получения какого-либо дарового трансферта для лиц, имеющих формальное право на него, но не отвечающих критериям эффективности участия в трудовом процессе и не соответствующих истинному положению дел у получателя, становится предельно прозрачной и сводится ко второй составляющей.

Третья составляющая заключается в гарантии максимального набора социальных услуг, необходимых для развития личности и обеспечиваемых государством, что способствует нормальному и безопасному функционированию общества/социума. Риск неполучения/недополучения минимального набора социальных стандартов сопровождается ограничением возможностей для комплексного развития личности. Например, отсутствие компьютерной и финансовой грамотности, системных навыков цифровизации и т. д. ограничивают доступ к информационным потокам, что может быть оценено как конкретная упущенная возможность индивидуального развития. Вместе с тем такие риски могут угрожать не только полноценному развитию конкретной личности как формату человеческого капитала, но и безопасности общества и/или хозяйствующего субъекта на микроуровне, где занято данное лицо, конкретный ненадежный имярек сотрудник, так сказать, принадлежащий к группе риска. Именно там требования к качеству человеческого капитала предполагаются наивысшими.

Четвертая составляющая социально-общественного риска ЧФ связана с доступностью населения к реформированию системы социальных институтов, функцио-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirapolis.ru/blog/bumery-millenyaly-i-zumery/> (дата обращения: 05.09.2024).

нирующих в обществе, своеобразному естественному отбору и совершенствованию лучших творческих инициатив. Эта составляющая связана также с достигнутым занятием в народном хозяйстве населением уровнем профессиональных компетенций, сформированными в результате полученного в разное время образования, усвоения специального знания, навыков, умений, владений в ходе переподготовки, повышения квалификации и т. д., а также предыдущего пребывания индивидуума в конкретной социальной среде и его бэкграунда.

Под собственно таксономией риска ЧФ следует понимать распределение риска на конкретные классификационные группы согласно определенным признакам-факторам для обстоятельного формулирования и достижения поставленных целей. Главное при этом выдержать чистоту и стабильность классификационного признака-фактора при заранее принятых критериях проведения типологической статистической группировки. При построении возможных классификаций рисков ЧФ может быть применен блочный принцип, что предполагает распределение компонентов человеческого риска по категориям, видам и подвидам, группам, подгруппам, семействам и другим классификационным уровням.

Классификация может быть построена по различным принципам и основаниям, например: общая (единая) и частная (блочная), по отраслевому и региональному признаку, с использованием и без использования какой-либо сводной характеристики в виде показателя, индикатора и т. д., но обязательно с параметризацией среды обитания анализируемой организации микроуровня как это зафиксировано блоком B_1 на рис. 3. Процесс детализации классификации рисков по блочному принципу со стороны человеческого фактора показан достаточно схематично на указанном рисунке, а синтез и/или детализация блоков при необходимости не составит затруднений на любом этапе пристального изучения природы рисков ЧФ.

В деятельности профильных научно-проектных и проектно-изыскательских организаций важнейшее практическое значение имеет анализ вопроса об источниках и причинах (признаках-факторах), детерминирующих существование риска ЧФ. Личностно-психологические факторы риска ЧФ, указанные в B_4 по группе немотивированных поступков и действий на рис. 3, также определяющие рыночную конкурентоспособность человеческого капитала на рынке труда, играют на микроуровне экономики все более заметную роль в современной производственно-экономической и финансово-сбытовой деятельности ЭС.

Такие свойства личности, как дисциплинированность, энергичность, деловитость, а также коммуникабельность, способность реагировать на внешнее воздействие и другие характерные признаки индивидуума, выступают важным агрегированным фактором эффективности использования человеческого капитала, особенно в наукоемких отраслях реального сектора экономики и сферы услуг. При этом теоретическое значение результатов статистического анализа по смежным секторам массива факторологического материала никоим образом не подвергается уменьшению.

Соприкосновение же с быстро меняющимися и постоянно обновляемыми условиями внешней и внутренней среды, которые ЛПУР зачастую не успевает предусмотреть и не готов их осознать, вынуждает оперативно принимать по новым ситуациям и задачам решения в положения цейтнота, подводя лицо к серьезной психологической проблеме в виде фобий — боязни каких-либо перемен и страха принять ошибочное решение. Фобии, в свою очередь, резко снижают не только возможности персональной памяти, но и оперативно-технический уровень располагаемого индивидуумом интеллекта в целом.

В расшифровке позиций блока B_4 на рис. 3 присутствует также фактор вмняемой инновационности, нуждающийся в должном комментарии, поскольку современное видение концепции психологического стресса позволяет рассма-

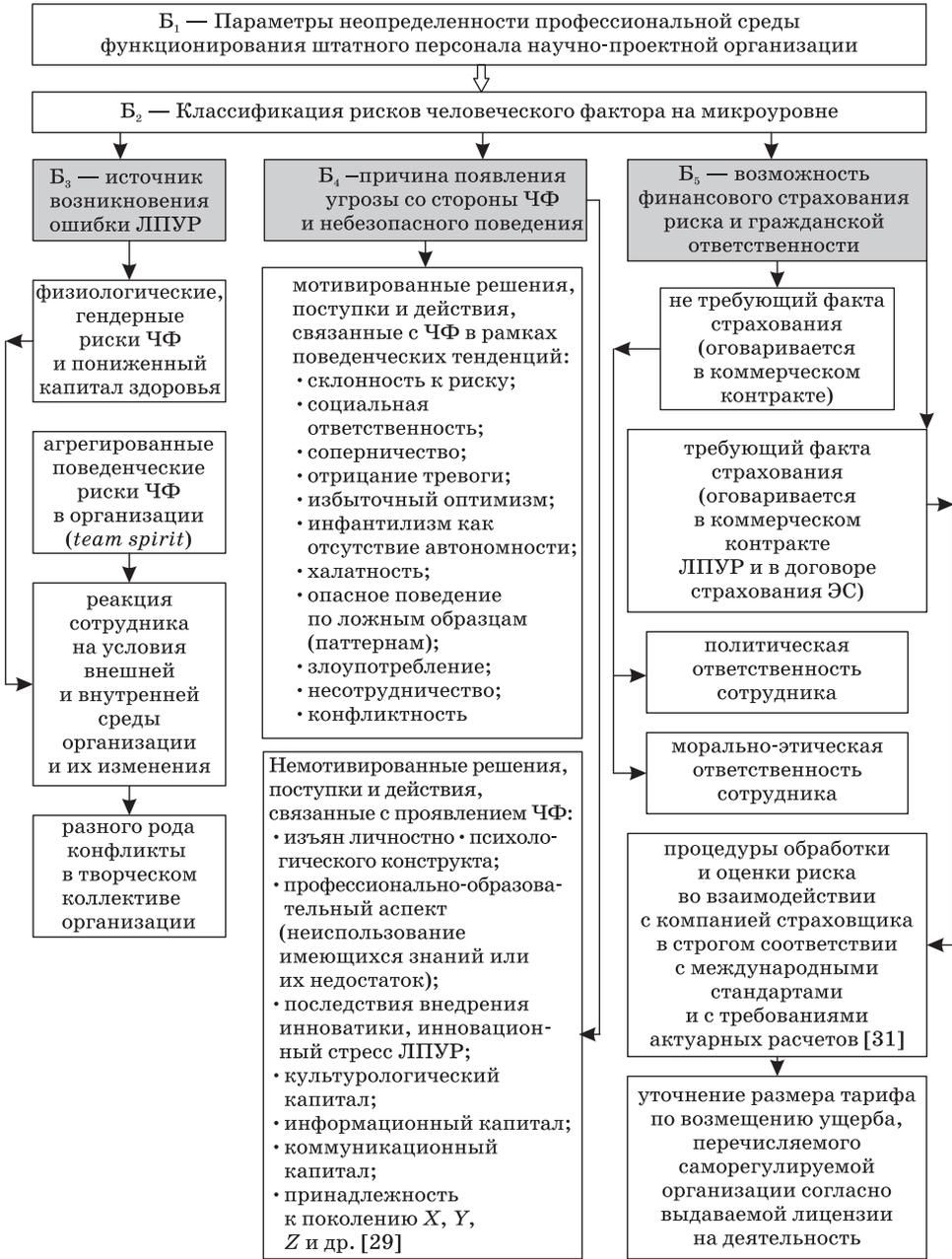

Рис. 3. Классификация рисков, связанных с воздействием субстрата ЧФ на эффективность проектно-изыскательской деятельности специализированной организации в сфере реставрационных работ

Fig. 3. Classification of risks associated with the impact of the human factor substrate on the efficiency of design and survey activities of a specialized organization in the field of restoration work

Составлено авторами.

тривать инновационные моменты как один из факторов невроза. Более того, любую инновацию можно трактовать как стресс, что предполагает формирование у индивидуума того или иного невроза, поскольку здесь участвуют, по крайней мере, два действующих изолированно признака-фактора — реакция личности на психическом уровне и реакция организма ЛПУР на физиологическом уровне.

В зависимости от силы и длительности инновационных воздействий, сочетания реакции личности ЛПУР и развитости компенсаторных механизмов его адаптации стресс как продукт влияния инновационного фактора может приобретать либо мобилизирующий характер, либо деструктивный и болезненный характер. Последняя разновидность известна в психологической литературе под названием стресс/дистресс [24, с. 50], что требует выявления и идентификации подобной угрозы, уязвимости ЛПУР и внедрения соответствующих мероприятий по блоку Б₅ на рис. 3.

Один из основных подходов в теории инновационных неврозов предполагает рассмотрение инновационного стресса (социально-общественные конфликты, изменения внешней и внутренней среды, кризисные явления и пр.) как явления, приводящего к возникновению различных вариантов психологического конфликта [25]. Внедрение новой техники, инновационных технологий (особенно базовых), материалов и услуг чаще всего означает для ЛПУР необходимость отказа от состояния привычного восприятия, от мема «старое-доброе», смены давно сформированных, но несколько устаревших общественных и социальных представлений, сложившихся профессиональных связей и обоймы коммуницированных контактов.

Спущенные «сверху» инновации зачастую вызывают явное или скрытое сопротивление, порой даже враждебную реакцию, которыми профессиональная среда нередко встречает иногда агрессивное наступление инноватики. И даже в случае консенсуса ее внедрение сопровождается латентным конфликтом, поскольку заставляет персонал приспособляться к обязательным и регламентным изменениям. Следовательно, конфликт также можно считать объективным источником возникновения риска ЧФ и тем самостоятельным признаком-фактором, что обязательно сопровождает инновационные процессы.

Личностно-психологические и коммуникационные факторы человеческого риска напрямую связаны с социально-производственными отношениями и конфликтами интересов между людьми. Они находят свое разрешение в форме преодоления конфликта по сложившимся канонам классической конфликтологии с возникновением новых конфликтов интересов и новых социально-производственных отношений, что проявляется в таком качестве человеческой природы, как *саморефлексия*. Другими словами, анализ индивидуумом своего ответственного поведения и внутреннего мира ведется для разрешения глубинных внутренних проблем, терзаний и поиска путей дальнейшего саморазвития. Отмеченные специфические качества ЧФ, как отмечают отдельные исследователи [21], оказываются той базой, что служит основой развития комплекса отношений между субъектом и объектом управления с целью адаптации последнего к вызовам внешних и внутренних перемен.

Фобии принятия неверного, ошибочного решения в связи с ограниченностью во времени, т.е. жесткими сроками проектирования соседствуют в блоке Б₄ на рис. 3 с информационной перегрузкой ЛПУР, что влечет за собой отсутствие понимания той ответственности, которую сам на себя возлагает ключевой сотрудник организации, выполняющий научно-проектные и проектно-изыскательские работы, согласно позициям должностной и функциональной инструкций, а также ведомственных методических рекомендаций [16].

Тот, кто не справляется с большей скоростью принятия решений, начинает проявлять симптомы боязни проявления каких-либо неизвестных прямых, косвенных и сопутствующих рисков, а собственно боязнь действий заставляет тормозить процесс принятия того или иного управленческого, инженерного или технического решения. На таком психосоматическом фоне начинают проявляться склонности к стойкому сопротивлению перед любыми более-менее существенными изменениями. Такое поведение индивидуума в Интернете и при восприятии информации в настоящее время серьезно изучается специалистами в области риск-менеджмента.

Целевой сбор необходимой информации для исследования рисков разной природы требует решения целого комплекса методологических проблем и методических вопросов по созданию информационной системы измерения, сопоставления, анализа и прогнозирования социально-общественных рисков на различных уровнях управления. Все это может быть осуществлено и в рамках ведомственной статистики при условии регулярного межведомственного информационного обмена. Отсутствие какой-либо теоретической основы и сложившейся, общепринятой системы технико-экономических и иных показателей не только осложняет формирование того и другого, но и затрудняет взаимосвязанный межведомственный анализ в режиме вышеупомянутой информационной диверсификации.

Интегрированное, взаимосвязанное использование информации различных ведомств открывает благоприятные перспективы для обстоятельного, комплексного и, главное, обоснованного измерения по единой методике и межведомственных сопоставлений системы рисков ЧФ при осуществлении, например, научно-проектных и проектно-изыскательских работ, где наблюдается заметная рискованная напряженность. Только в этом случае откроется перспектива разработки и последующего внедрения некоей интегрированной системы управления рисками.

Здесь возможны три подхода к интеграции межведомственной информации, которые полезно кратко осветить и которые будут осуществляться:

- на основе индивидуального подхода при анализе деятельности конкретной научно-проектной организации, т. е. выявление сотрудников с низкими показателями в широком смысле надежности;
- на основе изучения состава проводимых научно-проектной организацией реставрационно-строительных и иных работ;
- на основе результатов анализа персональных возможностей и человеческого капитала исполнителей на конкретных работах, что позволит обозначить направления развития личностных характеристик в области коммуникаций, эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости и прочих индивидуальных качеств.

Обсуждение

Система защиты от ошибок более эффективна в том случае, если она ориентирована не столько на контроль качества продукции и/или услуг, сколько на контроль качества процессов производства и/или оказания, комплексного сервиса, бизнес-процессов и их приоритизации. Накопленная статистика свидетельствует, что, несмотря на постоянные усилия, направленные на повышение безопасности, скажем, крупного и малого бизнеса, большинство инцидентов происходит по причине функциональной ненадежности человека. Поэтому сегодня главный акцент в профилактике и защите от рисков ЧФ должен быть сделан по защите сотрудника от ошибки, как это видят отдельные исследователи [14, с. 377–381], и авторы статьи присоединяются к подобному мнению.

С концептуальных позиций социального инжиниринга, методических и инструментальных задач угрозометрии, под социально-общественным риском понимает-

ся вероятность наступления событий, угрожающих нормальному воспроизводству человеческого капитала, физиологической и социально-экономической жизнедеятельности индивидуума, принадлежность к поколению конкретной возрастной группы населения. Так, по данным Росстата, в общем населении страны поколение X (икс, 1967–1984 гг. рождения) составляет 28,7%; Y (игрек, или миллениалы, 1984–2000 гг.) — 20,5%; Z (зет, или зумеры, 2000–2015 гг.) — 16,3%¹. Именно эти три группы из шести сложившихся и наблюдаемых социологами составляют основную массу соискателей на ту или иную должность в организации.

Мировоззренческие различия и расхождения в хрониках бэкграундов поколений X, Y и Z, являющиеся причинами угроз (см. Б₄ на рис. 3), могут быть чрезвычайно полезными как при поиске новых, нетривиальных решений рутинных задач, так и внедрения в организации базовых инноваций. Установлено, что в игровых и практических ситуациях *brain storm* участие представителей всех трех поколений в единой команде ведет к более качественному управленческому решению и дает более высокий результат нежели монокоманда, включающая представителей одного поколения. Работодатель, видящий плюсы в возрастном разнообразии своих сотрудников, может оказаться в заметно преимущественном положении.

К общим критериям социально-общественного риска специалисты обычно относят [26, с. 216]: вероятность — частоту (f — *frequency*) / частость, частотность (φ — *RF, frequency*) — наступления рискованной ситуации; продолжительность рискованной ситуации, т.е. период между ее наступлением и переходом к нормальным условиям, обычным условиям жизнедеятельности индивидуума, хозяйствующего субъекта, иного объекта исследования; уровень социальных гарантий в случае наступления рискованной ситуации; уровень материальной обеспеченности до наступления рискованной ситуации; величину персонального вклада в создание и реализацию рискованной ситуации; величину личного вклада в создание страховых фондов и погашения полного или частичного ущерба с позиций страхователя.

Более того, как это не покажется парадоксальным, но желание полностью устранить риск совершения, по разным причинам, нормальным, рациональным, логически мыслящим и разумным человеком ошибки представляется в отдельных сферах творческой и интеллектуальной деятельности неоправданной причудой. И здесь нельзя не согласиться с высказыванием из знаменитой работы: «Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может. Умен тот, кто делает ошибки, не очень существенные, и кто может и умеет легко и быстро исправлять их» [11, с. 86].

Однако человеческий мозг как уникальная информационная нейросеть настолько сложен, а алгоритмы человеческого поведения, как продукт поступательного мыслительного процесса, настолько непредсказуемы, что поступки индивидуума в конструкции субстрата ЧФ зачастую могут оказаться просто иррациональными, поэтому исправлять ошибки не только можно, на них непременно следует учиться.

Как исповедовали и завещали нам представители философской школы киников в виде, разумеется, шуточной сентенции, сводящейся к тому, что собственный опыт помогает избежать повторения ошибок в седьмой раз. Так, в реализуемых в настоящее время повсеместно концепциях инновационной политики одним из составляющих/ключевых ее аспектов оказывается так называемый метод проб и ошибок. Лучшие отечественные и зарубежные практики деятельности ИТ-компаний и успешный опыт трансформации их рыночного бизнеса в жестко конкурентных условиях свидетельствуют о том, что в подлинно инновационных средах, предполагающих наличие высочайшего креативного потенциала, любому индивидууму дозволено совершать ошибки определенной тяжести.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirapolis.ru/blog/bumery-millenialy-i-zumery/> (дата обращения: 05.09.2024).

Выводы

По материалу данной статьи по теме исследования можно сделать пять достаточно кратких, но, все-таки, промежуточных выводов.

1. В повседневной научной, проектной, инженерной и т.п. деятельности ЛПУР при принятии всевозможных решений в недостаточно транспарентной производственной среде может столкнуться с явной неопределенностью последствий своих, подчас ошибочных действий в режиме уже состоявшихся рисков. Содержательное разъяснение многомерной матрицы подобной неопределенности, исследование неизвестных пространств состояний, сущностного (сугевого) их наполнения и достоверное измерение множественности рисков, как полагают авторы статьи, удастся, если всякий раз применять методологию индуктивной логики. Последняя приобрела современную форму вероятностной логики, подкрепленной добротным измерительным инструментарием, например *IV – Instrumental Variables*, другими статистическими техниками и методами.

2. Коррекция изменения поведения ЛПУР в научно-проектной или проектно-исследовательской организации в сфере планирования и управления реставрационно-строительными работами возможна при выполнении ряда требований, в частности, снижения прямых промахов и ошибок, доля которых даже в регламентированной, стабильной и высоко организованной системе менеджмента достигает 5,0÷10%. При абсолютной же невозможности их полного устранения из повседневной деятельности творческой индустрии понижение уровня ошибок реально при переходе на подконтрольные/поднадзорные регламенты автоматизированной разработки проектов и технологий, строго придерживаясь риск-центрированного подхода, ориентированного на минимизацию прогнозируемого прямого и косвенного видов ущерба. Последнее в обязательном порядке должно повлиять на соразмерное уменьшение размера тарифа, перечисляемого отраслевой саморегулируемой организацией.

3. Разрабатывать в научно-проектной и проектно-исследовательской организации интегрированную систему измерения рисков ЧФ и технологию управления ими невозможно без глубокого и фундаментального понимания причин человеческого поведения и всесторонней оценки серьезности любых ошибочных действий ЛПУР, адекватной оценки восприятия сущности этих рисков. В противном случае любой ЭС невольно сформирует собственные дополнительные риски профессионального толка, ассортиментно-номенклатурных свойств и аффилированных особенностей пребывания ЭС в отраслевой рыночной и/или квазирыночной среде.

4. И здесь заслуживает особого внимания возможность блокировки появления ошибочных решений в тех научно-проектных работах, выполнение которых так или иначе будет связано с расширением масштабов применения искусственного интеллекта и технологий роботизации из ареала возможностей творческого проектирования. И хотя отдача на капитал, инвестированный в разработку искусственного интеллекта в тех же США пока невелика, чураться наработанного зарубежного опыта при решении обозначенных проблем в этом случае непродуктивно, а руководству ЭС необходимо сосредоточиться на превращении родной научно-проектной организации в площадку опережающего развития и, соответственно, квалифицированного разрешения на базе выверенной статистики уростометрического комплекса узкопрофессиональных проблем функционирования на рынке реставрационных работ ОНКН.

5. И наконец, авторы статьи настоятельно рекомендуют разработчикам в области продвинутых инновационных и цифровых технологий особое внимание обращать на якобы безрисковые алгоритмы поведения роботов-исполнителей, создаваемых повсеместно с помощью искусственного интеллекта. Такие, по существу, нейросетевые алгоритмы, разумеется, в большинстве случаев могут оказаться конгру-

энтными базовому антропоморфизму, страдающему уязвимостью, незащищенностью и склонностью к ошибочному поведению. Такие опасения имеют право на существование в связи с появившимися сообщениями об успехах некоторых отечественных научных центров в создании образцов нейроморфной микроэлектроники, в которых фундаментальные интегральные цепи и нейроморфные процессы повторяют структуры человеческого мозга и где-то совпадают с ними. И хотя кажущиеся и спорные достижения нейроморфного инжиниринга известны давно, тайны человеческого мозга до сих пор и до конца не разгаданы, а стало быть, ошибки со стороны ЧФ не истребимы.

Литература

1. Батанова С. В. Проблема надежности строительных организаций и пути ее решения // Актуальные проблемы управления экономикой региона: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. 17–18 апреля 2008 г. СПб. : СПбГИЭУ, 2008. 432 с.
2. Богатырев И. С., Цацулин А. Н. Еще раз о проблемах сохранения недвижимого культурного наследия с позиций коллективного и индивидуального потребительского восприятия // Управленческое консультирование. 2024. № 1. С. 174–193.
3. Булочников П. А., Виноградов Д. В. Концептуальные положения регулирования инвестиционной активности в регионе // Актуальные проблемы управления экономикой региона: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. 17–18 апреля 2008 г. СПб. : СПбГИЭУ, 2008. 432 с.
4. Горский М. А., Лабскер Л. Г. Синтетический критерий Вальда-Сэвиджа для игры с природой и его экономические приложения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 4–2. С. 179–193.
5. Ильинская Т. И. Теоретические основы формирования и обеспечения конкурентоспособности человеческого капитала в экономических системах инновационного типа // Автореферат канд. диссер. СПбГЭУ, 2010. 22 с.
6. Карданская Н. Л. Принятие решений. Изд. 3-е, дополн. М. : Юнити-Дана, 2017. 440 с.
7. Касьяненко Т. Г. Методы качественного анализа в системе управления инвестиционными рисками // Актуальные проблемы управления экономикой региона: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф. 17–18 апреля 2008 г. СПб. : СПбГИЭУ, 2008. 432 с.
8. Кашина О. Н. Концептуальные принципы и подходы к измерению и прогнозированию социальных рисков и построению социальной безопасности // Вопросы статистики. 2004. № 4. С. 43–49.
9. Колганов А. И., Бузгалин А. В. Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. М. : ИНФРА-М, 2005. 746 с.
10. Кордович В. И. Методика измерения влияния диверсификации на снижение колебаний результатов производства и их рисков // Вопросы статистики. 2008. № 6. С. 70–71.
11. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ПСС, 5-е изд. Т. 41. М. : Политиздат, 1981.
12. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии». ПСС, 5-е изд. Т. 29. М. : Политиздат, 1974. С. 227.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Категории диалектики. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. 2. С. 384.
14. Олинович Н. А. Система защиты от ошибок как один из методов обеспечения безопасности движения / Инновационная экономика и промышленная политика региона (Экопром-2010). Т. 2. СПб. : Изд-во СПбПУ, 2010. 532 с.
15. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. М. : Издательский дом «Вильямс», 2006. 1408 с.
16. РНИП-4.05.01-93. Методические рекомендации по определению стоимости научно-проектных работ для реставрации памятников истории и культуры. М., 1992.
17. Семерькова М. М. Разработка системы минимизации рисков предпринимательских структур / автореферат канд. дисс. СПб. : БАТИП, 2005. 24 с.
18. Смирнов М. Ответственный сотрудник // Научно-практический журнал по вопросам управления персоналом «Персонал Микс». 2002. № 1 (8). С. 70–72.

19. *Третьяков В. П.* Психология безопасности эксплуатации АЭС. М. : Энергоатомиздат, 1993. 178 с.
20. *Туманишвили Д. Г.* Из практики классификации аварий // «Энергетические станции», 1932. № 6. С. 32–42.
21. *Ушанов П. В.* Роль человеческого фактора в формировании рисков деструктивного развития жизненного цикла предприятия / «Стратегические решения и риск-менеджмент». 2011. № 3. С. 80–85.
22. *Хант К., Кривошапка И.* Человеческий фактор: как управлять этим риском / «Риск-менеджмент. Практика», 2020. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://risk-practice.ru/magazine/116/> (дата обращения: 03.05.2024).
23. *Цацулин А. Н., Быков А. И.* Анализ хозяйственной деятельности предприятий реального сектора экономики и финансовых организаций / 6-е изд., испр. и доп. / под ред. чл.-корр. РАН И. И. Елисейевой. СПб. : Астерион, 2023. 516 с.
24. *Чепрасов В. Ю.* Адаптация государственных служащих к деятельности в условиях психологической перегрузки // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 48–55.
25. *Щербатых Ю. В.* Психология стресса и методы коррекции / 2-е изд., испр. и доп. СПб : Издательский дом «Питер», 2012. 258 с.
26. *Юкаева В. С., Зубарева Е. В., Чувикова В. В.* Принятие управленческих решений: Учебник. М. : Дашков и К, 2016. 324 с.
27. *Badiou A.* Being and Event. London, New York : Continuum, 2007. 526 p.
28. *Frantz J. P., Rhoades T. P.* Human Factors: A Task-Analytic Approach to the Temporal and Spatial Placement of Product Warnings // Human Factors. 1993. N 35 (4). P. 719–730.
29. *Howe N., Strauss W.* Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus (2nd ed.). Great Falls : Life Course Associates, 2008. ISBN 978-0-9712606-1-0
30. *Savage L. J.* The writings of Leonard Jimmie Savage: a memorial selection. Washington : The American statistical association and the Institute of mathematical statistics, 1981. 432 p.
31. Standards of international organizations: ISO/IEC 27102:2019 “Information security management — Guidelines for cyber-insurance” [Электронный ресурс]. URL: <http://rusrim.blogspot.com/2019/11/isoiec-271022019.html>. (accessed: 21.11.2024).

Об авторах:

Богатырев Илья Сергеевич, руководитель группы проектировщиков Санкт-Петербургского научно-исследовательского и проектного института «Спецреставрация» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ibogatyrev@yandex.ru

Цацулин Александр Николаевич, Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Национальной академии туризма, действительный член Европейской академии естественных наук (Ганновер, ФРГ); vash_64@mail.ru. ORCID: 00000002-3725-9871.

References

1. *Batanova S. V.* The problem of reliability of construction organizations and ways to solve it / Current problems of regional economic management: materials of the V All-Russian scientific and practical. conf. April 17–18, 2008. Saint Petersburg : SPbGIEU, 2008. 432 p. (In Russ.)
2. *Bogatyrev I. S., Tsatsulin A. N.* Once again about the problems of preserving real estate cultural heritage from the standpoint of collective and individual consumer perception // “Management Consulting”, 2024. N 1. P. 174–193. (In Russ.)
3. *Bulochnikov P. A., Vinogradov D. V.* Conceptual provisions for regulating investment activity in the region / Current problems of managing the economy of the region: materials of the V All-Russian scientific and practical. conf. April 17–18, 2008. Saint Petersburg : SPbGIEU, 2008. 432 p. (In Russ.)
4. *Gorsky M. A., Labsker L. G.* Synthetic Wald-Savage criterion for playing with nature and its economic applications / Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. N 4–2. P. 179–193. (In Russ.)

5. Ilyinskaya T.I. Theoretical foundations of the formation and provision of competitiveness of human capital in economic systems of innovation type / Abstract of Ph.D. dissertation Saint Petersburg State Economic University, 2010. 22 p.
6. Kardanskaya N. L. Decision making. Ed. 3rd, additional Moscow : Unity-Dana, 2017. 440 p. (In Russ.)
7. Kasyanenko T.G. Methods of qualitative analysis in the investment risk management system / Current problems of regional economic management: materials of the V All-Russian scientific and practical. conf. April 17–18, 2008. Saint Petersburg : SPbGIEU, 2008. 432 p. (In Russ.)
8. Kashina O. N. Conceptual principles and approaches to measuring and forecasting social risks and building social security / Questions of Statistics. 2004. N 4. P. 43–49. (In Russ.)
9. Kolganov A. I., Buzgalin A.V. Economic comparative studies: comparative analysis of economic systems. Moscow : INFRA-M, 2005. 746 p. (In Russ.)
10. Kordovich V.I. Methodology for measuring the impact of diversification on reducing fluctuations in production results and their risks / Questions of Statistics. 2008. N 6. P. 70–71. (In Russ.)
11. Lenin V.I. Childhood disease of “leftism” in communism. PSS. 5th ed. Vol. 41. Moscow : Politizdat, 1981. (In Russ.)
12. Lenin V.I. Synopsis of Hegel’s book “Lectures on the History of Philosophy”. PSS. 5th ed. Vol. 29. Moscow : Politizdat, 1974. P. 227. (In Russ.)
13. Marx K., Engels F. Categories of dialectics. Op. 2nd ed. Vol. 25. P. 2. P. 384. (In Russ.)
14. Olinovich N.A. Error protection system as one of the methods for ensuring traffic safety / Innovative economics and industrial policy of the region (Eco-industrial-2010). Vol. 2. Saint Petersburg : SPbPU Publishing House, 2010. 532 p. (In Russ.)
15. Russel S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach / 2th ed. Prentice Hall. Upper Saddle River, New Jersey 07458. (In Russ.)
16. RNIП-4.05.01-93. Methodological recommendations for determining the cost of scientific and design work for the restoration of historical and cultural monuments. 1992. (In Russ.)
17. Semerkova M.M. Development of a system for minimizing the risks of entrepreneurial structures / authoref. candidate’s abstract dissertations. Saint Petersburg : BATIP, 2005. 24 p. (In Russ.)
18. Smirnov M. Responsible employee // Scientific and practical journal on personnel management “Personnel Mix”, 2002. N 1 (8). P. 70–72. (In Russ.)
19. Tretyakov V.P. Psychology of safety of nuclear power plant operation. Moscow : Energoatomizdat, 1993. 178 p. (In Russ.)
20. Tumanishvili D.G. From the practice of accident classification // “Power Stations”. 1932. N 6. P. 32–42. (In Russ.)
21. Ushanov P.V. The role of the human factor in the formation of risks of destructive development of the life cycle of an enterprise / “Strategic decisions and risk management”. 2011. N 3. P. 80–85. (In Russ.)
22. Hunt K., Krivoschapka I. Human factor: how to manage this risk / “Risk Management. Practice”, 2020, N 3. [Electronic resource]. URL: <https://risk-practice.ru/magazine/116/> (accessed: 05.03.2024). (In Russ.)
23. Tsatsulin A. N., Bykov A.I. Analysis of economic activity of enterprises in the real sector of the economy and financial organizations. 6th ed, cor. and ad. / ed. corresponding member RAS I.I. Eliseeva. Saint Petersburg : Asterion, 2023. 516 p. (In Russ.)
24. Cheprasov V. Yu. Adaptation of civil servants to activities in conditions of psychological overload // Administrative consulting. 2011. N 4. P. 48–55. (In Russ.)
25. Shcherbatykh Yu. V. Psychology of stress and correction methods / 2nd ed., corrected. and supplemented. Saint Petersburg : Publishing House “Peter”, 2012. 258 p. (In Russ.)
26. Yukaeva V.S., Zubareva E.V., Chuvikova V.V. Making management decisions / Textbook. Moscow : Dashkov i K, 2016. 324 p. (In Russ.)
27. Badiou A. Being and Event. London, New York : Continuum, 2007. 526 p.
28. Frantz J. P., Rhoades T.P. Human Factors: A Task-Analytic Approach to the Temporal and Spatial Placement of Product Warnings // Human Factors. 1993. N 35 (4). P. 719–730.
29. Howe N., Strauss W. Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus (2nd ed.). Great Falls : Life Course Associates, 2008. ISBN 978-0-9712606-1-0
30. Savage L.J. The writings of Leonard Jimmie Savage: a memorial selection. Washington : The American statistical association and the Institute of mathematical statistics, 1981. 432 p.

31. Standards of international organizations: ISO/IEC 27102:2019 “Information security management — Guidelines for cyber-insurance” [Electronic resource]. URL: <http://rusrim.blogspot.com/2019/11/isoiec-271022019.html>. (accessed: 21.11.2024).

About the authors:

Ilya S. Bogatyrev, Head of the design team of the St. Petersburg Research and Design Institute “Special Restoration” (St. Petersburg, Russian Federation); ibogatyrev@yandex.ru

Alexander N. Tsatsulin, St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, full member of the National Academy of Tourism, full member of the European Academy of Natural Sciences (Hanover, Germany); vash_64@mail.ru

МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски

Часть 1

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

К настоящему времени в России опубликовано немного обобщающих исследований, нацеленных на выявление явных и скрытых геополитических рисков и вызовов проекту МТКСЮ. В научной среде еще не сложилось общего представления об их фактической и мнимой значимости, остроте, взаимосвязях и взаимообусловленности. Это не удивительно по причине того, что руководство страны лишь недавно пришло к пониманию стратегической важности и геоэкономической значимости МТКСЮ. Поскольку изначально главное внимание ведущих участников проекта — России, Азербайджана и Ирана — было приковано к «западной ветке» МТКСЮ, именно на этот маршрут пришлось внешнеполитические вызовы со стороны США и ЕС, Турции, Индии и Китая, а также Пакистана, республик Центральной Азии и Армении. При этом главная опасность согласованной работе РФ, Азербайджана и Ирана в рамках проекта исходит от США и их союзников по НАТО. Не скрывая своей враждебности к РФ, Ирану и Китаю, они прилагают усилия по вовлечению Азербайджана и других бывших республик СССР в свою геополитическую игру на Южном Кавказе. Определенное влияние на поведение Баку оказывают турецкие «пантюркисты», стремящиеся переключить его внимание на проект ТМТМ. При этом им импонирует то, что он пользуется поддержкой Запада. К числу геополитических вызовов и рисков следует отнести азербайджано-иранские и азербайджано-индийские противоречия, конкуренцию Индии с Китаем и Пакистаном в Центральной Азии, претензию Армении на создание параллельной МТКСЮ транспортной инфраструктуры. В статье объясняется подоплека и масштаб всех этих вызовов и рисков для России и проекта МТКСЮ в целом, их основательность, мнимая и фактическая острота. По мнению автора, главный вызов (фактически — угроза) проекту сегодня исходит от США, которые активизировали свое участие в замирении Баку и Еревана. В этой связи настораживает стремление Вашингтона к вытеснению РФ из Армении и превращению ее в подконтрольное Западу государство, а также к заключению сделки с Турцией и Азербайджаном за счет Армении путем принудительного осуществления «Зангезурского проекта».

Ключевые слова: МТКСЮ, Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), Центральная Азия, Организация тюркских государств (ОТГ), Евросоюз, геополитические риски

Для цитирования: Шумилов М. М. МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 176–195.

INSTC: Geopolitical Challenges and Risks.

Part 1

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

To date, not enough generalizing studies have been published in Russia aimed at identifying obvious and hidden geopolitical risks to the INSTC project. The scientific community has not yet developed a general understanding of their actual and imaginary significance, acuteness, interrelationships and interdependence. This is not surprising since the country's leadership has only recently come to understand the strategic importance and geo-economic significance of INSTC. Since initially the main attention of the leading participants of the project — Russia, Azerbaijan and Iran — was focused on the “western branch line” of the INSTC, it was on this route that the foreign policy challenges from the United States and the EU, Turkey, India and China, as well as Pakistan, the republics of Central Asia and Armenia. At the same time, the main danger to the coordinated work of the Russian Federation, Azerbaijan and Iran within the framework of the project comes from the United States and its NATO allies. Without hiding their hostility to the Russian Federation, Iran and China, they are making efforts to involve Azerbaijan and other former Soviet republics in their geopolitical game in the South Caucasus. Turkish “pan-Turkists” have a certain influence on Baku's behavior, seeking to shift its attention to the TITR project. In this case, they are impressed by the fact that it enjoys the support of the West. The geopolitical challenges and risks include the Azerbaijani Iranian and Azerbaijani-Indian contradictions, India's competition with China and Pakistan in Central Asia, and Armenia's claim to create a parallel to INSTC transport infrastructure. The article explains the background and scale of all these challenges and risks for Russia and the INSTC project, their thoroughness, imaginary and actual severity. According to the author, the main challenge (in fact, a threat) to the project today comes from the United States, which has intensified its participation in the reconciliation of Baku and Yerevan. In this regard, Washington's desire to oust the Russian Federation from Armenia and turn it into a state controlled by the West, as well as to conclude a deal with Turkey and Azerbaijan at the expense of Armenia by forcibly implementing the Zangezur transport corridor project, is alarming.

Keywords: INSTC, Trans-Caspian International Transport Route, TITR, Central Asia, Organization of Turkic States OTS, European Union, Geopolitical risks

For citing: Shumilov M. M. INSTC: Geopolitical Challenges and Risks. Part 1) // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 176–195.

Введение

Идея создания мультимодального (участвуют все виды транспорта) международного транспортного коридора «Север — Юг» (МТКСЮ, INSTC), сокращающего по сравнению с Суэцким каналом расстояние и время перевозки грузов между странами Европы, Центральной, Западной и Южной Азии, Восточной Африки и Ближнего Востока, возникла в конце 1990-х гг. Ее удалось материализовать 12 сентября 2000 г. на Второй Международной евроазиатской конференции по транспорту в Санкт-Петербурге, где Россия, Иран и Индия подписали межправительственное соглашение о прокладке 7200 км маршрута от порта Усть-Луга, находящегося на берегу Финского залива под Санкт-Петербургом, до индийского порта им. Джавахарлала Неру (Нава-Шева) на юге Мумбаи через иранский глубоководный порт Бендер-Аббас в Персидском заливе.

К весне 2002 г. соглашение было ратифицировано всеми странами-участницами и вступило в силу¹. В мае того же года министры транспорта трех стран в Санкт-Петербурге подписали протокол об официальном открытии МТКСЮ. Позднее к соглашению примкнули еще 11 стран: Республика Армения (РА), Азербайджанская Республика (АР), Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Турция, Украина, Белоруссия,

¹ В конце 2001 г. Соглашение было одобрено Правительством РФ и внесено на ратификацию. В феврале 2002 г. Государственная Дума России и Совет Федерации приняли Федеральный закон о ратификации Соглашения о международном транспортном коридоре «Север-Юг», который 12 марта того же года подписал Президент России.

Оман, Сирия и Болгария. Летом 2023 г. Россия дала согласие на присоединение к нему Туркмении, о чем уведомила Иран¹. В октябре того же года Россия и Узбекистан договорились о развитии грузовых перевозок по МТК «Узбекистан — Туркменистан — Каспийское море — Россия», что означало фактическое подключение Ташкента к МТКСЮ².

Руководящим органом МТКСЮ выступает Координационный совет, действующий на основании устава, утвержденного в мае 2002 г. На его пятом заседании в Баку 24–25 июня 2013 г. с участием представителей Азербайджана, Беларуси, Индии, Казахстана, России, Сирии и Турции было решено образовать в Тегеране Эксплуатационное управление МТКСЮ. Одновременно участники встречи договорились создать совместное предприятие для обеспечения логистического сопровождения перевозок посредством применения услуги «одного окна» и сформировать рабочую группу по таможенным вопросам для выработки предложений по упрощению таможенных процедур³.

Примечательно, что с самого начала транспортно-логистическая инфраструктура МТКСЮ развивается в трех направлениях: 1) восточном — по железной дороге из России через Казахстан, Туркмению с выходом на железнодорожную сеть Исламской Республики Иран (ИРИ); 2) центральном (транскаспийском) — от российских портов в Астрахани, Оле и Махачкале до иранских Бендер-Энзели, Амирабада, Ноушехра и др.; 3) западном — железнодорожным и автомобильным транспортом из России через АР в ИРИ с использованием участка Решт — Астара. Все три направления обеспечивают транзит грузопотоков из Европы через Россию, Азербайджан, Центральную Азию (ЦА) и Иран в Индию, страны Персидского залива и Африки.

Поскольку на протяжении почти 20 лет МТКСЮ находился на периферии большой политики, исследовательский интерес к нему тоже был ограниченным. Его проявляли в основном представители журналистского сообщества, да и то почти исключительно в связи с отдельными локальными успехами в реализации проекта.

Действительно, до начала украинского кризиса в 2014 г. и вступления России в войну с ИГИЛ на территории Сирии в 2015 г. работы по обустройству МТКСЮ протекали медленно и были не очень результативными. Сказывались недостаточная заинтересованность России в торговле с Индией и ужесточение западных санкций против Ирана [4, с. 31; 6, с. 213]. Аналогичным образом вела себя Индия. Ведь даже в 2015–2016 гг. в ее экспорте доля стран СНГ составляла всего 0,91%, а в импорте — 2%; причем на долю России приходилось около 65% торговли Индии со странами СНГ⁴.

Только с появлением в 2013 г. китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), считают российские авторы А. Г. и М. А. Володиных, Индия всерьез обеспокоилась тем, чтобы «уравновесить влияние Китая развитием если не альтернативных, то дополнительных транспортных проектов» [4, с. 31]. Их коллеги-международники С. И. Лунев

¹ Россия согласилась на присоединение Туркмении к соглашению по коридору Север-Юг // ТАСС. 2023. 11 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18248945> (дата обращения: 01.07.2024).

² Россия и Узбекистан будут развивать грузовые перевозки через Каспийское море // TRANS.RU. 2023. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://trans.ru/news/rossiya-i-uzbekistan-budut-razvivat-gruzovye-perevozki-cherez-kaspiiskoe-more> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Международный транспортный коридор «Север-Юг» // МИД РФ. 2016. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456/ (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Ашхабадское соглашение: краткий анализ // Катехон. 2021. 27 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/ashhabadskoe-soglashenie-kratkiy-analiz> (дата обращения: 01.07.2024).

и В. И. Юртаев указывают на 2014 г., когда, по их мнению, случился прилив заинтересованности Ирана и Индии к сотрудничеству в рамках МТКСЮ [7, с. 125–126].

Тестовый рейс по маршруту, совершенный в 2014 г., показал обнадеживающий результат — немногим более 20 дней, что соответствовало ожиданиям Федерации ассоциаций экспедиторов Индии [20]. Первая грузовая контейнерная поставка из Индии в Россию через Иран состоялась в 2016 г. Комментируя эту «опытную перевозку», заместитель министра транспорта РФ А. С. Цыденов подчеркивал, что она «не отклонилась от плановых параметров». Единственным выявленным недостатком, увеличившим транзитное время, была отмечена «необходимость переоформления документов на пути следования», в связи с чем ставилась задача по формированию единого перевозочного документа¹.

Однако дальше демонстрации единичных успехов дело тогда не продвинулось. Более того, в научной литературе высказывалось мнение о вспомогательном («перехватывающем») значении направления «Север — Юг» для транспортных маршрутов, связывающих Азию и Европу по направлению «Восток-Запад» [16, с. 244].

По мере актуализации проблематики, связанной с проектом МТКСЮ, на рубеже 2010–2020-х гг. заметно увеличилось количество исследований по различным аспектам заявленной темы. Так, эксперты Евразийского банка развития (ЕАБР) стремились оценить грузовой потенциал МТКСЮ, прежде всего, в контексте взаимодействия России со странами ЦА и Южного Кавказа, а также Ираном и Индией. Высказываясь о перспективах МТКСЮ, они верно указали на его пересечение с большинством широтных транспортных коридоров, используемых для международных перевозок с Востока на Запад и в обратном направлении, возможность преобразования коридора в полноценную евразийскую транспортную магистраль [11; 21].

Незадолго до начала специальной военной операции (СВО) появилась обобщающая статья экс-главы правительства Астраханской области (2005–2017) К. А. Маркелова с историческим и геополитическим акцентом, в которой автор прозорливо определил главной целью МТКСЮ «ослабление позиции англосаксонского мира на международной арене» [9]. Отдельные авторы стремились показать влияние коридора на формирование Большого Евразийского партнерства [2; 10; 15].

В условиях переориентации российской политики и геэкономической стратегии на юго-восток количество публикаций заметно возросло. В их числе следует отметить исследование старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН В. И. Сажина, который не только подчеркнул преимущество транзитной роли России в проекте, но также попытался выявить и систематизировать основные препятствия для развития перевозок по коридору². В этом плане его работу удачно дополняет статья советника Центра анализа международных отношений Розы Байрамлы (Азербайджан), которая одновременно затронула проблемные вопросы азербайджанского участия в проекте³.

В геополитическом плане главное внимание авторов оказалось сосредоточено на проблемных вопросах участия в проекте Индии и Ирана в их взаимоотношении

¹ Минтранс: первая перевозка по коридору «Север-Юг» через Иран прошла успешно // ТАСС. 2016. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/3752097> (дата обращения: 01.07.2024).

² Сажин В. И. К вопросу о МТК «Север-Юг» — проблемы и перспективы // Международная жизнь. 2022. 26 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/36291> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Байрамлы Р. МТК «Север-Юг» и его влияние на развитие отношений Азербайджана и России // РСМД. 2024. 10 января [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/mtk-sever-yug-i-ego-vliyanie-na-razvitiye-otnosheniy-azerbaydzhana-i-rossii/> (дата обращения: 01.07.2024).

ях с РФ и КНР [3–5; 7; 13; 14; 18; 22]¹. В меньшей степени исследователи интересовались влиянием на МТКСЮ западных санкций [12], а также китайской инициативы ОПОП, в рамках которой осуществляется прокладка транспортного коридора «Восток-Запад» [1; 12; 19].

Анализ опубликованных трудов позволяет утверждать, что к настоящему времени еще не появилось обобщающих исследований, раскрывающих полную совокупность явных и скрытых геополитических вызовов и рисков проекту МТКСЮ. В научной среде не сложилось комплексного представления об их фактической и мнимой важности, остроте, взаимосвязях и взаимообусловленности. Вместе с тем в условиях СВО происходит усиление влияния геополитического фактора на поведение участников МТКСЮ, их готовность содействовать его продвижению, а также тональность и направленность сопутствующих экспертных оценок и практических рекомендаций. Следовательно, прояснение ситуации с вызовами и угрозами МТКСЮ приближает нас к формированию адекватного представления о его значении и перспективах для Российской Федерации и Большой Евразии.

Партнерство РФ, АР и ИРИ в освоении «западной ветки» МТКСЮ (2004–2019)

До конца 2010-х гг. финансирование проекта МТКСЮ осуществлялось в основном за счет главных заинтересованных стран — России, Азербайджана, Ирана и Индии. При этом в отечественной историографии сложилось мнение о том, что российское инвестиционное участие в нем было в основном сосредоточено на центральном (транскаспийском) направлении, которое считалось «приоритетным». Следовательно, западный маршрут, проходивший через Азербайджан, хотя и не отвергался, но устраивал Россию «не полностью» [4, с. 38–39]. Его главной проблемой оставался недостроенный участок железной дороги Решт — Астара на территории Ирана.

Исходя из современных реалий, изложенный подход требует переосмысления. Начнем с того, что еще в 2004 г. Россия, Азербайджан и Иран подписали меморандум о прокладке железной дороги Казвин — Решт — Астара (Иран) — Астара (Азербайджан) — важного участка МТКСЮ протяженностью 400 км. Согласно проекту, предполагалось связать через Азербайджан российскую сеть железных дорог с иранским портом Бендер-Аббас. В следующем году Азербайджан присоединился к соглашению МТКСЮ. Тогда же Россия, Азербайджан и Иран заключили до-

¹ Каледжи В. Расширение морской торговли между Ираном и Россией на Каспии: возможности и вызовы // Валдай. 2023. 17 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rasshirenie-morskoj-torgovli-mezhdu-iranom-i-rossiey/> (дата обращения: 01.07.2024); Каледжи В. Сотрудничество Ирана и России в строительстве маршрута Решт — Астара // Валдай. 2023. 30 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/stroitelstvomarshruta-resht-astara/> (дата обращения: 01.07.2024); Каледжи В. Транзитный проект порта Чахбехар: восточное крыло международного транспортного коридора «Север-Юг» // Валдай. 2023. 19 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tranzitnyy-proekt-porta-chakhbekhar/> (дата обращения: 01.07.2024); Караваев А. Каспийско-трансперсидская магистраль: прогнозируемые параметры сегментов МТК «Север-Юг» до 2030 года // КИСИ. 2023. 29 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://caspien.institute/product/karavaev-aleksandr/kaspijsko-transpersidskaya-magistral-prognoziruemye-parametry-segmentov-mtk-sever-yug-do-2030-goda-38420.shtml> (дата обращения: 01.07.2024); Кунду Н. Д. Международный транспортный коридор «Север-Юг»: улучшение региональной сопряженности Индии // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 2024. 24 января [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/koridor-sever-yug-india/> (дата обращения: 01.07.2024); Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север-Юг» и его значение для Ирана // РСМД. 2023. 26 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug-i-ego-znachenie-dlya-irana/> (дата обращения: 01.07.2024).

говор о строительстве линии, включавшей проблемный участок Решт — Астара¹.

Со всей определенностью можно сказать, что в то время участники проекта плохо представляли себе всю его сложность. Так, по предложению первого президента ОАО «РЖД» Г. М. Фадеева (2003–2005), новую трассу планировали построить за два года². На деле же только 29 марта 2008 г. сторонам удалось согласовать условия создания консорциума по строительству, и железнодорожные ведомства трех стран подписали меморандум о взаимопонимании³. В том же году, планируя завершить дорожные работы в 2012 г., они договорились до 15 августа создать консорциум по проекту строительства железной дороги⁴. В соответствии с этими договоренностями Иран в 2009 г. приступил к прокладке участка железной дороги между Рештом и Казвином длиной 164 км.

Затем вопросы строительства МТКСЮ обсуждались в 2012 г. в Москве на переговорах руководителей железных дорог России, Азербайджана и Ирана. По их итогам был подписан очередной трехсторонний меморандум о взаимопонимании, в рамках которого стороны согласовали порядок проведения необходимых технико-экономических изысканий, а также финансовой и юридической экспертизы проекта строительства железнодорожной линии Казвин — Решт — Астара (Иран) — Астара (Азербайджан)⁵.

В августе 2016 г. в Баку состоялась встреча глав России, Азербайджана и Ирана В. В. Путина, Ильхама Алиева и Хасана Роухани, в ходе которой стороны подтвердили готовность реализовать проект МТКСЮ в самые сжатые сроки, а министр транспорта РФ М. Ю. Соколов заверил, что решение по финансированию проекта со стороны РЖД будет принято после рассмотрения технико-экономического обоснования и предложений иранских и азербайджанских партнеров. При этом планировалось ежегодно перемещать по маршруту 5 млн т грузов, а в дальнейшем — более 10 млн т⁶.

Вторая встреча лидеров России, Азербайджана и Ирана состоялась 1 ноября 2017 г. в Тегеране. В принятом по ее итогам совместном заявлении стороны подтвердили значимость реализации МТКСЮ и вновь подчеркнули необходимость скорейшего завершения строительства железнодорожной магистрали Решт (Иран) — Астара (Азербайджан)⁷. В СМИ появились прогнозы о возможности доставки грузов из стран Юго-Восточной Азии до Хельсинки по МТКСЮ за 20–25 дней в то время,

¹ Россия, Иран и Азербайджан подписали трехстороннее соглашение о создании акционерной компании для строительства железной дороги Казвин — Решт — Астара // IRAN.ru 2005. 10 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://www.iran.ru/news/politics/27563/Rossiya_Iran_i_Azerbaydzhan_podpisali_troyhstoronnee_soglashenie_o_sozdanii_akcionerной_kompanii_dlya_stroitelstva_zheleznoy_dorogi_Kazvin_Resht_Astara (дата обращения: 01.07.2024).

² Железная дорога Казвин — Решт — Астара может быть построена за 2 года // РИА Новости. 2005. 3 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20050503/39788343.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ РФ, Иран и Азербайджан согласовали строительство железной дороги // РИА Новости. 2008. 30 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080330/102521761.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Азербайджан, РФ и Иран до 15 августа создадут консорциум по проекту железной дороги Казвин-Решт-Астара // 1news.az. 2008. 20 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://1news.az/news/20080620090328736-Azerbaidzhan-RF-i-Iran-do-15-avgusta-sozdadut-konsortsium-po-proektu-zheleznoi-dorogi-Kazvin-Resht-Astara> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Международный транспортный коридор «Север-Юг».

⁶ Путин, Алиев и Роухани обсудили в Баку конкретные проекты сотрудничества // РИА Новости. 2016. 8 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160808/1473888913.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Тройка в Тегеране: о чем договорились лидеры России, Ирана и Азербайджана // РБК. 2017. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2017/59f9bdf19a79470d902e08c6> (дата обращения: 01.07.2024).

как маршрут через Персидский залив и Суэцкий канал требовал 45–60 дней¹. Однако дальнейшего продвижения проекта в формате взаимодействия лидеров трех стран не последовало.

Строительство железной дороги Казвин — Решт затянулось. Оно протекало в сложных условиях гористой местности. На всем протяжении пути было построено 22 туннеля протяженностью 25 км и 15 мостов — 8 км (по сообщениям иранских источников, на 205-км участке было возведено 53 туннеля протяженностью 22 км). Только 22 ноября 2018 г. по дороге прошел первый пробный поезд. Официальное же открытие участка состоялось 6 марта 2019 г. с участием президента Ирана Хасана Рухани, министра экономики Азербайджана Шахина Мустафаева и официальных лиц Пакистана и Ирака.

Примерно за год до открытия железной дороги Казвин — Решт, 28 марта 2018 г., состоялся официальный визит президента ИРИ Хасана Роухани в Баку, где было подписано двустороннее соглашение о строительстве железной дороги Решт — Астара. При этом Азербайджан согласился предоставить Ирану кредит в размере 500 млн долл. на строительство и обустройство дороги².

Тогда же приступили к строительству ответвления дороги протяженностью 37 км от Решта к Бендер-Энзели. Первоначально ее планировали открыть в середине 2021 г., затем сроки перенесли на март 2023 г., а после этого на конец первого квартала 2024 г.³ Годом ранее замминистра дорог и городского развития ИРИ и гендиректор Компании по строительству и развитию транспортной инфраструктуры Хейролла Хадеми оценивал расходы на строительство дороги Решт — Энзели в 4 млрд долл., а стоимость выкупа земель, по которым она пройдет, — в 716 млн⁴.

Многие вопросы, связанные с запуском «западной ветки», были решены в результате плодотворного сотрудничества РФ и АР, которые 20 лет занимались обустройством и модернизацией национальных элементов транспортной инфраструктуры МТКСЮ, в том числе систем складского хозяйства и компаний в сфере доставки и логистики. В этой связи следует указать на важность прокладки в 2004 г. 55-км железнодорожной ветки от станции Яндыки Приволжской железной дороги к морскому порту Оля в 100 км южнее г. Астрахань в дельте реки Волги на 67 км Волго-Каспийского морского судоходного канала (ВКМСК), завершившей формирование железнодородной части МТКСЮ на российской территории. 18 сентября 2018 г. с участием И. Алиева была введена в строй четырехполосная автомобильная дорога Алят — Астара протяженностью 204 км, являющаяся частью проходящего через Азербайджан МТКСЮ.

В 2019 г. на азербайджано-российской границе на реке Самур был открыт новый автомобильный мост Ялама — Газмалар, а в 2020 г. начал функционировать новый контрольно-пропускной пункт (КПП) «Ханоба» (обрабатывает около 1000 грузовиков

¹ Суэцкий канал VS «Север-Юг». Россия, Индия и Иран создадут новый грузовой коридор // ИСН. 2018. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://nnsn.fm/economy/economy-sueskiy-kanal-vs-sever-yug-rossiya-indiya-i-iran-sozdadut-novyy-gruzovoy-koridor> (дата обращения: 01.07.2024).

² Азербайджанский эксперт Камран Абдуллаев допускал неточность, указывая, что для эффективной реализации МТКСЮ требовалось построить железную дорогу от азербайджанской Астары до иранского Энзели, и что Россия всегда поддерживала этот проект [17, с. 114].

³ Иран соединит Каспийское море с Персидским заливом по железной дороге // IRAN.ru. 2024. 18 января [Электронный ресурс]. URL: https://www.iran.ru/news/economics/124708/Iran_soedinit_Kaspiyskoe_more_s_Persidskim_zalivom_po_zheleznoy_doroge (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Иран построит начальный участок железной дороги Решт — Астара до конца марта // Вестник Кавказа. 2023. 20 января [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/iran-postroit-nacalnyj-ucastok-zeleznoj-dorogi-rest-astara-do-konca-marta.html> (дата обращения: 01.07.2024).

в день) и модернизированный КПП «Ширванлы» — для перевалки порожних фур¹. В декабре 2019 г. в ходе встречи в Москве председателя правления ОАО «РЖД» О.В. Белозерова и председателя ЗАО «Азербайджанские железные дороги» Джавида Гурбанова российский представитель, отметив положительную динамику двусторонних связей, настаивал на первостепенной значимости продвижения «западной ветки» МТКСЮ².

Изменение стратегической и геоэкономической значимости МТКСЮ в условиях разворота внешней политики России с Запада на Восток

С российской стороны развитие МТКСЮ в 2010-е гг. осуществлялось в соответствии с Транспортной стратегией РФ на период до 2030 г. (2008), Стратегией развития железнодорожного транспорта РФ до 2030 г. (2008) и Федеральной целевой программой «Развитие транспортной системы Российской Федерации (2010–2015)». После шоков, вызванных пандемией COVID-19, в условиях восстановления транспортно-логистических цепочек многие ожидали активизации деятельности на этом направлении [11, с. 4]. Однако этого не произошло. Власти всех уровней, проявляя к проекту ограниченный интерес, отстраненно наблюдали за развитием противоречий Индии и Китая, которые вели «ожесточенную (хотя и скрытую) борьбу за экономическое и политическое влияние в Средней и Центральной Азии» [4, с. 39].

Реальное оживление всех участников МТКСЮ проявилось после аварии в Суэцком канале, случившейся 23 марта 2021 г., когда на мель сел гигантский контейнеровоз «Ever Given» [8, с. 59]. Уже в конце июня 2021 г. по маршруту с севера на юг проследовал первый полносоставный контейнерный поезд. Комментируя событие, эксперты Международного интеграционного клуба «Север — Юг» отмечали: «Проект реализовали на партнерских началах два крупнейших контейнерных оператора — российская компания АО «РЖД-Логистика» и финская компания Nurminen Logistics. Поезд, состоящий из 32 контейнеров, проследовал по маршруту Хельсинки — Мумбаи, пересекая границы четырех государств, с использованием железнодорожного, автомобильного и морского видов транспорта. Путь от Хельсинки до иранского порта Бендер-Аббас груз преодолел за 10 суток, что, безусловно, послужило демонстрацией работоспособности коридора» [14, с. 3–4].

Однако лишь с началом СВО на Украине в условиях полного разлада отношений РФ с Западом в правительственных кругах, наконец, осознали стратегическую и геоэкономическую значимость МТКСЮ. Мало того, что в условиях СВО правящий класс США сделал ставку на сокрушение российской экономики с помощью санкций, эта политика стран Запада сильно ограничила российские грузоперевозки по магистралям Евросоюза.

По оценке эксперта по морским перевозкам М.Д. Войтенко, Россия оказалась в ситуации морской блокады. Крупнейшие международные перевозчики — Maersk (Дания), Mediterranean Shipping Company и MSC (Швейцария), CMA CGM (Франция), Ocean Network Express (Сингапур) и Harap Lloyd (Германия) — приостановили деятельность на рынке РФ. Российским судам запретили заходить в европейские порты или отказывали в обработке российских грузов. Самый серьезный вызов исходил от лондонской компании Lloyds Register — поставщика лицензий на элек-

¹ Азербайджан — главные транзитные ворота коридора «Север-Юг», Армения в пролете // Caliber.Az. 2023. 19 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://caliber.az/print/166774/> (дата обращения: 01.07.2024).

² В Москве обсудили проект синергии Транссибирской магистрали и БТК // Media.az. 2019. 11 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://media.az/read/1067757358/24> (дата обращения: 01.07.2024).

тронную навигацию и обновлений электронных карт, а также основного провайде-ра таких обновлений для торговых судов всего мира. Она перестала продавать навигационные обновления не только для судов, принадлежавших российским судовладельцам, но и для судов, находившихся в управлении российских компаний. Отключение электронных систем навигации российских судов от обновлений и корректуры электронных навигационных карт привело к тому, что по действующим международным правилам они перестали быть «мореходными» и подлежали задержанию¹. Разделяя это мнение, В. И. Сажин добавляет: «...введение запрета на страхование судов, перевозящих российские товары, в первую очередь, нефть, действительно свидетельствует о морской блокаде РФ»².

По мере перерастания СВО в полномасштабную прокси-войну РФ с НАТО в Москве пришли к пониманию необходимости переориентации внешней политики на отражение внешних угроз. В новых условиях поворот РФ на Восток перестал быть выбором и становится необходимостью, позволяющей преодолеть блокаду со стороны Запада и сохранить российское присутствие в мировой экономике и глобальной системе связей, откуда ее пытаются исключить США и их союзники³. По этим причинам России пришлось сосредоточиться на торговых маршрутах, максимально защищенных от различных посягательств внешних сил.

Объясняя провал политики санкций доступом России к неограниченным объемам китайского, индийского и др. импорта, как напрямую, так и через множество посредников, включая Турцию и бывшие советские республики, экс-стратег Bank of America Дэвид Голдман признает, что Россия в своем противодействии захватническим планам Запада сумела не только обеспечить рост своей экономики, но и стать центром реорганизации глобальных цепочек поставок и их финансирования: «...экономическая устойчивость России перед лицом предположительно разрушительных санкций является лишь одним из отражений масштабной трансформации мировой торговли»⁴. «Россия, — указывает американский журналист и политолог Марк Эпископос, — применяет широкий спектр схем параллельного импорта, обширную систему коммерческих посредников и торговых уловок, альтернативные маршруты экспорта энергоресурсов. Россия сумела свести на нет западное давление, углубив коммерческие связи с Китаем, Индией и другими ведущими игроками Глобального Юга»⁵, отказавшимися принимать участие в западной блокаде.

Действительно, товарооборот между РФ и КНР в 2022 г. достиг 190 млрд долл., а в 2023 г. превысил 240 млрд⁶. Одновременно товарооборот между Россией и Индией в 2022 г. вырос в 2,5 раза по сравнению с 2021 г. и превысил 35 млрд долл.⁷

¹ Эксперт оценил санкции против российского морского судоходства // РИА Новости. 2022. 31 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220331/sanktsii-1781056735.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Сажин В. И. К вопросу о МТК «Север-Юг» — проблемы и перспективы.

³ Бордачев Т. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью // Валдай. 2022. 1 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Goldman D. P. America has no Ukraine Plan B except more war // Asia Times. March 25, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://asiatimes.com/2024/03/america-has-no-ukraine-plan-b-except-more-war/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Эпископос М. Что провал антироссийских санкций говорит нам о будущем // The American Conservative, США. 2024. 17 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240417/sanktsii-268617374.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Товарооборот России и Китая в 2023 году побил рекорд // РБК. 2024. 12 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65a0d3e09a79477823d74f7d> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Вахитова Г. Глава Минпромторга Мантуров: Товарооборот между РФ и Индией в 2022 году вырос в 2,5 раза // Российская газета. 2023. 18 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://>

По итогам 2023 г. он увеличился в 1,8 раза по сравнению с показателем 2022 г. и достиг 64,1 млрд долл., а в первом квартале 2024 г. — 17,5 млрд долл.¹

Эксперты британского издания Daily Mail отмечают, что усилия стран Запада по заморозке активов РФ, исключению ее банков из мировых платежных систем и прекращению торговли, не достигнув цели, привели к сближению Москвы с Пекином, Тегераном и другими партнерами. Профессор международных отношений в колледже Гамильтона (США) Алан Кафруни утверждает, что решение ЕС прекратить импорт российской нефти и газа не принесло ничего, кроме ущерба его собственной экономике. По мнению же специалиста по экономическим войнам Королевского колледжа Лондона Ксении Киркхэм, Европа «выстрелила себе в ногу», побудив Россию к уходу от западных механизмов контроля и обретению еще большей самостоятельности. По ее словам, самоуверенность Запада фактически обернулась ослаблением его контроля над цепочками поставок и ускорением дедолларизации мировой экономики². По данным ФТС РФ, общий объем внешней торговли России в 2023 г. составил 710,1 млрд долл. Из них на Азию пришелся 51%, Европу — 23%, Ближний Восток — 11%, страны СНГ — 8%, США — 4%, Африку — 3%³.

В ситуации закрытия для России транспортных коридоров на Запад и перегруженности Восточного и Азово-Черноморского направлений именно МТКСЮ, способный ослабить зависимость от проблемных логистических цепочек и преодолеть многочисленные запреты и ограничения торгового и транспортно-логистического характера, оказался в эпицентре большой политики и ее информационного освещения. Нацеленный на торговлю с дружественными государствами Азии и Африки, он как нельзя лучше вписался в канву новых не только геополитических, но и геоэкономических трендов.

В связи со смещением центров экономической активности в Китай, страны Юго-Восточной и Южной Азии, а также Персидского залива Правительство РФ одобрило детальную «дорожную карту» по развитию МТКСЮ, заприметив в нем потенциал «стать реальным конкурентом Суэцкому каналу»⁴. Фактически проект МТКСЮ конкретизирует российскую инициативу Большого Евразийского партнерства⁵, содействует формированию общего транспортного пространства Большой Евразии как одного из центров нового многополярного мира⁶.

rg.ru/2023/04/18/manturov-tovarooborot-mezhdu-rf-i-indiej-v-2022-godu-vyros-v-25-raza-prevyisil-35-mlrd-dollarov.html (дата обращения: 01.07.2024).

¹ Товарооборот России и Индии достиг рекордных 17,5 миллиарда долларов // РИА Новости. 2024. 20 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240520/indiya-1947084646.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² «Выстрелили себе в ногу». На Западе внезапно прозрели // РИА Новости. 2024. 1 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240401/sanktsii-1937016129.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ *Вэнь В.* Украинский конфликт переходит на новый этап и все больше «кашмиризирует» // Гуаньча, Китай. 2024. 1 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240601/ukraina-269039725.htm> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Андрей Белоусов: Маршрут «Север-Юг» в перспективе может стать реальным конкурентом Суэцкому каналу // Правительство России. 2022. 28 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/46922/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // МИД РФ. 2023. 15 июня [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxvii-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Михаил Мишустин провел стратегическую сессию по евразийской интеграции в многополярном мире. Москва, 26 апреля 2024 г. // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/51468/> (дата обращения: 01.07.2024).

Разворот внешней и торговой политики России с западного на восточное и южное направления придал новый импульс развитию МТКСЮ как на федеральном, так и на региональном уровнях. При этом помощник Президента России И. Е. Левитин рассуждал о появившейся возможности для доставки и складирования хлеба и удобрений в портах Персидского залива¹. В свою очередь, губернатор Астраханской области И. Ю. Бабушкин выражал готовность содействовать транспортировке грузов из крупнейших портов Африки до южных портов Ирана — Бендер-Аббаса и Чехбехара — и далее через территорию Ирана и Каспийское море в порты Астраханской области для дальнейшей перевозки по территории России и в обратном направлении². Министр промышленности, торговли и энергетики Астраханской области И. А. Волынский выгоду от использования транскаспийского участка МТКСЮ видел в расширении импорта фруктов, овощей, какао-бобов и других товаров из Африки³.

Следовательно, символизируя мощную политическую и экономическую переориентацию России в восточном и южном направлениях, МТКСЮ предстает как ее судьбоносный инфраструктурный проект, призванный обеспечить циркуляцию различных грузов между Европой, Азией, Африкой и Ближним Востоком. Пересекаясь с большинством широтных торговых маршрутов «Среднего коридора», он открывает перспективу для создания логистических цепочек перемещения товаров между Индией, Китаем, Ираном, странами Африки, Ближнего Востока, ЦА, Южного Кавказа и Европы, становится ключевым звеном всей транспортной системы Евразии, основой для дальнейшего трансрегионального расширения партнерств ЕАЭС и ШОС, важнейшим фактором формирования Большого Евразийского партнерства [10; 11, с. 4].

Генеральный директор независимого политического института Pakistan House, базирующегося в г. Броншое (Дания) и Исламабаде, Мухаммад Атар Джавед видит в МТКСЮ возможность «стать важным компонентом евразийских перевозок, а также функционировать в качестве сети для услуг «Север — Юг» и «Восток — Запад», соединяющих страны Центральной Азии, Европы, Азии и Ближнего Востока»⁴. Эксперт Каспийского института стратегических исследований (КИСИ) А. В. Караваев сравнивает МТКСЮ с «воротами „рукопожатия и союзничества“ со странами Глобального Юга: от Ближнего Востока, Африки — до Южной и Юго-Восточной Азии»⁵.

С подобными оценками вынуждены считаться и западные авторы. Американская The New York Times признает, что с введением в эксплуатацию в 2028 г. железной дороги между иранскими городами Астарой и Рештом МТКСЮ превратится в «непрерывную железнодорожную магистраль протяженностью почти в семь тысяч километров. И она будет недостижима для западных санкций. Иранские порты на берегу Персидского залива обеспечат российским коммерсантам удобный выход

¹ Мулланурова Е. Вместо Суэцкого канала. Зачем строить транспортный коридор «Север-Юг» // АиФ. 2023. 22 мая [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/money/economy/vmesto_sueckogo_kanala_zachem_stroit_transportnyy_koridor_sever_yug (дата обращения: 01.07.2024).

² Через Астраханскую область по МТК «Север-Юг» планируют транспортировать грузы из Африки // Astrakhan.su 2023. 20 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://astrakhan.su/news/economy/mtk-sever-yug-izmenit-geopoliticheskij-landshaft-evrazii/> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Через Астрахань в Россию будут поставлять товары из Африки // АиФ. 2023. 3 августа [Электронный ресурс]. URL: https://astrakhan.aif.ru/politic/cherez_astrahan_v_rossiyu_budut_postavlyat_tovary_iz_afriki (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Джавед М. А. Логистика XXI века и новый экономический порядок: перспективы транспортно-коридора «Север-Юг» // Валдай. 2023. 28 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/logistika-xxi-veka-i-novyy-ekonomicheskij-poryadok/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Караваев А. Каспийско-трансперсидская магистраль.

на Индию, а также доступ к Саудовской Аравии, ОАЭ, Пакистану и так далее»¹. Аналогичным образом Генри Мейер из Bloomberg прогнозирует, что «судоходные пути и железные дороги через Иран вкупе с заполярным Северным морским путем усилят разворот Москвы прочь от Европы в сторону азиатских держав Китая и Индии. У них есть потенциал превратить Россию в центр международной торговли вопреки попыткам США и их союзников изолировать президента Владимира Путина из-за конфликта на Украине»².

Специфика участия Индии в проекте МТКСЮ

В условиях СВО ожидания России во многом связаны с активизацией Индии в развитии иранской транспортной сети, обеспечивающей нужды МТКСЮ. Это и происходит, но строго в соответствии с интересами самой Индии. Характеризуя участие в проекте МТКСЮ этой страны, А. В. Караваев³ и его иранский коллега Тишехьяр Мандана из Университета имени Аллама Табатабаи (Тегеран) установили сосредоточенность Нью-Дели «на развитии собственной логистики товарных потоков, преимущественно направленных на транзит через Афганистан и далее в Узбекистан, и шире — Центральную Азию» [5, с. 7]. С. И. Лунев и В. И. Юртаев тоже отмечают, что «активизация участия Индии в этом проекте происходила в рамках курса правительства Н. Модии на расширение связей со странами Персидского залива, Ираном и Афганистаном» [7, с. 126]. Научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики» А. И. Захаров признает большую заинтересованность Нью-Дели в использовании проекта МТКСЮ для расширения своего присутствия в ЦА, чем в России [22, с. 230]. Этим обстоятельством объясняется повышенный интерес Индии к иранскому порту Чехбехар в Оманском заливе⁴, способному обеспечить самый короткий и наименее затратный транзит грузов в ЦА. Следовательно, напрашивается вывод об изначальной предрасположенности Индии к развитию «восточной ветки» МТКСЮ⁵.

Действительно, в мае 2016 г. в Тегеране в присутствии президентов Ирана и Афганистана — Хасана Роухани и Ашрафа Гани, а также премьер-министра Индии Нарендры Модии Индия, Иран и Афганистан подписали трехстороннее транспортное и транзитное соглашение по порту Чехбехар, призванное связать Индию с Афганистаном и странами ЦА в обход Пакистана («Чабахарский договор»)⁶. Затем во время визита иранского президента Хасана Роухани в Нью-Дели в середине февраля 2018 г. стороны констатировали завершение в декабре 2017 г. первого этапа модернизации порта Чехбехар и ратификацию всеми участниками трехстороннего соглашения⁷. Одновременно Иранская организация портов и морского судоходства (РМО) и India

¹ Нечепуренко И. Из Москвы в Мумбаи: Россия обращается к югу ради торговли // The New York Times, США. 2024. 16 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240316/rossiya-268254793.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Мейер Г. Россия прокладывает новые торговые пути в Азию, чтобы ослабить санкции // Bloomberg, США. 2024. 18 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240418/torgovlya-268633354.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Занимал должность научного сотрудника Института экономики РАН.

⁴ Состоит из двух отдельных портов Шахид Калантари и Шахид Бехешти.

⁵ Люсин А. Все путем: что такое транспортный коридор «Север-Юг» // Известия. 2018. 5 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/807716/aleksei-liusin/vse-putem-cto-takoe-transportnyi-koridor-sever-iug> (дата обращения: 01.07.2024); Каледжи В. Транзитный проект порта Чехбехар.

⁶ Иран, Индия и Афганистан подписали соглашение о транзите // ТАСС, 2016. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/3306361> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Терехов В. К визиту президента Ирана в Индию // Новое Восточное Обозрение. 2018. 5 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-neo.su/ru/2018/03/05/k-vizitu-prezidenta-irana-v-indiyu/> (дата обращения: 01.07.2024).

Ports Global Limited (IPGL) подписали договор аренды порта Шахид Бехешти, расположенного в 90 км от спонсируемого Китаем порта Гвадар в Пакистане¹.

В ходе первого заседания Координационного совета соглашения о создании МТК «Чабахар — Центральная Азия» между Ираном, Индией и Афганистаном 23 октября 2018 г. в Тегеране Иран, Индия и Афганистан подписали соглашение о транзите товаров через иранский юго-восточный порт Чехбехар. При этом глава РМО Мохаммад Растан настаивал, что стороны добивались «большой доли грузоперевозок Индии через Чабахар в стремлении повысить конкурентные преимущества этого порта в коридоре „Север — Юг“». Его коллега, секретарь по экономическим отношениям МИД Индии, Т. К. Тирумурти, тоже усматривал в перспективе возможность участников соглашения «ежегодно транзитом перевозить миллионы тонн грузов из Мумбаи в Чабахар, а затем из этого порта в страны Центральной Азии и Европы по железным дорогам»².

Вскоре операционный контроль над портом Шахид Бехешти был официально передан в аренду IPGL на срок до 18 мес., с возможностью продления договора на 10 лет³. 24 февраля 2019 г. в Кабуле состоялось официальное открытие транспортно-транзитного коридора Афганистан — Иран — Индия⁴. Всего за 2016–2020 гг. Индия вложила в данный проект около 2,1 млрд долл., из которых 0,5 млрд пошло на строительство самого порта для обработки генеральных, контейнерных, навалочных и наливных грузов, а еще 1,6 млрд — на реконструкцию железнодорожного пути до иранского Захедана на границе с Афганистаном⁵.

В реализации целей своей транспортно-логистической политики Нью-Дели мог положиться на Тегеран, крайне заинтересованный в развитии Чехбехара. По данным американского экономиста Патрика Клаусона, в 2018 г. через этот порт было осуществлено не более 2% общего объема торговли Ирана — 2,1 млн т — при том, что пропускная способность порта в то время составляла 8,5 млн т⁶. Кроме того, согласно иранскому эксперту в области региональных исследований по Средней Азии и Кавказу Вали Каледжи, 628-км железная дорога между Чехбехаром и Захеданом изначально была частью большого проекта Ирана по строительству и развитию железнодорожной оси Чехбехар — Захедан — Мешхед — Серахс на границе с Туркменистаном протяженностью 1350 км⁷.

Вместе с тем деловая активность Ирана в указанном направлении сдерживается рядом обстоятельств: устойчивой нехваткой финансовых ресурсов, американскими санкциями, неготовностью многих хозяйствующих субъектов Индии прене-

¹ Singh B. India, Iran Sign Lease Agreement In Boost To Chabahar Port Operations // NDTV. February 17, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ndtv.com/india-news/india-iran-sign-lease-agreement-in-boost-to-chabahar-port-operations-1813868> (дата обращения: 01.07.2024).

² Иран, Индия и Афганистан подписали соглашение о транзите товаров через иранский порт Чабахар // РИА ИРАН.ру. 2018. 24 октября [Электронный ресурс]. URL: https://www.iran.ru/news/economics/111400/Iran_Indiya_i_Afganistan_podpisali_soglashenie_o_tranzite_tovarov_cherez_iran (дата обращения: 01.07.2024).

³ Иран официально сдал в аренду порт Шахид Бехешти в Чабахаре Индии // ИА Neftegaz. RU. 2018. 26 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195908-iran-ofitsialno-sdal-v-arendu-port-shahid-bekheshti-v-chabakhare-indii/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Открыт торговый коридор Афганистан — Иран — Индия через порт Чабахар // Каспийский вестник. 2019. 1 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://casp-geo.ru/otkryt-torgovij-koridor-afganistan-iran-indiya-cherez-port-chabahar/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Белов П. Россия и Индия соединяют континенты // Коммерсант. 2021. 26 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4653230> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Чабахар — стратегический порт // Pars Today. 2020. 16 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://parstoday.ir/ru/radio/programs-i110112> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Каледжи В. Транзитный проект порта Чахбехар.

бречь американскими правилами, упадком двусторонних экономических отношений. По данным Министерства торговли и промышленности Индии, объем ирано-индийской торговли в 2023 г. сократился по сравнению с 2022 г. на 26% и составил всего 1,836 млрд долл.¹ Это резко контрастирует с успехами ирано-китайской торговли, объем которой, по данным таможенной статистики КНР, в 2022 г. составил 15,5 млрд долл., а в 2023 г. — 14,65 млрд (снижение на 6,2%)².

Хотя для российской стороны главным остается железнодорожный маршрут протяженностью 2513 км, который проходит через станции Бусловская — Санкт-Петербург — Москва — Рязань — Кочетовка — Ртищево — Саратов — Волгоград — Астрахань³, это не исключает совместных усилий РФ и ИРИ по освоению не только транскаспийского маршрута, но и «восточной ветки» МТКСЮ. Так, подписание 19 июня 2019 г. трехстороннего соглашения между особой экономической зоной (ОЭЗ) «Лотос», свободной торгово-промышленной зоной (СТПЗ) «Энзели» и СТПЗ «Чехбехар» открыло новые возможности для сотрудничества бизнес-сообществ двух стран в этом направлении. «Таким образом, — указывает В. Каледжи, — помимо участия российских компаний в порту Чехбехар, в том числе в портах Шахид-Бехешти и Шахид-Калантари, есть возможность и простор для сотрудничества и инвестирования в строительстве железных дорог Чехбехар — Захедан и Захедан — Серахс»⁴.

При этом важно подчеркнуть двойственную роль Чехбехара в развитии международной торговли Индии. С одной стороны, он формально не входит в структуру МТКСЮ [22, с. 230]. Показательно, что участники международной конференции «Международный транспортный коридор “Север — Юг” и порт Чабахар в Иране: альтернатива “Поясу и пути”», проходившей в Бишкеке в октябре 2022 г., различали проекты МТКСЮ и МТК «Чабахар — Центральная Азия». С другой, как было показано выше, порт Чехбехар фактически стал неотъемлемой частью МТКСЮ. Более того, в 2018 г. Бендер-Аббас в 2018 г. уступил ему главную роль в его структуре, прежде всего, из-за географической близости к Индии и неподверженности с ноября 2018 г. американским санкциям⁵.

Вызовы индийскому участию в проекте МТКСЮ со стороны ИРИ, КНР и США

В 2018 г. проявился интерес к МТКСЮ со стороны Китая. В ноябре того года в ходе поездки управляющего директора СТПЗ «Энзели» Резы Маспура в Китай был

¹ Годовой товарооборот Ирана и Индии превышает \$1,8 млрд // РИА IRAN.ru. 2024. 16 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://www.iran.ru/news/politics/124950/Godovoy_tovarooborot_Irana_i_Indii_prevyshaet_1_8_mlrld (дата обращения: 01.07.2024).

² Iran's exports to China rise 30% in December 2023 // Tehran Times. January 23, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/494076/Iran-s-exports-to-China-rise-30-in-December-2023> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Международный транспортный коридор «Север-Юг» // МИД РФ. 2016. 1 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1537456/ (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Скорлыгина Н. «Нужно уважать принцип взаимодополняемости транзитных коридоров» // Коммерсант. 2023. 14 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6311745> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Короткова Е. Международный транспортный коридор Север-Юг(INSTC) и порт Чабахар — новые коридоры // Московский комсомолец. 2022. 26 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.kg/economics/2022/10/26/mezhdunarodnyu-transportnyu-koridor-severyug-instci-port-chabahar-novye-koridory.html> (дата обращения: 01.07.2024); Basravi Z. Iran's Chabahar port spared from US sanctions in rare cooperation // Al Jazeera. June 20, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/6/20/irans-chabahar-port-spared-from-us-sanctions-in-rare-cooperation> (дата обращения: 01.07.2024).

подписан меморандум о взаимопонимании между СТПЗ «Энзели» и Ассоциацией экономического сотрудничества и инвестиций Китая. По мнению авторов статьи «Развитие иранской экономической зоны „Энзели“ в рамках Международного транспортного коридора „Север — Юг“» (2019), это свидетельствовало о конкуренции Китая с «главными локомотивами» МТКСЮ в лице России, Азербайджана и Индии [3, с. 33].

С таким утверждением трудно согласиться. Представляется, что деловой контакт Ирана и Китая всего лишь свидетельствовал об их попытке реализовать на взаимной основе свои экономические интересы: для Ирана — они заключались во внешних инвестициях, для Китая — в оптимизации транзитных возможностей в западном направлении. Более того, А. В. Караваев и Т. Мандана пришли к выводу о тесной взаимосвязи МТКСЮ и китайской инициативы ОПОП: «Если объективно посмотреть на реалии транзита, торговли и их географию, то заметно, что в каждом крупном узле меридианного маршрута МТКСЮ присутствуют интересы КНР и транспортные потоки, направленные в широтном направлении — также и наоборот. Особенно это видно по работе каспийских портов, включая российские. Это заметно и по восточному стволу МТКСЮ вдоль берега Каспия, где фактически смыкаются в одну сеть участки транспортного коридора Китай — Казахстан — Иран (ККИ) и „Север — Юг“» [5, с. 7].

Не следует драматизировать и тот факт, что Индия в 2019 г. под давлением США отстранилась от участия в развитии порта Чехбехар, вынудив Тегеран, «после некоторых неудачных дипломатических попыток повлиять на Нью-Дели, ... склоняться в сторону Пекина» [7, с. 131]. Хотя возобновление антииранских санкций США в 2019 г. и их уход из Афганистана в августе 2021 г. усложнили отношения Индии и Ирана и привели к замедлению работ в порту [14, с. 218–220]¹, все же геоэкономические расчеты двух стран возобладали над ситуационными геополитическими соображениями.

Уже в ноябре 2021 г. глава МИД Индии Субраманиям Джайшанкар на заседании Совета глав правительств государств-участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) выступил с предложением соединить порт Чехбехар с МТКСЮ: «Индия предпринимает шаги по вводу в эксплуатацию порта Чабахар в Иране, чтобы обеспечить безопасный и коммерчески выгодный доступ к морю для стран Центральной Азии. Мы также предложили включить порт Чабахар в рамки международного транспортного коридора “Север — Юг”»². В июле 2022 г. глава министерства судоходства Индии Сарбананда Соновал заявил в Мумбаи приглашенным на мероприятие «День Чабахара» дипломатам из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Афганистана и Ирана, что «Индия работает над раскрытием огромного потенциала торговли со странами Центральной Азии через порт Чабахар в Иране». В ходе визита в Индию в конце ноября 2022 г. заместитель главы МИД Ирана по политическим вопросам Али Багери Кани подчеркивал в разговоре с индийскими коллегами важность порта Чехбехар для завершения МТКСЮ³.

¹ Бобкин Н. Порт Чабахар — ключевой проект // ИнфоШОС. 2024. 18 января [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=36850> (дата обращения: 01.07.2024). В мае 2019 г. Вашингтон отменил исключения для Дели из режима экстерриториальных санкций.

² Индия выступила за включение иранского порта Чабахар в транспортный коридор «Север-Юг» // Sputnik Армения. 2021. 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20211125/indiya-vystupila-za-vklyuchenie-iranskogo-porta-chabahar-v-transportnyy-koridor-sever--yug-35738934.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Швайковский А. Соединит ли иранский порт Чабахар Индию, Россию и Центральную Азию // Российская газета. 2022. 30 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/11/30/soedinit-li-iranskij-port-chabahar-indiiu-rossiiu-i-centralnuu-aziiu.html> (дата обращения: 01.07.2024).

Более того, вопреки санкционным угрозам США в отношении любых физических и юридических лиц, заключающих сделки с Ираном, 13 мая 2024 г. Индия и Иран подписали соглашение об управлении портом Чехбехар в течение следующих 10 лет с перспективой автоматического продления. Приняв на себя управление иранским портом, Индия демонстрирует намерение конкурировать с пакистанскими Карачи и Гвадаром, а также китайской инициативой ОПОП. Она по-прежнему стремится к сотрудничеству с Афганистаном, странами ЦА, не отказываясь при этом от перспективы использования МТКСЮ для выхода на европейские рынки¹.

В отличие от Нью-Дели Тегеран не видит для себя угрозы со стороны ОПОП. Исходя из понимания взаимодополняемости проектов МТКСЮ и китайской инициативы, по крайней мере, в своих суверенных территориальных пределах, он выступает за диверсификацию источников финансирования своей транспортно-логистической инфраструктуры.

Впрочем, не следует преувеличивать и опасений Индии относительно торговой конкуренции со стороны Китая. Несмотря на то, что влиятельные силы этой страны приписывают Поднебесной стремление к глобальному доминированию, которое, по их мнению, угрожает «началом новой глобальной поляризации»², все же индийское бизнес-сообщество заинтересовано в развитии с ней торгового и инвестиционного сотрудничества, позволяющего «поддерживать или даже наращивать темпы роста ВВП» [1, с. 73–74, 77]. Примечательно, что в Индии позитивно отреагировали на поддержку Китаем инициативы Atmanirbhar Bharat («Самостоятельная Индия»). В этом директор Индийской программы и экономической инициативы Тихоокеанского форума по государственному управлению Ахил Рамеш увидел готовность Пекина считаться с интересами Нью-Дели³.

Вопреки причитаниям директора по международным связям Института исследований национальной безопасности (INSS) Сешадри Чари о том, что «Нью-Дели не может нормально вести бизнес с Пекином, пока сохраняется угроза на севере и пока Китай держит в своих руках контроль над Тибетом и Синьцзяном»⁴, в 2023–2024 финансовом году, который завершился 31 марта 2024 г., объем взаимной торговли Пекина и Нью-Дели составил 118,4 млрд долл. Импорт китайских товаров увеличился на 3,24% до 101,7 млрд, а экспорт Индии в КНР вырос на

¹ Chabahar pact signed, India sets in motion its big counter to Gwadar // The Economic Times. May 13, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/> (дата обращения: 01.07.2024); India inks 10-year deal to operate Iran's Chabahar port // Reuters. May 13, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/world/india/india-sign-10-year-pact-with-iran-chabahar-port-management-et-reports-2024-05-13/> (дата обращения: 01.07.2024); Kumar B. Chabahar: Once exempt from US sanctions, why the port is again under threat // Business Standard. 14 May, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.business-standard.com/external-affairs-defence-security/news/chabahar-once-exempt-from-us-sanctions-why-the-port-is-again-under-threat-124051401051_1.html (дата обращения: 01.07.2024); Швайковский А. Индия заключит соглашение с Ираном об управлении портом Чабахар // Российская газета. 2024. 13 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/05/13/india-zakliuchit-soglashenie-s-iranom-ob-upravlenii-portom-chabahar.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Сачдев М. Безграничная братская дружба больше, чем отношения двух сторон // The Hindu, Индия. 2024. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240525/pekin-268980502.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Ramesh A. BRICS is becoming an increasingly attractive choice in the Global South // The Hill. January 18, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://thehill.com/opinion/international/4413965-brics-is-becoming-an-increasingly-attractive-choice-in-the-global-south/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Чари С. Сближение Байдена и Си четко демонстрирует лишь одно: их цель — ослабить региональные державы, такие как Индия // The Print, Индия. 2023. 20 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20231120/ssha_kitay-266673576.html (дата обращения: 01.07.2024).

8,7% до 16,67 млрд долл. При этом Китай вошел в число важнейших поставщиков в Индию электронной и телекоммуникационной продукции, смартфонов и передовых технологических компонентов, обеспечив ей 44% импорта соответствующих товаров. По литий-ионным батареям для электромобилей китайская доля в индийском импорте составила 75%, а по ноутбукам и персональным компьютерам — 77,7%. Одновременно оборот индийско-американской торговли понизился до 118,3 млрд долл.¹

Наперекор перевозглашенному в 2020 г. «всеобъемлющему глобальному стратегическому партнерству» Индии и США с 2019 г. индийским товарам отказано в беспошлинном доступе на американский рынок [13, с. 66]. Характеризуя современную стратегию США в отношении Нью-Дели, научный руководитель РСМД А. В. КОРТУНОВ отмечает, что она «не предусматривает никаких работающих альтернатив индийско-китайскому экономическому сотрудничеству и не предполагает сколько-нибудь значительных программ содействия США модернизации индийской экономики»². Согласно его прогнозу, «ничего похожего на зону свободной торговли между США и Индией не возникнет». В определенной степени этому воспрепятствует традиционный индийский протекционизм, сдерживающий неконтролируемый приток в страну иностранных инвестиций³.

Не следует переоценивать и степень доверительности в отношениях двух стран. Так, А. В. КОРТУНОВ насчитал пять факторов, «препятствующих формированию полноценного американо-индийского военно-политического альянса». В их числе неготовность Индии становиться младшим партнером США; расхождения стран по принципиальным вопросам демократии и прав человека, международной и климатической повестки и др.⁴

В конце 2023 г. премьеру Индии Нарендре Моди пришлось реагировать на обвинение, выдвинутое в США против гражданина Индии, который, якобы находясь в сговоре с индийским чиновником, покушался на убийство одного из лидеров сикхского сепаратистского движения⁵. 1 мая 2024 г. самолюбие Нью-Дели было задето Джо Байденом, который в своем предвыборном выступлении в Вашингтоне обвинил Индию наряду с Россией, Китаем и Японией в ксенофобии, которая, по его словам, сдерживала их экономическое развитие⁶. Отвечая на этот недружественный выпад, С. Джайшанкар отверг слова американского президента, подчеркнув, что в его страну, экономика которой не находится в кризисе, «приезжают разные люди из разных обществ»⁷.

¹ СМИ: Китай стал главным торговым партнером Индии в 2023–2024 финансовом году // ТАСС. 2024. 13 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20778213> (дата обращения: 01.07.2024).

² КОРТУНОВ А. Почему Индия не станет союзником США // РСМД. 2021. 8 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-indiya-ne-stanet-soyuznikom-ssha/> (дата обращения: 01.07.2024).

³ КОРТУНОВ А. Динамика индийско-американского партнерства: взгляд из России // РСМД. 2023. 12 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dinamika-indiysko-amerikanskogo-partnerstva-vzglyad-iz-rossii/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ КОРТУНОВ А. Почему Индия не станет союзником США.

⁵ Индия ответила на обвинения в заговоре для убийства сикха в США // РБК. 2023. 20 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/12/2023/6582f20d9a7947919c6c272c> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Байден задел ключевого союзника, пытаясь оскорбить Россию // РИА Новости. 2024. 3 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240503/bayden-1943603031.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Глава МИД Индии отверг слова Байдена о «ксенофобских» странах // РИА Новости. 2024. 4 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240504/indiya-1943832250.html> (дата обра-

Примечательно, что Вашингтон включил Индию в список стран, где нарушаются права человека. Он ставит ей в вину покупку российского ЗПК С-400 и расширение импорта российской нефти, предостерегает от стратегического сотрудничества с Москвой, добивается осуждения СВО и даже угрожает индийскому руководству серьезными и долговременными последствиями [13, с. 66–69]. Индия не идет на попятную. 16 июня 2024 г. она отказалась подписывать итоговую декларацию «мирного саммита» в Швейцарии, мотивируя это тем, что к миру на Украине могут привести только те подходы, которые приемлемы для обеих сторон конфликта¹.

Литература

1. Аликберов Э. Ш., Аликберова А. Р. Китайско-индийские отношения на современном этапе: обзор // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2. № 4. С. 71–79.
2. Аристова Л. Б. Формирование единого евразийского транспортного пространства с развитием МТК // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Материалы Пятой международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества» / отв. ред. В. И. Герасимов. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 1. М., 2023. С. 389–391.
3. Вахшитех А. Н., Лапенко М. В. Развитие иранской экономической зоны «Энзели» в рамках Международного транспортного коридора «Север — Юг» // Восточная аналитика. 2019. № 2. С. 24–34.
4. Володин А. Г., Володина М. А. Проект международного транспортного коридора «Север — Юг» как фактор возможного укрепления внешнеэкономических связей России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 6. С. 29–42.
5. Караваев А. В., Мандана Т. Международный транспортный коридор «Север — Юг» и сценарии трансрегиональной интеграции // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2019, июнь. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 32 с.
6. Косов Г. В., Гукасов А. В. Международный транспортный коридор «Север — Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 212–217.
7. Лунев С., Юртаев В. Перспективы установления партнерских отношений между Индией и Ираном // Международные процессы. 2021. № 19 (2). С. 121–137.
8. Малышева Д. Б. Международный транспортный коридор «Север — Юг» в стратегии России // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2 (51). С. 59–72.
9. Маркелов К. А. История и современность в развитии международного транспортного коридора «Север — Юг» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 98–109.
10. Мартынова Е. Международные транспортные коридоры как фактор формирования Большого Евразийского партнерства // Россия и новые государства Евразии. 2023. № III (LX). С. 68–77.
11. Международный транспортный коридор «Север — Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура. Доклады и рабочие документы 22/2 / А. Ахунбаев, Е. Винокуров (руководитель авторского коллектива), А. Забоев, Н. Усманов. Алматы, М.: Евразийский банк развития, 2022. 84 с.
12. Семедов С., Шилова А. Проект МТК «Север — Юг»: проблемы и перспективы в условиях санкций // Обозреватель — Observer. 2023. № 2 (397). С. 52–61.
13. Уянаев С. В. Отношения Индии и США: текущее состояние и внешние последствия // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 8. С. 63–74.
14. Федорова И. Е. К ирано-индийским отношениям // Восточная аналитика. 2020. № 3. С. 214–221.
15. Фролова Н. Реализация потенциала МТК «Север — Юг» как части проекта «Большая Евразия» // Инновации транспорта. 2021. № 43. С. 2–5.

щения: 01.07.2024).

¹ В Индии заявили, что мир на Украине возможен только, если он приемлем для обеих сторон // ТАСС. 2024. 16 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21115067> (дата обращения: 01.07.2024).

16. Цветков В. А., Зойдов К. Х., Медков А. А. Формирование новой эволюционной концепции увеличения грузовой базы транспортных коридоров «Север — Юг»: современное состояние, геополитические условия и экономические предпосылки // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 9 (47). С. 229–246.
17. Abdullayev K. N. The development transport connection Azerbaijan Republic with European Union's countries on the base of international transit transport projects "East — West" (Traceca), "North — South" and "South — East" // Учет и статистика. 2018. № 3 (51). С. 108–116.
18. Belov (Yurtaev) V. I., Binish. India, Russia and Iran: a New Study on "North — South" International Transport Corridor // Информатика и инновации. 2021. Т. 16. N 4. С. 18–25.
19. Kumukov A. M., Luzyanin S. G. China's Foreign-Policy Strategy in the South Caucasus — a Transit Window to Europe? // Russia In Global Affairs. 2024. Vol. 22. N 1. P. 176–193.
20. Sarma Hriday Ch. Turning the International North — South Corridor into a "Digital Corridor" // Сравнительная политика. 2018. № 4. С. 124–138.
21. Vinokurov E., Ahunbaev A., Zabojev A. International North — South Transport Corridor: Boosting Russia's "pivot to the South" and Trans-Eurasian connectivity // Russian Journal of Economics. 2022. N 8 (2). P. 159–173.
22. Zakharov A. The International North — South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India // MGIMO Review of International Relations. 2023. N 16 (2). P. 216–234.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. Alikberov E. Sh., Alikberova A. R. Sino-Indian relations at the present stage: a review // Modern Oriental study. 2020. Vol. 2. N 4. P. 71–79. (In Russ.)
2. Aristova L. B. Formation of a single Eurasian transport space with the development of the MTK // Greater Eurasia: development, security, cooperation. Materials of the Fifth International Scientific and Practical Conference "Greater Eurasia: national and civilizational aspects of development and cooperation" / ed. by V.I. Gerasimov. Yearbook. Is. 6. P. 1. Moscow, 2023. P. 389–391. (In Russ.)
3. Vakhshitekh A. N., Lapenko M. V. Development of the Iranian economic zone "Enzeli" within the framework of the international transport corridor "North — South" // Eastern Analytics. 2019. N 2. P. 24–34. (In Russ.)
4. Volodin A. G., Volodina M. A. The project of the international transport corridor "North — South" as a factor of possible strengthening of Russia's foreign economic relations // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2019. Vol. 12. N 6. P. 29–42. (In Russ.)
5. Karavaev A. V., Mandana T. The international transport corridor "North — South" and scenarios of trans-regional integration // Report of the Valdai International Discussion Club. 2019, June. Moscow : Foundation for the Development and Support of the Valdai International Discussion Club, 2019. 32 p. (In Russ.)
6. Kosov G. V., Gukasov A. V. The international transport corridor "North — South": rethinking the landscape of Eurasia (the case of Azerbaijan) // The Caspian region: politics, economics, culture. 2019. N 3 (60). P. 212–217. (In Russ.)
7. Lunev S., Yurtaev V. Prospects for establishing partnership relations between India and Iran // International processes. 2021. N 19 (2). P. 121–137. (In Russ.)
8. Malysheva D. B. The international transport corridor "North — South" in the strategy of Russia // Russia and the new states of Eurasia. 2021. N 2 (51). P. 59–72. (In Russ.)
9. Markelov K. A. History and modernity in the development of the international transport corridor "North — South" // The Caspian region: politics, economics, culture. 2022. N 1 (70). P. 98–109. (In Russ.)
10. Martynova E. International transport corridors as a factor in the formation of a Large Eurasian partnership // Russia and the new states of Eurasia. 2023. N III (LX). P. 68–77. (In Russ.)
11. International transport corridor "North — South": investment solutions and soft infrastructure. Reports and working papers 22/2 / A. Akhunbayev, E. Vinokurov (head of the author's team), A. Zabojev, N. Usmanov. Almaty. Moscow : Eurasian Development Bank, 2022. 84 p. (In Russ.)

12. Semedov S., Shilova A. The project of the ITC “North — South”: problems and prospects in education // *Obozrevatel*. 2023. N 2 (397). P. 52–61. (In Russ.)
13. Uyanaev S.V. Relations between India and the USA: the current state and external consequences // *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2022. N 8. P. 63–74. (In Russ.)
14. Fedorova I.E. On Iranian Indian relations // *Oriental analytics*. 2020. N 3. P. 214–221. (In Russ.)
15. Frolova N. Realizing the potential of the North — South ITC as part of the Greater Eurasia project // *Transport Innovations*. 2021. N 43. P. 2–5. (In Russ.)
16. Tsvetkov V.A., Zoidov K. H., Medkov A.A. Formation of a new evolutionary concept of increasing the cargo base of the North — South transport corridors: current state, geopolitical conditions and economic prerequisites // *Regional problems of economic transformation*. 2014. N 9 (47). P. 229–246. (In Russ.)
17. Abdullaev K.N. Development of transport communication between the Republic of Azerbaijan and the countries of the European Union on the basis of international transit transport projects “East — West” (Traceca), “North — South” and “South — East” // *Account and statistics*. 2018. N 3 (51). P. 108–116.
18. Belov (Yurtaev) V. I., Binish India, Russia and Iran: a new study on the international transport corridor “North — South” // *Innovations*. 2021. Vol. 16. N 4. P. 18–25.
19. Kumukov A. M., Luzyanin S. G. China’s foreign policy strategy in the South Caucasus — a transit window to Europe? // *Russia in global Politics*. 2024. Vol. 22. N 1. P. 176–193.
20. Sarma Hridai Ch. Transformation of the International North — South Corridor into a “Digital corridor” // *State Policy*. 2018. N 4. P. 124–138.
21. Vinokurov E., Akhunbaev A., Zabojev A. The International North–South Transport corridor: strengthening Russia’s “turn to the South” and trans-Eurasian relations // *Russian Economic Journal*. 2022. N 8 (2). P. 159–173.
22. Zakharov A. The international North — South transport corridor: prospects and challenges for ensuring communication between Russia and India // *Review of International relations MGIMO*. 2023. N 16 (2). P. 216–234.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Продовольственное обеспечение и продовольственная безопасность населения стран мира в условиях изменения миропорядка: управленческие аспекты

Холдоенко А. М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; dept.koet@unecon.ru

РЕФЕРАТ

Геополитические изменения приводят к трансформации экономики и социальных условий для жизнеобеспечения населения. Различная плотность населения, плодородность земель, различия в уровне дохода инициируют применение разных подходов к обеспечению населения стран мира продовольствием. До сих пор малоизученными остаются вопросы влияния санкций против России на продовольственное обеспечение и продовольственную безопасность в мире, в частности с учетом «зерновой сделки». Цель работы состоит в проведении анализа процессов продовольственного обеспечения и достижения продовольственной безопасности стран мира с учетом введения санкций странами Запада против России. Задачи исследования следующие: провести анализ текущей ситуации в обеспечении продовольствием, выявить основные угрозы продовольственной безопасности в мире в целом, предложить решения по снижению негативного влияния санкций, вводимых против одних государств, на третьи страны. Результатами исследования является обоснование предложений, направленных на решение вопросов обеспечения продовольственной безопасности в мире при санкционном давлении на экспортеров сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: продовольственная проблема, продовольственная безопасность, обеспечение населения продовольствием, антироссийские санкции, «зерновая сделка»

Для цитирования: Холдоенко А. М. Продовольственное обеспечение и продовольственная безопасность населения стран мира в условиях изменения миропорядка: управленческие аспекты // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 196–202.

Food Supply and Food Security of the World's Population in the Conditions of Changing World Order: Management Aspects

Artur M. Holdoenko

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; dept.koet@unecon.ru

ABSTRACT

Geopolitical changes lead to a transformation of the economy and social conditions for the livelihoods of the population. Different population densities, land fertility, and differences in income levels initiate the use of different approaches to providing the world's population with food. The impact of sanctions against Russia on food supply and food security in the world, in particular considering the "grain deal," remains poorly understood. The purpose of the work is to analyze the processes of food supply and achieving food security in the countries of the world, considering the introduction of sanctions by Western countries against Russia. The objectives of the study are as follows: to analyze the current situation in food supply, to identify the main threats to food security in the world as a whole, to propose solutions to reduce the negative impact of sanctions imposed against some states on third countries. The results

of the study provide substantiation of proposals aimed at resolving issues of ensuring food security in the world under sanctions pressure on exporters of agricultural products.

Keywords: food problem, food security, food supply for the population, anti-Russian sanctions, “grain deal”

For citing: Holdoenko A. M. Food Supply and Food Security of the World’s Population in the Conditions of Changing World Order: Management Aspects // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 196–202.

Введение

Продовольственная проблема, несмотря на достигнутый человечеством технологический и социальный прогресс, является по-прежнему одной из острых глобальных проблем [1; 5; 7]; ее удовлетворительное решение, несмотря на предпринимаемые и на международном, и на страновом уровнях активные усилия, пока не достигнуто. Поэтому и в XXI в. она требует внимания. Особенно обостряется эта проблема в периоды нестабильности, вызванной различными факторами: политическими, военными, социальными, климатическими и др. [2; 3; 6].

Итак, сегодня продовольственное обеспечение населения стран мира является глобальной проблемой, требующей участия всех государств. Различия в принадлежащих государствам территорий с точки зрения перспективности их использования для производства продукции сельского хозяйства, численности проживающего населения, уровня дохода граждан, а также войны, стихийные бедствия, эпидемии и многие другие факторы нарушают баланс, формирующийся на основе согласования условий между всеми странами мира в части участия каждого из государств в процессе продовольственного обеспечения.

Соответственно, усиливается вероятность появления новых угроз продовольственной безопасности, быстрое реагирование на предотвращение которых становится основным условием не только конкурентоспособности стран, но и возможности их устойчивого развития. При этом новые угрозы со стороны внешней среды, особенно труднопредсказуемые, приводящие к коренным преобразованиям в экономике ряда стран, становятся непреодолимыми для бедных государств и делают их дотационными, нуждающимися во внешней поддержке другими странами и международными организациями.

Помимо перечисленного, исчерпание природных ресурсов, климатические изменения, неэффективная политика государств по ряду направлений усугубляют негативный тренд в развитии продовольственного обеспечения населения отдельных стран мира и требует привлечения существенных ресурсов с целью реализации эффективных противорисковых мер.

Анализ проблемы обеспечения населения стран мира продовольствием

Голод и в XXI в. остается нерешенной мировой проблемой. По данным ООН, «число голодающих в мире достигло в прошлом году [имеется в виду 2022 г. — прим. авт.] четверти миллиарда человек, и это самый высокий показатель за последнее время..., еще 35 миллионов человек находятся сейчас на грани голода» (цит. по: <https://news.un.org/ru/story/2023/08/1443462>). Всемирная Продовольственная Программа ООН приводит такие показатели: «В 2024 году по всему миру... до 309 миллионов человек сталкиваются с острой нехваткой продовольствия» (цит. по: <https://ru.wfp.org/ending-hunger>).

Стремление на мировом уровне к искоренению такой фундаментальной проблемы, как голод, сопровождающееся развитием новых технологий, требует разносторонних усилий для стран с разным уровнем развития. Все это приводит к дифференциации как мнений о снабжении продовольствием, так и мер по обеспечению продовольственной безопасности в мире. Так, специалистами Агентства политических и экономических коммуникаций (см.: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=8876) отмечается, что причиной всех изменений в сфере продовольственной безопасности является проводимая странами геополитика, требующая осуществления преобразований в социальном и экономическом развитии.

Среди общих тенденций, сопровождающих процесс обеспечения продовольственной безопасности в мире, в докладе Национального координатора России по продовольственным системам и реализации решений Саммита ООН по продовольственным системам (см.: <https://www.dipacademy.ru/documents/7705/doklad-2023.pdf>) выделяются следующие:

- к 2030 г. мир не сможет достичь «нулевого голода» (это утверждение в данном Докладе приводится со ссылкой на доклад ООН 2023 г.);
- в реагировании стран на внешние вызовы усилилась тенденция к дифференциации противорисковых мероприятий: для бедных стран стало характерным увеличение периодов восстановления после кризисных явлений при одновременном ослаблении потенциала для противодействия угрозам в стратегической перспективе;
- продовольственные кризисы все больше становятся следствием комплексного воздействия ряда факторов, таких как неэффективность мер по обеспечению продовольственной безопасности, геополитические изменения, экстремальные погодные явления;
- миграция населения в странах, испытывающих продовольственный кризис, из естественной трансформируется в насильственную. При этом причиной миграции населения все больше становится неэффективность глобальной продовольственной безопасности.

Помимо перечисленного выше, в Докладе приводятся и другие мировые тренды, характерные для текущего периода обеспечения продовольственной безопасности: в глобальном масштабе отсутствует острый недостаток в продуктах питания, что определяется тем, что в странах с высоким уровнем жизни достигнут высокий уровень обеспечения населения продуктами питания; востребованность в пищевой продукции по странам мира характеризуется отсутствием равномерности, что приводит и к дисбалансу в ценовой конъюнктуре; энергетическая политика, проводимая крупными странами мира, оказывает непосредственное влияние на продовольственное обеспечение населения, в случае неэффективной ее реализации дестабилизируется процесс обеспечения продовольственной безопасности.

Да, с одной стороны, обеспечение населения продовольствием — задача национального государства. Но, с другой стороны, рассмотрение проблемы обеспечения продовольственной безопасности в отдельно взятой стране представляется затруднительным из-за существующей экспортно-импортной зависимости между государствами. Тем не менее на высшем уровне управления каждой из стран утверждаются соответствующие внутренние нормативно-правовые положения в части обеспечения продовольственной безопасности, в том числе и на долгосрочный период времени, что представляет собой базу для гармонизации нормативно-правовых норм с другими странами-партнерами.

Угрозы, такие как пандемия Covid-19, распространяющиеся на весь мир, приводят к необходимости пересмотра ряда противорисковых мероприятий как внутри каждой из стран, так и на межстрановом уровне. Это касается и иных типов угроз. Так, при возникновении локальных вооруженных конфликтов, негативные воздей-

ствия распространяются не только на непосредственно государства, являющиеся сторонами этого конфликта, но и на третьи страны, что может существенно ослабить их уровень обеспечения продовольственной безопасности. Помимо локальных конфликтов подобные последствия могут быть спровоцированы и природными явлениями (ураганы, засухи, наводнения и пр.).

Так, например, в Докладе указано, что изменение климата, совпавшее по времени с пандемией Covid-19, привело к трансформации уже устоявшихся процессов производства и распределения пищевых продуктов в мире, что повлекло за собой рост цен на продукты питания и удобрения, спровоцировав введение некоторыми из стран экспортных ограничений. А эти ограничения в свою очередь негативно повлияли на страны-импортеры продовольствия.

Роль России в обеспечении глобальной продовольственной безопасности

Россия является крупным производителем продовольствия и продукции сельского хозяйства в мире, а также играет важную роль в мировом экспорте. Так, по данным Федеральной таможенной службы, приведенным на ее интернет-сайте (см.: <https://customs.gov.ru/folder/519>; заметим, что последние актуальные данные приведены за январь 2022 г., после начала специальной военной операции в открытом доступе они не размещаются), за январь–декабрь 2021 г. Россия в страны дальнего зарубежья экспортировала продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) на сумму 27,7 млрд долл. США (индекс роста относительно 2020 г. составил 120,7%), а в страны СНГ — на 8,2 млрд долл. (индекс роста — 123,5%).

К началу 2020-х гг. Россия, наряду с Украиной, была одним из основных экспортеров зерна на мировом рынке. В 2020–2021 гг. Россия занимала 9% всего мирового рынка пшеницы и 17% зерна, Украина, соответственно, 10% пшеницы и зерна. К этому моменту времени Продовольственной организацией ООН (ФАО) было зафиксировано, что поставляемая из России и Украины в бедные страны сельскохозяйственная продукция стала для последних основным источником удовлетворения потребности в продуктах питания (см.: <https://tass.ru/ekonomika/18286531>).

По данным ФАО, в страны Африки поставки из России и Украины пшеницы и зерна составили более 1/3 от всего объема поставляемой им сельскохозяйственной продукции. Помимо лидерства по экспорту сельхозпродукции, России занимала топовые позиции по продажам в страны мира удобрений: I место — по поставкам азотных удобрений, II — по калийным, III — по фосфорным [там же]. Это также способствовало повышению уровня продовольственной безопасности стран-импортеров российских удобрений, так как приводило к росту продуктивности их растениеводства.

Украина до начала специальной военной операции экспортировала зерна (по объему) больше, чем все страны Евросоюза, величина поставок семян подсолнечника и масла составляла более 50% от всего объема мировых продаж. В 2022–2023 гг. Украина занимала III место по продажам кукурузы в мире и VI — по объему поставок пшеницы. Экспорт зерна в этот период был сопоставим с периодом 2021–2022 гг. (см.: <https://inosmi.ru/20230720/zerno-264460765.html>).

Начало конфликта между Россией и Украиной в форме специальной военной операции привело к пересмотру взаимодействий как между этими двумя странами, так и другими государствами по вопросам торговли продовольствием. Новые условия потребовали их регламентации. Одним из таких документов стало Соглашение об экспорте зерна («зерновая сделка»), которое было подписано 22.07.2022 в Стамбуле отдельно между Российской Федерацией и Украиной,

каждое из этих государств заключило соглашение с ООН и Турцией (см.: <https://tass.ru/ekonomika/18286531>).

Уточним, что Турция, наравне с Китаем и Испанией были одними из крупных покупателей продуктов питания из Украины. Такие бедные, но обладающие значительным населением, страны, как Египет и Бангладеш, импортировали более 1 млн т каждая в рамках программы (см.: <https://inosmi.ru/20230720/zerno-264460765.html>). Согласно Соглашению об экспорте зерна из Украины, были достигнуты договоренности о безопасном вывозе зерна с территории Украины через порты в Одессе, Черноморске и Южном. Вторая часть Соглашения содержала меморандум РФ и ООН об отмене ограничений при экспорте Россией сельхозпродукции и удобрений на мировые рынки (см.: <https://www.kommersant.ru/doc/6122053>).

Невыполнение в отношении РФ второй части Соглашения привело к тому, что документ не был продлен, о чем было объявлено 17.07.2023. Последствиями такого решения для всех стран мира могут стать следующие: рост цен на конечную сельхозпродукцию из-за уменьшения объемов ее поставок; сокращение посевных площадей вследствие возникающего дефицита удобрений и повышения цен на них (см.: <https://inosmi.ru/20230720/zerno-264460765.html>). После 17.07.2023 не только Украина, но и Евросоюз стали искать новые альтернативные способы вывоза зерна с территории Украины. Данные решения рассматриваются на высшем уровне управления и сопровождаются не только дополнительными расходами в связи с увеличением продолжительности маршрута, но и с невозможностью сохранения гарантий безопасности логистики на прежнем уровне (см.: <https://iz.ru/1546011/valentin-loginov/zernistyj-put-kiev-ishchet-sposob-oboitis-bez-sdelki-s-moskvoi>).

До настоящего момента не известен весь перечень дополнительных рисков, которые возникнут у стран, предпринявших попытку продолжить зерновую сделку без участия России. Неизвестность, невозможность достаточно точной оценки рисков порождает труднопредсказуемость перспективных мер по преодолению рискованных ситуаций в продовольственной безопасности странами мира. На фоне происходящих событий Россия неоднократно предпринимала попытки по бесплатной передаче зерна нуждающимся в этом странам, а также предоставлению самой своей сельхозпродукции на безвозмездной основе, но в ряде случаев эти попытки блокировались.

Таким образом, сегодня проявляется существенная зависимость продовольственной безопасности от геополитической ситуации в мире. При этом, каждая из сторон конфликта при поиске альтернативных мер исходит из того, какие именно результаты будут достигнуты. В данном случае такими результатами могут выступать: борьба с голодом в бедных странах; занятие нового места страной на геополитической арене; повышение конкурентоспособности национальной экономики (в том числе — на рынках продовольствия); снижение издержек; повышение прибыли; поиск новых стран-партнеров и пр.

Уточним, что каждая из перечисленных выше целей может быть достигнута как индивидуально, так и в комплексе, а также иметь краткосрочный либо долгосрочный эффект. Так, например, на основании имеющихся данных (см.: <https://newizv.ru/news/2023-07-17/zernovaya-sdelka-zavershena-budet-li-vtoroy-raund-413700>), в условиях «зерновой сделки» в 2022 г. доля экспорта зерновых в пять самых бедных стран мира (Афганистан, Эфиопия, Сомали, Судан и Йемен) составила 2,5%, что, на наш взгляд, не позволяет сделать вывод о реализации первой из перечисленных выше целей — борьба с голодом в бедных странах не проводилась достаточно эффективно.

Вторая цель — занятие нового места Россией на геополитической арене — проявляется в том, что «зерновая сделка» позволила РФ за счет усиления взаимосвязей со странами Африки повысить свой имидж как ответственного государства и дело-

вого партнера (см.: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-stoit-za-chernomorskoy-zernovoy-initsiativoy>). Кроме того, обеспечение стран Африки зерном позволяет достичь и еще одной цели — поиск новых стран-партнеров, что весьма важно применительно к условиям современной неопределенности в мировом развитии [4].

Результаты «зерновой сделки», позволившие сгладить инфляционные ожидания продовольственного кризиса и обеспечить стабилизацию мировых цен на продовольственные товары могут быть отнесены к упомянутой выше цели — «снижение издержек». Цель «повышение прибыли» также была достигнута. Это подтверждается доступными статистическими данными (см.: <https://newizv.ru/news/2023-07-17/zernovaya-sdelka-zavershena-budet-li-vtoroy-raund-413700>). А именно, на конец 2023 г. запасы зерновых превысили на 50% итоги предыдущего года.

Кроме того, согласно оценкам ФАО, за 2022 г. наблюдался рост выручки на 70% относительно результатов 2021 г. от продажи российских удобрений (при падении объема вывоза удобрений на 10%). Рост объемов экспорта удобрений был зафиксирован в рассматриваемый период в Индию (в 3 раза), Турцию (в 1,5 раза), Вьетнам (см.: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-stoit-za-chernomorskoy-zernovoy-initsiativoy>).

Таким образом, декларируемые российской стороной цели в ходе реализации «зерновой сделки» схожи с решениями, предложенными в Докладе Национального координатора России по продовольственным системам и реализации решений Саммита ООН по продовольственным системам, рассмотренном нами выше. Реализация этих решений позволит снизить негативное воздействие на продовольственную безопасность от вызовов внешней среды в сжатые сроки.

В частности, в Докладе инициировались меры по: поддержке населения, наиболее уязвимого к нарушению продовольственной безопасности; развитию свободной торговли; эффективному распределению произведенных продуктов питания; привлечению инвестиционных ресурсов «в климатически устойчивое сельское хозяйство». Поясним, что под свободной торговлей в складывающихся условиях хозяйствования следует понимать такие взаимодействия, которые позволяют каждому из государств достигать своих целей.

Последнее из направлений, обеспечивающее противодействие внешним вызовам, — привлечение инвестиционных ресурсов «в климатически устойчивое сельское хозяйство» — в настоящее время будет сдерживаться необходимостью решения комплекса задач: поиск отвечающих потребностям территорий, поиск инвесторов, предотвращение изменений климатических условий на данных территориях. С нашей точки зрения, данные задачи, хотя и являются приоритетными, но представляются трудновыполнимыми в текущем периоде времени.

Заключение

Таким образом, в современных условиях проблема обеспечения продовольственной безопасности в мире сохраняет свою остроту. Для ее решения необходимы согласованные усилия не только правительств отдельных стран, но всего мирового сообщества. В то же время сохраняющийся конфликтный потенциал выступает угрозой глобальной продовольственной безопасности, от которой в наибольшей степени страдают развивающиеся страны.

Безусловно, ожидать снижения конфликтности в условиях перехода к новому миропорядку было бы наивно. В то же время требуется разработка действенных международных механизмов, ограждающих (по крайней мере, в части, касающейся продовольственного обеспечения населения) третьи страны от последствий конфликтов, в том числе военных, между странами мира.

Литература

1. *Бабич С. В., Доленина О. Е., Селеменова Е. А.* Перспективы продовольственной безопасности в Евразийском экономическом пространстве // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 44–52.
2. *Бартенев В.* Влияние санкционного давления на продовольственную безопасность: традиционные и новые измерения // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2 (63). С. 11–37.
3. *Загашвили В. С.* Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 8. С. 46–59.
4. *Королев И.* Неопределенность мирового экономического развития: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 3–10.
5. *Холдоенко А. М.* Социальные аспекты продовольственной безопасности: кейс яйца куриного // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 4 (58). С. 15–20.
6. *Delgado C., Murugani V., Tschunkert K.* Food Systems in Conflict and Peacebuilding Settings: Pathways and Interconnections. Stockholm : Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2021. 30 p.
7. *Plotnikov V., Nikitin Y., Maramygin M., Ilyasov R.* National food security under institutional challenges (Russian experience) // International Journal of Sociology and Social Policy. 2021. Vol. 41. N 1–2. P. 139–153.

Об авторе:

Холдоенко Артур Михайлович, кандидат ветеринарных наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; dept.koet@unecon.ru

References

1. Babich S.V., Dolenina O.E., Selemeneva E.A. Prospects for food security in the Euro-Asian economic space // News of the St. Petersburg State Economic University. 2022. N 6 (138). P. 44–52. (In Russ.)
2. Bartenev V. The influence of sanctions pressure on food security: traditional and new dimensions // Paths to peace and security. 2022. N 2 (63). P. 11–37. (In Russ.)
3. Zagashvili V.S. Food security of Russia in the context of deteriorating relations with the EU // Russian Foreign Economic Bulletin. 2015. No 8. P. 46–59. (In Russ.)
4. Korolev I. Uncertainty of world economic development: risks for Russia // World Economy and International Relations. 2013. N 4. P. 3–10. (In Russ.)
5. Holdoenko A.M. Social aspects of food security: the case of the chicken egg // Theory and practice of service: economics, social sphere, technology. 2023. N 4 (58). P. 15–20. (In Russ.)
6. Delgado C., Murugani V., Tschunkert K. Food Systems in Conflict and Peacebuilding Settings: Pathways and Interconnections. Stockholm : Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2021. 30 p.
7. Plotnikov V., Nikitin Y., Maramygin M., Ilyasov R. National food security under institutional challenges (Russian experience) // International Journal of Sociology and Social Policy. 2021. Vol. 41. N 1–2. P. 139–153.

About the author:

Artur M. Holdoenko, Candidate of Veterinary Sciences, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; dept.koet@unecon.ru

Изменение влияния экономических факторов на образование в Российской Федерации за 2000–2022 гг.

Котов А. И., Полянская С. В.^{*}, Ульзетуева Д. Д.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; ^{*}polyanskaya-sv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется анализ зависимости между экономическим состоянием и уровнем образования регионов РФ за последние 20 лет. В качестве экономических показателей регионов были выбраны валовой региональный продукт, доля пенсионеров, общие расходы и доля расходов на коммунальные услуги, доля населения с доходами ниже прожиточного уровня и др. В качестве показателей, характеризующих уровень образования регионов, были взяты численность учителей, студентов, преподавателей, аспирантов, доля затрат на фундаментальные и прикладные исследования и т. д. Основные методы исследования — факторный, корреляционный и кластерный анализ, а также метод главных компонент. С помощью кластерного анализа получены 4 группы регионов, отличающиеся по экономическим показателям. Все показатели были стандартизованы и для каждого года был проведен метод главных компонент между двумя группами показателей как для всех регионов РФ, так и для каждого кластера в отдельности. После выбора первых главных компонент построена линейная зависимость между рассматриваемыми двумя группами показателей для разных федеральных округов РФ. Сделан вывод о том, что для первых двух кластеров с 2000 до 2003 г. связи между двумя группами показателей не наблюдалось. Однако начиная с 2004 г. выявлена линейная зависимость между двумя группами показателей, которая имеет тенденцию к усилению. Для третьего и четвертого кластеров отмечается отсутствие данной зависимости на протяжении последних 20 лет. По построенной модели линейной регрессии сделан прогноз на ближайшие 5 лет об усилении влияния экономики на сферу образования для регионов, входящих в первый и второй кластеры. Проведенный анализ подтверждает предположение о том, что для промышленных регионов существует сильная взаимосвязь между экономическими показателями и уровнем образования, тогда как для сырьевых и аграрных регионов такая взаимосвязь отсутствует. Предложенный метод может быть использован как для анализа влияния экономических факторов на образование регионов, так и для анализа обратного влияния, что особенно актуально для принятия стратегических решений в области образования.

Ключевые слова: образование, регрессионный анализ, метод главных компонент, матрица корреляций, региональная экономика, федеральный округ, человеческий капитал

Для цитирования: Котов А. И., Полянская С. В., Ульзетуева Д. Д. Изменение влияния экономических факторов на образование в Российской Федерации за 2000–2022 гг. // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 203–218.

Changing the Influence of Economic Factors on Education in the Russian Federation for 2000–2022

Alexander I. Kotov, Svetlana V. Polyanskaya^{*}, Darima D. Ulzetueva

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation; ^{*}polyanskaya-sv@ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the analysis of the relationship between the economic condition and the level of education of the regions of the Russian Federation over the past 20 years. The gross regional product, the share of pensioners, total expenses and the share of utility costs, the share of the population with incomes below the subsistence level, etc. were selected as economic indicators of the regions. As indicators characterizing the level of education in the regions, the number of teachers, students, teachers, graduate students, the share of costs for basic and applied research, etc. were taken. The main research methods are factor, correlation and cluster analysis, as well as the principal component method. Using cluster analysis, 4 groups of regions were obtained, differing in economic indicators. All indicators were standardized and for each year the method of main components between two groups of indicators was carried out both for all regions of the Russian Federation and for each cluster separately. After selecting the first main components, a linear relationship is constructed between the two groups of indicators under consideration for different federal districts of the Russian Federation. It is concluded that for the first two clusters, from 2000 to 2003, there was no connection between the two groups of indicators. However, since 2004, a linear relationship between the two groups of indicators has been revealed, which tends to increase. For the third and fourth clusters, the absence of this dependence has been noted over the past 20 years. Based on the constructed linear regression model, a forecast is made for the next 3 years on the strengthening of the influence of the economy on the field of education for the regions included in the first and second clusters. The analysis confirms the assumption that for industrial regions there is a significant relationship between economic indicators and the level of education, whereas for raw material regions there is no such relationship. The proposed method can be used both to analyze the impact of economic factors on the education of regions and to analyze the reverse effect, which is especially important for making strategic decisions in the field of education.

Keywords: education, principal component analysis regression analysis, principal component method, correlation matrix, regional economy, federal district, human capital

For citing: Kotov A. I., Polyanskaya S. V., Ulzetueva D. D. Changing the Influence of Economic Factors on Education in the Russian Federation for 2000–2022 //Administrative Consulting. 2024. N 6. P. 203–218.

Введение

За последние годы влияние образования на все сферы жизни заметно возросло. Это подтверждается опросами, проводимыми ВЦИОМ — число людей, осознающих необходимость и важность получения знаний, стало за последние 10 лет больше. В современном мире экономика и образование влияют на развитие друг друга [10, с. 135]. Взаимосвязь и взаимодействие экономики и образования — это естественный и взаимовыгодный процесс [3; 6; 8]. Очевидно, что развитие образования тесно связано с уровнем развития всех сфер жизни [7, с. 535]. На данный момент в среднем по всем странам мира физический капитал формирует 16% общего объема богатства каждой страны, природный — 20%, человеческий же капитал — 64% [11, с. 8]. При этом наблюдается сильная положительная корреляция между долей человеческого капитала и уровнем развития экономики — чем выше доля человеческого капитала в общем объеме национального богатства страны, тем выше уровень использования передовых производственных технологий и тем выше благосостояние общества [16, с. 185].

В последние годы появилось много статей, посвященных влиянию цифровой экономики на разные стороны жизни, в частности, на образование. Об усилении такого влияния говорится в статьях [2; 24]. Однако это всего лишь одна сторона, которую надо учитывать при принятии решений, направленных на совершенствование системы образования. Мы же хотим в целом проследить влияние экономических факторов на уровень развития образования региона. В статье [1, с. 72] отмечается,

что развитие человеческого капитала происходит с помощью реализации знаний, но при этом важна его связь с экономическим ростом. О том, что уже сегодня надо принимать меры опережающего характера по отношению к разным уровням образования и регионам РФ, упоминается в статье [9, с. 120]. При этом данная проблема носит международный характер [21]. Цель данной статьи — построение количественной оценки влияния экономики на образование и анализ ее изменения в зависимости от региона Российской Федерации. Расчет такой количественной характеристики имеет крайне важное значение не только для выявления существующих проблем в регионах, но и дает основу для эффективных управленческих решений. В частности, на основе такого анализа можно выявить как общую тенденцию, так и регионы, в которых такое влияние не прослеживается, что является необходимым для сглаживания региональных диспропорций. Также было выдвинуто предположение о том, что связь между экономическими факторами и факторами, отражающими качество образования, существует для регионов, обладающих определенным свойством. Для построения такой количественной оценки проанализируем, каким образом изменения в экономике отражаются на уровне образования общества в зависимости от региона.

Материалы и методы

Один из главных вопросов при анализе влияния экономических факторов на образование — это вопрос о выделении основных факторов, влияющих на состояние экономики региона. Системный анализ экономик разных стран показывает наличие устойчивой взаимозависимости между качественным устройством экономики, уровнем безработицы и качеством трудовых ресурсов [16]. Формализации факторов, влияющих на сбалансированное развитие экономики региона, посвящены многие работы, в частности [13; 25]. На основании проведенного анализа в качестве факторов, отражающих уровень развития экономик региона, были выбраны:

- x_1 — валовой региональный продукт на душу населения;
- x_2 — уровень занятости населения;
- x_3 — численность пенсионеров;
- x_4 — инвестиции в экономику;
- x_5 — процент населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума);
- x_6 — потребительские расходы в среднем на душу населения;
- x_7 — удельный вес расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Данный выбор факторов основан на двух требованиях. Во-первых, отобраны те показатели, которые не коррелируют друг с другом и не вызовут в дальнейшем проблему мультиколлинеарности факторов. Во-вторых, факторов не должно быть слишком много.

Вторая задача — выделение основных факторов, характеризующих уровень образования в регионе. Этой проблеме также посвящены различные исследования [12; 15; 19]. В частности, в статье [14, с. 251] выделены такие факторы для оценки качества образования:

- число общеобразовательных организаций (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций);
- численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета;
- численность профессорско-преподавательского персонала образовательных организаций высшего образования;
- средняя заработная плата по субъекту РФ педагогических работников образовательных учреждений общего образования;

- средняя заработная плата по субъекту РФ педагогических работников образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Однако первые два фактора сильно коррелируют с численностью учителей и студентов, а такой показатель как зарплата работников учреждений среднего образования отражен в группе экономических показателей. Кроме того, важным фактором оценки качества образования является доля в общем финансировании научных организаций отдельно фундаментальных, прикладных и текущих исследований, а также уровень инновационной деятельности образовательных учреждений регионов. Были проанализированы изменения факторов, отражающих качество образования, в зависимости от федерального округа. На рис. 1 построены изменения численности студентов на 10 000 чел. населения в ЦФО и СЗФО.

Была составлена матрица корреляций между всеми факторами за каждый год наблюдения с 2000 по 2022 г. Из пары факторов, имеющих коэффициент корреляции более 0,8, был оставлен один. Так, внутренние текущие затраты на прикладные исследования сильно коррелирует как с общим финансированием научных исследований, так и с уровнем заработной платы педагогических работников образовательных учреждений высшего профессионального образования — их коэффициент парной корреляции составил 0,9. В результате был оставлен фактор y_6 — затраты на прикладные исследования, отражающий и уровень финансирования прикладных исследований, и уровень средней заработной платы в сфере высшего образования. После вычленения коррелированных факторов матрица корреляций между переменными y_i выглядит следующим образом (табл. 1).

Таким образом, были отобраны следующие факторы, отражающие уровень состояния образования в регионе:

- y_1 — численность учителей;
- y_2 — численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета;
- y_3 — численность аспирантов;

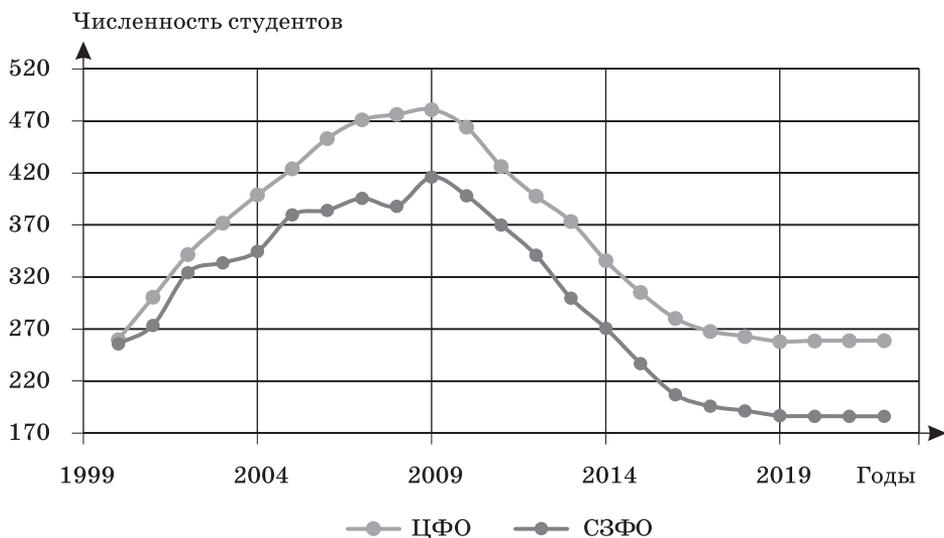

Рис. 1. Изменение численности студентов на 10 000 чел. населения в ЦФО и СЗФО за 2000–2022 гг.

Fig. 1. Change in the number of students per 10,000 in the Central Federal District and the Northwestern Federal District for 2000–2022

- y_4 — численность профессорско-преподавательского персонала образовательных организаций высшего образования;
- y_5 — финансирование фундаментальных исследований;
- y_6 — финансирование прикладных исследований;
- y_7 — уровень инновационной активности образовательных организаций.

Таблица 1

Коэффициенты корреляций между факторами, отражающими качество образования в РФ по данным за 2022 г.

Table 1. Correlation coefficients between factors reflecting the quality of education in the Russian Federation according to data for 2022

	y_1	y_2	y_3	y_4	y_5	y_6	y_7
y_1	1						
y_2	- 0,05	1,00					
y_3	- 0,12	0,83	1,00				
y_4	- 0,28	0,54	0,70	1,00			
y_5	- 0,08	0,42	0,61	0,65	1,00		
y_6	- 0,25	0,48	0,73	0,77	0,63	1,00	
y_7	- 0,23	0,29	0,30	0,39	0,15	0,34	1,00

Чтобы понять, каким образом изменилось влияние экономики на уровень образования в регионах РФ за последние 20 лет, необходимо исследование отобранных факторов и предобработка статистических данных. Далее проводится анализ с помощью средств математической статистики — уменьшение размерности данных с помощью метода главных компонент [17] и корреляционно-регрессионный анализ выделенных компонент.

Результаты

Были построены графики зависимости экономических факторов по регионам РФ. В частности, на рис. 2 приведены изменения рассматриваемых факторов по Северо-Западному округу РФ. Для сравнения различных показателей была проведена Z-стандартизация по формуле:

$$x_i' = \frac{x_i - x_{i\text{cp}}}{s_i},$$

где $x_{i\text{cp}}$ — выборочное среднее, s_i — стандартное отклонение фактора x_i .

Аналогично построены графики изменения показателей, отражающих уровень образования в регионах РФ, за последние 20 лет. На рис. 3 приведены изменения рассматриваемых факторов по Северо-Западному округу РФ.

Были построены матрицы парных корреляций для двух групп показателей, чтобы отбросить факторы, не являющиеся независимыми. Среди отобранных показателей не оказалось сильно коррелированных величин. Для дальнейшего исследования был применен метод главных компонент (РСА) к каждой группе факторов. С помощью данного метода размерность данных сильно сокращается. В результате можно получить достаточно простую модель для дальнейшего анализа. В любом случае при построении математической модели часть информации теряется, но использование метода главных компонент позволяет минимизировать эти потери. Недостаток традиционного РСА в том, что в качестве оценки он использует выборочную корреляци-

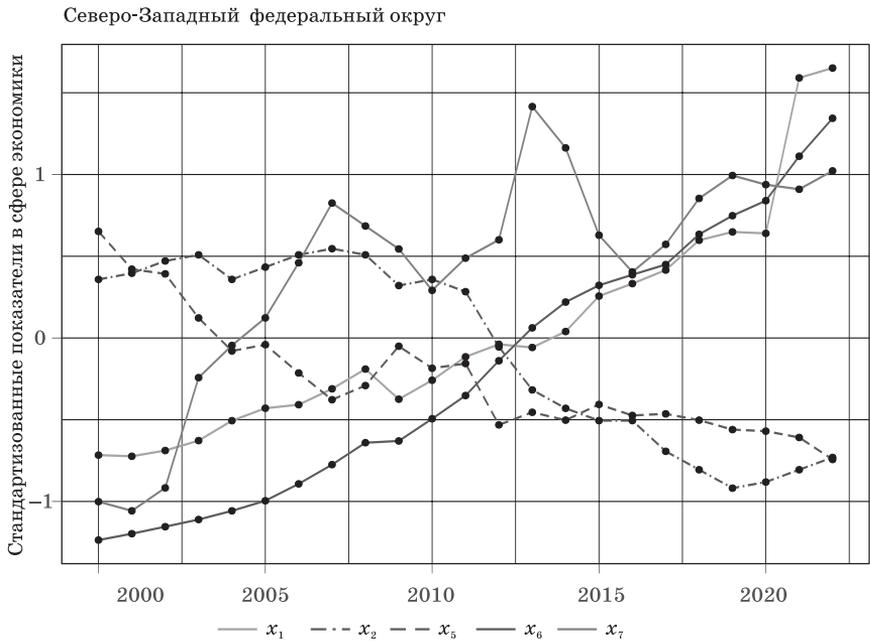

Рис. 2. Изменение экономических показателей в СЗФО (2000–2022 гг.)
 Fig. 2. Changes in economic indicators in the Northwestern Federal District (2000–2022)

Источник: составлено авторами по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

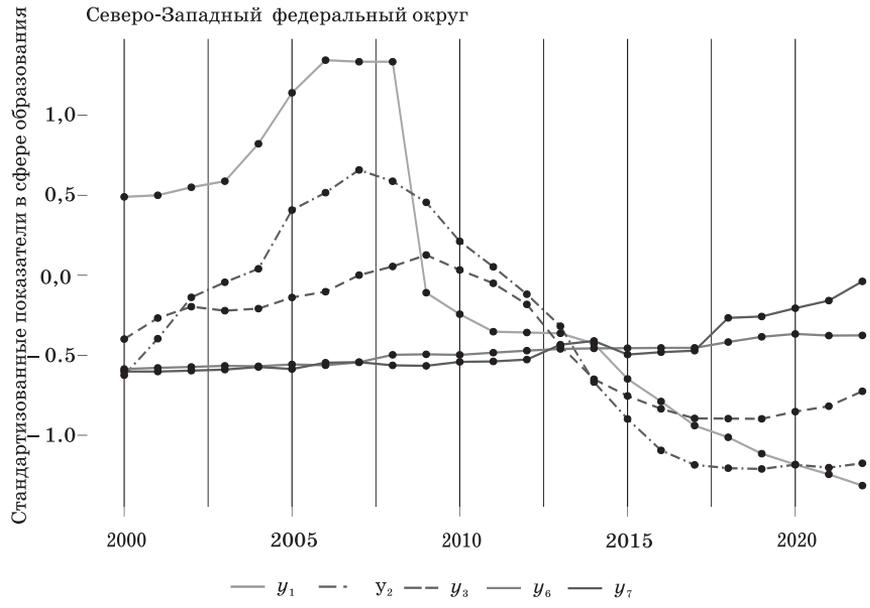

Рис. 3. Изменение показателей в сфере образования в СЗФО (2000–2022 гг.)
 Fig. 3. Changes in education indicators in the Northwestern Federal District (2000–2022)

Источник: составлено авторами по данным с сайта <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

онную матрицу, которая является эффективной оценкой только при нормальном распределении факторов [20]. Данная оценка чувствительна к отклонениям распределения исходных данных от нормального, в частности, к аномальным значениям и выбросам, что приводит к серьезным ошибкам в итоговых результатах [23]. Поэтому были выполнены следующие преобразования данных. Сначала для каждого года было проведено преобразование Бокса-Кокса, получены значения коэффициентов λ_i , μ_i для приведения распределения факторов к нормальному по формуле:

$$\begin{cases} x'_i = (x_i^{\lambda_i} - 1) / \lambda_i \\ y'_i = (y_i^{\mu_i} - 1) / \mu_i \end{cases}$$

После этого преобразования гипотеза о нормальном распределении была проверена по критериям Пирсона и Шапиро-Уилка и подтвердилась на уровне значимости 0,05. Затем были удалены аномальные элементы, то есть регионы, чьи показатели выходят за границы интервала $[Q_1 - 3IQR; Q_3 + 3IQR]$, где Q_1 — 1-й квартиль, Q_3 — 3-й квартиль, IQR — межквартильный размах. В частности, Москва, Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Тюменская область были исключены из дальнейшего рассмотрения.

Далее был выполнен метод главных компонент для обеих групп выбранных показателей для 2000–2022 гг. В частности, результат выполнения этого метода для 2000 г. для первой группы, т. е. для экономических факторов, представлен на рис. 4, для второй группы, т. е. факторов, характеризующих уровень образования — на рис. 5.

Для каждого года этим же методом были отсеяны компоненты с наименьшей дисперсией и выбрана главная компонента с максимальной дисперсией. Доля сохраненной дисперсии по первой группе факторов лежит в пределах $[0,52, 0,60]$, доля сохраненной дисперсии по второй группе факторов — в пределах $[0,65, 0,79]$. На вторую компоненту по первой и по второй группе факторов в среднем приходится от 0,1 до 0,2 доли сохраненной дисперсии. Это дает возможность упростить модель и рассматривать только первые главные компоненты по двум группам факторов, поскольку они содержат более половины всей информации.

Необходимо отметить, что для изучения влияния экономических факторов на образование возможно использование вместо оценки Пирсона робастные оценки, то есть устойчивые к выбросам, например, оценки Гнанадесикана — Кетенринга или Олива — Хокинса [5, с. 38]. Однако при нормальном распределении все три оценки дают приблизительно одинаковый результат [4, с. 30].

Метод главных компонент был реализован как для всех федеральных округов, так и для каждого федерального округа отдельно. Однако при построении зависимости между первыми главными компонентами по всем регионам РФ зависимость между двумя группами показателей не наблюдалась. Гипотеза о том, что коэффициент корреляции равен 0, подтвердилась на уровне значимости 0,05. Поэтому метод главных компонент был также выполнен для каждого федерального округа отдельно. После этого были найдены коэффициенты корреляции между двумя группами факторов для разных федеральных округов с 2000 по 2022 г.

Анализ вычисленных коэффициентов корреляции для отдельных федеральных округов показывает, что зависимость между экономическими факторами и факторами, характеризующими уровень образования в федеральном округе, имеют разный характер. Для ЦФО и СЗФО имеет место сильная корреляция с 2004 по 2022 г., т. е. в течение почти всего периода наблюдений. Для ПФО и СФО характерна умеренная корреляция в течение 2012–2022 гг., до этого периода наблюдалась слабая положительная корреляция. Для ЮФО, УФО, ДВФО, СКФО отсутствует какая-либо

Рис. econ

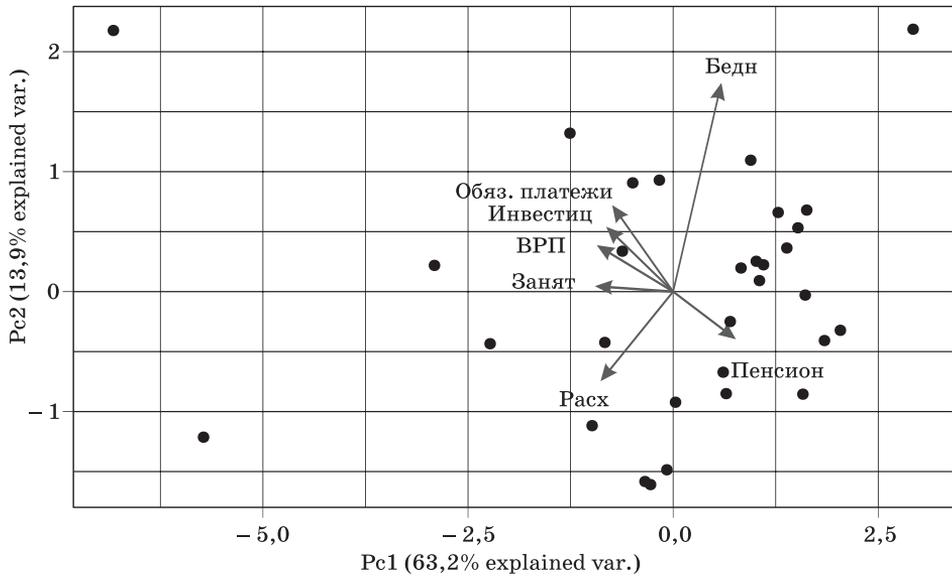

Рис. 4. Метод главных компонент для экономических факторов (2000)
 Fig. 4. The principal component analysis for economic factors (2000)

Источник: составлено авторами.

Рис. obr

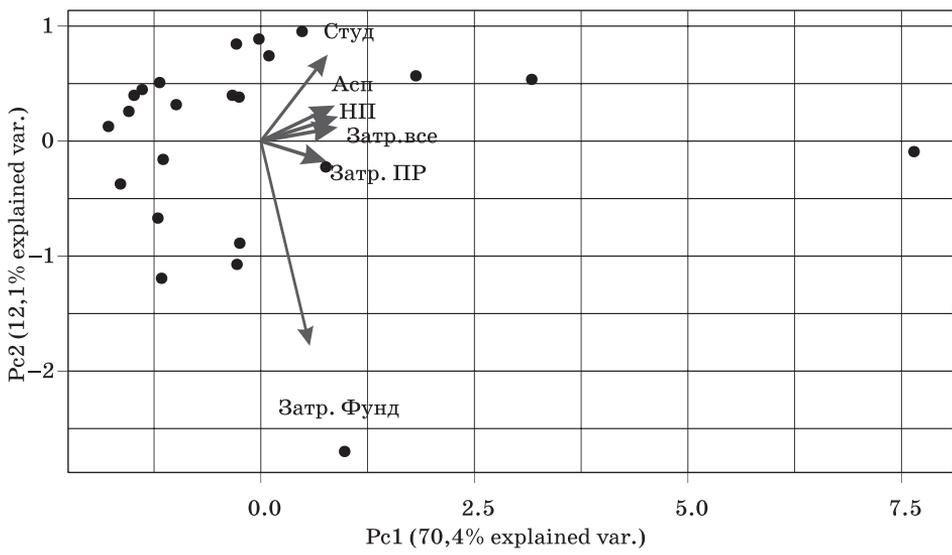

Рис. 5. Метод главных компонент для факторов, характеризующих уровень образования (2000)
 Fig. 5. The principal component analysis for factors characterizing the level of education (2000)

Источник: составлено авторами.

закономерность — на протяжении 2000–2022 гг. наблюдается и слабая положительная, и слабая отрицательная корреляции, и отсутствие корреляции. В табл. 2 указаны вычисленные доли сохраненной дисперсии в сумме дисперсий всех компонент по федеральным округам по данным за 2000 г.

В результате анализа полученных коэффициентов корреляции за 2000–2022 гг. было выдвинуто предположение о том, что устойчивая связь между двумя группами факторов существует только для федеральных округов, обладающих определенным свойством. Было выполнено разбиение всех федеральных округов на 4 кластера по экономическим показателям с помощью метода k-средних (рис. 6). Затем метод главных компонент был применен отдельно к каждому кластеру и получены результаты по каждому году с 2000 по 2022 г. Частично полученные результаты приведены в табл. 3.

Таблица 2

Доля сохраненной дисперсии по федеральным округам по данным за 2000 г.

Table 2. Proportion of the explained variance by federal districts according to data for 2000

Федеральные округа	Группы	Главные компоненты						
		1	2	3	4	5	6	7
ЦФО, СЗФО, ПФО, СФО	1-я гр.	0,61	0,16	0,10	0,06	0,05	0,02	0,00
	2-я гр.	0,53	0,31	0,07	0,03	0,03	0,02	0,01
ЮФО, УФО, ДВФО	1-я гр.	0,62	0,24	0,09	0,03	0,02	0,00	0,00
	2-я гр.	0,68	0,13	0,08	0,07	0,03	0,02	0,01
СКФО	1-я гр.	0,69	0,17	0,07	0,04	0,02	0,01	0,00
	2-я гр.	0,64	0,21	0,08	0,05	0,01	0,01	0,00

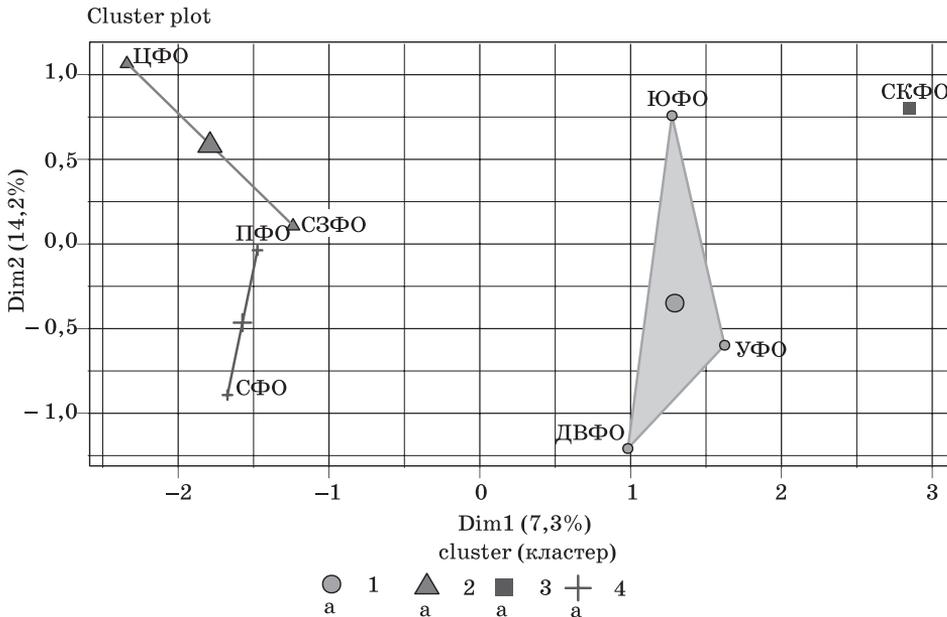

Рис. 6. Разбиение федеральных округов на группы по экономическим показателям
Fig.6. Division of federal districts into groups by economic indicators

Источник: составлено авторами.

Значения коэффициента корреляции между двумя группами факторов по кластерам за период 2017–2022 гг.

Table 3. The values of the correlation coefficient between the two groups of factors by cluster for the period 2017–2022

Кластеры	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1 — ЦФО, СЗФО	0,75	0,75	0,76	0,76	0,77	0,75
2 — ПФО, СФО	0,52	0,54	0,53	0,51	0,50	0,51
3 — ЮФО, УФО, ДВФО	– 0,25	– 0,37	– 0,39	– 0,30	– 0,36	– 0,24
4 — СКФО	– 0,32	– 0,38	– 0,35	– 0,40	– 0,55	– 0,59

Это дало возможность объединить все федеральные округа в три группы. В 1-ю группу вошли федеральные округа со средними значениями коэффициента корреляции 0,5 и выше. Во 2-ю группу вошли федеральные округа, у которых средние значения коэффициента корреляции лежат в пределах $[-0,2, 0,5)$. В 3-ю группу вошли федеральные округа, у которых средние значения коэффициента корреляции меньше $-0,2$. Таким образом, ЦФО, СЗФО, ПФО и СФО составили первую группу, для них коэффициент корреляции значим и его среднее значение за период 2000–2022 гг. равно 0,5. Во 2-ю группу вошли ЮФО, УФО, ДВФО, для них коэффициент корреляции незначим и его среднее значение $r_{xy} = -0,06$ за тот же период. По 3-й группе, которую составляет только СКФО, коэффициент корреляции также незначим, но его среднее значение $r_{xy} = -0,32$.

Уравнение линейной регрессии для первой группы федеральных округов описывается формулой $y = 0,016x - 31,74$ (рис. 7). При этом коэффициент детерминации $R^2 = 0,895$, модель значима в целом. Все предположения теоремы Гаусса-Маркова выполнены — остатки имеют нормальное распределение, независимы

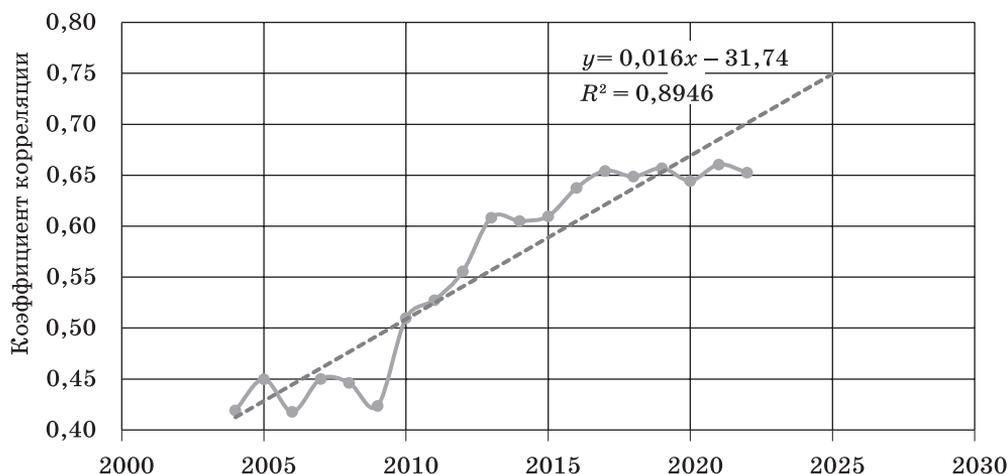

Рис. 7. Зависимость показателей, характеризующих уровень образования, от экономических показателей для ЦФО, СЗФО, ПФО, СФО, 2004–2025 гг.

Fig. 7. Dependence of indicators characterizing the level of education on economic indicators for the Central, Northwestern, Volga and Siberian Federal District, 2004–2025

Источник: составлено авторами.

и обладают одинаковой дисперсией. Зависимость между рассматриваемыми показателями на 2025 г. будет чуть выше, чем в предыдущих годах, и коэффициент корреляции достигнет значения 0,75, средняя относительная ошибка аппроксимации составляет около 5%. Интервальная оценка прогноза лежит в интервале (0,67, 0,83). К 2028 г. коэффициент корреляции составит уже 0,8, предельная ошибка равна 0,08, а интервальная оценка прогноза попадет в интервале (0,72, 0,88).

Таким образом, можно утверждать, что за последние 20 лет наблюдается устойчивая связь между экономическими показателями и показателями, характеризующими уровень образования, при этом эта связь усиливается. Если же брать в расчет последние 12 лет, то уравнение линейной регрессии описывается формулой $y = 0,0061x - 11,709$. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,73$, модель по-прежнему значима в целом. Результаты прогноза представлены в табл. 4.

Прогноз можно построить и другим способом. Так как мы имеем временной ряд с трендом, но без сезонности, то для прогнозирования можно воспользоваться методом Хольта или двойным экспоненциальным сглаживанием [18; 22]. В результате для 2025–2030 гг. получим значения для прогноза и его интервальной оценки, которые приведены в табл. 5.

Результаты, полученные двумя разными методами, оказались очень похожи.

Аналогичное уравнение линейной регрессии построено для 2-й группы федеральных округов, т. е. для ЮФО, УФО, ДВФО (рис. 8). Однако в отличие от предыдущей модели построенная модель незначима. Такая же ситуация и для 3-й группы — для СКФО никакой связи между экономическими показателями и показателями, характеризующими уровень образования, в течение 2000–2022 гг. не выявлено.

Таблица 4

Результаты прогноза, полученные с помощью модели линейной регрессии (2025–2030)

Table 4. The forecast results obtained using the linear regression model (2025–2030)

Год	Прогноз	Нижняя граница ($p = 0,8$)	Верхняя граница ($p = 0,8$)	Нижняя граница ($p = 0,95$)	Верхняя граница ($p = 0,95$)
2025	0,70	0,64	0,75	0,61	0,78
2026	0,71	0,65	0,77	0,61	0,80
2027	0,72	0,65	0,79	0,62	0,83
2028	0,73	0,66	0,81	0,62	0,85
2029	0,75	0,67	0,83	0,62	0,87
2030	0,76	0,67	0,84	0,63	0,89

Таблица 5

Результаты прогноза, полученные с помощью метода Хольта (2025–2030)

Table 5. Forecast results obtained using the Holt method (2025–2030)

Год	Прогноз	Нижняя граница ($p = 0,8$)	Верхняя граница ($p = 0,8$)	Нижняя граница ($p = 0,95$)	Верхняя граница ($p = 0,95$)
2025	0,71	0,67	0,75	0,65	0,77
2026	0,72	0,69	0,76	0,66	0,78
2027	0,73	0,70	0,77	0,67	0,79
2028	0,74	0,70	0,78	0,68	0,80

Год	Прогноз	Нижняя граница ($p = 0,8$)	Верхняя граница ($p = 0,8$)	Нижняя граница ($p = 0,95$)	Верхняя граница ($p = 0,95$)
2029	0,75	0,71	0,79	0,69	0,81
2030	0,76	0,72	0,80	0,70	0,82

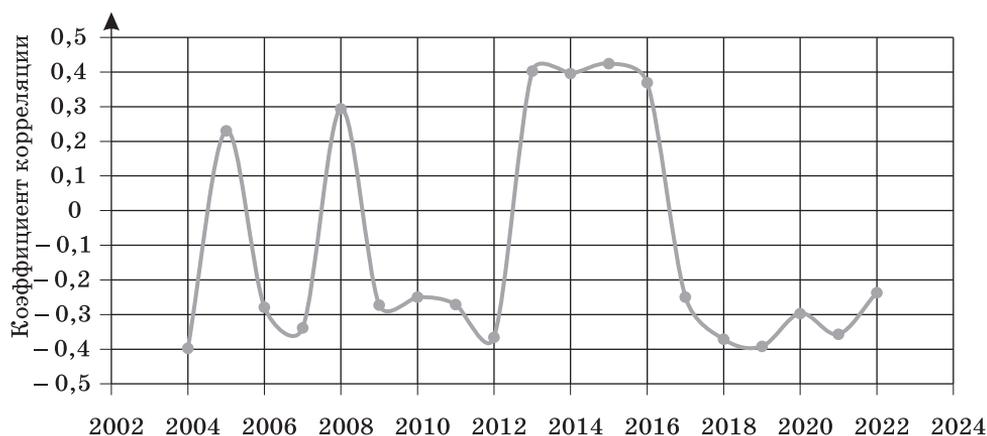

Рис. 8. Зависимость показателей, характеризующих уровень образования, от экономических показателей для ЮФО, УФО, ДВФО, 2004–2025 гг.

Fig. 8. Dependence of indicators characterizing the level of education on economic indicators for the Southern Federal District, Ufa, Far Eastern F

Обсуждение

В статье проведен анализ между двумя группами показателей, характеризующих экономику и образование в регионах РФ, за период с 2000 по 2022 г. Выполнен отбор показателей, которые бы, с одной стороны, отражали уровень экономики и образования в регионах, с другой — не были бы взаимно коррелированными. Применение метода главных компонент позволило снизить размерность данных и описать модель связи двух групп показателей с помощью уравнения линейной регрессии. Выявлено сильное влияние экономических показателей на факторы, характеризующие уровень образования, в течение 2000–2022 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. Коэффициент корреляции между двумя группами факторов положительный и достаточно высокий на протяжении всего периода с 2000 по 2022 г. Эти федеральные округа характеризуются наличием финансово-экономических центров и большим количеством эффективных промышленных регионов, что положительно влияет на уровень образования. В Южном, Уральском, Дальневосточном федеральных округах коэффициент корреляции между двумя группами факторов незначимо отличается от нуля. Таким образом, для данных федеральных округов связь между двумя группами факторов отсутствует. Можно сделать вывод, что это связано с отраслевой направленностью регионов, входящих в их состав. Аналогичный вывод сделан и относительно Северо-Кавказского федерального округа, для которого коэффициент корреляции между двумя группами факторов меньше нуля. В среднем же коэффициент корреляции незначим.

Заключение

В статье предложен метод получения количественной оценки влияния экономических факторов на качество образования, приведены вычисления таких оценок и анализ их изменения с 2000 по 2022 г. Проведенное исследование доказывает, что в эффективных промышленных регионах существует устойчивая положительная связь между двумя группами показателей — экономических показателей и показателей, характеризующих уровень образования, в период с 2000 по 2022 г. При этом в период с 2004 по 2022 г. эта связь имела тенденцию к усилению. В сырьевых и аграрных регионах данная связь не наблюдается. Отсутствие влияния экономических факторов на качество образования говорит о том, что система образования находится в отрыве от экономики и необходимы меры по преодолению этого отрыва. Предложенный анализ статистических показателей позволяет выявить региональные диспропорции в области образования.

Таким образом, рассмотренный метод выявления связи между двумя группами показателей регионов может использоваться при оценке образовательной деятельности регионов, при прогнозировании влияния экономических факторов на образование, а также при принятии решений в системе образования.

Литература

1. Батракова Л. Г. Инновационное развитие регионов России по модели «тройной спирали» // Социально-политические исследования. 2020. № 3 (8). С. 67–80. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80
2. Болдырева К. С., Полехина В. Д. Влияние цифровой экономики на образование // Ratio et Natura. 2020. № 1 (1).
3. Василенко Н. В. Экономика знаний и сфера образования: взаимообусловленность развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1869–1900.
4. Горяинов В. Б., Горяинова Е. Р. Исследование устойчивости к аномальным наблюдениям модификаций метода главных компонент // Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Серия: Естественные науки. 2023. № 2 (107). С. 17–34.
5. Горяинов В. Б., Горяинова Е. Р. Сравнительный анализ качества робастных модификаций метода главных компонент при сжатии коррелированных данных // Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Серия: Естественные науки. 2021. № 3 (96). С. 23–45.
6. Джой Е. С. Влияние системы образования на функционирование рынка труда // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6. С. 275–279.
7. Дорофеева Т. П. Взаимосвязь экономико-демографических факторов и спроса на услуги высшего образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4 (18). С. 534–542.
8. Егиазарян О. Э. Анализ результатов оценки качества общего образования в регионах со сложной социально-экономической ситуацией // Человеческий капитал. 2022. № 11 (167). С. 104–109.
9. Кондратенко Н. А., Шашкова С. Н. Влияние социально-экономических процессов на развитие системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 2 (28). С. 108–115.
10. Котомина О. В., Третьякова Е. А. Взаимосвязь развития региона и функционирования вузов (на примере Северо-Западного федерального округа) // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 1. С. 117–140.
11. Купревич Т. С., Турбан Г. В. Цифровая трансформация международного бизнеса: пособие для студентов. Минск : Гос. учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», 2022. 100 с.
12. Свиридова Е. В. Учет влияния факторов рынка образовательных услуг при прогнозировании набора в вуз // Научный альманах. 2015. № 12–1. С. 330–335.
13. Схаплок Р. Б. Формализация факторов, влияющих на сбалансированное развитие экономики региона // Стратегия соц.-эк. развития общества: управленческие, правовые, хо-

зыйственные аспекты : сборник научных статей 10-й Международной научно-практической конференции. В 2 т. Курск, 26–27 ноября 2020 года. Т. 2. Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2020. С. 193–196.

14. Федорова Е. А., Мусиенко С. О., Федоров Ф. Ю., Рогов О. Ю. Оценка качества образования в регионах // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 2 (449). С. 249–262.
15. Федотов А. А., Сергеев С. М., Борисоглебская Л. Н., Лебедева Я. О. Прогнозирование рынка образовательных услуг на базе цифровых технологий // Инновации. 2020. № 3. С. 66–70.
16. Чебыкина М. В., Миронова Е. А., Шаталова Т. Н. Человеческий капитал как основополагающий фактор инновационных преобразований и управления на региональном уровне // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14. № 2. С. 180–186.
17. Bro R., Smilde A. K. Principal component analysis // Anal. Methods. 2014. Vol. 6. N 9. P. 2812–2831.
18. Gao Yu, Yao K., Xiao L., Gao Sh. Equipment consumption prediction based on improved HOLT exponential smoothing method // Journal of Physics: Conference Series. 2023. Vol. 2670. N 1. P. 012015.
19. Golichenko O. The Basic Factors of National Innovation System Development in Russia // Delhi, India : Narosa Publishing House, 2014. P. 38–52.
20. Kobayashi Ya. New precise model of studentized principal components // Communications in Statistics — Theory and Methods. 2024. Vol. 53. N 2. P. 487–504.
21. Liu W., Liu Zh., Wang L. Regional Social Development Gap and Regional Coordinated Development Based on Mixed-Methods Research: Evidence from China // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13.
22. Lutsenko V. V., Kucherov N. N., Gladkov A. V. Predicting traffic congestion based on time series analysis // Modern Science and Innovations. 2023. N 2 (42). P. 50–58. DOI: 10.37493/2307-910X.2023.2.5. EDN JASHWV
23. Maronna R. A., Martin R. D., Yohai V. J., Salibián-Barrera M. Robust Statistics: theory and Methods (with R). Chichester : Wiley. 2019. 453 p.
24. Zhang Chunlei. Analysis of the substitution effect on employment and educational needs in digital economy // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. N 37 (5). P. 336–341. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-537-336-341. EDN RGDEUU
25. Zheng Y., Cheng Y., Li L. Factors Affecting Regional Economic Synergy in China — Based on Research on High-Tech Industry // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 14123–14133.

Об авторах:

Котов Александр Ильич, доцент кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; kotov-ali@ranepa.ru

Полянская Светлана Владимировна, доцент кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; polyanskaya-sv@ranepa.ru

Ульзетуева Дарима Дамдиновна, доцент кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук; ulzetueva-dd@ranepa.ru

References

1. Batrakova L.G. Innovative development of Russian regions according to the “triple helix” model // Socio-political studies. 2020. N 3 (8). P. 67–80. (In Russ.) DOI: 10.20323/2658-428X-2020-3-8-67-80
2. Boldyreva K.S., Polekhina V.D. The impact of the digital economy on education // Ratio et Natura. 2020. N 1 (1). (In Russ.)
3. Vasilenko N.V. Economics of knowledge and the sphere of education: interdependence of development // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2016. Vol. 15. P. 1869–1900. (In Russ.)
4. Goryainov V.B., Goryainova E.R. Investigation of resistance to anomalous observations of modifications of the principal component method // Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University. The Natural Sciences series. 2023. N 2 (107). С. 17–34. (In Russ.)

5. Goryainov V. B., Goryainova E. R. Comparative analysis of the quality of robust modifications of the principal component method in compression of correlated data // *Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University. Ser.: Natural Sciences*. 2021. N 3 (96). P. 23–45. (In Russ.)
6. Joy E. S. The influence of the education system on the functioning of the labor market // *Economics and entrepreneurship*. 2018. N 6. P. 275–279. (In Russ.)
7. Dorofeeva T. P. Interrelation of economic and demographic factors and demand for higher education services // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2020. Vol. 5. N 4 (18). P. 534–542. (In Russ.)
8. Egiazyryan O. E. Analysis of the results of assessing the quality of general education in regions with a difficult socio-economic situation // *Human capital*. 2022. N 11 (167). P. 104–109. (In Russ.)
9. Kondratenko N. A., Shashkova S. N. The impact of socio-economic processes on the development of the education system // *Bulletin of the USPTU. Science, education, economics*. Series: *Economics*. 2019. N 2 (28). P. 108–115. (In Russ.)
10. Kotomina O. V., Tretyakova E. A. The relationship between the development of the region and the functioning of universities (on the example of the North-Western Federal District) // *Baltic region*. 2024. Vol. 16, N 1. P. 117–140. (In Russ.)
11. Kuprevich T. S., Turban G. V. Digital transformation of international business; a handbook for students. Minsk : State Educational Institution “Republican Institute of Higher Education”, 2022. 100 p. (In Russ.)
12. Sviridova E. V. Taking into account the influence of factors of the educational services market when predicting university enrollment // *Scientific Almanac*. 2015. N 12–1. P. 330–335. (In Russ.)
13. Shaplok R. B. Formalization of factors influencing the balanced development of the region's economy // *The socio-economic strategy. development of the society: managerial, legal, economic aspects: Collection of scientific articles of the 10th International Scientific and Practical Conference*. In 2 vol. Kursk, November 26–27, 2020. Vol. 2. Kursk : South-western State University, 2020. P. 193–196. (In Russ.)
14. Fedorova E. A., Musienko S. O., Fedorov F. Yu., Rogov O. Yu. Assessment of the quality of education in the regions // *Regional economics: theory and practice*. 2018. Vol. 16. N 2 (449). P. 249–262. (In Russ.)
15. Fedotov A. A., Sergeev S. M., Borisoglebskaya L. N., Lebedeva Ya. O. Forecasting the market of educational services based on digital technologies // *Innovations*. 2020. N 3. P. 66–70. (In Russ.)
16. Chebykina M. V., Mironova E. A., Shatalova T. N. Human capital as a fundamental factor of innovative transformations and management at the regional level // *Bulletin of the Samara University. Economics and management*. 2023. Vol. 14. N 2. P. 180–186. (In Russ.)
17. Bro R., Smilde A. K. Principal component analysis // *Anal. Methods*. 2014. Vol. 6. N 9. P. 2812–2831.
18. Gao Yu, Yao K., Xiao L., Gao Sh. Equipment consumption prediction based on improved HOLT exponential smoothing method // *Journal of Physics: Conference Series*. 2023. Vol. 2670. N 1. P. 012015.
19. Golichenko O. *The Basic Factors of National Innovation System Development in Russia* // Delhi, India : Narosa Publishing House, 2014. P. 38–52.
20. Kobayashi Ya. New precise model of studentized principal components // *Communications in Statistics — Theory and Methods*. 2024. Vol. 53. N 2. P. 487–504.
21. Liu W., Liu Zh., Wang L. Regional Social Development Gap and Regional Coordinated Development Based on Mixed-Methods Research: Evidence from China // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13.
22. Lutsenko V. V., Kucherov N. N., Gladkov A. V. Predicting traffic congestion based on time series analysis // *Modern Science and Innovations*. 2023. N 2 (42). P. 50–58. DOI: 10.37493/2307-910X.2023.2.5. EDN JASHWW
23. Maronna R. A., Martin R. D., Yohai V. J., Salibián-Barrera M. *Robust Statistics: theory and Methods (with R)*. Chichester : Wiley. 2019. 453 p.
24. Zhang Chunlei. Analysis of the substitution effect on employment and educational needs in digital economy // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2021. N 37 (5). P. 336–341. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-537-336-341. EDN RGDEUU
25. Zheng Y., Cheng Y., Li L. Factors Affecting Regional Economic Synergy in China — Based on Research on High-Tech Industry // *IEEE Access*. 2020. Vol. 8. P. 14123–14133.

About the authors:

Alexander I. Kotov, Associate Professor of the Department of Business Informatics at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; kotov-ali@ranepa.ru

Svetlana V. Polyanskaya, Associate Professor of the Department of Business Informatics at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; polyanskaya-sv@ranepa.ru

Darima D. Ulzetueva, Associate Professor of the Department of Business Informatics at the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; ulzetueva-dd@ranepa.ru

Категоризация семейных услуг в российском сегменте онлайн-пространства (на примере аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте»)

Захаркина Т. Н., Янак А. Л.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; zakharkina.tn@gmail.com, alinayanak91@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель работы — категоризировать и кратко описать семейные онлайн-услуги на примере аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте». Теоретико-методологической основой исследования выступили концепция интенсивного материнства, а также концепция профессионализации родительства. По результатам контент-анализа информационных блоков профилей специалистов ($n = 52$ страницы/сообщества), предлагающих те или иные продукты, услуги, контент, выявлены наиболее распространенные и, вместе с тем, востребованные направления и формы деятельности новых субъектов поддержки и провайдеров особых компетенций современных родителей: нейропсихология/детская психология, неформальные/неинституционализируемые практики подготовки к родам, родовспоможения и послеродового восстановления, помощь в организации грудного вскармливания, сна и питания ребенка, тиражирование родительских лайфхаков, эксклюзивных методик воспитания, игровых практик. Поставщиками «новых» услуг являются, как правило, родители (чаще матери), пережившие определенные трудности в уходе/воспитании ребенка/детей и готовые транслировать, монетизировать свой «уникальный» опыт, который они впоследствии подтвердили и формализовали (наличие специализированной профессиональной переподготовки или дополнительного образования). Онлайн-платформы становятся удобным и доступным каналом воспроизводства и потребления экспертного родительского знания в форме блогов, вебинаров, онлайн-интенсивов и т. д. Это открывает широкие перспективы для дальнейшего развития данного сегмента рынка услуг.

Ключевые слова: родители, родительские компетенции, экспертное родительское знание, семейные услуги, социальные сети

Для цитирования: Захаркина Т. Н., Янак А. Л. Категоризация семейных услуг в российском сегменте онлайн-пространства (на примере аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте») // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 219–228.

Categorization of Family Services in the Russian Segment of Online Space (on the Example of “VKontakte” Page Accounts)

Tatyana N. Zaharkina, Alina L. Yanak

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; zakharkina.tn@gmail.com, alinayanak91@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of the work is to categorize and briefly describe online family services using the example of accounts on the VKontakte social network. The theoretical and methodological basis of the study was the concept of intensive motherhood, as well as the concept of professionalization of parenthood. According to the results of content analysis of information blocks of specialists' profiles ($n=52$ pages/communities) offering certain products, services, content, the most common and, at the same time, in-demand areas and forms of activity of new sup-

port subjects and providers of special competencies of modern parents are identified: neuropsychology/ child psychology, informal/ non-institutionalized practices of preparation for childbirth, obstetric care and postpartum recovery, assistance in the organization of breastfeeding, sleep and nutrition of the child, replication of parental life hacks, exclusive methods of education, game practices. Providers of “new” services are, as a rule, parents (more often mothers) who have experienced certain difficulties in caring for/raising a child/children and are ready to broadcast, monetize their “unique” experience, which they subsequently confirmed and formalized (availability of specialized professional retraining or additional education). Online platforms are becoming a convenient and accessible channel for the reproduction and consumption of expert parental knowledge in the form of blogs, webinars, online intensive courses, etc. This opens up broad prospects for the further development of this segment of the services market.

Keywords: parents, parental competencies, expert parental knowledge. family services, social networks

For citing: Zaharkina T. N., Yanak A. L. Categorization of Family Services in the Russian Segment of Online Space (on the Example of “VKontakte” Page Accounts) // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 219–228.

Введение

Сегодня наблюдается развитие и расширение сети услуг, которые могут способствовать как реализации некоторых функций семьи (воспитательной, регулятивной, социальной, эмоционально-психологической) на качественно ином уровне, так и повышению родительских компетенций. Обобщенно их можно назвать «семейными услугами», так как их основными потребителями являются родители, имеющие одного и более детей и ориентированные на ответственное родительство, экспертное знание, достижение баланса между личностными установками, самореализацией и идеалами заботы, формирующимися в современном обществе [8; 11]. Исследование опирается на положения концепции интенсивного родительства (материнства) (Ш. Хейс) [4; 9; 14] и концепцию профессионализации современного родительства, согласно которым современные, как правило, молодые родители стремятся к «правильной», качественной, осмысленной заботе о детях, максимальной вовлеченности в воспитание, руководствуясь экспертными знаниями, навыками и/или вырабатывая собственные «особые компетенции» [3; 19].

Авторами были выделены шесть наиболее «молодых» и развивающихся поставщиков семейных услуг, которые актуализируются благодаря растущему спросу со стороны родителей, в основном мам, «грамотным реальным кампаниям» [16, с. 31], и развитию дистанционных механизмов предоставления услуг и обучения. Специализация ниже обозначенных поставщиков семейных услуг в онлайн-пространстве достаточно узкая, что вызывает дополнительный исследовательский интерес к ним:

- нейрopsихологи, позволяющие выявить сильные и слабые стороны работы головного мозга ребенка, а именно отделов, отвечающих за реализацию высших психических функций, — восприятие, память, внимание, мышление, речь — и с помощью нейрокоррекции привести их к сбалансированной работе;
- специалисты, реализующие подготовку будущих родителей к жизни в триаде «папа — мама — ребенок» в рамках специализированных школ/курсов;
- доулы, предоставляющие физическую, эмоциональную, информационную поддержку женщинам с 32-й недели беременности, во время родов и некоторое время после рождения ребенка;
- консультанты по детскому сну, помогающие улучшить условия и привычки сна ребенка, способствующие комфортному и быстрому засыпанию ребенка, повышению качества его сна;

- консультанты по грудному вскармливанию, специализирующиеся на решении проблем, связанных с лактацией, либо налаживании организации грудного вскармливания малыша;
- специалисты по питанию, или семейные/детские нутрициологи/диетологи, консультирующие по вопросам выработки правильных пищевых привычек, составления рациона и режима питания детей и семьи, введения прикорма;
- семейные блогеры-инфлюенсеры, которые выступают в качестве трансляторов семейно-детного образа жизни, семейных ценностей, личного опыта в решении вопросов/проблем/ситуаций, с которыми сталкивались в контексте своей семейной системы (были их носителями).

Материалы и методы

Семейные онлайн-услуги описаны по результатам проведенного в сентябре 2024 г. контент-анализа аккаунтов (персональных профилей и сообществ) специалистов, зарегистрированных в социальной сети «ВКонтакте». Объект исследования — страницы с 10 тыс. и более подписчиков, отобранные по тегам, типа «детский психолог», «нейропсихолог», «семейный психолог», «доула», «консультант по сну», «консультант по грудному вскармливанию», «консультант по прикорму», «семейный нутрициолог», «развитие детей» и т. д. (n = 52 страницы/сообщества). Данные были обработаны при помощи программного пакета ЛЕКТА, осуществляющего контент-анализ документов. Словарь (набор слов и словосочетаний), отражающий микросюжеты, связанные с описанием различных аспектов продвижения частных семейных онлайн-услуг, выделенный из первоначального массива лексем (n > 12 000), составил 64 единицы. Для выявления коррелирующих семантических цепочек и фрагментов информационного блока, меню и записей страниц поставщиков семейных услуг в этой же программе был произведен факторный анализ, в результате которого получено оптимальное для адекватной систематизации тематического разнообразия число факторов — 10. Объясняющая способность модели составляет 56%. Получены факторы в основном с положительной нагрузкой. Это характеризует цель исследования, связанную с категоризацией и описанием семейных онлайн-услуг, специфику разных видов помощи родителям с детьми специалистами/экспертами в контексте реализации функций семьи — подтверждается факт наличия данного сегмента, востребованность выделенных направлений. Факторы проанализированы в их взаимосвязи.

Результаты и их обсуждение

Фактор «Нейропсихологические услуги», включающий такие лексемы, как «диагностика», «коррекция», «состояние», «радость», поляризованный. Основным лейтмотивом в представлении данного вида услуг является расширенное описание проблемных ситуаций, связанных с поведением детей, и, зачастую, в контексте реализации образовательных траекторий (ребенок не хочет делать уроки/учиться, родители не могут найти подход к своему ребенку, низкое качество детско-родительских отношений, нарушения речи/внимания, трудности в школе/школьная неуспеваемость и т. д.).

Специалистами акцентируется внимание на нескольких важных тегах: описание методов диагностики и коррекции (с использованием профессиональной терминологии); рассказ личной истории и опыта, благодаря которому специалист оказался в новой профессии; представление информации о дипломах, сертификатах, подтверждающих компетентность; трансляция благоприятного процесса коррекции и достижения эффективных результатов («быстрая и эффективная коррекционная

работа», «дети получают удовольствие от занятий», «родители получают ощутимые результаты», «учу учиться», «чтобы в дальнейшем ребенок умел что-либо делать самостоятельно и с интересом»). Подобная информационная структура может повысить его конкурентоспособность, так как сочетание эмоционального контекста, личного опыта, подтверждение профессионализации и достигаемый результат располагают к проявлению доверия и могут определить выбор родителя.

Нередко именно специалисты в области психологии (детская/возрастная/клиническая психология, семейная психотерапия) и нейропсихологии оказываются дипломированными, сертифицированными, что описывается фактором, обозначенным как «квалификация специалистов в области нейропсихологии и психологии». Порой это основная квалификация (высшее образование) консультанта, однако имеют место быть приобретенные знания, умения и навыки. Зачастую эксперты прикладывают сканы своих документов для того, чтобы потенциальные клиенты могли убедиться в обоснованности, доказуемости сведений, их «экспертного» статуса. Сертификация знаний, получение удостоверений о повышении квалификации или диплома о профессиональной переподготовке в целом присуща многим специалистам (доулам, консультантам по сну, по прикорму и т. д.), учитывая, что это помогает повысить репутацию, доверие к услугам, расширить клиентскую базу.

Фактор «организация консультаций по грудному вскармливанию» иллюстрирует, что специалисты этого направления нередко являются волонтерами или сотрудниками в послеродовых отделениях родильных домов/ перинатальных центров, решивших расширить клиентскую базу через социальные сети. Сенситивность и интимность вопросов, связанных с грудным вскармливанием, обуславливают ориентацию и стремление к созданию доверия к пакету услуг экспертов по ГВ.

Фактор «особенности представления услуг по прикорму малышей» иллюстрирует личный опыт родительства специалистов с использованием повседневного языка и расширенных синтаксических конструкций, в рамках которого прожитые ими трудности в период введения прикорма послужили основой для дальнейшего изучения темы нутрициологии, воспроизводства полученных знаний в контексте помощи другим мамам и семьям в целом, расширяют компетенции в сфере как детского рациона, так и правильного питания для взрослых, «общего стола». Часто потребность в дополнительной информационной поддержке (впоследствии образующей «экспертную основу») о прикорме и питании детей формируют наличие пищевой аллергии, целиакии, отказ ребенка от прикорма, необходимость наладить и разнообразить питание ребенка и семьи, перевода на здоровый, сбалансированный рацион и т. п.

Одним из ключевых механизмов повышения доверия родителей и привлекательности продукта и/или услуги, подтверждения своей компетентности является представление личной «успешной статистики» («со мной более 1000 мам больше не переживают за питание и прикорм детей»).

Нередко эксперты по прикорму поменяли/сочетают специализацию с консультированием по грудному вскармливанию, поскольку эффективное обсуждение вопроса о введении твердой пищи напрямую связано с качеством, сроками и режимом грудного вскармливания [23].

Одной из распространенных и востребованных семейных услуг являются консультации по организации детского сна. Фактор «организация детского сна» показал, что консультант/специалист по детскому сну (реже встречается «детский сомнолог») — активно развивающийся род деятельности. Это услуга образовательного характера, которая обеспечивает приобретение родителями знаний об организации/коррекции «сна и режима» ребенка, а «малышами — навыков самостоятельного засыпания». Целевая аудитория — мамы младенцев и детей дошкольного возраста (в основном речь идет о возрастной категории детей от 0 до 3 лет).

Специалистами, как правило, являются женщины, столкнувшиеся с проблемами сна у своих детей — в поисках путей и способов преодоления трудностей они прошли обучение на «курсах сна» в «школах сна» (например, профессионального сообщества специалистов BabySleep, Ассоциации консультантов по сну, Ассоциации «Национальное сомнологическое общество») и, приобретая и апробируя соответствующие компетенции, нередко сертификат о дополнительном образовании, стремятся тиражировать свой опыт и зарабатывать на нем. Рекомендации консультантов по сну не носят медицинский характер, речь идет о советах по гигиене, распорядку дня и методиках поведенческой терапии [7; 21].

Наиболее удобным для продвижения, оказания и получения семейных услуг (консультаций по подготовке к родам, грудному вскармливанию, детскому сну, питанию семьи и детскому прикорму, развитию вкусовых и игровых предпочтений ребенка) каналом сегодня являются онлайн-платформы, предлагающие консультации, курсы и занятия. Это позволяет создавать свой бренд, увеличивать охват аудитории, организовать специалисту свой рабочий график.

Фактор «акушерство» объединил профили медицинских специалистов, предлагающих услуги индивидуального сопровождения в родах. Большинство специалистов делают акцент на организации «мягких»/естественных родов, в том числе с учетом наличия таких особенностей, как тазовое предлежание плода, многоплодная беременность, искусственная инсеминация, роды после ЭКО, роды с рубцом на матке. В рамках данного фактора подчеркивается приверженность данного рода экспертов принципам доказательной медицины, перечисление документального подтверждения уровня квалификации и статусности за счет участия в качестве спикера-эксперта на соответствующих мероприятиях, курсах/школах подготовки будущих родителей. Специалисты данного направления услуг могут являться как штатными сотрудниками родильного дома, так и реализовывать частную практику, или совмещать оба формата. Повышение спроса на индивидуальное сопровождение в процессе родовспоможения обусловлено непривлекательностью практик официального институционального биомедицинского акушерства для будущих мам, ориентированных на естественные роды. Институциональные практики родильных домов представляют рутинную медиализацию родового процесса, нередко вмешательство в него, нежелательные для современных рожениц [15, с. 41]. Специалистами в презентации своих услуг отмечаются теговые аспекты, связанные со снижением уровня эмоционального напряжения и тревожности у будущей мамы в процессе родовспоможения («обеспечение комфортных условий для рождения здорового малыша», «помогу не бояться родов», «...чтобы появилось желание родить еще одного ребенка», «возможность избавиться от негативных эмоций, которые приводят к сопротивлению мышц в родах»).

Реализация непрерывного сопровождения в родах может способствовать снижению уровня медиализации родового процесса (применения эпидуральной анестезии), повышению удовлетворенности женщин процессом родов, сокращению продолжительности родового процесса. Подобная услуга может осуществляться не только акушерами-гинекологами, но и доулами. Дети женщин, которые в реализации родовспоможения получали помощь и поддержку доулы, чаще получали высокую оценку по шкале Апгар (система оценки состояния ребенка по пяти показателям: окрас кожного покрова, мышечный тонус, дыхание, частота сердечных сокращений, реакция на раздражители; может быть в диапазоне от 0 до 10) на пятой минуте жизни [17, с. 67; 22].

Доула — специалист-женщина и для женщины. Фактор «характеристика сопровождения доулы» определяет ее как помощницу, партнера в родах, нередко обладающую компетенциями, связанными с подготовкой к родам, защитой интересов женщин в родах, уходом за ребенком в первые часы и дни его жизни, налаживанием сна и лактации, мягким отлучением ребенка от груди, послеродовом восстанов-

лении родильниц. Доулы, не являясь медицинскими работниками, обеспечивают информационную, эмоциональную и телесную поддержку беременным женщинам, роженицам. Детализация услуг включает в себя психологическую поддержку и создание позитивного настроения на роды, преодоление страхов и стресса, подготовка дыхания, сопровождение родов, включая домашние роды, массаж и техники расслабления во время схваток, ношение слингов, культивирование и изменение ассоциаций на засыпание у детей, основы детского массажа и ЛФК, введение прикорма и т. д. Доулы подчеркивают, что выступают за «мягкие», естественные роды и придерживаются идеалов естественного родительства [2]. Подобная риторика (участия, заботы, гибкости) контрастирует с рутинным, негибким и неперсонализированным, а порой насильственным процессом родовспоможения работниками родильных домов, что и может квалифицироваться как основная причина формирования альтернативной профессиональной/неформальной родовой ассистенции в рамках коммерческого сегмента, ведь доулы работают, как правило, на контрактной основе [1; 6; 12; 20].

В условиях трансформации нормативности родительства, социально одобряемых воспитательных стратегий, которые могут вступать в конфликт с переданными прародительским поколением опытом реализации детско-родительских отношений, современный родитель оказывается в обстоятельствах необходимости повышения как уровня родительских компетенций, так и уровня внутрисемейного развития [13]. Конфликтность ситуации решается родителями в пользу выбора помогающего специалиста, обладающего знаниями и практическим личным опытом, необходимым для гармонизации родительских практик. Кроме того, большинство источников постулирует необходимость развития навыков фокусного вовлеченного взаимодействия родителей и детей, что обусловлено снижением качества детско-родительской коммуникации. Зачастую это связано с тем, что родители, проводя время с детьми, параллельно заняты (мысленно или практически) решением задач в профессиональной, бытовой или социальной сферах. В этом контексте интересным представляется факт ориентации на исключительно важную роль матери, которая воспринимается как наиболее ответственная и заложена самой природой, которая сопровождается ослаблением стремления женщины к целенаправленному повышению своей родительской компетентности, не требующей каких-либо изменений, и при этом связана с более интенсивными усилиями по стимулированию развития способностей ребенка (развитие креативного мышления, внимания, памяти, творческих способностей, самостоятельности ребенка) [14, с. 95]. В том числе для решения подобного рода задач педагогами и психологами организуются сообщества, в которых на систематической основе публикуется контент, содержащий развивающие игры и занятия с прилагаемой инструкцией по их организации и проведению для родителей и детей разной возрастной категории. Подобные занятия, как правило, направлены на развитие эмоционального интеллекта, собственно интеллекта, высших психических функций мозга и реализуются посредством видеуроков, мастер-классов, представления готовых шаблонов для занятий и онлайн-курсов.

В отдельную группу можно выделить семейных блогеров, которых сложно категоризировать в качестве поставщиков семейных услуг. Однако создаваемый ими контент имеет не просто и не только развлекательный, но и познавательный характер, и зачастую является неким связующим звеном между родителями и поставщиками семейных услуг за счет рекламных интеграций. Фактор «опыт и повседневность», содержащий лексемы «папа», «жена», «дочь», «жизнь», «советы», «блогер» определяет несколько повествовательных векторов у блогеров, помимо описания радостей и трудностей повседневной жизни молодых родителей (у матерей — декрета), содержит рассуждения о семейных и детско-родительских (в том числе, отцовско-детских) отношениях, родительских стереотипах, советы и роди-

тельские лайфхаки, рекомендации по воспитанию и организации досуга детей. Они, по сути, включают в себя мотивационно-ценностный компонент формирования ответственного и осознанного родительства, который также производят институционализированные родительские сообщества [10; 18].

В дополнение стоит описать факторы, связанные с особенностями представления предлагаемых семейных услуг на интернет-площадках: «капитализация родительских компетенций через любовь» и «эксклюзивность и авторство». Семейные специалисты нового поколения и родители-эксперты «упаковывают» свои услуги и продукты в способность помочь и поддержать в ключевых семейных событиях и трудных моментах: планировании беременности, родах, воспитании и гармоничном развитии ребенка. Формирование делового предложения, рекомендаций и обращение к ним современных родителей эксперты мотивируют любовью к детям, заботой о собственных семьях, родительской вовлеченностью. Сами специалисты подспудно позиционируют свою деятельность, скорее, как «торговлю» экспертными знаниями и опытом, накопленными в результате пережитых трудностей в собственном родительстве, нежели как предоставление услуг. Однако стремление к демонстрации и систематический выпуск контента, забота о его привлекательности, обусловлены не только простым желанием самореализации, но и маркетинга, монетизации своего проекта [5].

Новые специалисты обещают индивидуальный, практико-ориентированный и доказательный подход к потребителям их услуг, удовлетворению их запросов. Кроме того, работу различных частных консультантов отличает наличие авторских методик и персональных программ (психотерапевтической и нейропсихологической коррекционной работы, медитации, минимизации и/или устранения поведенческих нарушений сна детей и др.). Декларируется доступность информации, представляющей в форме блогов, онлайн-лекций, вебинаров, интенсивов и семинаров, очных мастер-классов и т. п.

Заключение

Рынок услуг для семьи и детей активно пополняется сервисами, специалистами и каналами, представляющими собой альтернативу формализованным, рутинным, порой недружественным или не отвечающим запросам современных семей субъектам и механизмам помощи. Анализ социальной сети «ВКонтакте» показал, что привлекательными и востребованными являются страницы и контент «новых» профессионалов, экспертов и блогеров в сфере нейропсихологии, по грудному вскармливанию, сну и питанию, подготовке к родительству и родовспоможению.

Наблюдения показывают, что чаще всего в роли поставщиков семейных услуг нового поколения выступают женщины, имеющие ребенка/детей, а их основная аудитория, по сути — тоже молодые женщины-мамы. Мужчины как производители семейного/родительского контента предлагают советы по двигательному (например, специалисты по детскому массажу, ЛФК), интеллектуальному и досуговому развитию детей (развивающие игры, опыты/эксперименты, распаковка игрушек, путешествия, сторителлинг).

Услуги могут быть представлены в виде готового коммерческого предложения или продукта (проекта/школы/интенсива/пакета услуг/серии книг и/или вебинаров и т. п.) или условно «безвозмездных» советов или лайфхаков, полезных идей и рассуждений, которые окупаются за счет, например, нативной (и не только) рекламы.

Потребность современных родителей в экспертном знании обуславливается трансформацией норм и стандартов заботы о детях, «интенсификацией» родительства. А экспертное знание, в свою очередь, нередко формируется за счет необходимости профессионализации, брендизации и социального признания приобретенных опыта

и знаний родителей в рамках преодоления трудностей материнства/отцовства в собственных семьях, а также распространения новых направлений и форм подготовки, в том числе дистанционной. Экспертность знаний и навыков новых субъектов рынка семейных услуг порой подтверждается скринами дипломов об образовании и сертификатов повышения квалификации/переподготовки по специальности. Однако порой она становится продуктом самопрезентации и сверхинтереса со стороны подписчиков (чем больше подписчиков, тем выше доверие новичков). Сегодня уже сложно сказать, какое из утверждений более точно отражает действительность: спрос рождает предложение или предложение — спрос. Однако предположим, что рынок семейных услуг продолжит распространяться и расширяться за счет включения новых привлекательных категорий и использования онлайн-технологий.

Литература

1. Айгумова З. И., Игнатова К. О. Послеродовая депрессия у женщин в контексте профессиональной поддержки в родах доулами // Проблемы современного образования. 2021. № 2. С. 37–48.
2. Акинкина Я. М. Принципы «естественного родительства» в современных семьях // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 103–109.
3. Багирова А. П., Черешова С. В., Золотницкая Л. В. Возможности формирования родительских компетенций в системе российского образования // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 15–30. DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.2
4. Басина Н. И. Практики интенсивного родительства: вовлеченность, максимизация участия или гиперопека? // The Scientific Heritage. 2021. № 8–4(81). С. 58–61. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-81-4-58-61
5. Березецкая М. И. Особенности современного родительского поведения в условиях информационного общества // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 4. С. 105–112.
6. Бороздина Е. А. Забота в родовспоможении: выгоды и издержки профессионалов // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 479–492.
7. Гранит Е. В. Роль консультантов по детскому сну в организации режима сна и бодрствования детей первых лет жизни // Эффективная фармакотерапия. 2017. № 35. С. 124–130.
8. Захаркина Т. Н., Янак А. Л. Концептуализация и категоризация семейных услуг // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2023. № 2(70). С. 97–106. DOI: 10.52452/18115942_2023_2_97
9. Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3 (119). С. 180–189.
10. Козлова Н. Н., Рассадин С. В. Отцовские сообщества в современной России: дискурсы и практики // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Т. 9. № 1. С. 44–57. DOI: 10.18255/2412-6519-2023-1-44-57
11. Коренькова М. М. Современные тенденции развития рынка семейных услуг. Анализ русского и зарубежного опыта // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2 (21). С. 52–70. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.454
12. Кукса Т. Л. Доульское сопровождение родов: генезис, дискурсы и практики эмоциональной и физической немедицинской заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 226–249. [https:// doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1902](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1902)
13. Майофис М., Кукулин И. Новое родительство и его политические аспекты // Pro et Contra. Январь — апрель 2010. С. 6–19.
14. Мисиюк Ю. В., Хазова С. А. Исследование выраженности установок на интенсивное родительство у российских женщин // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 3. С. 91–98.
15. Ожиганова А. А. Официальное (биомедицинское) и альтернативное (домашнее) акушерство. Практики формализованного и неформализованного взаимодействия // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 28–52.
16. Родительство 2.0: Почему современные родители должны разбираться во всем? / Авдеева А. [и др.] : Альпина Паблишер, 2021.

17. Чак А. А., Шатилова М. С., Постарнак А. Ю., Какорина Е. П. Оценка эффективности непрерывной поддержки акушерками и доулами в родах // Менеджер здравоохранения. 2021. № 9. С. 64–73.
18. Чернова Ж. В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 6–23. DOI: 10.19181/inter.2018.15.1
19. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 521–534.
20. Швецова А., Симонова И. Пока ребенок спит: репертуар «нематеринских» практик российских матерей // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 1. С. 185–211.
21. Douglas P. S. The Possums Sleep Program: Supporting easy, healthy parent-infant sleep. Int J Birth Parent Educ. 2018. Vol. 6 (1). P. 6–13.
22. Greiner K. S., Hersh A. R., Hersh S. R., Remer J. [at al.] The Cost-Effectiveness of Professional Doula Care for a Woman's First Two Births: A Decision Analysis Model // Midwifery Womens Health. 2019. N 64 (4). P. 410–420.
23. Kuo A. A., Inkelas M., Slusser W. M. [at al.] Introduction of Solid Food to Young Infants. Matern Child Health. 2011. Vol. 15. P. 1185–1194. DOI: 10.1007/s10995-010-0669-5

Об авторах:

Захаркина Татьяна Николаевна, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат социологических наук; zakharkina.tn@gmail.com

Янак Алина Леонидовна, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат социологических наук; alinayanak91@yandex.ru

References

1. Ajgumova Z. I., Ignatova K. O. Women's postpartum depression in the context of providing continuous labor support with doulas // Problems of modern education [Problemy sovremenogo obrazovaniya]. 2021. N 2. P. 37–48. (In Russ.)
2. Akinkina Ya. M. Principles of "natural parenthood" in modern families // Journal of Modern Foreign Psychology [Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya]. 2020. Vol. 9. N 4. P. 103–109. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090409>. (In Russ.)
3. Bagirova A. P., Cheresnova S. V., Zolotnitskaya L. V. Possibilities for developing parental competencies in the Russian education system // Woman in Russian Society [Zhenshchina v rossijskom obshchestve]. 2024. N 2. P. 15–30. DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.2. (In Russ.)
4. Basina N. I. Intensive parenting practices: engagement, maximized participation or overprotection? // The Scientific Heritage. 2021. N 81-4 (81). P. 58–61. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-81-4-58-61. (In Russ.)
5. Berezetskaya M. I. Modern parenting in the digital world // Journal of the Belarusian State University. Sociology. [Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya]. 2019. N 4. P. 105–112. (In Russ.)
6. Borozdina E. A. Professional Care in Maternity Hospitals: Benefits and Challenges // Journal of Social Policy Studies [Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki]. 2016. N 14 (4). P. 479–492. (In Russ.)
7. Chak A. A., Shatilova M. S., Pastarnak A. U., Kakorina E. P. Evaluation of the effectiveness of continuous support by midwives and doulas in childbirth // Manager Zdravoohraneniya [Menedzher zdravoohraneniya]. 2021. N 9. P. 64–73. (In Russ.)
8. Chernova Zh. V. Representation of fatherhood: blogs' sociological analysis // Interaction. Interview. Interpretation [Interaktsiya. Interv'yuu. Interpretatsiya [INTER]. 2018. N 10 (15). P. 6–23. (In Russ.)
9. Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. The professionalization of parenthood: between common sense and expert knowledge // The Journal of Social Policy Studies [Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki]. 2016. N 14 (4). P. 521–534. (In Russ.)
10. Douglas P. S. The Possums Sleep Program: Supporting easy, healthy parent-infant sleep. Int J Birth Parent Educ. 2018. Vol. 6 (1). P. 6–13.

11. Granit E. V. Role of child sleep consultant in the organization of sleep and wakefulness of children in their first years of life // Effective Pharmacotherapy [Effektivnaya farmakoterapiya]. 2017. N 35. P. 124–130. (In Russ.)
12. Greiner K. S., Hersh A. R., Hersh S. R., Remer J. [at al.] The Cost-Effectiveness of Professional Doula Care for a Woman's First Two Births: A Decision Analysis Model // Midwifery Womens Health. 2019. N 64 (4). P. 410–420.
13. Isupova O. G. Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school ageing // Emergency Ration [Neprikosnovennyi zapas]. 2018. N 3. P. 180–189. (In Russ.)
14. Korenkova M. M. Modern Tendencies for the Development of the Family Services Market. Analyzing Russian and Foreign Practices // Bulletin of the Institute of Sociology [Vestnik Instituta sotsiologii]. 2017. N 2 (21). P. 52–70. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.454. (In Russ.)
15. Kozlova N. N., Rassadin S. V. Paternal Communities in Modern Russia: Discourses and Practices // Social and humanitarian knowledge [Social'nye i gumanitarnye znaniya]. 2023. Vol. 9. N 1. P. 44–57. (In Russ.)
16. Kuksa T. L. Doula Support During Childbirth: Genesis, Discourses, and Practices of Emotional and Physical Non-Medical Care // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. [Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie I Social'nye Peremeny]. 2021. N 3. P. 226–249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1902>. (In Russ.)
17. Kuo A. A. [at al.] Introduction of Solid Food to Young Infants. Matern Child Health. 2011. Vol. 15. P. 1185–1194. DOI: 10.1007/s10995-010-0669-5
18. Majofis M., Kukulin I. New parenthood and its political aspects // Pro et Contra. January — April 2010. P. 6–19. (In Russ.)
19. Misiyk Yu. V., Khazova S. A. Study of the expression of attitudes on intensive parenting in Russian women // Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics [Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika] 2021. Vol. 27. N 3. P. 91–98. (In Russ.)
20. Ozhiganova A. A. Official (Biomedical) Obstetrics and Alternative (Home) Midwifery: Formalized and Informal Interaction Practices // Journal of Economic Sociology [Ekonomicheskaya sotsiologiya]. 2019. N 20 (5). P. 28–52. (In Russ.)
21. Parenting 2.0: Why should modern parents understand everything? / Eds. Avdeeva A. [at al.] M. : Al'pina Publisher, 2021. (In Russ.)
22. Shvetsova A., Simonova I. While the Child Sleeps: the Repertoire of “Non-maternal” Practices of Russian Mothers // Russian Sociological Review [Sociologicheskoe obozrenie]. Vol. 23. N. 1. P. 185–211. (In Russ.)
23. Zakharkina T. N., Yanak A. L. Conceptualization and categorization of family services // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Social'nye nauki]. 2023. N 2 (70). P. 97–106. DOI: 10.52452/18115942_2023_2_97 (In Russ.)

About the authors:

Tatyana N. Zakharkina, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, candidate of sociological sciences; zakharkina.tn@gmail.com

Alina L. Yanak, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, candidate of sociological sciences; alinayanak91@yandex.ru

Протурецкие исламские организации во Франции как инструмент «мягкой силы» Турецкой Республики

Чистяков А. В.

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; alfor4@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены некоторые аспекты деятельности двух крупных общественно-духовных организаций («Милли герюш» и «Координационный комитет турецких мусульман во Франции»), действующих в Пятой Республике и представляющих собой основные структурированные объединения, выражающие на национальном уровне интересы и ценности значительной части турецкой диаспоры. На основе анализа заявлений их лидеров, сделанных в средствах массовой информации, коммюнике, размещенных в социальных сетях, а также выступлений должностных лиц Франции, автором установлен ряд основных направлений общественно-политической активности данных сообществ, демонстрирующих как их непосредственную вовлеченность в политическую деятельность в стране, так и их подконтрольность официальной Анкаре, лоббирование ее интересов. Представлены подтверждения того факта, что турецкие диаспоры не ориентированы не только на ассимиляцию, но и на интеграцию в общество страны проживания, и в значительной степени осознают себя как турок, проживающих во Франции, а не как граждан Французской Республики турецкого происхождения, что расходится с республиканским понятием о гражданстве. Также автором проведена оценка численности сторонников данных организаций. Сформулированные в работе выводы показывают потенциальную возможность влияния протурецких общественно-духовных организаций на общественно-политическую обстановку во Франции и необходимость учета влияния данного фактора.

Ключевые слова: Турция, Франция, ислам, политика, исламизация, «Милли герюш», религия, мягкая сила

Для цитирования: Чистяков А. В. Протурецкие исламские организации во Франции как инструмент «мягкой силы» Турецкой Республики // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 229–239.

Pro-Turkish Islamic Organizations in France as a Tool of the “Soft Power” of the Turkish Republic

Alexey V. Chistyakov

The institute of Europe of the Russian academy of sciences, Moscow, Russian Federation; alfor4@yandex.ru

ABSTRACT

The article presents some aspects of the activities of two large socio-spiritual organizations («Millî Görüş» and the «Coordinating Committee of Turkish Muslims in France») operating in the Fifth Republic. These organizations represent the main associations expressing the interests and values of a significant part of the Turkish diaspora at the national level. Based on the analysis of statements made by their leaders in the media, communiques posted on social networks, as well as speeches of French officials, the author has identified a number of main directions of socio-political activity of these communities, demonstrating both their direct involvement in political activities in the country and their control by the official Ankara. The article confirms the fact that the Turkish diasporas are not focused not only on assimilation, but

also on integration into the society of the country of residence. In fact, migrants live in the country and position themselves as Turks living in France, but not as citizens of the French Republic of Turkish origin. This approach differs from the Republican understanding of the word «citizenship». The author also estimated the number of supporters of these organizations. The conclusions presented in the work show the potential for “practical interaction” of representatives of the Russian diplomatic corps with the two named movements, as well as potential “directions” of this interaction.

Keywords: Turkey, France, Islam, politics, Islamization, Millî Görüş, religion, soft power

For citing: Chistyakov A. V. Pro-Turkish Islamic Organizations in France as a Tool of the «Soft Power» of the Turkish Republic // Administrative consulting. 2024. N 6. P. 229–239.

Введение

XXI в. характеризуется значительной заинтересованностью управленческого аппарата различных государств в применении «мягкой силы» в ходе разрешения геополитических конфликтов, важное значение для органов государственного управления начинают приобретать ее инструменты, одним из которых являются общественно-политические организации и движения «двойного подчинения», т. е. существующие на территории одного государства, но лоббирующие, в ходе своей деятельности, интересы правительства другой страны.

Обобщение и систематизация знаний о подобных структурах, понимание их сфер интересов, болевых точек и потенциала могут оказать значительное подспорье при планировании и разработке информационных кампаний, направленных на обеспечение мероприятий, проводимых органами государственной власти третьих государств, в рамках реализации ими политики «мягкой силы». При этом сам факт «работы» со структурами «двойного подчинения» потенциально позволяет получать результат сразу на двух геостратегических направлениях — в стране, где они активны, а также в их стране-прародительнице.

В случае с Французской Республикой подобными двойственными структурами являются протурецкие исламские организации. В частности — исламское сообщество «Милли герюш» (далее — МГ) и «Координационный комитет турецких мусульман во Франции». И хотя по заявлениям лидеров данных движений они представляют собой исключительно религиозно-духовные объединения, представители французского научного сообщества убеждены в их стремлении к насаждению политического ислама во Франции, что в полной мере соответствует идеям турецкого правительства об использовании диаспор в качестве инструмента дипломатии и «мягкой силы».

Рассмотрены аспекты деятельности названных объединений в интересах демонстрации сферы их интересов, а также уяснения их «потенциала» — количества приверженцев-верующих. Фактически будет представлено наглядное подтверждение того факта, что Турция использует подконтрольные заграничные НКО, позволяющие реализовать новые подходы к решению внешнеполитических проблем, за счет решения которых Турецкая Республика закрепляет свои позиции в качестве государства, способного двигаться к созданию нового порядка международных отношений [1, с. 75].

Исламское движение «Милли герюш»

«Милли герюш» (оно же (во Франции) — CIMG), или «Национальное видение», сформировалось в конце 60-х гг. XX в. под руководством Неджметтина Эрбакана, ставшего ее бессменным лидером [6, с. 84], превратившись к исходу столетия

в «самую организованную и системную группировку исламистов в Турции» [3, с. 56]. В соответствии с планами Н. Эрбакана одним из результатов деятельности данного движения должно было стать содействие становлению турецко-исламских ценностей в стране на основе политической активности сторонников движения, однако долгое время политические партии, представляющие идеи «Милли герюш», терпели поражения и в силу различных причин прекращали свою деятельность (например, в связи с тем что их идеология «противоречила идеологии действующей конституции») [3, с. 57].

Пожалуй, верным будет сказать, что трудности с политическим продвижением идей МГ в стране привели к тому, что господин Эрбакан принял решение о расширении влияния организации за пределами страны — 20 мая 1985 г. «Милли герюш» было зарегистрировано в Германии (аббревиатура названия — IGMG) в интересах внедрения своих идей в среду многочисленных представителей турецкой диаспоры в этой стране [4, с. 110].

Необходимо отметить, что в мае 1990 г. Р. Т. Эрдоган принял участие в VI конгрессе МГ в Кельне, в ходе которого участники приняли клятву соблюдать ценности шариата.

В 1995 г. партия «Рафах» (представляющая интересы МГ) получила большинство в парламенте страны, после чего Н. Эрбаканом был предпринят ряд мер, ориентированных на усиление сотрудничества с исламскими странами, а также интегрирование духовных деятелей в органы государственной власти. Однако его планам не суждено было сбыться — работа партии вновь была прекращена в результате деятельности Движения 28 февраля, а немногим позже «скончалась» и ее правопреемница — партия «Фазилет», что привело к расколу движения «Милли герюш» на две части и формированию двух новых политических объединений, представляющих их интересы. Первое из них — «новаторское», ориентированное на продвижение идей умеренного ислама, под названием «Партия справедливости и развития» возглавил Р. Т. Эрдоган, а второе крыло МГ, ориентированное на консерваторов, представила «Партия счастья». Таким образом, МГ зародилось и сформировалось как *религиозная организация, имеющая политические цели, а отдельные этапы ее развития демонстрируют факт наличия ее длительных исторических связей с действующим главой Турецкой Республики Р. Т. Эрдоганом.*

Движение МГ во Франции — CIMG — ведет свою историю с 1995 г. Однако, в рамках данной статьи, автор сосредоточился на современном этапе деятельности «Милли герюш» (в период правления действующего президента Французской Республики), чтобы наглядно продемонстрировать актуальность тезиса об участии CIMG в политических процессах (как при непосредственном, так и опосредованном контроле со стороны Турции), что и подтвердит справедливость заявления о возможности использования «мощностей» движения для влияния на французскую политику (как внешнюю, так и внутреннюю) со стороны Турецкой Республики.

Прежде всего имеют место факты, указывающие на то, что французское движение МГ находится как под плотным контролем со стороны IGMG, так и в постоянной «связи» с официальными представителями турецкого правительства. Ярким подтверждением первому тезису (о контроле структуры со стороны IGMG) является история с «переворотом» в CIMG, произошедшим в первой половине 2022 г. По словам Фатиха Сарикира (бывшего главы движения), им был поднят вопрос о повышении степени децентрализации управления французской части «окормляемой» движением турецкой диаспоры в Европе. В одном из своих интервью СМИ он добавил, что подобная децентрализация соответствовала бы духу времени, так как руководители движения МГ во Франции (с момента основания организации в стране) существенно повысили уровень своего профессионализма и более не нуждались в «наставниках». Также господин Сарикир заявлял о необходимости повышения

степени автономии «для более демократичного управления» и «прочного, братского партнерства». По информации издания «Saphirnews» ответом ему стали ограничение доступа к банковским счетам «Милли герюш» (обеспеченное, вероятно, казначеем, курирующим движение финансов в обеих странах — во Франции и в Германии)¹; немногим позже (2 апреля 2022 г.) и вовсе была проведена внеплановая генеральная ассамблея МГ, в ходе которой 242 делегата единогласно выбрали главой CIMG некоего Эмира Демрибаша, а вице-президентом — господина Эйупа Шахина². Своеобразной демонстрацией факта сохранения доминирующей роли IGMG в деятельности CIMG может служить анализ сообщений, размещаемых Э. Шахином в социальной сети «X» — с момента его назначения на пост вице-президента более 30% опубликованных им материалов представляют собой репосты заявлений, сделанных Кемалем Эргюном — председателем IGMG, что, в принципе, не удивительно — пожалуй, с уверенностью можно говорить о том, что CIMG — всего лишь ветвь IGMG, которая с момента своего основания превратилась в подконтрольную Турции «зонтичную» ассоциацию с центром в Германии [14].

Второй тезис (о постоянном взаимодействии CIMG с официальными властями Турции) также легко подтверждается при анализе материалов, размещавшихся в социальных сетях руководством движения. Так, например, установлено, что в январе 2023 г. турецкий консул провел встречу с представителем CIMG, в ходе которой интересовался вопросом строительства одной из мечетей МГ. 8 апреля 2023 г. заместитель генерального консульства Турции Фатма Сагыллыджак посетила ифтар, организованный CIMG.

Важно и то, что CIMG, будучи «подведомственной» структурой IGMG, вероятно, может иметь связи и (или) управляться через нее силовыми министерствами Турции. Так, например, известно, что летом 2023 г. несколько лидеров IGMG лично посетили и поздравили в связи с назначением на должность Эрола Айылдыза — высокопоставленного чиновника МВД Турции, а также были приняты заместителем министра внутренних дел страны. Летом 2024 г. атташе по вопросам образования генерального консульства Турции в Страсбурге принял участие в дне открытых дверей, проведенном в строящейся мечети Эйуп Султан (закладка которой и вовсе осуществлялась в присутствии заместителя премьер-министра Турции).

При этом по данным французских СМИ в некоторые моменты времени «Милли герюш» выделялось на фоне других религиозных структур своей способностью инвестирования «сотен тысяч евро в *одновременное* строительство нескольких духовных учреждений»³. Этот факт наглядно демонстрирует стремление CIMG к «самовоспроизведению». МГ не только ведет строительство новых мечетей, но и стремится к открытию при них учебных центров, культурных ассоциаций, способствующих распространению идей и ценностей движения. Важно подчеркнуть, что уже сам факт подобного, казалось бы, совершенно не имеющего к политике «поведения», в случае Французской Республики неизбежно приводит (как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе) к политическим последствиям.

Открываемые школы, действующие вне «контракта» с государством, зачастую предполагают разделение учеников по полу (отдельно — школы для мальчиков, а отдельно — для девочек). При этом девочки, занимающиеся в учебных классах,

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.saphirnews.com/Milli-Gor%C3%BCs-France-evince-son-president-dans-les-meandres-d-une-crise-interne-sans-precedent_a28899.html (дата обращения: 01.10.2024).

² [Электронный ресурс]. URL: www.cimgfrance.fr/index.php/2022/05/10/emir-demirbas-elou-nouveau-president-lors-de-lassemblee-generale-de-la-cimg-france/ (дата обращения: 01.10.2024).

³ [Электронный ресурс]. URL: www.leparisien.fr/val-d-oise-95/ile-de-france-l-irresistible-expansion-de-milli-gorus-l-association-musulmane-turque-28-07-2020-8360022.php (дата обращения: 01.10.2024).

нередко находятся там в хиджабах (что словно формирует у обучающихся настрой к готовности нарушать *законодательный* запрет об открытой демонстрации религиозных символов в государственных учебных заведениях). В случае возникновения проблемных ситуаций (конфликтов с органами власти) представители МГ заявляют о своем желании сотрудничать с государством, «законоконтраговывать» школы сразу, как только пройдут необходимые цензурные сроки, однако представляется маловероятным, что эти «контракты» в принципе будут заключены, ведь это приведет к обязательному пересмотру «образа жизни» в школах и к запрету ношения учениками «религиозных» видов одежды, в чем руководство МГ совершенно точно не заинтересовано. По данным французских СМИ, по состоянию на 2021 г. «под крылом» МГ действовало 11 школ, «еще около десятка готовились к открытию»¹. При этом полемика вокруг подобных учебных заведений порой приводит к внесению «внеплановых» правок в законопроекты: так, например, в апреле 2021 г. в проект закона об «укреплении республиканских принципов и борьбы с сепаратизмом» были внесены дополнения, в соответствии с которыми префекты должны получить права на противостояние открытию школ, «поддерживаемых иностранным государством, враждебном Республике»².

Пожалуй, самой яркой демонстрацией непосредственного влияния CIMG на политику в последние годы является отказ «Милли герюш» подписать «Хартию принципов ислама во Франции», в результате чего произошел раскол Французского совета мусульманского вероисповедания — структуры, представляющей многих мусульман, проживающих во Франции, на государственном уровне, находящейся в тесном взаимодействии с высокопоставленными представителями властных кругов [9, с. 109]. Подобные действия нанесли дополнительный «удар» по президенту Франции в преддверии предвыборной гонки и на фоне ухудшившихся франко-турецких отношений (обусловленных, в том числе, как кризисной ситуацией военного характера в июне 2020 г. [7, с. 144], так и укреплением разногласий в рамках исламского вопроса в октябре 2020 г. [5, с. 36]), который, безусловно, надеялся урегулировать на национальном уровне ряд «проблемных вопросов», создав серьезную предпосылку к разрешению «исламской проблемы» в стране.

Однако важно заметить, что CIMG может выступать не только как объект, но и в некотором роде как субъект политических процессов, оказывающих влияние на политическую обстановку в отдельных регионах страны. Демонстрацией этого может быть «история», произошедшая в Страсбурге в 2021 г. и вышедшая на национальный уровень — тогда городская мэрия (возглавляемая представительницей левой партии «Экологисты») приняла решение выделить денежные средства (немногим более 2,5 млн евро — порядка одной десятой требуемой суммы) на строительство крупной мечети, подконтрольной CIMG. Отдельные представители общественности отметили, что подобная лояльность городских властей связана с тем, что они заинтересованы в поддержке позитивных отношений с исламской диаспорой в обмен на политическую поддержку. Так, еще в 2012 г. французские СМИ отмечали, что турецкая диаспора составляет около 10% населения Страсбурга³. В ответ на решение мэрии министр внутренних дел заявил о финансировании муниципалитетом иностранной организации, вмешивающейся во внутренние дела Франции⁴. И даже

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.rfi.fr/ru/франция/20210426-франция-турция-проект-исламской-школы-в-савоие-полемика (дата обращения: 01.10.2024).

² [Электронный ресурс]. URL: www.vie-publique.fr/loi/277621-loi-separatisme-respect-des-principes-de-la-republique-24-aout-2021 (дата обращения: 01.10.2024).

³ [Электронный ресурс]. URL: www.rfi.fr/ru/frantsiya/20120927-v-strasburge-otkrylas-samaya-bolshaya-vo-frantsii-mechet (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: www.ewtn.co.uk/article-construction-of-europes-biggest-mosque-highlights-turkeys-expansionist-aims/ (дата обращения: 01.10.2024).

после того, как руководство CIMG добровольно отказалось от получения денежных средств от города, вопрос не удалось полностью «замять» — было проведено судебное разбирательство, которое закончилось вынесением «приговора» — 10 ноября 2022 г. суд признал, что не было представлено никаких доказательств того, что выделение денежных средств отвечало местным интересам, а также то, что мэрия нарушила принципы субсидирования, установленные ей в 1999 и 2000 гг.¹

Необходимо также подчеркнуть, что массовое строительство культурных центров, в работе которых принимает участие турецкое Управление по делам религий, ведет к тому, что турецкая диаспора не только не интегрируется во французское общество, а устойчиво сохраняет свою национальную, культурную и политическую идентичность. Так, например, многочисленные собрания участников организации всегда проходят не только под французским флагом, но и под турецким, а также под флагом движения CIMG. В отдельных случаях даже были случаи проведения собраний участников движения, проходящих *только* под турецким флагом. Собственно, попытки властей Турции настроить эмигрантскую диаспору на отказ от «растворения» в местном населении отмечали и иностранные ученые. Так, к примеру, 7 декабря 2021 г. французский политолог и публицист Александр Дель Валль обратил внимание своих читателей в социальной сети «X» на тот факт, что президент Эрдоган призывает европейских мусульман к основанию отдельных сообществ, которые не будут ассимилироваться. Дополнительным подтверждением подобного настроения является то, что хотя на страницах CIMG в социальных сетях присутствуют «посты», размещенные на французском языке, нередко и случаи размещения «двуязычных» сообщений и заявлений, а также материалов, текст которых представлен *исключительно* на турецком языке.

Одним из последствий подобной протурецкой политики, проводимой «Милли герюш», несомненно, является рост политической активности мигрантов, направленной в «сторону» Турции — на фоне непрекращающегося роста числа избирателей, проголосовавших в турецких консульствах (в 2012 г. явка избирателей в дипучреждениях была чуть больше 8%, а в 2023 г. — почти 50%) французские турки-мигранты демонстрируют выраженную поддержку президенту Эрдогану — на президентских выборах 2014 г. он получил 66% голосов избирателей из Пятой Республики [13, с. 14].

Следует отметить и тот факт, что в период с 2015 по 2020 г. в стране и вовсе существовала политическая партия «Равенства и справедливости», на чью опосредованную связь с МГ указывали некоторые исследователи [11, с. 71].

«Засветилось» движение «Милли герюш» и в Африке (давней «зоне ответственности» Франции), где оно также воспринимается исследователями как инструмент «мягкой силы» Турции [16, с. 8], а следовательно — в некотором роде «противостоит» дипломатам Пятой Республики.

По данным иностранных исследователей, на 2021 г. число приверженцев CIMG в Пятой Республике составляло порядка 19 000 чел. [17, с. 17], однако они не раскрывают использованного ими способа оценки числа сторонников движения. В то же время проведенная автором оценка числа пользователей одной из социальных сетей в 2024 г. у являющихся членами различных *региональных* французских групп и сообществ МГ, с высокой долей вероятности указывает на принадлежность подписчиков именно к соответствующим регионам страны. По мнению автора, число сторонников CIMG, проживающих во Франции, составляет, по самым скромным оценкам, не менее 36 000 чел.

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.ades-grenoble.org/wordpress/2022/11/17/grande-mosquee-de-strasbourg-la-justice-annule-la-subvention-de-la-mairie/ (дата обращения: 01.10.2024).

Координационный комитет турецких мусульман во Франции

Данная организация (оригинальная аббревиатура — ССМТФ) была основана в 2001 г. и по сути является французским представительством организации DITIB — это слово является аббревиатурой названия организации «Турецкий исламский союз по делам религий», основанной в Германии летом 1984 г., которая в свою очередь тесно связана с министерством по делам религий Турецкой Республики (оно же известно как Диянет) [12, с. 620]. Косвенным подтверждением факта связи ССМТФ и DITIB (а также их общей связи с государственными структурами Турции) являются многочисленные фотографии, сделанные на мероприятиях, проходивших под флагами соответствующих структур. «Опасность» же наличия этой связи между организациями заключается в том, что, по мнению немецких исследователей, DITIB в Германии уже давно превратилась из «вспомогательной интеграционной силы» в «инструмент иностранного влияния» [15, с. 7].

В качестве конкретных примеров взаимодействия названных организаций можно назвать встречу, проведенную 4 июля 2020 г. в городе Кан (регион Нормандия), в ходе которой обсуждались вопросы *муниципальных выборов* и противодействия эпидемии коронавируса. При этом среди участников мероприятия были турецкий атташе по делам религий в Париже господин Бахтияр Кариоглу и генеральный консул Турции в Нанте господин Асли Орал. Таким образом, «ось» контроля турецких мусульман, проживающих в Пятой Республике, проходит по линии «Турция-Германия-Франция» и «Турция-Франция» (хотя необходимо подчеркнуть, что представительства организации DITIB имеются и в других странах Европы. Например — в Бельгии, Австрии, Швейцарии).

При этом с уверенностью можно заявлять о том, что Координационный комитет выполняет во Франции целый ряд задач, «поставленных» руководством Турецкой Республики. Например, формирование позитивного образа Турции, ее президента и турецкой диаспоры в глазах французских граждан: руководители Комитета исправно акцентировали в социальных сетях внимание своих читателей на том факте, что именно Турецкая Республика выступает в качестве своеобразного барьера, который препятствует попаданию многочисленных беженцев на территорию Пятой Республики, в том числе — джихадистов, которых задерживают органы безопасности Турции. При этом действия вооруженных сил Турции (главным образом — против Рабочей партии Курдистана) позиционируются как борьба с терроризмом, от последовательной поддержки которой отказался глава Франции — президент Эммануэль Макрон. Значительное внимание также уделялось демонстрации фактов помощи турецкой диаспоры гражданам Франции в период борьбы с коронавирусом.

Еще одним направлением работы ССМТФ является работа по сохранению национальной идентичности турецкой диаспоры, проживающей во Франции. Основной идеей данной деятельности, по мнению автора, можно назвать формирование сообщества, проживающего во Франции, которое будет идентифицировать себя не в качестве французов турецкого происхождения (что соответствует национальному пониманию идеи гражданства в Пятой Республике [2, с. 118]), а в качестве турок, проживающих во Франции. В интересах достижения этой цели руководство Комитета распространяет информацию о фактах проявления гражданского мужества турками, проживающими в Европе, освещает факты проявления внимания со стороны официальных турецких властей к своим соотечественникам [10], что также значительно способствует укреплению связей страны происхождения с диаспорой, находящимся за границей. Регулярно напоминает о государственных праздниках Турции, а также ведет работу по привлечению граждан к избирательным процессам, проходящим в Турецкой Республике.

Кроме того, внимание лидеров движения сконцентрировано на «задабривании» представителей силовых структур Франции и поддержании контактов с представителями «исконной» национальной религии. Оно выражается в том, что в случае фиксации каких-либо проявлений фактов исламофобии на территории страны (например, вандализм в отношении мечетей, молитвенных комнат, филиалов религиозно-учебных центров) представители ССМТФ систематически заявляют о том, что у них нет никаких сомнений, что органы охраны правопорядка оперативно выявят нарушителей закона. Помимо этого, представители Комитета участвуют в акциях и мероприятиях, посвященных отдаче дани памяти и уважения силовикам (сотрудникам полиции и военнослужащим), погибшим при исполнении служебного долга в ходе выполнения поставленных перед ними задач. В ходе эпидемии COVID-19 руководство Координационного комитета также оказывало помощь пожарным службам, предоставляя им медицинские маски в рамках благотворительной деятельности. Помимо прочего, руководство ССМТФ заявляло о своих соболезнованиях в связи со смертью двух бывших президентов Франции — Жака Ширака (охарактеризованного ими человеком, защищавшим интересы Франции от влияния Соединенных Штатов Америки) и Жискара д'Эстена (известного своим участием в боях во время Второй мировой войны).

Одним из итогов подобной практики может служить то, что представители вооруженных сил Франции заявляют об отсутствии проблем с представителями мусульманского сообщества, проходящими службу в рядах силовых институтов [8]. Также ССМТФ регулярно взаимодействует с представителями католической церкви, демонстрируя поддержку и сочувствие священнослужителям-инверцам, пострадавшим в ходе различных террористических актов.

Руководители Комитета призывают своих соотечественников к участию в выборах во Франции — парламентских, президентских, европейских. В частности, в июле 2024 г. руководство Комитета обратило внимание в социальных сетях на тот факт, что голосование — акт участия в построении общества и гарантия донесения проблем населения страны до ее лидеров.

При этом в отдельных случаях призывы осуществляются со страниц в социальных сетях лидерами ССМТФ, скрывающими свою принадлежность к данной организации и позиционирующими себя исключительно как представителей франко-турецких культурных ассоциаций. В качестве конкретного примера подобного поведения можно указать на деятельность Мурата Четинкайя — генерального секретаря Координационного комитета турецких мусульман во Франции.

Необходимо подчеркнуть, что одним из важных направлений деятельности, в котором задействованы ресурсы Комитета, является работа по мониторингу проявлений исламофобии. При этом его отдельные проявления имеют политический «оттенок». Среди выдвигаемых идей фигурирует мысль об игнорировании официальными властями факта усиления активности радикально-правых партий в некоторых городах страны.

Еще одним направлением активности (по сути — традиционным для некоторых исламских объединений, входящих во Французский совет мусульманского вероисповедания) является поддержание контактов с республиканскими должностными лицами всех уровней — мэрами, префектами, министрами, президентом Французской Республики. При этом высокопоставленные должностные лица, участвуя в подобных мероприятиях, порой могут становиться своего рода «заложниками», вовлеченными в политические заявления, сделанными в ходе подобных встреч. Так, например, весной 2019 г. мэр города Карьер-су-Пуасси принял участие в ифтаре, в ходе которого участникам было предложено вознести молитвы за уйгуров, притесняемых в Китае, а также лиц, страдающих в секторе Газа (в результате боевых действий, активно ведущихся Армией обороны Израиля). Фактически, присутствие

должностных лиц на подобных мероприятиях дает некоторую «государственную легитимизацию» любым заявлениям («осторожного» характера — которые не вызывают немедленного желания должностного лица опротестовать их, или покинуть мероприятия в знак протеста), сделанным представителями религиозных движений вообще и Координационного комитета в частности.

Оценить численность приверженцев ССМТФ не представляется возможным из-за неявного присутствия Координационного комитета в социальных сетях. Однако с учетом числа турецких мигрантов, проживающих во Франции (по средним оценкам — порядка 700 000 чел. [13, с. 9]), а также данных о связи числа прихожан с числом представителей исламской культуры, полученными в результате социологических опросов сотрудниками Французского института общественного мнения в 2019 г.¹, представляется возможным утверждать, что количество сторонников ССМТФ на сегодняшний день может составлять порядка 230 000 чел.

Заключение и выводы

Таким образом, Координационный комитет турецких мусульман во Франции и французское крыло движения «Милли герюш» являются инструментами «мягкой силы» Турции и принимают активное участие в политических процессах страны. Совокупный людской потенциал данных объединений по состоянию на 2024 г. составляет порядка 266 000 чел. и, весьма вероятно, будет только расти. Руководство ССМТФ и СИМГ, по сути, имеют контакты с высшим политическим руководством Турции, минуя официальные дипломатические каналы связи.

СИМГ и ССМТФ регулярно проводят мероприятия религиозно-духовного характера, в которых принимают участие должностные лица Пятой Республики, при этом в отдельных случаях данные мероприятия могут становиться своего рода «трибуной» для заявлений, имеющих политический оттенок. Подобные мероприятия могут быть «площадкой», на которой возможно установление взаимодействия (в неофициальном порядке) с представителями властей Франции различного уровня — мэрами, префектами, сенаторами и членами различных политических партий, что не исключает влияния данных организаций на политическую жизнь Пятой республики.

Руководство СИМГ и ССМТФ не испытывает финансовых трудностей в рамках осуществления своей деятельности, которая, помимо прочего, имеет одной из основных целей формирование позитивного облика Турции в глазах французской общественности. Данные протурецкие организации периодически находятся в сфере внимания французских СМИ, что может способствовать своего рода «дискредитации» официальных властей Франции (на фоне демонстрации «неспособности» правительства эффективно решить «исламский вопрос»), так и укреплению позиций отдельных представителей власти (например, в рамках поддержки на выборах).

Литература

1. Алиева А. И. Мягкая сила в современной внешней политике Турции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94.
2. Биссон Л. С. Ислам и Республика во Франции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 14. С. 117–122.
3. Киреев Н. Г. Турецкая диаспора на Западе // Мусульмане на Западе. 2002. С. 47–88.
4. Киреев Н. Г. Турция: неудачи радикального исламизма и успехи умеренного // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий. 2010. С. 7–36.

¹ [Электронный ресурс]. URL: www.ifop.com/wp-content/uploads/2019/09/116646_Rapport_le_Point_FJJ_2019.09.11.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

5. Осипов Е. А. Карикатуры, франко-турецкое обострение 2020 года и последствия для ислама Франции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–1. С. 35–42.
6. Саетов И. Г. История партий политического ислама в Турции: лозунги, символы, идеология // Ислам в современном мире. 2017. № 4. С. 83–94.
7. Тимофеев П. П., Хорольская М. В. Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 134–159.
8. Чистяков А. В. Влияние исламского фактора на состояние вооруженных сил Франции // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 165–173.
9. Чистяков А. В. Перегруппировка «центров силы» в борьбе за французский ислам // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 1. С. 108–116.
10. Açıkalın Ş. The institutionalization of Turkish Diaspora and its impact on domestic and foreign agenda // Osservatorio TURCHIA CeSPI. 2024. N 27. 28 p.
11. Bardella J. Le sultan Erdogan. À la conquête de l'Europe. Paris. 2020. 89 p.
12. Citak Z. Between 'Turkish Islam' and 'French Islam': The Role of the Diyanet in the Conseil Francais du Culte Musulman // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. N 36 (4). P. 619–634.
13. Denizeau A. The Turkish Diaspora in France // CATS Network Paper. 2024. N 6. 31 p.
14. El-Menouar Y. The Role Of Muslim Religious Institutions In Migration And Integration Policies: The German Case Study // Cooperation With Religious Institutions As A European Policy Tool. 2019. N 14. P. 40–75.
15. Seufert G. The Changing Nature Of The Turkish State Authority For Religious Affairs (Ara) And Turkish Islam In Europe // CATS Network Paper. 2020. N 2. 44 p.
16. Siradağ A. The Rise of Turkey's Soft Power in Africa: Reasons, Dynamics, and Constraints // International Journal Of Political Studies. 2022. N 8. P. 1–14.
17. Yégavian T. Les diasporas turque et azerbaïdjanaise de France: instruments au service du panturquisme // Cf2R. 2021. N 27. 38 p.

Об авторе:

Чистяков Алексей Владимирович, Институт Европы Российской академии наук, соискатель (Москва, Российская Федерация); alfor4@yandex.ru

References

1. Alieva A. I. Soft Power in Turkey's modern Foreign Policy // Bulletin of the Moscow University. Vol. 25. International relations and world politics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Tom 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika]. 2014. N 3. P. 63–94. (In Russ.)
2. Bisson L. S. Islam and the Republic in France // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences [Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN]. 2020. N 14. С. 117–122. (In Russ.)
3. Kireev N. G. Turkish Diaspora in the West // Muslims in the West, 2002. С. 47–88. (In Russ.)
4. Kireev N. G. Turkey: The Failures of Radical Islamism and the Successes of Moderate Islamism // Turkey in the context of new internal and external realities [Turtsiya v usloviyakh novykh vnutrennikh i vneshnikh realiy]. 2010. С. 7–36. (In Russ.)
5. Osipov E. A. Caricatures, the Franco-Turkish escalation of 2020 and the consequences for Islam in France // International Journal of Humanities and Natural Sciences [Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk]. 2020. N 11–1. С. 35–42. (In Russ.)
6. Sayetov I. G. History of Political Islamic Parties in Turkey: Slogans, Symbols, Ideology // Islam in the Modern World [Islam v sovremennom mire]. 2017. N 4. С. 83–94. (In Russ.)
7. Timofeev P. P., Khorol'skaya M. V. Approaches of the Franco-German tandem to interaction with Turkey in the hotbeds of instability in the Mediterranean // Current problems of Europe [Aktual'nyye problemy Yevropy]. 2022. N 4. С. 134–159. (In Russ.)
8. Chistyakov A. V. The influence of the Islamic factor on the state of the French armed forces // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences [Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN]. 2021. N 6. С. 165–173. (In Russ.)
9. Chistyakov A. V. Regrouping of "power centers" in the fight for French Islam // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences [Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN]. 2022. N 1. С. 108–116. (In Russ.)

10. Açıkalın Ş. The institutionalization of Turkish Diaspora and its impact on domestic and foreign agenda // Osservatorio TURCHIA CeSPI. 2024. N 27. 28 p.
11. Bardella J. Le sultan Erdogan. À la conquête de l'Europe. Paris. 2020. 89 p.
12. Citak Z. Between 'Turkish Islam' and 'French Islam': The Role of the Diyanet in the Conseil Francais du Culte Musulman // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2010. N 36 (4). P. 619–634.
13. Denizeau A. The Turkish Diaspora in France // CATS Network Paper. 2024. N 6. 31 p.
14. El-Menouar Y. The Role Of Muslim Religious Institutions In Migration And Integration Policies: The German Case Study // Cooperation With Religious Institutions As A European Policy Tool. 2019. N 14. P. 40–75.
15. Seufert G. The Changing Nature Of The Turkish State Authority For Religious Affairs (Ara) And Turkish Islam In Europe // CATS Network Paper. 2020. N 2. 44 p.
16. Siradağ A. The Rise of Turkey's Soft Power in Africa: Reasons, Dynamics, and Constraints // International Journal Of Political Studies. 2022. N 8. P. 1–14.
17. Yégavian T. Les diasporas turque et azerbaïdjanaise de France: instruments au service du panturquisme // Cf2R. 2021. N 27. 38 p.

About the author:

Alexey V. Chistyakov, The institute of Europe of the Russian academy of sciences, candidate (Moscow, Russian Federation); alfor4@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8485-8394

Управление развитием искусственного интеллекта в России через призму теории и методологии стратегирования

Аверьянов А. О.

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация; aver@petsu.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются аспекты стратегирования сферы искусственного интеллекта (ИИ) на основе теории и методологии стратегирования В.Л. Квинта. На примере России анализируются ключевые тренды и вызовы, влияющие на развитие ИИ, включая технологический суверенитет, кадровое обеспечение и развитие инфраструктуры. Основное внимание уделено взаимосвязи ИИ с процессами реиндустриализации и инновационного развития экономики. В статье также проводится стратегическая диагностика состояния российской ИИ-сферы, включающая анализ текущих тенденций, перспектив развития и рыночного позиционирования. На основе результатов стратегического анализа и OTSW-матрицы предложены пять стратегических направлений для развития ИИ в России, нацеленных на увеличение экономического эффекта от внедрения ИИ, стимулирование научных исследований и популяризацию ИИ-технологий среди населения и бизнеса. Предложенные направления могут быть использованы для корректировки существующей государственной стратегии в сфере ИИ и обеспечения долгосрочного устойчивого роста и технологической независимости России в условиях глобальной конкуренции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, инновационное развитие, стратегический анализ, стратегическая диагностика

Для цитирования: Аверьянов А. О. Управление развитием искусственного интеллекта в России через призму теории и методологии стратегирования // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 240–254.

Managing the Development of Artificial Intelligence in Russia through the Prism of Theory and Methodology of Strategizing

Aleksandr O. Averyanov

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; aver@petsu.ru

ABSTRACT

The article considers aspects of strategizing the artificial intelligence (AI) sphere based on the theory and methodology of strategizing by V. L. Kvint. Using Russia as an example, the article analyzes key trends and challenges influencing the development of AI, including technological sovereignty, personnel provision and infrastructure development. The main attention is paid to the relationship of AI with the processes of reindustrialization and innovative development of the economy. The article also provides a strategic diagnosis of the state of the Russian AI sphere, including an analysis of current trends, development prospects and market positioning. Based on the results of the strategic analysis and the OTSW matrix, five strategic directions for the development of AI in Russia are proposed, aimed at increasing the economic effect of the implementation of AI, stimulating scientific research and popularizing AI technologies among the population and business. The proposed directions can be used to adjust the existing state strategy in the field of AI and ensure long-term sustainable growth and technological independence of Russia in the context of global competition.

Keywords: artificial intelligence, innovative development, strategic analysis, strategic diagnostics

Введение

Российские и зарубежные ученые, начиная с работ Н. Д. Кондратьева и Й. Шумпетера, писали о том, что развитие экономики напрямую связано с появлением и развитием инноваций. Теория инноваций остается актуальной и в настоящее время. Так, например, Нобелевская премия по экономике за 2018 г. была вручена Полу Ромеру «за объяснение влияния инноваций на экономический рост»¹. Как справедливо пишет В. А. Шамахов, развитие инноваций в современном мире необходимо, поскольку именно они позволяют достигать высоких результатов в конкуренции на международной арене [24].

В отечественной науке влияние инноваций на экономику в том числе раскрыто через теорию «Технологических укладов». Так, по мнению академика С. Ю. Глазьева, в настоящее время происходит переход к новому, шестому технологическому укладу [8]. Одним из векторов такого инновационного развития является генезис нового индустриального общества, концепция которого предложена член-корреспондентом РАН С. Д. Бодруновым [6]. В то же время ни эффективное технологическое развитие, ни следование какому-либо вектору, как пишет академик В. Л. Квинт, невозможно без наличия соответствующих стратегических документов [14].

Критически важным для России является поворот к инновационному развитию [4]. И. В. Шацкая отмечает, что модернизация промышленности на основе современных технологий является ключевой задачей при трансформации экономики [25]. Одной из актуальных инноваций нового ТУ являются технологии искусственного интеллекта. Искусственный интеллект, будучи одной из ключевых технологий Четвертой промышленной революции, оказывает существенное влияние на все аспекты экономики, социальной сферы и государственного управления. При этом успешное развитие ИИ напрямую связано с необходимостью долгосрочного планирования и принятия стратегических решений, направленных на создание благоприятной инфраструктуры, обеспечение технологического суверенитета и решения проблем кадрового обеспечения [17]. Важность эффективного управления процессами цифровизации уже не раз отмечалась российскими учеными [23].

В то же время Н. И. Сасаев отмечает, что существующие практики государственного управления долгосрочным отраслевым и социально-экономическим развитием имеют ряд недостатков, значительно снижающих эффективность реализации стратегических планов [20]. К аналогичным выводам о необходимости корректировки практик разработки стратегий в России приходит К. Л. Астапов [5].

Изложенные тезисы позволяют сформулировать главный исследовательский вопрос о соответствии текущих практик развития сферы искусственного интеллекта в России трансформационным процессам в экономике и вызовам инновационного развития. Целью исследования является анализ российской сферы искусственного интеллекта на основе методологии стратегирования В. Л. Квинта.

Объект и методы исследования. Стратегирование инновационного развития не может осуществляться само по себе, поскольку развитие является процессом,

¹ Popular science background: Integrating nature and knowledge into economics // Noble Prize Official Site. The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nobelprize.org/uploads/2018/10/popular-economicsscienceprize2018.pdf> (дата обращения: 04.09.2024).

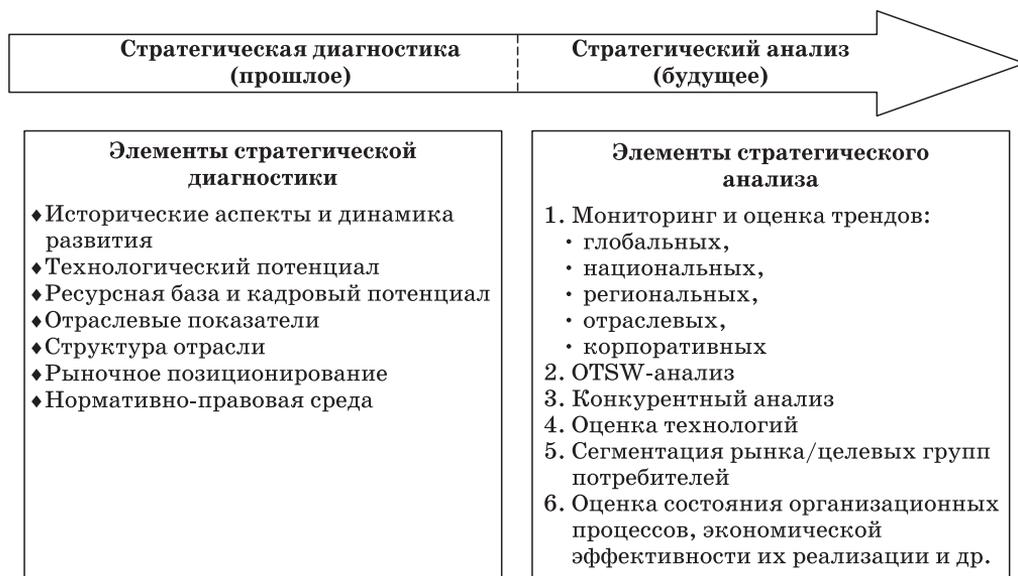
а любая инновация выражена в виде технологии или продукта, что, в свою очередь, требует понимания сущности объекта стратегирования, а также трендов, влияющих на его развитие. Объектом этого исследования является сфера искусственного интеллекта в России. Под искусственным интеллектом в данном исследовании понимается совокупность методов и инструментов, обеспечивающих реализацию когнитивных функций человека, а также областей их применения [10].

Методологическую основу исследования составила теория стратегии и методология стратегирования В.Л. Квинта. Согласно этой методологии разработка новой стратегии или пересмотр существующей должны начинаться с анализа закономерностей и трендов, которые имеют прямое отношение к объекту стратегирования, а также с мониторинга динамики их воздействия [15]. На основе этих материалов проводится OTSW-анализ, являющийся ключевым элементом стратегирования [12; 21; 16].

Дополнительным аспектом указанной методологии является ретроспективная оценка объекта стратегирования. Как отмечает Н. И. Сасаев, важным элементом стратегирования является стратегическая диагностика, которая предполагает изучение ключевых характеристик и особенностей и траектории развития объекта стратегирования [22]. В совокупности результаты двух типов анализа позволяют оценить состояние сферы искусственного интеллекта в России и обозначить приоритетные направления для дальнейшего развития этой сферы.

В рамках исследования последовательно представлены результаты стратегической диагностики и стратегического анализа в части выявления актуальных трендов в российской сфере искусственного интеллекта. Взаимодействие этих двух этапов стратегирования визуализировано на рисунке.

Стратегический анализ является масштабной и емкой процедурой, поэтому были реализованы два элемента: мониторинг и оценка трендов. На основе получен-

Содержание стратегической диагностики и стратегического анализа
Contents of strategic diagnostics and strategic analysis

Источник: составлено автором на основе [15; 22].

ных результатов сформирована OTSW-матрица, отражающая состояние российской сферы искусственного интеллекта, а также сформулированы перспективные приоритеты развития этой сферы в России.

Результаты исследования и их обсуждение

Стратегическая диагностика сферы искусственного интеллекта

Первый этап стратегической диагностики предполагает **учет исторических аспектов и динамики развития объекта стратегирования**. Искусственный интеллект — область исследований, обладающая многолетней историей, но особый интерес к ней стал возрастать в последние пять лет, когда случился очередной технологический прорыв в этом направлении. Отметим основные особенности развития этих технологий: скачкообразный тип развития (смена периодов возрастания интереса и его охлаждения); зависимость развития ИИ от уровня развития смежных технологий (например, сферы ИКТ, которая образует инфраструктуру для его развития); искусственное замедление развития ИИ-технологий из-за этических противоречий. Подробно особенности развития искусственного интеллекта в России, в том числе на основе кросс-национального анализа подходов к стратегированию этой сферы, рассмотрены в отдельном исследовании автора [1]. Резюмируя, отметим, что на 2023–2024 гг. искусственный интеллект находится на пике своей популярности, что подтверждается многочисленными зарубежными¹ и отечественными экспертами².

Следующий этап стратегической диагностики состоит в оценке **технологического потенциала объекта стратегирования**. В российской сфере искусственного интеллекта можно выделить тренд на рост числа компаний, использующих или планирующих внедрение ИИ-технологий³. Это позволяет говорить об образовании соответствующей рыночной ниши. Также можно отметить высокую научно-технологическую самостоятельность российской экономики в развитии ИИ. Россия входит в узкий перечень стран, которые разработали свои языковые модели, например YandexGPT⁴ от Яндекса и GigaChat⁵ от Сбера.

Однако есть и ряд сложностей — результаты актуальных исследований рынка в сфере ИИ показывают, что более 75% российских компаний-респондентов планируют закупку оборудования для внедрения продуктов на основе ИИ-технологий у зарубежных поставщиков⁶. Мнение отраслевых экспертов также свидетельствует

¹ Gartner Hype Cycle Research Methodology [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/research/methodologies/gartner-hype-cycle> (дата обращения: 25.09.2024).

² Яков и Партнеры — Искусственный интеллект в России — 2023: тренды и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/ai-future/> (дата обращения: 25.09.2024).

³ Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. Аналитический доклад. М. : Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, 2023. 68 с.

⁴ Яндекс представил новую версию собственной языковой модели — YandexGPT 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/news/02-07-09-2023> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵ Сбер представляет мультимодальную нейросеть GigaChat [Электронный ресурс]. URL: <https://developers.sber.ru/portal/news/gigachat-ot-sbera-24-04-2023> (дата обращения: 25.09.2024).

⁶ Проникновение ИИ в России зависит от инвестиций в ИТ-инфраструктуру и специалистов — исследование TAdviser [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Проникновение_искусственного_интеллекта_в_России_зависит_от_инвестиций_в_ИТ-инфраструктуру_и_специалистов (дата обращения: 25.09.2024).

о том, что массовые российские аппаратные решения для ИИ отстают от зарубежных аналогов^{1, 2}.

В связи с этим в последнее время российские разработчики аппаратной инфраструктуры, необходимой для развития ИИ, сконцентрировались на разработке компьютерных чипов (для обучения и использования нейросетей)³, что позволяет говорить об определенных успехах в этом направлении.

Третий этап стратегической диагностики был направлен на оценку **ресурсной базы и кадрового потенциала** объекта стратегирования. За последнее десятилетие частные мировые инвестиции в ИИкратно выросли с 3 до примерно 90 млрд долл. в 2022 г. К 2025 г. эта цифра может достигнуть около 160 млрд долл.⁴

Отметим, что массив российских данных об инвестициях в сфере искусственного интеллекта еще не накоплен, поскольку она является достаточно новой, однако возможно отметить несколько ключевых значений.

В первую очередь отметим государственные инвестиции: в 2023 г. Правительство РФ значительно снизило объем плинтуемых инвестиций в развитие ИИ⁵, что замедляет интенсивность развития отрасли. Тенденции частного инвестирования в ИИ схожие, по данным на конец 2022 г., рынок венчурных инвестиций в сфере ИИ упал на 78%, текущая ситуация сильно не меняется⁶. Однако государственное финансирование науки в 2023 и 2024 гг. показывает рост относительно 2022 г. (631 млрд руб.) — 705,9 и 696,4 млрд руб. соответственно⁷. Что хоть косвенно, но позволяет финансировать исследования в области ИИ.

В связи с зарубежными санкциями затруднен обмен технологиями и приобретение техники для внедрения и масштабирования ИИ-продуктов, что не лучшим образом отражается на аккумулировании технологических ресурсов. Сложившаяся ситуация не является критичной, однако тормозит развитие сферы ИИ.

С другой стороны, исследования показывают, что рынок остро нуждается в квалифицированных ИИ-специалистах, а текущего уровня подготовки недостаточно [2]. На общем собрании членов Российской академии наук, академик В. А. Садовничий отметил проблематику нехватки кадров. Так, более 60% высокотехнологичных компаний испытывают кадровый дефицит, а 80% отметили наличие проблем при наборе кадров⁸. С другой стороны, И. В. Новикова отмечает, что таланты являются и долгосрочным конкурентным преимуществом для предприятий в совре-

¹ Обзор аппаратных решений для задач искусственного интеллекта: США, Китай, Россия [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/baikalelectron/articles/750552/> (дата обращения: 25.09.2024).

² В России начали разработку отечественных процессоров для ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/64c252149a79475dd0d4a916> (дата обращения: 25.09.2024).

³ Аппаратное обеспечение для ИИ // Альманах «Искусственный интеллект». Аналитический сб. № 9. МФТИ, 2021.

⁴ AI investment forecast to approach \$200 billion globally by 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/ai-investment-forecast-to-approach-200-billion-globally-by-2025.html> (дата обращения: 25.09.2024).

⁵ Правительство урезало финансирование планов развития искусственного интеллекта, перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/483874-pravitel-stvo-urezalo-finansirovanie-planov-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 25.09.2024).

⁶ Индекс 2022 года // Альманах «Искусственный интеллект». Аналитический сб. № 12. МФТИ, 2022.

⁷ Цена российской науки: расходы федерального бюджета [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/848712418.html> (дата обращения: 25.09.2024).

⁸ Общее собрание членов Российской академии наук 12–13 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://new.ras.ru/activities/announcements/12-13-dekabrya-obshechee-sobranie-chlenov-rossiyskoy-akademii-nauk/> (дата обращения: 25.09.2024).

менной экономике, и самым дорогим ресурсом [19]. Таким образом, оценка кадрового потенциала свидетельствует о его недостаточности.

В рамках четвертого этапа стратегической диагностики рассмотрим некоторые **отраслевые показатели** развития сферы ИИ в России. В ходе исследования было выявлено, что ИИ-технологии обладают колоссальным экономическим потенциалом. Так, по оценкам экспертов, объем российского рынка продуктов на основе ИИ к 2028 г. составит 22–36 трлн руб., около 70% потенциала приходится на шесть отраслей экономики, в том числе транспорт и логистику, банкинг, ритейл, добывающую промышленность, производство потребительских товаров, ИТ-отрасль. Отметим, что промышленность играет особую роль в развитии российской экономики [11].

Говоря об уровне интегрированности ИИ-технологий в экономику России, можно отметить, что общий индекс готовности отраслей экономики к внедрению ИИ оценивается в 3,6 из 10 баллов. Текущий средний уровень использования ИИ в приоритетных отраслях экономики составляет 31,5% (в лидирующих сферах: финансовые услуги, здравоохранение и ИКТ — значения показателя достигают 49,5%)¹.

В исследовании компании «Яков и Партнеры» отмечается, что в 2023 г. 10% российских компаний только начинают задумываться об использовании ИИ-решений, а 23% — находятся на стадии обсуждения внедрения ИИ-технологий в свои бизнес-процессы. Также 23% компаний реализуют свои ИИ-продукты или используют готовые решения. Большая часть компаний (27%) находится на этапе «формализации технологий искусственного интеллекта» — формируют планы и бюджеты на использование ИИ-продуктов, развивают внутреннюю экспертизу и соответствующие компетенции. Меньшая доля компаний (17%) перешла на стадию масштабирования ИИ-решений, для них развитие ИИ — стратегическая цель компании².

Рассмотренные данные позволяют сделать вывод о том, что отраслевое применение ИИ-технологий происходит достаточно неравномерно. Анализ зарубежных тенденций позволяет сделать вывод о том, что Россия находится в общемировом тренде.

Пятый этап стратегической диагностики — это **анализ структуры объекта стратегирования**, в данном случае — отрасли искусственного интеллекта. Исследования показывают, что основной вклад в развитие данной сферы вносят крупные предприятия-лидеры, такие как члены объединения «Альянс ИИ» («Яндекс», VK, «Сбер», Российский фонд прямых инвестиций, «Газпром нефть», «Рус-агро», «Уралхим», «Северсталь» и другие)³. Этот вывод также подтверждается исследованиями, касающимися трудоустройства выпускников вузов, которые обучаются по программам в области ИИ [2]. Факт того, что развитие отрасли обеспечивается крупнейшими корпорациями страны, является важным преимуществом, так как они играют роль основных двигателей прогресса в соответствующих секторах экономики.

Что касается территориальной структуры, то компании, развивающие ИИ, в основном сосредоточены в федеральных центрах России: 71% компаний расположены в Москве и 10% — в Санкт-Петербурге⁴. Среди основных препятствий, с которыми сталкиваются российские компании в развитии ИИ, выделяются следующие: финансовые ограничения (32%), нехватка квалифицированных специалистов (31%),

¹ Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. Аналитический доклад. М. : Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, 2023. 68 с.

² [Электронный ресурс] // Яков и Партнеры. URL: <https://yakovpartners.ru/publications/ai-future/> (дата обращения: 30.09.2024). Искусственный интеллект в России — 2023.

³ Альянс в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://a-ai.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).

⁴ Индекс 2022 года.

недостаточная осведомленность о возможностях применения ИИ в бизнесе (20%), отсутствие стратегии развития ИИ в компании (19%), нехватка данных (19%) и недостаток соответствующей инфраструктуры (18%)¹.

Следующий этап — это **анализ рыночного позиционирования**. Развитие индустрии искусственного интеллекта в России преимущественно ориентировано на внутренний рынок, где ведется активная работа по замещению импортных продуктов, особенно в критически значимых сферах. Основное внимание уделяется отечественному бизнесу и населению как потребителям услуг, включая, например, ускорение предоставления государственных услуг через автоматизацию. Также стоит отметить широкое применение ИИ в сфере развлечений, где отечественные продукты, такие как Kandinsky и «Шедеврум»², способствуют расширению аудитории, хотя это не оказывает существенного влияния на экономику. При сохранении текущих темпов роста ожидается, что объем рынка решений на базе ИИ в России достигнет 40 трлн руб. к 2030 г. Основными конкурентами на международной арене для России остаются США и Китай, однако, с учетом текущей геополитической ситуации и языковых особенностей, внутренний рынок будет защищен от внешних влияний.

Заключительный этап стратегической диагностики — это **анализ нормативно-правовой среды**. Детальный разбор стратегических документов, касающихся искусственного интеллекта, уже был выполнен в рамках отдельного исследования [3]. Здесь приведем основной вывод: с одной стороны, развитие искусственного интеллекта находится под строгим регулированием, что выражается в большом количестве документов, где он упоминается. С другой стороны, наблюдается нарушение согласованности между этими документами с точки зрения теории стратегии и методологии стратегирования. Текущее состояние в сфере ИИ указывает на значительный интерес со стороны государственных структур и крупного бизнеса к ее развитию. Одной из ключевых тенденций на данном этапе является регулирование этических вопросов, связанных с применением технологий искусственного интеллекта³.

В рамках анализа трендов выделяются пять ключевых уровней: глобальный, национальный, региональный, отраслевой и корпоративный [15]. В данном исследовании акцентируется внимание на первых двух уровнях, поскольку стратегия развития искусственного интеллекта следует рассматривать на национальном, то есть общегосударственном уровне. Одновременно с этим сами тренды целесообразно классифицировать на несколько основных отраслевых или тематических блоков: экономические, технологические (включая тенденции в сфере ИИ), социальные и политические.

Мониторинг и оценка трендов

Ключевым глобальным трендом и для России, и для других стран является ускорение научно-технического прогресса, на что особо обращает внимание С. Д. Бодрунов в своих работах. Этот процесс сопровождается параллельными тенденциями реиндустриализации и развитием «цифровой экономики» [7].

Одной из ключевых глобальных технологических тенденций является волна цифровизации. Однако анализ отчетов ведущих исследовательских компаний по-

¹ Индекс интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ai.gov.ru/ai/implementation/> (дата обращения: 25.09.2024).

² «Шедеврум» от Яндекса вошел в топ-3 приложений на основе генеративного ИИ [Электронный ресурс]. URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/shedevrum-ot-yandeksa-voshel-v-top-3-prilozheniy-na-osnove-generativnogo-ii/> (дата обращения: 25.09.2024).

³ В России принят кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).

зволяет выделить более широкие тренды в развитии технологий. Согласно отчету McKinsey & Company, в список таких тенденций входят 15 основных технологических направлений¹. В табл. 1 представлен этот перечень, а также их связь с искусственным интеллектом.

Аналогичные технологические тенденции наблюдаются и в России. Так, эксперты Высшей школы экономики выделили 10 ключевых ИТ-трендов на 2024 г. и последующие периоды². Среди них можно отметить такие направления, как цифровые двойники, расширенная автоматизация, автономные системы, а также обогащение и интеграция разнородных распределенных данных. Основное отличие российских трендов от зарубежных заключается в фокусе отечественного бизнеса на более простых и менее затратных технологиях искусственного интеллекта. Кроме того, одной из особенностей развития технологической сферы в России является акцент на импортозамещении.

Рассматривая глобальные тенденции в мировой экономике, оказывающие воздействие на развитие искусственного интеллекта (ИИ), следует выделить такой международный документ, как Цели устойчивого развития (Sustainable Development Goals)

Таблица 1

Технологические тренды McKinsey
Table 1. McKinsey Technology Trends

№	Технологический тренд	Связь с ИИ
1.	Экспоненциальный рост прикладных продуктов на основе ИИ-технологий	+
2.	Индустриализация машинного обучения	+
3.	Технологии генеративного искусственного интеллекта	+
4.	Разработка программного обеспечения нового поколения (автоматизация базовых задач разработчика и т. п., low-код платформы)	+
5.	Защита данных	—
6.	Web 3.0 — децентрализация интернета, развитие технологии блокчейн и экономики на основе токенов	—
7.	Развитие технологий связи (сети 5G, спутниковая связь)	—
8.	Иммерсивные технологии (дополненная и виртуальная реальность)	—
9.	Облачные вычисления	—
10.	Квантовые технологии	—
11.	Автономные транспортные средства	+
12.	Биоинженерия	+
13.	Космические технологии	—
14.	Возобновляемые источники энергии	—
15.	Климатические технологии	—

Источник: составлено автором на основе данных McKinsey & Company.

¹ Исследование консалтинговой компании McKinsey & Company. The state of AI in 2022 — and a half decade in review [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-state-of-ai-in-2022-and-a-half-decade-in-review> (дата обращения: 25.09.2024).

² ВШЭ. Презентация результатов исследования «Главные российские ИТ-тренды 2024» [Электронный ресурс]. URL: <https://gsb.hse.ru/news/877446424.html> (дата обращения: 25.09.2024).

ООН. Этот документ включает 17 взаимосвязанных целей, разработанных в 2015 г. как «план действий для достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех».

С точки зрения стратегии развития ИИ в контексте перехода к инновационной экономике, наибольшее значение имеют три цели: содействие экономическому росту и устойчивой занятости (цель 8); развитие индустриализации, инноваций и модернизации инфраструктуры (цель 9); а также обеспечение рациональных моделей потребления и производства (цель 12).

В табл. 2 представлены ключевые подцели каждой из перечисленных целей и их значимость для развития ИИ и экономики. В рамках тенденций индустриализации и модернизации соответствующей инфраструктуры необходимо отметить, что приоритетной задачей экономической политики России является развитие промышленного сектора [9]. Данный тренд представляет собой важную возможность для внедрения технологий ИИ: как показывает практика, промышленность и ее отдельные отрасли обладают значительным потенциалом для цифровизации и интеграции передовых технологий.

Среди ключевых политических тенденций на мировой арене можно выделить «рост геополитической нестабильности и усиление межгосударственных противоречий»¹. Влияние этой тенденции на развитие искусственного интеллекта является неодно-

Таблица 2

Ключевые цели и задачи устойчивого развития, влияющие на развитие технологий искусственного интеллекта

Table 2. Key Sustainable Development Goals and Objectives Affecting the Development of Artificial Intelligence Technologies

№	Цели устойчивого развития	Задачи
1.1	Содействие поступательному, инклюзивному и постоянному экономическому росту, полной занятости и достойной работе для всех	Диверсификация, инновации и модернизация для повышения производительности экономики
1.2		Повышение эффективности использования ресурсов в потреблении и производстве
2.1	Индустриализация, инновации и модернизация инфраструктуры	Развитие качественной инфраструктуры
2.2		Увеличение доли промышленности в структуре занятости
2.3		Модернизация отраслей промышленности
2.4		Расширение научных исследований и совершенствование промышленных технологий
2.5		Расширение доступа к информационно-коммуникационным технологиям
3.1	Обеспечение рациональных моделей потребления и производства	Устойчивое управление и эффективное использование природных ресурсов
3.2		Сокращение образования отходов
3.3		Устранение рыночных перекосов, способствующих расточительному потреблению

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» | ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 25.09.2024).

значным: с одной стороны, усиление конфликтов и закрытие границ препятствуют международному обмену знаниями, включая сферу инновационных разработок; с другой стороны, это создает возможности для продвижения национальных технологических решений. Примером этого может служить разработка уникальных суперкомпьютеров и русскоязычных языковых моделей.

С учетом активного участия государства в развитии сферы искусственного интеллекта в России важно отметить видение трендов ИИ с позиции государственных органов. Так, заместитель председателя правительства РФ Д. Н. Чернышенко на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» (AI Journey) выделил пять ключевых направлений: обеспечение технологического суверенитета, борьба за кадры, развитие безопасных ИИ-систем, развитие языковых моделей и генеративного ИИ, а также рост экономической отдачи от использования ИИ¹ вид с сносками

Анализ перечисленных трендов позволяет сделать вывод, что определенные ИИ-технологии либо выступают в роли ключевых направлений развития, либо являются неотъемлемой частью большинства технологических трендов. Их сравнение с результатами стратегической диагностики подтверждает, что в целом развитие искусственного интеллекта в России соответствует общемировым тенденциям.

Полученная в ходе стратегической диагностики, мониторинга и оценки актуальных трендов информация позволяет перейти к формированию OTSW-матрицы российской сферы искусственного интеллекта. Результат реализации алгоритма, разработанного В. Л. Квинтом, приведен в табл. 3.

Таблица 3

OTSW-матрица российской сферы искусственного интеллекта

Table 3. OTSW matrix of the Russian artificial intelligence sphere

Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Реиндустриализации экономики на фоне роста промышленного производства; • рост экономики знаний; • расширение внедрения ИИ-технологий в отраслях экономики; • сквозной характер ИИ-технологий; • развитие русскоязычных отраслевых продуктов на основе ИИ; • развитие квантовых технологий; • становление рациональной модели производства 	<ul style="list-style-type: none"> • Полная изоляция России от современных технологий; • ориентация на закупку оборудования, а не на развитие своего производства; • нехватка кадровых ресурсов; • неприятие новых технологий населением; • концентрация усилий по внедрению ИИ в крупных городах; • замедление развития технологий из-за этических вопросов
Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • Внимание со стороны руководства России к тематике искусственного интеллекта; • заинтересованность крупного бизнеса в увеличении прибыли и оптимизации производственных процессов; 	<ul style="list-style-type: none"> • Недостаточное финансирование развития сферы ИИ как со стороны государства, так и со стороны бизнеса; • несоответствие подготовки специалистов в сфере ИИ требованиям экономики;

¹ На AI Journey 2023 Дмитрий Чернышенко обозначил пять ключевых трендов развития искусственного интеллекта / В. Львов. — Текст : электронный // Российская газета : [сайт]. — 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/11/23/na-ai-journey-2023-dmitrij-chernyshenko-oboznachil-piat-ključevyh-trendov-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 25.09.2024).

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • наличие собственных суперкомпьютеров и наработок в области инновационных технологий; • развитая инфраструктура связи и телекоммуникаций; • наличие «Центров компетенций Национальной технологической инициативы» 	<ul style="list-style-type: none"> • низкий уровень готовности существующей инфраструктуры к производству «железа» для ИИ

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

На основе OTSW-матрицы были сформулированы пять стратегических приоритетов — перспективных направлений развития сферы искусственного интеллекта. Их содержание, а также экономические и социальные эффекты от их реализации приведены в табл. 4.

Таблица 4

Стратегические приоритеты развития искусственного интеллекта

Table 4. Strategic priorities for the development of artificial intelligence

№	Стратегический приоритет	Социальные эффекты	Экономические эффекты
1	Развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в промышленности	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение качества жизни в промышленных регионах; • повышение производственной безопасности; • повышение занятости населения 	<ul style="list-style-type: none"> • Формирование знаниеемкого производства; • высокая производительность труда; • модернизация производственных мощностей; • развитие сопутствующей инфраструктуры
2	Развитие технологий генеративного искусственного интеллекта	<ul style="list-style-type: none"> • Освобождение времени для творческой и созидательной деятельности; • улучшение качества жизни 	<ul style="list-style-type: none"> • Автоматизация научных открытий; • создание знаниеемких рабочих мест; • рост производительности труда
3	Кадровое обеспечение развития и внедрения технологий искусственного интеллекта	<ul style="list-style-type: none"> • Повышение человеческого потенциала; • рост качества образования; • увеличение доли научных кадров 	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение рынка труда квалифицированными кадрами; • повышение конкурентоспособности экономики; • увеличение численности инновационных предпринимателей
4	Стимулирование рациональной модели производства	<ul style="list-style-type: none"> • Снятие симулятивных потребностей; • улучшение экологии 	<ul style="list-style-type: none"> • Снижение издержек бизнеса; • эффективное расходование финансовых ресурсов; • эффективное использование природных ресурсов

№	Стратегический приоритет	Социальные эффекты	Экономические эффекты
5	Популяризация использования продуктов на основе технологий искусственного интеллекта	<ul style="list-style-type: none"> • Постепенная социализация общества; • повышение общекультурного уровня 	<ul style="list-style-type: none"> • Рост спроса на технологические и инновационные продукты; • повышение инновационной активности бизнеса и динамики появления новых инновационных предприятий; • создание новых рынков

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Предложенные направления, с одной стороны, дополняют и развивают существующую российскую «Национальную стратегию развития ИИ» с позиции теории и методологии стратегирования, а с другой — позволяют обеспечить инновационное развитие и реиндустриализацию экономики России. Отметим, что данные приоритеты по большей части отражают национальные интересы, их связанность с региональным уровнем важна [13], и определяют направления дальнейших исследований.

Выводы

Развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в промышленности является ключевым условием для успешной реиндустриализации российской экономики. Во-первых, эти технологии способствуют ускоренному развитию отраслей, в которых доминируют третьи и четвертые технологические уклады. Во-вторых, в условиях дефицита рабочей силы ИИ может заменить человека в выполнении рутинных операций, что позволяет компенсировать недостаток кадров. Результаты анализа российской сферы искусственного интеллекта на основе теории стратегии и методологии стратегирования В. Л. Квинта позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

Технологии генеративного ИИ, являясь ключевым трендом среди таких технологий, повышают эффективность рабочих процессов за счет автоматизации элементарных и трудоемких задач, освобождая время для решения творческих и интеллектуальных задач. В долгосрочной перспективе эти технологии могут способствовать «автоматизации науки» и обеспечению непрерывного потока инноваций.

Кадровое обеспечение является основополагающим фактором в процессе внедрения и разработки ИИ. Исследования показали, что именно квалифицированные специалисты играют решающую роль в развитии ИИ-технологий. Подготовка кадров включает не только обучение разработчиков, но и пользователей, которые будут взаимодействовать с ИИ-продуктами. Данный тезис подчеркивает потребность в стратегии кадрового обеспечения, о которой не один раз писала И. В. Новикова [18].

Технологии ИИ также имеют потенциал для стимулирования рациональных моделей производства, способствуя как оптимизации производственных процессов, так и более рациональному потреблению их результатов.

Популяризация ИИ-продуктов ускоряет их распространение как в промышленной, так и в бытовой сферах. Это не только стимулирует спрос на ИИ-технологии, но и меняет социальные и экономические отношения, способствуя их более активному внедрению в повседневную жизнь.

Приведенные в исследовании результаты могут быть использованы в качестве основы при стратегировании искусственного интеллекта.

Литература

1. *Аверьянов А. О., Шабаева С. В.* Стратегическое развитие сферы искусственного интеллекта: российский и зарубежный опыт // *Экономическое возрождение России*. 2023. № 4 (78). С. 108–122. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-4-78-108-122>
2. *Аверьянов А. О., Гуртов В. А., Шабаева С. В.* Отраслевой аспект кадрового обеспечения стратегического развития сферы искусственного интеллекта. *Экономика промышленности*. 2024. № 17 (3). С. 279–290. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1316>
3. *Аверьянов А. О., Шабаева С. В.* Искусственный интеллект как инструмент стратегирования инновационного развития России // *Экономические стратегии*. 2024. № 3 (195). С. 50–59. <https://doi.org/10.33917/es-3.195.2024>
4. *Аганбегян А. Г.* Опыт зарубежных стран по ускоренному социально-экономическому росту и его возможное использование для России // *Стратегирование: теория и практика*. 2024. № 1 (4). С. 1–26. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26>
5. *Астапов К. Л.* О разработке инновационных стратегий устойчивого развития России // *Стратегирование: теория и практика*. 2023. № 4 (3). С. 403–415. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-4-403-415>
6. *Бодрунов С. Д.* А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия : сборник статей / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб. : ИНИР Санкт-Петербург, 2021. 388 с.
7. *Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А.* Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // *Управленческое консультирование*. 2018. № 2 (110). С. 43–54. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-2-43-54>
8. *Глазьев С. Ю.* Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // *AlterEconomics*. 2022. № 1 (19). С. 93–115. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>
9. *Гринев С. А., Квинт В. Л.* Формирование стратегических приоритетов промышленного развития РФ как инновационный фактор преодоления кризисных периодов // *Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics*. 2023. № 16 (3). С. 275–283. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-3-275-283>
10. *Гуртов В. А., Аверьянов А. О., Корзун Д. Ж., Смирнов Н. В.* Система классификации технологий в сфере искусственного интеллекта для кадрового прогнозирования // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. № 3 (15). С. 113–133. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.6>
11. *Журавлев Д. М., Чаадаев В. К.* Стратегические инструменты роста промышленного сектора экономики в условиях шестого большого цикла Кондратьева // *Экономика промышленности*. 2023. № 3 (16). С. 253–262. <https://doi.org/10.17073/2072-16332023-3-253-262>
12. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. Т. 2. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2020. 164 с. EDN: CDMВНК
13. *Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К.* Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // *Экономика и управление*. 2021. № 11 (27). С. 900–909. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>
14. *Квинт В. Л., Хворостяная А. С., Сасаев Н. И.* Авангардные технологии в процессе стратегирования // *Экономика и управление*. 2021. № 11 (26). С. 1170–1179. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>
15. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования / В. Л. Квинт. 2-е изд. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2022. 170 с. <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>
16. *Козырев А. А.* Исследуя методологические основы стратегирования социально-экономического развития. *Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics*. 2020. № 13 (4). С. 434–447. <https://doi.org/10.17073/2072-1634-2020-4-434-447>
17. *Новикова И. В.* Стратегирование развития трудовых ресурсов: основные элементы и этапы // *Стратегирование: теория и практика*. 2021. № 1. С. 57–65. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65>
18. *Новикова И. В.* Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике: монография / И. В. Новикова; под науч. ред. В. Л. Квинта. Кемерово : КемГУ, 2020. 256 с. <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2609-9>

19. Новикова И. В., Хворостяная А. С. Стратегическое развитие талантов предприятий креативной экономики // Управленческое консультирование. 2024. № 4. С. 136–145. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-4-136-145>
20. Сасаев Н. И. Анализ стратегического подхода к отраслевому развитию в России // Стратегирование: теория и практика. 2023. № 3 (3). С. 348–362. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-348-362>
21. Сасаев Н. И. Фундаментальная основа для формирования новой культуры стратегирования. Экономика промышленности / Russian Journal of Industrial Economics. 2021. № 14 (2). С. 153–163. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-2-153-163>
22. Сасаев Н. И. Стратегическая диагностика отрасли как объекта стратегирования // Управленческое консультирование. 2021. № 9 (153). С. 58–68. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-58-68>
23. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № (10). С. 46–63. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
24. Шамахов В. А., Кудряшов В. С., Хлутков А. Д. Принципы современного менеджмента в инновационной деятельности хозяйствующих субъектов // Управленческое консультирование. 2022. № 7. С. 50–65. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-50-65>
25. Шацкая И. В. Стратегические направления развития электронной отрасли промышленности России // Управленческое консультирование. 2024. № (4) С. 63–72. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-4-63-72>

Об авторе:

Аверьянов Александр Олегович, ведущий специалист Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Российская Федерация; aver@petrsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2884-8110>

References

1. Averyanov A. O., Shabaeva S. V. Strategic development of the artificial intelligence sphere: Russian and foreign experience // Economic revival of Russia. 2023. N 4 (78). P. 108–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-4-78-108-122>
2. Averyanov A. O., Gurtov V. A., Shabaeva S. V. The sectoral aspect of staffing for strategic development of the sphere of artificial intelligence. Russian Journal of Industrial Economics. 2024. N 17 (3). P. 279–290. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1316>
3. Averyanov A. O., Shabaeva S. V. *Iskusstvennyy intellekt kak instrument strategirovaniya innovatsionnogo razvitiya Rossii [Artificial Intelligence as a Tool for Strategizing Innovation Development of Russia]*. Ekonomicheskie strategii, 2024. N 3 (195). P. 50–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.33917/es-3.195.2024>
4. Aganbegyan A. G. Foreign Experience in Strategizing Accelerated Socio-Economic Development and Options for Its Application in Russia. Strategizing: Theory and Practice. 2024. N 4 (1). P. 1–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26>
5. Astapov K. L. Innovative Strategizing for Sustainable Development: Russian Patterns. Strategizing: Theory and Practice. 2023. N 3 (4). P. 403–415. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-4-403-415>
6. Bodrunov S. D. Collection: A(O)ntology of noonomics: the fourth technological revolution and its economic, social and humanitarian consequences. Saint Petersburg : INIR Saint Petersburg, 2021. 388 p.
7. Bodrunov S. D., Demidenko D. S., Plotnikov V. A. Reindustrialization and Formation of “Digital Economy”: Harmonization of Tendencies through Process of Innovative Development. Administrative Consulting. 2018. N 2 (110). P. 43–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-2-43-54>
8. Glazyev S. Yu. Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. AlterEconomics. 2022. N 19 (1). P. 93–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>
9. Grinev S. A., Kvint V. L. Formation of strategic priorities of industrial development of the Russian Federation as an innovative factor in overcoming crisis periods. Russian Journal of Industrial Economics. 2023. N 16 (3). P. 275–283. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-3-275-283>

10. *Gurtov V. A., Averyanov A. O., Korzun D. Zh., Smirnov N. V.* A system for classification of technologies in the field of artificial intelligence for personnel forecasting // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. N 15 (3). P. 113–133. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.3.81.6>
11. *Zhuravlev D. M., Chaadaev V. K.* Strategic instruments for the growth of the industrial sector of the economy in the conditions of the sixth big Kondratiev cycle. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2023. N 16 (3). P. 253–262. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-3-253-262>
12. *Kvint V. L.* The Concept of Strategizing. Vol. II. Saint Petersburg : NWIM of RANEPa, 2020. 164 p. (In Russ.). EDN: CDMBHK
13. *Kvint V. L., Novikova I. V., Alimuradov M. K.* Alignment of global and national interest with regional strategic priorities. *Economics and Management*. 2021. N 27 (11). P. 900–909. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-11-900-909>
14. *Kvint V. L., Khvorostyanaya A. S., Sasaev N. I.* Advanced Technologies in Strategizing. *Economics and Management*. 2020. N 26 (11). P. 1170–1179. (In Russ.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-11-1170-1179>
15. *Kvint V. L.* The Concept of Strategizing. 2nd ed. Kemerovo : Kemerovo State University. 2022. 170 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>
16. *Kozyrev A. A.* Study of methodological basis of strategizing of social and economic development. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2020. N 13 (4). P. 434–447. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1634-2020-4-434-447>
17. *Novikova I. V.* Strategizing of the Human Resources Development: Main Elements and Stages // *Strategizing: Theory and Practice*. 2021. N 1 (1). P. 57–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2021-1-1-57-65>
18. *Novikova I. V.* The Concept of Employment Strategy for the Digital Economy. Kemerovo : Kemerovo State University, 2020. 254 p. <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2609-9>
19. *Novikova I. V., Khvorostyanaya A. S.* Strategic Talent Development for Creative Economy Enterprises // *Administrative Consulting*. 2024. N (4). P. 136–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-4-136-145>
20. *Sasaev N. I.* Analysis of the Strategic Approach to Industrial Development in Russia // *Strategizing: Theory and Practice*. 2023. N 3 (3). P. 348–362. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-3-348-362/>
21. *Sasaev N. I.* Fundamental basis for the formation of a new strategizing culture // *Russian Journal of Industrial Economics*. 2021. N 14 (2). P. 153–163. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-2-153-163/>
22. *Sasaev N. I.* Strategic Diagnostics of the Industry as a Strategizing Object // *Administrative Consulting*. 2021. N 9. P. 58–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-58-68>
23. *Khalin V. G., Chernova G. V.* Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks // *Administrative Consulting*. 2018. N (10). P. 46–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
24. *Shamakhov V. A., Kudryashov V. S., Khlutkov A. D.* Principles of Modern Management in the Innovative Activity of Economic Entities // *Administrative Consulting*. 2022. N 7. P. 50–65. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-7-50-65>
25. *Shatskaya I. V.* The Strategic Directions for the Development of the Electronic Industry in Russia // *Administrative Consulting*. 2024. N (4). P. 63–72. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-4-63-72>

About the author:

Aleksandr O. Averyanov, Leading Specialist of the Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation; aver@petsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2884-8110>

Публикации журнала «Управленческое консультирование» в 2024 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

К юбилею В. Л. Квинта	№ 1, с. 8
<i>Полтавченко Г. С.</i> Роль России в поддержании мирового равновесия: исторические факты и современные реалии	№ 4, с. 9
<i>Хлутков А. Д.</i> Внешние факторы в национальной модели управления	№ 2, с. 8
<i>Хлутков А. Д.</i> Публичная власть и эффективность управления на этапе 2024 г.	№ 3, с. 8
<i>Хлутков А. Д.</i> Свобода выбора и общественные потребности в современной российской высшей школе	№ 4, с. 8
<i>Хлутков А. Д.</i> Несколько замечаний к верификации категории «комплексные, системные реформы» применительно к 2025 году	№ 5, с. 8
<i>Хлутков А. Д.</i> Несколько замечаний к верификации категории «комплексные, системные реформы» применительно к 2025 году	№ 6, с. 8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

<i>Кугай А. И.</i> Глава муниципальной администрации: векторы лидерского влияния	№ 1, с. 10
<i>Семенов В. А., Ерешкин В. В.</i> Самостоятельность местного самоуправления в Санкт-Петербурге	№ 2, с. 9

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

<i>Астахова О. А., Гриднев В. П.</i> Актуальные проблемы и перспективы развития государственных контрольных (надзорных) органов в России	№ 3, с. 43
<i>Бурда М. А.</i> Государственная миграционная политика: определение критериев эффективности в государстве-реципиенте	№ 2, с. 50
<i>Евстафьев Д. Г.</i> Глобальная геоэкономическая архитектура: предопределенность кризиса и вектор трансформаций	№ 2, с. 32
<i>Забарин А. В.</i> Психология сетевой толпы как субъекта политического экстремизма	№ 1, с. 23
<i>Муратов А. В., Фридман М. Ф.</i> Институционализация политического лидерства: предмет, проблемы и перспективы	№ 3, с. 9
<i>Мусаев А. И., Ахмед З. М. С., Шихиев З. Ф.</i> Конфликтологическое прочтение концепции дерискинга американо-китайских торговых отношений	№ 3, с. 51

- Хлопов О. А. Четырехсторонний диалог по обеспечению безопасности (QUAD) в Индо-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы № 3, с. 20
- Шевченко Е. С. Межинституциональное взаимодействие главы государства и Конгресса США: исторический контекст и современные особенности № 3, с. 33

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- Власюк Л. И., Елчян А. Н. Обоснование стратегических приоритетов инвестиционного развития Республики Армения № 2, с. 72
- Власюк Л. И., Новиков А. П. Стратегические возможности перехода к цифровым технологиям в регионах России № 3, с. 106
- Гамидуллаева Л. А., Грошева Е. С. Экосистемный подход к сбалансированному территориальному развитию № 1, с. 144
- Гурьянов А. В., Плотников В. А., Юсуфова А. М. Система внутреннего контроля предприятия как инструмент обеспечения экономической безопасности № 1, с. 74
- Елсуков М. Ю., Москаленко В. Н. Развитие подходов к реализации региональной политики в России № 3, с. 86
- Жиряева Е. В., Мурина В. И., Шандакова И. Л. Меры торговой политики военного времени в сопоставлении исторических периодов Первой мировой войны и специальной военной операции № 1, с. 109
- Комелова А. Ю. Предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы и терминологии института уполномоченного экономического оператора № 1, с. 163
- Конюховский П. В., Яковлева А. В. Количественные методы оценивания долговременных карьерных установок субъектов современного общества («Модель траектории жизни») № 1, с. 53
- Куклина Е. А., Пальчик А. Д. Нефтегазовый сектор России в проекции современных трансформационных трендов № 2, с. 108
- Курзенев В. А., Перекрест В. Т. Контекстный нелинейный типологический анализ как инструмент формирования и реализации региональной экономической политики № 1, с. 96
- Лосев Е. А. Анализ взаимосвязи инновационного потенциала и уровня развития инновационной инфраструктуры № 3, с. 97
- Максимцев И. А., Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Потеря связи — потеря управления. К вопросу об экономических и политических итогах 2023 года № 1, с. 46
- Манаева И. В., Швецова А. А., Канищева А. В. Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономику регионов России № 1, с. 129
- Мисько О. Н., Елацков А. Б., Москаленко В. Н. Оценка обеспеченности социальной инфраструктурой как инструмент реализации социально-экономической политики региона № 2, с. 126
- Новикова И. В., Самойбекова З. К. Современные технологии стратегического управления персоналом в условиях инновационного развития предпринимательских структур № 1, с. 84
- Сафина С. С., Артамонова О. С. Опыт Вьетнама в формировании и развитии специальных экономических зон № 3, с. 118

<i>Тогузаев Т. Х., Калицкая В. В., Рыкалина О. А., Сабанчиев А. Х.</i> Вероятностно-статистический подход к оценке эффективности управленческих решений	№ 2, с. 59
<i>Халин В. Г., Чернова Г. В., Калайда С. А.</i> Риски цифровизации и управление ими	№ 3, с. 67
<i>Шацкая И.В.</i> Стратегические направления развития электронной отрасли промышленности России	№ 3, с. 131
<i>Юрков А. В., Бабаева Ж. Р.</i> ESG-рейтинги: непараметрические методы построения	№ 2, с. 92

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

<i>Андриенко А. В., Павлова Т. А.</i> Оценка качества процессов образовательной деятельности	№ 3, с. 154
<i>Богатырев И. С., Цацулин А. Н.</i> Еще раз о проблемах сохранения объектов недвижимого культурного наследия с позиций коллективного и индивидуального потребительского восприятия	№ 1, с. 174
<i>Кашина М. А., Васильева В. А., Ткач С.</i> Социологическая концептуализация понятия «драйвер» в контексте развития социогуманитарных исследований в российских университетах	№ 3, с. 162
<i>Лапыгин Ю. Н., Глебов Г. Е.</i> Перспективы формирования образовательной экосистемы	№ 2, с. 148
<i>Ломтева Е.В., Бедарева Л. Ю.</i> Территориальная доступность региональных систем среднего профессионального образования	№ 1, с. 194
<i>Мельникова И. Ю., Попов Д. Г., Новик Д. Г.</i> Особенности формирования системных вызовов на рынке высококвалифицированного труда	№ 2, с. 179
<i>Полянская С. В., Ульзетуева Д. Д.</i> Анализ состояния автомобильных дорог регионального значения Российской Федерации	№ 2, с. 160
<i>Сафина С. С., Адаева Д. А.</i> Основные проблемы функционирования рынка недвижимости в Республике Корея	№ 1, с. 205
<i>Хлобыстова А. О., Абрамов М. В., Тулупьева Т. В.</i> Категоризация профессиональных предпочтений в IT-сфере	№ 3, с. 141

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Авданин В. В., Лушин А. И.</i> Энергоснабжение Ленинграда перед блокадой города: просчеты планирования и их последствия	№ 2, с. 190
--	-------------

A LINEA

<i>Аверьянов А. О.</i> Управление развитием искусственного интеллекта в России через призму теории и методологии стратегирования	№ 6, с. 240
<i>Агафонов А. В.</i> Развитие государственной поддержки молодежного политического лидерства: современные вызовы и перспективы	№ 4, с. 158
<i>Беда А. А.</i> Внешнеэкономические аспекты обеспечения экономической безопасности	№ 4, с. 146
<i>Векшин В. О.</i> Политическое участие молодежи Санкт-Петербурга на примере протестной деятельности	№ 3, с. 179
<i>Виноградов А. Э.</i> Анализ социологических концепций института наставничества	№ 3, с. 197

- Воронков В. В.* Цифровой брендинг как инструмент публичной дипломатии группы стран DACH № 1, с. 219
- Герелишин Р. И.* Анализ влияния стратегических трендов: методологический аспект и применение на региональном уровне № 2, с. 198
- Межевич А. Н., Ситов И. П.* Современные задачи Союзного государства и проблемы приграничной торговли России и Беларуси в общей управленческой иерархии № 5, с. 244
- Павлюкевич Е. Д.* Преодоление неопределенности: адаптивные стратегии для успеха стартапов ранних стадий развития на динамичных рынках № 4, с. 172
- Панфилов Г. О., Чугунов А. В.* Централизация системы электронного гражданского участия в Российской Федерации: данные экспертных интервью № 5, с. 253
- Савельчев Л. А.* Нормативно-правовые основы международной деятельности субгосударственных парламентов: кейс парламента Санкт-Петербурга № 2, с. 215

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Бახлов И. В., Рубцов С. Н.* Рецензия на монографию «„Великое десятилетие“ Н. С. Хрущева: попытка модернизации» № 2, с. 230
- Бесчасная А. А., Тюрина Ю. А.* «Детство в современной России»: взгляд экспертов на детские проблемы (по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Детство в современной России: проблемы, политика, перспективы») № 3, с. 213
- Горбатова Н. В.* Солдаты слова в битве за Родину. О книге А. Ф. Измайлова «Солдаты слова в битве за Родину: Писатели на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» № 4, с. 182
- Ломакина Н. В.* Рецензия на монографию «Стратегирование туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России» № 5, с. 265
- Макаров В. Л., Бахтизин А. Р.* Рецензия на монографию Д. М. Журавлева «Стратегирование цифровой трансформации сложных социально-экономических систем» № 5, с. 270
- Новикова И. В., Чаадаев В. К.* Рецензия на монографию «Стратегирование цифровой трансформации сложных социально-экономических систем» № 4, с. 184
- Степанов А. В.* О книге А. Ф. Измайлова «Востребованный временем. Очерки о Г. В. Романове (1923–2008), советском партийном и государственном деятеле» № 3, с. 211
- Шмельёва Н. В.* Рецензия на учебное пособие И. В. Новиковой «Стратегическое управление трудовыми ресурсами» № 3, с. 209

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Васильева Е. И., Орфонидий А. В.* Роль университетов в развитии «умных городов»: зарубежный и российский опыт № 5, с. 23
- Елсуков М. Ю., Кириллова Н. Н.* Методическое обеспечение разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований в России № 6, с. 18

<i>Куклина Е. А.</i> Перезагрузка магистратуры в обновляемой системе высшего образования: управленческий трек	№ 5, с. 9
<i>Сергеевнин С. Л., Алехина И. С., Соловьева А. К.</i> Принцип доступности государственных и муниципальных услуг: правовое регулирование и реализация	№ 5, с. 38
<i>Хлутков А. Д., Межевич Н. М.</i> «Новая география» российского Северо-Запада — внешние вызовы для управленческих практик	№ 6, с. 9
<i>Шумилов М. М.</i> Зангезурский и Южно-Аразский транспортные проекты: проблемы реализации в контексте отношений Армении, Ирана и Азербайджана	№ 4, с. 21

ИССЛЕДОВАНИЯ, СТРАТЕГИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

<i>Бойко И. В.</i> Методологические принципы пространственного развития экономики	№ 6, с. 29
<i>Вареник М. С.</i> Международное научно-техническое сотрудничество в стратегическом развитии регионов России	№ 5, с. 66
<i>Власюк Л. И., Ломадзе И. С.</i> Цифровые технологии как стратегический фактор регионального развития	№ 4, с. 73
<i>Гамидуллаева Л. А.</i> Реализация научно-технологического потенциала территории через межрегиональную интеграцию на основе подхода «умной» специализации	№ 5, с. 80
<i>Егорова Н. Ю., Мигунова А. В., Рыбкина А. В.</i> Границы семейного благополучия в фокусе практики социальной работы	№ 6, с. 87
<i>Казанин А. Г.</i> Проблемы освоения арктических углеводородов в условиях современных глобальных вызовов: потенциал развития и отраслевые стратегии	№ 5, с. 109
<i>Маслюк Н. А., Медведева Н. В.</i> Международные территории опережающего развития как новый источник инвестиционных возможностей	№ 5, с. 97
<i>Морозова Ю. А.</i> Уровни комплексной оценки медико-экономической эффективности здравоохранения при стратегировании отрасли	№ 4, с. 47
<i>Невьянцева Л. С.</i> Оценка качества региональной инвестиционной среды в контексте обеспечения технологического суверенитета экономики	№ 4, с. 86
<i>Печерица Е. В., Оробченко Д. М.</i> Проблемы методологии оценки теневой экономики	№ 6, с. 42
<i>Румянцева С. Т.</i> Сфера культуры в системе стратегического планирования социально-экономического развития региона	№ 6, с. 73
<i>Серегина А. А.</i> Проблемы достижения и основные принципы реализации справедливого энергетического перехода в контексте обеспечения энергетической безопасности	№ 6, с. 63
<i>Шацкая И. В.</i> Стратегические направления развития электронной отрасли промышленности России	№ 4, с. 63
<i>Ягунова Н. А.</i> Специфика обеспечения экономической безопасности России в условиях санкционного давления	№ 5, с. 57

ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Бахлова О. В., Макшаева Е. Н.* Тема волонтерства в политическом дискурсе (по материалам официальных сайтов Президента России и парламентских партий) № 6, с. 99
- Голубенко Д. А.* Технологии формирования политического имиджа правящей парламентской партии в социальных сетях и блогах на примере политической партии «Единая Россия» № 4, с. 104
- Нгуен Дык Кьонг, Ты Тхи Тхоа.* Реформирование политической системы как необходимое условие обеспечения политической стабильности в современном Вьетнаме № 6, с. 114
- Ращиков А. А.* Государственные инструменты протекционизма в российской промышленной политике: теория и практика № 6, с. 128
- Стародубцев В. С.* Разработка системы управления фокусным предприятием в цепи создания ценности № 5, с. 132
- Сунами А. Н., Мусаев А. И.* Проблема предвзятости нейросетей: конфликтные и этические вызовы № 5, с. 150
- Цыбаков Д. Л., Саломатина А. А.* Новые направления и каналы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции № 5, с. 123

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

- Абудемалеке А., Чхотуа И. З.* Стратегические возможности российско-китайского сотрудничества в сфере туризма в условиях реализации крупных трансграничных проектов № 5, с. 168
- Александров В. Б.* Идея целостности социального бытия в русской религиозной философии № 5, с. 159
- Богатырев И. С., Цацулин А. Н.* Экономический подход к анализу субстрата человеческого фактора и измерению рисков его образующих № 6, с. 153
- Веселова Д. Н.* Сотрудничество России и Индии в Арктической зоне Российской Федерации № 5, с. 208
- Дволучанский И. В.* Социокультурный фактор влияния на формирование идей научной организации труда в работах Алексея Гастева № 4, с. 116
- Забарин А. В., Марченко Г. В.* Когнитивная безопасность: современные угрозы обществу и их нейтрализация № 5, с. 197
- Захаркина Т. Н., Янак А. Л.* Категоризация семейных услуг в российском сегменте онлайн-пространства (на примере аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте») № 6, с. 219
- Ким М. Н.* Специфика подготовки конвергентных журналистов в рамках студенческих СМИ № 4, с. 125
- Котов А. И., Полянская С. В., Ульзетуева Д. Д.* Изменение влияния экономических факторов на образование в Российской Федерации за 2000–2022 гг. № 6, с. 203

<i>Новикова И. В., Хворостяная А. С.</i> Стратегическое развитие талантов предприятий креативной экономики	№ 4, с. 137
<i>Пряникова А. А.</i> Деятельность международных институтов по обеспечению продовольственной безопасности	№ 6, с. 138
<i>Семенова Г. П.</i> Русский язык в сфере государственной службы: проблемы освоения и употребления заимствованной лексики	№ 5, с. 184
<i>Сосновская А. М., Левина С. А.</i> Акторы политической социализации молодежи	№ 5, с. 228
<i>Холдоенко А. М.</i> Продовольственное обеспечение и продовольственная безопасность населения стран мира в условиях изменения мирового порядка: управленческие аспекты	№ 6, с. 196
<i>Чистяков А. В.</i> Протурецкие исламские организации во Франции как инструмент «мягкой силы» Турецкой Республики	№ 6, с. 229
<i>Шумилов М. М.</i> МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски. Часть 1	№ 6, с. 176

2024. № 6(186)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 28.12.2024.

Подписано к печати 31.12.2024.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,12. Тираж 50 экз.

Заказ № 6/24.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-72